

М 9
К 66

Коркина СЛОБОДА

краеведческий альманах

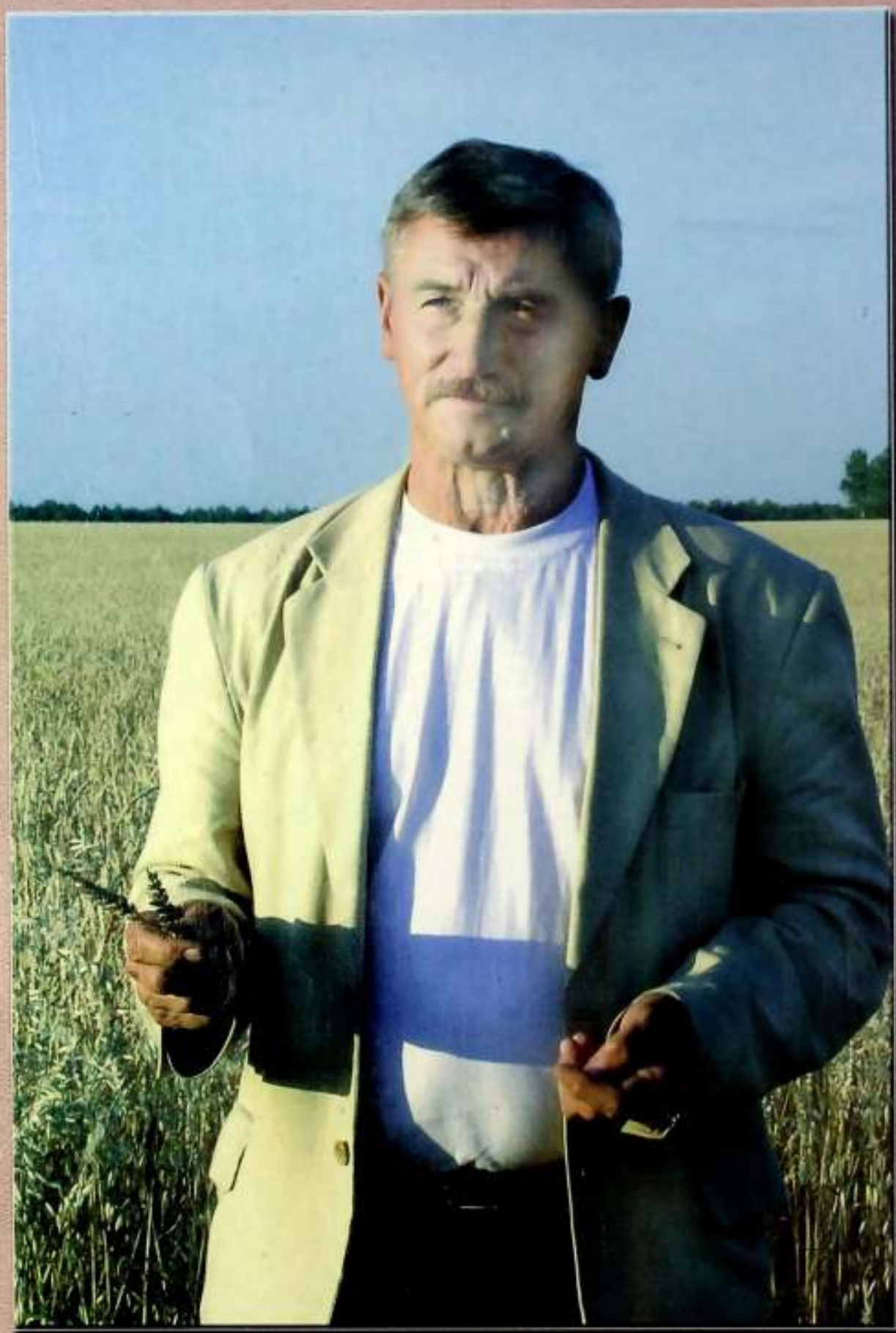

ЛАРИХА

Выпуск восьмой

Ишим - 2006

К статье Г.А. Крамора
«Спасение страны - в самоорганизации русского народа...»

Народный художник России, скульптор
Вячеслав Михайлович Клыков.
Ишим, 8 августа 2004.
Фото автора.

Администрация г. Ишима
Литературный музей П.П.Ершова в г.Ишиме
Ишимский государственный педагогический институт
им.П.П.Ершова

49
166

Коркина Слобода

Краеведческий альманах

Выпуск восьмой

Проверка фонда
2010 г.

915018
ав.с

Автономная некоммерческая
организация **Ишим - 2006**
городской Центральной библиотеки
«Библиотечная система»

ББК 63.3 (253.3)
К 66
УДК 908.571.12

Альманах «Коркина слобода» -
лауреат фестиваля «Тюменская пресса-2006»
в номинации «Журнальный проект года».

Приносим искреннюю благодарность за финансовую поддержку в издании альманаха депутату Тюменской областной Думы, главе г. Ишима Виктору Александровичу Рейну.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ишимского государственного педагогического института им. П.П.Ершова.

Редакционная коллегия:

Т.П. Савченкова (главный редактор)
Н.П. Кузовкова
Н.Л. Проскурякова
Г.А. Крамор

Общественный редакционный совет:

В.Б. Белоусов
Е.М. Бочкарёва
Л.В. Ведерникова
И.Ф. Кнапик
Г.П. Кузурманов
П.И. Николаец
А.К. Омельчук
Л.А. Сарафанникова
М.В. Тимергазеев
Л.М. Тиховская

Благодарим Ишимский городской историко-краеведческий музей за любезно предоставленные фотоматериалы.

К 66

Коркина слобода: Краеведческий альманах. Выпуск 8. - Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П.Ершова, 2006. - 168 с.

Восьмой выпуск "Коркиной слободы" включает в себя статьи, очерки, мемуары, фотоматериалы, относящиеся к истории Ишима и Приишимья. Номер посвящён 85-летию крупнейшего в Советской России Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года. Альманах адресован широкому кругу читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ ПРИИШИМЬЯ

*На первой
стр.
обложки:
Фрагмент
настенной
росписи
«1921 год».
Масло. 2001.
Художник
Рудольф
Симанов.
ИКМ.*

*На второй
стр.
обложки:
Вячеслав
Михайлович
Клыков,
автор
памятника
Прасковье
Луполовой
в г.Ишиме.*

*На
третьей
стр.
обложки:
Ишимский
художник
Николай
Шутов.*

5

Т.П. Савченкова
Александр фон Гумбольдт
в Ишиме: правда или вымысел?

12

Н.Ю. Толстых
Возникновение церковных
школ для крестьян
в Тобольской епархии

25

А.Г. Кутырёв
Легенды ишимских подземелий

32

Н.Л. Проскурякова
Колючий январь
двадцать первого

49

А.Г. Стучебров
Команда «От хвоста!»

КУЛЬТУРА КРАЯ

52

А.И. Васильев
Моя дорога на Ишим

56

Г.А. Крамор
Обретённая святыня из села
Прокуткинского

67

У.Н. Киричук
«Он врата распахнул
пред закатом...»
Кротовская церковь в воспоминаниях
старожилов

70

Епископ Евтихий
На стезе церковного служения

ЛИКИ
ПРОШЛОГО
И НАСТОЯЩЕГО

97 Н.Н. Скареднова
Герасим Пищик, командир отряда ЧОН

100 И.В. Курышев
Командующий Сибирским фронтом
Владимир Родин

108 М.А. Еливанова, Н.К. Метелёва
Учительница Мария Гавриловна Канахина

114 В.М. Лузина
Простив родной стране обиду...
Герой Советского Союза Николай Фёдоров

116 О.Н. Самсонова
Министр культуры
Юрий Серафимович Мелентьев

120 Г.А. Крамор
«Спасение страны - в самоорганизации
русского народа...»
Памяти Вячеслава Клыкова

МУЗЕЙ
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ 124 В.К. Афанасьев
Музей локомотивного депо

ЖУРНАЛЫ
И ГАЗЕТЫ ЛЕТ
МИНУВШИХ 128 «Серп и молот» за 1924 год -
о крестьянском восстании

ПЫТЛИВЫЙ
ПОСОХ
СТРАННИКА 132 О.А. Ожгибесова
Пропавшая экспедиция,
или Сафари на Вагайских болотах

СТРАНИЦЫ
МЕМОАРОВ 139 Т.А. Сивиллова
Успокойся, моя память

ВКРАТЦЕ
ОБ АВТОРАХ 167

История и краеведение Приишимья

Т.П. САВЧЕНКОВА

Александр фон Гумбольдт в Ишиме: правда или вымысел?

Я давно размышляла над вопросом о возможном посещении Александром Гумбольдтом нашего города, но побудительным моментом для работы над статьёй по данной теме стал приезд в Ишим 26 сентября 2004 года участников российско-германской экспедиции «По следам Александра Гумбольдта в Тюменской области», приуроченный к 175-летию путешествия знаменитого учёного по России. Организаторы экспедиции – Андреас Фёрстер, председатель Немецкой Ассоциации выпускников и друзей Московского университета им. М.В. Ломоносова (ДАМУ), доктор из Берлина и Дмитрий Михайлович Марьянских – доцент кафедры социально-экономической географии и природопользования эколого-географического факультета Тюменского университета, на встрече в краеведческом музее обратились к интересующей меня проблеме.

В ходе дискуссии, в которой принимала участие и профессор Берлин-Бранденбургской академии наук, доктор Роза-Луиза Винклер, представившая мне статью на немецком языке польского историка культуры Кшиштофа Зельницы «Ещё раз об ишимском эпизоде русско-сибирской поездки Александра фон Гумбольдта в 1829 году», достаточно отчётливо определился первоисточник истории об известном учёном в маленьком сибирском городе.

В 1829 году Александр фон Гумбольдт по приглашению императора Николая I и министра финансов Георга фон Канкрин совершает научную экспедицию в Россию. Его спутниками были биолог Христиан Готфрид Эренберг и минералог Густав Розе. Маршрут экспедиции определялся заранее и предполагал осмотр рудников и металлургических заводов Урала и Сибири. Выехав из Берлина 12 апреля, путешественники через Прибалтику прибывают в Санкт-

Петербург, а затем через Москву и Пермь на Урал. Достигнув Екатеринбурга, Гумбольдт и его спутники меняют заданный маршрут и добираются до города Богословска, ставшего самым северным пунктом путешествия. По возвращении в уральскую столицу они отправляются через Тюмень в Тобольск, предполагавшийся конечным восточным пунктом маршрута. Однако Гумбольдт решил не возвращаться, а продолжать путешествие и посетить Алтай. Через Тару, Каинск и Барнаул он отправился в горы, затем через Усть-Каменогорск в Баты, почти к самой китайской границе. Южный вектор путешествия Гумбольдта проходил через Семипалатинск, Ямышевск, Омск, Лебяжью, Петропавловск, Зеериноголовскую и т.д.

Перечень этих населённых пунктов не включает Ишима. Этот город, как место остановки путешественников, не фигурирует и в отчёте экспедиции, составленном Г. Розе.

Описывая отрезок пути от Тобольска до Тары, Розе отмечает: «Вся местность между Тобольском и Барнаулом – это преимущественно степи, которые хотя и пересекаются отдельными большими дорогами, на которых от станции к станции расположены деревни, но между ними преимущественно безлюдно и нет поселений. Главной дорогой является та, которая идёт через города Тара и Каинск на Томск и оттуда на Иркутск; отсюда в самом начале отходит также другая дорога – через Ишим на Петропавловск и на Ишимскую линию, откуда она следует через Тюкалинск на Омск и Иртышскую линию и по другой стороне через Каинск на Барнаул и Алтай. Мы выбрали вторую. (...) В Абалаке нас покинул наш тобольский друг генерал Вельяминов, передав нас своему адъютанту – господину Ермолову, приятному молодому человеку, племяннику знаменитого генерала Ермолова, который по распоряжению генерал-губернатора должен был сопровождать нас дальше до

границ своего губернаторства. Сразу за монастырём путь покидал Иртыш, описывал значительную вытянутую на юго-запад дугу, и снова достигал Иртыша, который образовывал словно тетиву этого лука, только за одну станцию до окружного города Тары. Мы сели за монастырём на паром через Иртыш, достигли реки Вагай, левого притока реки Иртыш, текущего с юга, и проследовали вдоль этой реки до деревни Истяцкой, пятой станции от Тобольска. Отсюда взяли мы юго-восточное направление, примерно параллельное Иртышу и достигли после обеда 25 июля реки Ишим, следующего за Тоболом крупного притока Иртыша, который у деревни Викуловой, где мы его достигли, течёт между крутыми обрывистыми берегами, и прибыли ночью на маленькую реку Аев. Оттуда дорога, вновь приняв северо-восточное направление, проследовала вдоль этой реки, впадающей на полпути до города Тары в Иртыш¹.

Из отчёта видно, что маршрут экспедиции проходил севернее, а по её возвращении – южнее города Ишима. Обладая этими сведениями, обратимся к эпизоду «пробытия» Александра Гумбольдта в Ишиме. Несмотря на свою недостоверность, рассказ об остановке немецкого учёного в маленьком сибирском городке вошёл в заблуждение многих учёных, журналистов, краеведов и уже по этой причине должен быть исследован и аргументированно опровергнут. Сама же история возникновения и распространения данного «апокрифа» в XIX–XX вв. весьма любопытна.

В мае 1874 года поэт Яков Петрович Полонский отправляет в журнал «Русская старина» заметку «Гумбольдт в Сибири в 1829 г.», которая по неизвестной причине была опубликована только в 1889 году². В ней излагалась следующая история: «Гумбольдт прибыл в Ишим (Тобольской губ.) для астрономических наблюдений и от ишимского городничего г. Стотчена (Stozin) тогдашний сибирский генерал-губернатор получил следующее донесение:

«Несколько дней тому назад прибыл сюда немец, по имени Гумбольдт, худой, невысокого роста, на вид ничего не значущий, но важный, и при этом он был снабжён письмом ко мне от вашего высокопревосходительства, в котором вы приказываете мне обращаться с ним вежливо и с воздержанием. Я же, хотя и принял его с достойным уважением, но всё-таки должен заметить, что личность эта кажется мне подозрительною и весьма опасною.

С самого начала он мне не понравился. Слишком много болтает и пренебрег моим гостеприимством, несмотря на то, что повар мой Ферлизи (Ferlisa) печёт такие великолепные пироги, что я даже имел счастье пирогами моими угощать ваше превосходительство, а он, по видимому, пренебрег и мною и моим угощени-

*Александр фон Гумбольдт. Около 1835.
Художник Генри Леманнитем.
С веб-сайта art.com.*

ем. При всём том, явно не почтив своим вниманием высшие официальные лица в городе, вступил в разговоры с поляками и другими политическими преступниками, находящимися у меня под надзором.

Осмеливаюсь донести вашему высокопревосходительству, что подобные разговоры с политическими преступниками не ускользают от моего внимания, особливо с той поры, как после продолжительных с ними переговоров, ночью, ушёл он с ними же на вершину одного холма, господствующего над городом. Туда притащили они какой-то ящик и вынули из ящика инструмент, имеющий вид длинной трубы, которая и мне и всему обществу кажется пушкой. Утвердивши эту трубу на трёх ножках, он направил оную прямо на город и каждый из них стал к ней подходить и смотреть, верно ли она прицелилась.

Видя во всём этом великую опасность для города (так как весь он деревянный), я немедленно приказал гарнизону, состоящему из одного подпрапорщика и шести нижних чинов, идти к тому месту с заряженными ружьями, глаз не спускать с немца и следить за его штуками.

Если изменнические проделки этого человека оправдают мои подозрения, то мы положим животы наши за царя и святую Русь.

Посылая к вашему высокопревосходительству донесение это с экстренным курьером, испрашиваю дальнейших ваших распоряжений и пользуюсь случаем уверить вас в моей го-

товности повиноваться и в моей преданности царю и отечеству, как честный русский офицер, который уже двадцать лет как состоит на службе».

В 1957 году заметка из «Русской старины» была перепечатана Прокопием Захаровичем Засекиным (1906-1990) в газете «Тюменский комсомолец» под названием «Мятеж» в Ишиме³, а через несколько лет тем же корреспондентом – в «Тюменской правде» и журнале «Урал» с другими заголовками: «Донесение осла»⁴ и «Репорт самодура (историческая быль)»⁵. Оставляя без изменения событийную канву, автор усиливал гротесковость ситуации разнообразными подробностями, свидетельствующими о непроходимой глупости ишимского городничего.

Особенно показательна в этом отношении «историческая быль», в которой тюменский краевед предстаёт в роли небесталанного беллетриста, рисующего в традициях русской сатирической прозы колоритную картинку из жизни сибирского городка, но никак не историка, взыскующего правды. Приводим первую часть очерка П.З. Засекина:

«В степном захолустном городишке Ишиме, Тобольской губернии, творилось что-то невероятное. Назначенный городничим Сточен Евлампий Харитонович наводил порядки во вверенном ему городе.

Взяв бразды правления в свои руки, Евлампий Харитонович первым делом обратил своё дремлющее око на «высшее» общество Ишима, наложил контрибуцию на прасолов и купчишек. И Боже уласи, если забывчивый купчишка, нерасторопный прасол или тяжкодум салотопенного заводика не вносили определённую мзду новому градоначальнику мукой, окороком, мёдом, маслом и прочими съедобными и перерабатываемыми продуктами. Таких ждала неминуемая, страшная кара. Широко расставив ноги и упершись руками в бока, Сточен потцовски начинал с ноты «до» и доходил до «ля», распекая нарушителя порядка и спокойствия в городе.

Бывший екатеринбургский служака, прошедший по его словам, огонь и воду, любил читать провинившимся длиннейшие нравоучения о любви к Отечеству, к дворянству.

«Я дворянин. А дворянство есть столп Российской империи. Мне доверено охранять порядок и спокойствие в городе, а посему извольте, господа, подчиняться непреклонно. К нарушителям порядка я непременно применю свою законную, Богом данную власть. Что есть городничий? – спрашивал Сточен у вспотевшего купчишки. – Здесь я есть власть, здесь я закон!»

Согнав семь потов с провинившегося, Сточен приказывал своему денщику выпроводить

его за дверь и в назидание дать коленом под зад.

Не раз купчишки и заводчики писали слёзные прошения Тобольскому губернатору о злодействах и неблагонамеренных действиях Сточена, прося избавить их от ретивого служаки. В своих прошениях они указывали, что «городничий зловерден и жесток, лаёт нас неподобными словесами, накладывает на купчишек непомерную дань, бранит матерными словами каждого прохожего». Прощения горожан оставались гласом вопиющего в пустыне. Тобольский губернатор хранил гробовое молчание.

Свыкшись с действиями самодура и приняв как должное возмездие Бога за свои грехи, каждый старался внести своевременно свою лепту городничему, дабы избавиться от его отцовских наставлений. В день святого Евлампия, однокашника и покровителя Евлампия Харитоновича, городское общество преподносило последнему в знак благодарности за труды и попечение о городе отрез отменного сукнеца на фрак, а бывало, и добротного рысака, запряжённого в пролётку. Вот так и жил припеваючи ишимский городничий Сточен. На устах горожан появилось ласкательное словечко: «Чудак старикашка!» И старикашка выкидывал свои чудачества, как из рога изобилия. Старый солдат и вояка, Сточен любил прихвастнуть своею воинской мудростью. А посему каждое воскресенье при большом стечении народа приказывал подпрапорщику выгонять на учебный плац «многочисленный» гарнизон, состоявший из шести солдат, вооружённых допотопными ружьями.

После хохот и крик городских ребятишек и баб Сточен брал на себя командование гарнизоном и, поставив солдат во фронт, громко отчеканивал:

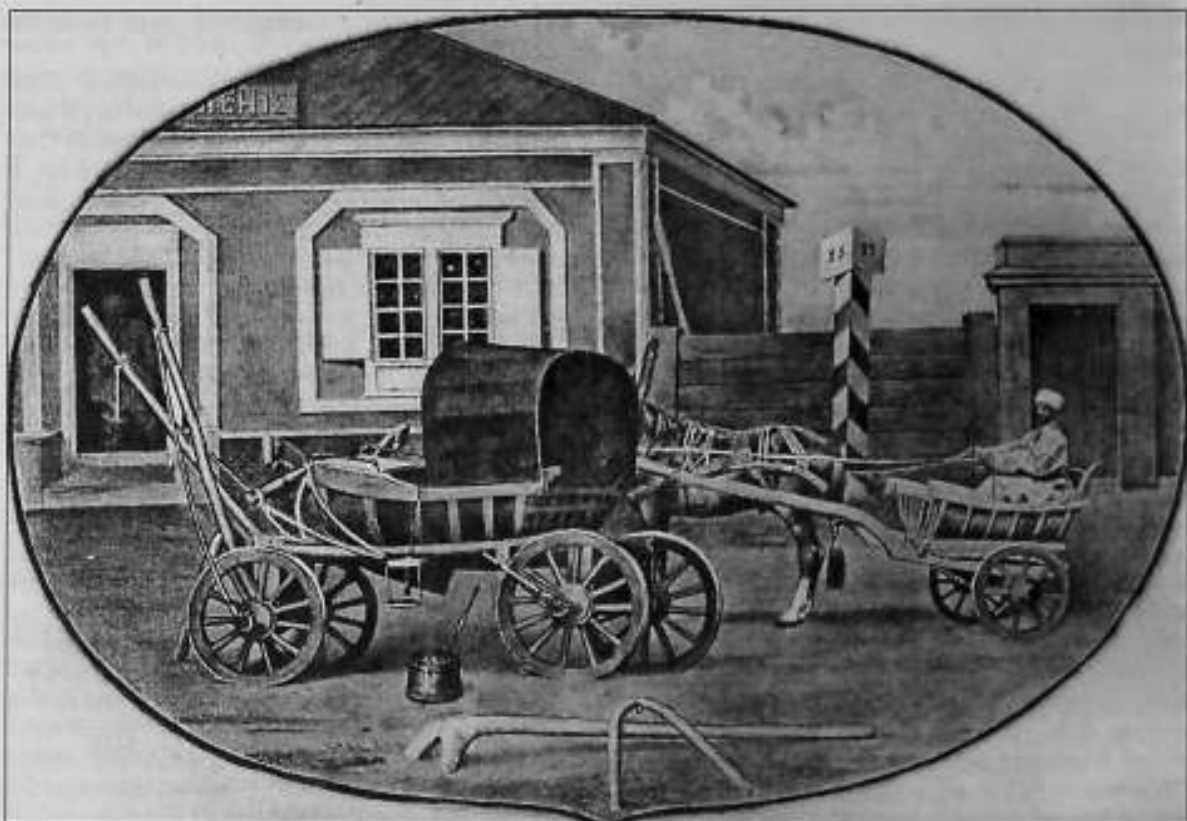
– Слушайте, ребята-молодцы! Таперь я буду командовать вами по воинскому уставу 1648 года, изданному в царствование нашего царя Алексея Михайловича. Знайте, мерзавцы, что я знаком со многими науками и воинскими артикулами.

После краткого вступления подавались команды:

– Фурни пясть на лопасть! Виль бухвальцом на сторожу! Торни к ноге дюжо! Грянь на землю ражо! Широки кверху! Положь на плечо могучо! Сними с могуча плеча!

Солдаты в поте лица исполняли приказания старого вояки. А Сточен, переходя на визг, орал:

– Открой пальцем корытце! Ударь по лопатице! Залупи покрывальцо! Вынимай бередейку с мякотицей! Торни меж ног! Вынь кривильцо с вострильцом! Брось по руке! Боком повернись! Ко мне передом! Повернись задом! Повернись передом! Численько вывернись! Шастай вдруг в толпу! Пясть назад! Тулься вперёд!

Сибирская почтовая станция. Сер. XIX в. Акварель. Художник М.С. Знаменский. ГИМ.

Уставший, но несказанно довольный, Сточен произносил последнюю самую любимую для солдат команду: «Ступайте, ребята, врозь!» Охая и прихрамывая, солдаты старались поскорей ретироваться от взора ряного полководца. Пронзительный крик и свист ребятишек ещё долго разносился над площадью и слышалась команда: «Торни к ноге джудо!», «Тулься вперёд!»

Однако не одними военными артикулами увлекался сей достопочтенный муж. Городничий Сточен, как и все сибиряки, был слишком гостеприимным и хлебосольным хозяином. Прожив на солдатских харчах 25 лет, Евлампий Харитонович чрезвычайно любил приготовления своего повара. Он был влюблён в сибирские отменные пельмени, в шаньги и пироги. И Боже упаси, если кто-нибудь из приглашённых отказывался прийти к нему в дом. Тому грозила большая немилость и даже служебная неприятность. Так произошло и в 1829 году.

Во второй части очерка П.З. Засекина дословно цитируется рапорт городничего из «Русской старины».

Последующие публикации Г. Щербакова⁶, А. Башкирова⁷, Н. Кузьминского⁸ основывались на всё той же общеизвестной истории и печатались без ссылок на Я.П. Полонского и с полным изъятием его комментариев, в которых указывалось, что рассказ о Гумбольдте в Сиби-

ри заимствован из польской газеты «Gazeta Narodowa» и переведён с польского на английский для газеты «Glasgow Weekly Herald», Glasgow, 1874, № 490. Не исключая существования документа о приезде Гумбольдта в Ишим, «может быть, случайно найденного в одном из сибирских архивов», а затем подвергнутого тройному переводу – на польский, английский и вновь на русский, Полонский обращает внимание на несообразность имён двух лиц этой истории. Он замечает, что фамилия главы города – Стотчен (Stozin) – «очень может быть переврана, как это часто случается в английских журналах», также как и имя его повара – Ферлиз (Ferlisa), образованное от Фетиса или Федьки.

Современным авторам, среди которых были ишимские краеведы и тюменский исследователь В.Е. Копылов⁹, эти ономастические казусы не представлялись странными, как и момент установки подзорной трубы на вершине холма, «господствующего над городом», – в Ишиме, расположенном на равнине.

Кто же был автором этой легенды и при каких исторических обстоятельствах она родилась? Ответить на этот вопрос во многом помогла статья этнолога и историка культуры из Вроцлавского университета Кшиштофа Зельницы¹⁰. В 1874 году польская «Gazeta Narodowa», выходившая в городе Львове, публикует замет-

ку под названием «Неизвестный эпизод из жизни Александра Гумбольдта»¹¹. Она представляла извлечение из мемуаров Константина Волицкого, найденных неким Йозефом Радоминским из Рапперсвиля (Швейцария). Через два года рукопись была опубликована Радоминским в полном виде и с его комментариями во Львове¹². «Воспоминания Константина Волицкого о пребывании в Варшавской крепости и Сибири» не переведены на русский язык и являются библиографической редкостью¹³. В этой книге отражены основные моменты биографии К. Волицкого. Дополненные сведениями из других источников, они позволяют представить его судьбу, характер, мировоззрение, а также круг его знакомых по сибирской ссылке¹⁴.

Константин Волицкий родился в 1805 году в Королевстве Польском, был музыкантом и композитором, принимал участие в Ноябрьском восстании 1830 года. В 1833 году оказывал помощь и способствовал бегству через прусскую границу участнику партизанского движения Й.Заливского – Каликте Божевскому, за что был арестован, заключён в Варшавскую цитадель и приговорён к сибирской ссылке с лишением всех прав дворянства. Отправленный в кандалах по этапу, он достиг Тобольска в августе 1834 года. Здесь генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов, знавший отца Волицкого, постарался смягчить ему наказание. По словам Волицкого, «...после освобождения Алябьева стало свободным место капельмейстера, а заброшенный оркестр приходил в упадок. Вельяминов предложил мне занять место капельмейстера под названием «вольнонаёмного учителя» с тем, чтобы у меня было право остаться в Тобольске. В то время это было очень трудно сделать, так как было постановление расселять польских ссыльных в отдалённые сибирские места и не более пяти человек в одном месте»¹⁵.

Капельмейстерскую деятельность Волицкий сочетает с преподавательской. Он учит музыке детей тобольской знати, бывая в семьях начальника штаба генерала Голофеева, председателя уголовного суда Кукуронова, генерал-коменданта де Герве. Среди тобольских знакомых Волицкого – поэт-декабрист Н. Чижов и учитель местной гимназии П. Ершов, прославившийся своей сказкой «Конёк-Горбунок», созданной в студенческие петербургские годы. В мае 1839 года в связи с переводом оркестра в Омск Волицкий оставляет Тобольск, а летом 1840 года, получив разрешение вернуться на родину, навсегда прощается с Сибирью. О его жизни и деятельности после ссылки ничего не известно. Умер Волицкий в 1863 году.

Обратимся к характеристике книги Волицкого с целью выявления степени достоверности изложенных в ней фактов. Она разделена на

двенадцать глав, составленных из ряда эпизодов новеллистического свойства. Многие из них имеют трагикомический оттенок и прозрачный политический подтекст. Например, история дворового щенка Ослика, спасённого и выпестованного польскими ссыльными и принявшего гибель от громадного жандармского пса. Или криминальный рассказ о глупом, пьяном дьяке, который перед заутренней зарезал в своём доме крестьянина, разбогатевшего после продажи муки, а затем и собственную дочь – свидетельницу убийства. История дьяка завершается авторским выводом о повсеместности у русских («москалей») обычая осенять себя святым крестом перед кражей и убийством или после совершения таковых, а также ссылкой на реальность этого случая, якобы зафиксированного в бумагах главного суда Тобольска, сохранившихся в местном архиве.

Антирусские настроения К. Волицкого отчётливо проявляются и в «Рассказе Ершова о царе Кучуме», включённом в одиннадцатую главу мемуаров: «Царь Кучум царствовал, миллионы татар заселяли эту землю; под благотворным правлением возрастали благосостояние и свобода. Но, подобно громоносной туче, вторглась с запада стая всадников. Ермак, пресыщенный убийствами и грабежами, собрал шайку негодяев и явился с ними на эту землю. Аллах наложил свою тяжёлую длань на Кучума, воины его разбежались, пожары уничтожили имущество, сам он стал бездомным, без приюта скитался по степям; в это время всадники добрались до места, где соединяется Тобол с Иртышом.

Быстро скачут ужасные разбойники вдоль Иртыша. Там, на горе, возвышающейся над Иртышом, стоял замок, в нём уже нет Кучума, но есть Сузге, его дочь, а с ней сто воинов, они с радостью отдадут свои жизни за княжну, спасут и сохранят её. Ермак пришёл в эти места и штурм замыслил; уже рушились валы и трещали ворота, вот-вот разбойник станет хозяином этой твердыни. Под вечер собирает Сузге воинов своих, приказывает посреди замка сложить костёр, а тёмной ночью отправляет воинов на другой берег Иртыша. После этого посылает она гонца к Ермаку, чтобы на рассвете отдать ему замок и себя. Едва заблистали первые лучи, нетерпеливый Ермак со своей дружиной устремился к замку. Тихо и безлюдно в нём... входит во внутренний двор и видит зажжённый костёр, а на нём девушку со стрелой в руке. «Получай, Ермак, меня и мой замок!» Сказав это, девушка выжила стрелу в своё сердце. Пламя охватило её всю, и огненная ладонь вознесла её душу к небу. От дымящегося пепелища уходил Ермак в страхе и ужасе. Вскоре, желая соединиться с одним из своих наместников, ожидавших его с частью войска и лодками, он, перепрыгивая с берега на корабль, упал в воду

Маршрут путешествия Гумбольдта по России в 1829 году. По статье К. Зельницы.

и погиб жалкой смертью в волнах Иртыша. Сибирский народ в предании своём увековечил память о княжне, а её именем освятил место, где стоял её замок» (с. 254-255).

Несоответствие этой «ершовской» легенды основному моменту сюжета и самой концепции поэмы П.П. Ершова «Сузге» бросается в глаза и заставляет усомниться в том, что именно в такой интерпретации она была услышана Волицким от поэта, который, как известно, в своём «сибирском предании» рассматривал завоевание и присоединение Сибири к России как значимое явление всей русской истории. Изображая Сузге, одну из жён сибирского хана, с большим сочувствием и восхищаясь её подвигом, Ершов в то же время проводил идею неизбежной гибели царства Кучума и завоевания сибирских земель Ермаком и его сподвижниками. В поэме «Сузге» Ермак и его атаманы – это не только очень храбрые, но и благородные воины, способные сочувствовать побеждённым. Покоривший крепость атаман Гроза почтительно обращается к Сузге со следующими словами:

*Будь спокойна ты, царица!
Мы казаки, а не звери,
Мы уважим царский сан.
Бог нам дал теперь победу,
Так грешно бы нам и стыдно,
Милость Бога презирая,
Обижать тебя, царица.*

Несложно догадаться, почему Волицкий искажил суть рассказа Ершова. С точки зрения

поляка, узнавшего тюрьму и кандалы, история освоения Сибири Россией читалась как несправедливый захват земель у исконных народов этих мест.

В свете вышесказанного рассмотрим и интересующий нас эпизод о Гумбольдте в Ишиме, который входит в последнюю главу воспоминаний и фактически является финальным «аккордом» всей книги. Эта глава, посвящённая отъезду Волицкого из Омска на родину и его короткому свиданию в Ишиме с находившимися там на поселении соотечественниками: Г. Зелинским, А. Янушкевичем, П. Чеплинским, М. Морачевским, столь же «мозаична» по содержанию, как и предыдущие. В неё входят фрагменты с подзаголовками: «Ураган», «Пожар», «Освобождение», «Храбрая кухарка», «Её история», «Мой концерт», «Прощание с музыкой», «Ишим», «Репорт городского о Гумбольдте».

В переводе с польского последний фрагмент предстаёт в следующем виде: «Покидая Ишим, хочу рассказать о его городничем. Это был грубо сколоченный, бочкообразный человек, на его лице, как на вывеске, отчётливо вырисовывалась глупость, которая так и светилась в телячьих глазах; о степени этой глупости можете судить сами.

Нижеописанный случай произошёл ещё до губернаторства генерала Сулимы, который очень хорошо ко мне относился. В один из вечеров пригласил он меня к себе; я застал его катающимся от смеха по дивану. Генерал дал мне бумагу, сказав, чтобы я сам её прочёл. Это было донесение

того самого ишимского городничего, относящееся ко времени путешествия по Сибири Гумбольдта с целью тригонометрических съёмок некоторых её мест. Вот этот рапорт, а по нему судите сами об авторе, так как я лишь верный переводчик этого документа и не хочу присвоить себе ни кусочка авторской славы» (с. 281-282).

Далее в мемуарах Волицкого цитируется само донесение (с. 283-286). Польский образец отличается от русского перевода некоторыми деталями. У Волицкого речь идёт о кухарке городничего по имени Ферлиза, о попытке главы Ишима угостить приезжего немца не только пирогами («с нельмой»), но и «превосходной наливкой из княженики», которой немец не только не попробовал, но ещё и «скривился весь от одного её вида». И, наконец, под донесением стоит подпись: «Скотин, городничий города Ишима». Эта «говорящая» фамилия, соответствующая художественному характеру всей книги Волицкого с многочисленными сатирическими эскападами, при переводе с польского на английский язык не была понята и предстала как «Stozin», а в русском переводе — как «Стотчен». В этом плане небезынтесной будет и ссылка на Адрес-календари Российской империи за 1822-1829 гг., которые свидетельствуют о том, что в данный период городничим Ишима был подпоручик Лука Трофимович Мищенко, имевший знак отличия — военный орден, а в 1840 году (приезд Волицкого в Ишим) городом управлял коллежский асессор Иван Петрович Зубарев.

Кшиштоф Зельница, обратившийся к первоисточнику легенды о глуловатом городничем, сомневался в факте пребывания Гумбольдта в Ишиме. Но наличие самого документа (рапорта Скотина) не отрицал, утверждая, что в мемуарах Волицкого отражались только достоверные события и истинные переживания автора. По мнению польского исследователя, Волицкий воссоздавал близкий к реальности случай, который имел место не в Ишиме, а в Тобольске, разделённом на верхнюю и нижнюю часть. С городской «возвышенности» и смотрел в телескоп немецкий учёный. И сам рапорт, каким бы курьёзным он ни казался, вполне мог иметь место в государстве, где все друг за другом следили. Зельница даже допускает возможность обнаружения этого документа в российских архивах.

Подобная точка зрения опровергается дневниковыми записками Г. Розе, в которых говорится о постоянной помощи и внимании к немцам путешественникам самого генерал-губернатора И.А. Вельяминова, что уже исключает какое-либо вмешательство в их дела нижестоящих чинов. Опровергают мнение Зельницы и мемуары самого Волицкого, в которых вымысел выдвигается за действительность с помощью ссылок на несуществующие архивные документы.

Таким образом, можно достаточно уверенно утверждать, что книга К. Волицкого, как первоисточник истории о Гумбольдте в Ишиме, при всей своей занимательности и правдоподобию некоторых картин сибирской жизни, в целом тенденциозна, достаточно далека от документального исследования и при возможной публикации нуждается в основательных комментариях. Это подтверждает эпизод о знаменитом немецком учёном в маленьком сибирском городке, представляющий авторскую мистификацию.

Выражаю благодарность доценту кафедры социально-экономической географии и природопользования Тюменского государственного университета Дмитрию Михайловичу Марьянских за предоставленный для работы над данной статьёй авторский перевод фрагмента 5 главы первого тома книги Г. Розе «Путешествие от Екатеринбурга до Алтая», а также доценту кафедры немецкого языка факультета иностранных языков ИГПИ им. П.П. Ершова Ирме Александровне Бангерт за помощь в переводе материалов на немецком языке.

Примечания

1 Rose G. Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meere von A. Humboldt, G. Ehrenberg und G. Rose. Bd. 1-2, 1837-1842. Bd.1. S.494-495. Перевод Д.М. Марьянских.

2 Русская старина. 1889. Т.64. № 11. С.412.

3 Засекин П.З. «Мятеж» в Ишиме // Тюменский комсомолец. 1957. 17 июля.

4 Засекин П.З. Донесение осле // Тюменская правда. 1963. 10 февраля.

5 Засекин П.З. Рапорт самодура (историческая быль). Урал. 1965. № 12.

6 Щербакоев Г. «Осмеливаюсь донести...» // Тюменская правда. 1971. 23 ноября.

7 Башкиров А. Гумбольдт в Ишиме // Тюменский комсомолец. 1977. 23 января.

8 Кузьминский Н. Донесение губернатору // Уральский следопыт. 1994. №4.

9 Копылов В.Е. Александр Фридрих Гумбольдт в Тюмени // Копылов В.Е. Окрик памяти: История Тюменского края глазами инженера: В 3 книгах. — Тюмень, 2002. — С. 19. В статье приводятся «новые» подробности посещения Гумбольдтом Ишима: наблюдение учёного и его спутников с помощью подзорной трубы прохождения Венеры по диску Солнца, штурм палатки вместе с её обитателями местным служкакой-градоначальником.

10 Zielnica Krzysztof. Noch zu der Jschim-Episode der russisch-sibirischen Reise Alexander von Humboldts im Jahre 1829. S.29-34. К сожалению, на первоисточник статьи из периодического издания «Humboldt-Forschung», переданной мне Розой-Луизой Винклер, не были указаны выходные данные сборника.

11 Nieznanly episod z zycia Aleksandra Humboldta // Gazeta Narodowa (Lemberg). 1874.

12 Wspomnienia Konstantego Wolickiego z czasow robytu w cytadeli warszawskiej i na Syberji. — Lwow, 1876.

13 Автор данной статьи обращался к экземплярам книги, хранящимся в фондах Российской национальной библиотеки (С.-Петербург) и Всероссийской библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино (Москва).

14 Бухштаб Б. П.П.Ершов и Н.А.Чиков в воспоминаниях Констанция Волицкого // Омский альманах. 1947. Кн.6. С.159-163; Geber H. Przypisy // Januszkievicz Adolf. Listy z Syberji. — Warszawa, 2003. — S.227.

15 Wspomnienia Konstantego Wolickiego. . . S.254-255. Перевод с польского Т.П. Саяченковой. Далее цитаты из этого издания приводятся без специальных ссылок.

Возникновение церковных школ для крестьян в Тобольской епархии

Культура и просвещение сибирского крестьянства постоянно являлись предметом изучения историков и краеведов. В их рамках рассматривался и вопрос о грамотности, школьном деле в сибирской деревне в разные эпохи. Заметен большой интерес исследователей, особенно в последние десятилетия, к распространению просвещения среди русского крестьянства Сибири в докапиталистический период, в том числе в дореформенное время¹. В результате опровергнуто как противоречащее документальным фактам бывшее мнение о его «полном невежестве» или «поголовной неграмотности».

Затем исследователи сосредоточили усилия уже на выяснении степени и уровня грамотности крестьянского населения. В освещении данного вопроса ещё рано ставить точку. Наблюдаются разные оценки и обнаруживаются спорные аспекты, чему может служить примером разногласие по поводу утаивания крестьянами от властей умения читать и писать².

Автор данной статьи не ставит целью разрешить вопрос о степени и уровне грамотности сибирского крестьянства. Задача его скромнее — на основе, в первую очередь, архивных документов осветить историю возникновения церковных школ духовного ведомства (иначе — церковноприходских школ) для крестьян Западной Сибири на примере Тобольской епархии. Эти школы отразили начальный этап становления сельской приходской школы.

Церковным школам «для поселянских детей», появившимся в 1830–40-х гг., уделялось очень незначительное внимание как в дореволюционной, так и в последующей литературе по истории народного просвещения. Зачастую учёные ограничивались крайне скупым упоминанием о них, а то и просто игнорировали факт их существования, как в целом по России, так и в частности по Сибири.

Тема церковных школ возникает в работах ряда дореволюционных авторов. Н.А. Абрамов, занимавший в течение 17 лет должность учителя, а затем штатного смотрителя училищ поочередно в трёх округах Тобольской губернии (Берёзовском, Ялуторовском, Тюменском), в своей позднейшей историко-этнографической статье, посвящённой городу Ялуторовску и его округу, приводит сведения за 1850–1851 гг. о наличии в этом округе школ (училищ) при церквях «для обучения детей грамоте: читать и писать, также изуство молитвам и краткому катехизису». В ходе обозрения этих школ выяснилось, что «учащихся при церквях было: муж.

196, жен. 8, всего 204 человека». Перечислив далее существовавшие в ряде сёл «лучшие училища по количеству учеников и успехам», он сообщил, что «училища эти были заведены по настоянию бывшего тобольского преосвященного Георгия». Стоит отметить, что училища при церквях он по времени отделяет от сельских училищ, открытие которых состоялось в Тобольской губернии позднее — с 1856 года³.

Тему означенных школ применительно к Шадринскому уезду Пермской губернии затронул В. Попов. Подчинённые духовному ведомству и епархиальным властям школы в сёлах Шадринского уезда он отнёс к церковноприходским. Исследователь рассматривал эти школы как следующую ступень в деле народного образования после частных домашних школ на селе. В отдельной главе автор на основе архивных документов нарисовал интересную обобщённую картину о данном типе школ, поведав о средствах и условиях их содержания, преподавателях, предметах и методе обучения. Касаясь происхождения церковноприходских школ в Шадринском уезде, В. Попов отметил: «Эти школы существовали в разное время, но основание старейших между ними не восходит далее конца тридцатых годов текущего столетия (XIX века. — Н.Т.)». Но лишь немногие из церковных школ существовали без перерывов и подолгу⁴. Заметим, что в Тобольской губернии появление первых подобных школ восходит также к концу 1830-х годов.

Народному образованию в городе Ялуторовске и округе посвятил свой большой и содержательный историко-статистический очерк Н.И. Палопеженцев, который, подобно Н.А. Абрамову, в течение 10 лет служил учителем, а затем вплоть до августа 1895 года — штатным смотрителем ялуторовских училищ. Однако в период работы над очерком он не был знаком с архивами Тобольской духовной консистории. Это привело к ошибочному утверждению, что духовенство Ялуторовского округа отнеслось «совершенно безучастно» к распоряжению об открытии церковноприходских школ и что якобы «первая школа открылась лишь в 1855 году в селе Терсюкском». В кратком обобщении Палопеженцев давал весьма критическую оценку церковноприходским школам и считал уровень преподавания в них крайне низким, примитивным, с рутинными приёмами⁵. Исключением он счёл только две знаменитые школы, основанные в 1842 и в 1846 годах декабристом И.Д. Якушкиным и протоиереем С.Я. Знаменским.

Здание школы при Никольском храме (ныне краеведческий музей) в момент открытия памятника Прасковье Луполовой.

Выступает автор монумента, скульптор Вячеслав Клыков. Ишим. 7 августа 2004. На этом и последующих снимках – здания церковных школ Тобольской губернии, открытых в конце XIX – начале XX вв.

Но, строго говоря, обе эти школы числились в духовном ведомстве и проходили в епархиальной документации как церковные, предназначенные для мирян (гражданского населения). Это подтверждается дальнейшим преобразованием школы для мальчиков в Ялуторовское приходское училище.

Наконец, в труде Б.В. Титлинова о духовной школе в России в XIX веке содержится интересное для нашей темы упоминание о том, что «правительство в начале 40-х годов решило воспользоваться для целей народного образования церковноприходскими школами, которые около того времени стали заводиться по инициативе духовного ведомства»⁶. Относительно Тобольской епархии датировка находит своё подтверждение.

В послереволюционной историографии тема церковных школ дореформенной поры для сибирских крестьян нашла отражение в некоторых изданиях и публикациях историков-сибиреведов. В большинстве случаев информация о них сводится к небольшому упоминанию с сообщением иногда ряда сведений, приведением примеров и сжатой, обобщающей характеристики. Наиболее содержательны в этом плане работы Н.С. Юрцовского, М.П. Малышевой, Н.А. Миненко.

Н.С. Юрцовский отмечает: «первые церковноприходские школы были немногочисленны по своему существованию». Начало их появления в Сибири он относит к 1839 году и, ввиду

недолгого существования этих первенцев, не связывает их напрямую с «позднейшими церковными школами 80-90-х годов», которые стали усиленно насаждаться правительством в эпоху Александра III. Давая общую оценку первой волны церковноприходских школ, автор опирается на мнение Н.И. Палопеженцева и дословно цитирует его критический отзыв. Примечательно также, что Н.С. Юрцовский стремится в общем оценить культурно-просветительную роль православной церкви и сибирского духовенства за два столетия, в том числе по части школьно-образовательной деятельности. Эта роль видится ему несамостоятельной, всецело подчинённой политическим видам государства. «Духовенству представлялась возможность сыграть большую просветительную роль в учреждавшихся с 30-х годов прошлого столетия церковноприходских школах». Однако этого не произошло, шанс был упущен, поскольку в это время и позже «насаждение церковной школы связывается не со стремлением церкви самой по себе взять в свои руки просвещение народа, чтобы направить его по желательному ей руслу, а с политическими соображениями высшей государственной власти, рассматривавшей духовенство как наиболее благонадёжный учительский элемент и духовную школу как орудие отвлечения народа от вредных мыслей и направления»⁷. Таков был вывод исследовате-

*Здание школы при Вознесенском храме села Голышмановского Ишимского уезда.
Август 2005.*

ля, некогда учившегося в Тобольской духовной семинарии.

Мизерным, крайне слабым представляется значение церковных школ В.И. Бочарниковой. Об этом говорится в самом начале её статьи: «Следует отметить, что в некоторых селениях по указанию Святейшего Синода дети обучались при монастырях и церквях, но средства на содержание таких школ не отпускались, специальные помещения не возводились, труд священников не оплачивался, какого-либо надзора не существовало. Практическое значение таких школ было ничтожным»⁸. Правда данного утверждения не подкрепляется конкретными сведениями и не иллюстрируется для убедительности соответствующими примерами. Собственно, в своей статье В.И. Бочарникова касается появления в 1850-х гг. сельских приходских училищ, относившихся уже не к духовному ведомству (Синоду), а к Министерству государственных имуществ.

М.П. Малышева, один из авторов коллективного труда о сибирском крестьянстве в феодальную эпоху, в отличие от В.И. Бочарниковой признаёт за церковными школами, которые создавались по синодским указам, их «определённый вклад в распространение грамотности среди крестьян-сибиряков». Впрочем, этот вклад мог бы быть весомее, поскольку далее М.П. Малышева указывает, что «школы владели жалкое существование, ибо не финансировались государством». Тем не менее, она приводит некоторые сведения о церковных школах в Тобольской губернии⁹.

В статье И.В. Скипиной, посвящённой церковному образованию в Тобольской губернии за первую половину XIX века, коротко затронуты и церковноприходские школы. Но она их не со-

всем правомерно сочла «самым массовым звеном церковного образования». Как известно, эти школы предназначались в основном для детей податных сословий в городах и деревнях. Они вовсе не являлись чисто сословными школами духовенства подобно уездным духовным училищам и семинариям. По своей тональности оценка И.В. Скипиной совпадает с оценкой В.И. Бочарниковой: «В этих школах царили нищета, холод, отсутствовали учебники, имело место рукоприкладство преподавателей. Ребята, окончивая школу, нередко так и не умели читать и писать. Однако и в такие школы попасть было не просто, принимали в основном только мальчиков»¹⁰. В статье, однако, не содержится каких-либо конкретных примеров.

Наконец, в монографии Н.А. Миненко по культуре зауральского (западносибирского) крестьянства в позднефеодальный период наблюдается отход от однозначно-негативной оценки. Она приводит ряд сведений и статистических данных из печатных источников. Н.А. Миненко стремится дать взвешенную характеристику школам, появившимся при сельских церквях. С одной стороны, она целиком повторяет критическую оценку Н.И. Палопеженцева в том, что «сама постановка обучения в церковных школах оставляла желать лучшего» и что многие из них, «не успев открыться, тут же закрывались», а «отношение крестьян к ним было по большей части весьма сдержанным». Но, с другой стороны, Н.А. Миненко убеждена, что «всё это не даёт оснований для утверждения о совершенной бесполозности церковных школ. Гражданских сельских училищ, как отмечалось, до середины XIX века в Западной Сибири было очень мало, а наём частного учителя не в каждом семейству ока-

звался по карману. Бесплатная церковная школа оказывалась поэтому иногда единственным местом, где крестьянский сын мог усвоить азы грамоты»¹¹.

Перечисленными изданиями и публикациями практически исчерпывается известная и доступная нам литература, в которой так или иначе отразилась тема церковных школ для детей сибирского крестьянства. Обзор свидетельствует о недостаточной изученности данной темы. Крайне ограничена документальная, источниковая база. Требуется более углублённое изучение возникновения и деятельности этих школ с опорой, прежде всего, на архивные источники. И такие источники применительно к Тобольской епархии отложились в Государственном архиве Курганской области (ГАКО), в ряде дел фонда Тобольской духовной консистории и в фондах отдельных сельских церквей. Теперь они впервые вводятся в научный оборот.

Вплоть до конца 1830-х гг. на территории Тобольской епархии и, шире, Западной Сибири в сельской местности не существовало официально учреждённых учебных заведений для детей из крестьянского сословия. И это несмотря на то, что в течение первых десятилетий светские и духовные власти неоднократно делали попытки завести в деревне начальные школы в рамках тех приходских училищ, которые предусматривалось открывать в городах и сёлах согласно уставам 1804 и 1828 гг., в первую очередь для детей из податных сословий («из самых нижних состояний»). Однако все попытки ограничивались благими намерениями. Финансово-материальная необеспеченность народной школы, возложение расходов по её содержанию исключительно на городские и сельские общества предопределили более чем скромные результаты.

Не имело никаких практических последствий начинание главного ведомства Православной Церкви – Святейшего Синода, предложившего после введения устава 1804 года Министерству народного просвещения привлекать для преподавания в приходские училища «закомплектных» священно- и церковнослужителей наряду с причетниками, обучавшимися в духовных семинариях и испытанных «в прилежности». В своём указе от 31 января 1805 года Синод призвал администрацию губерний оказать содействие этому начинанию, предполагая, что на местах приходские училища станут открываться по согласованию с епархиальным начальством¹².

В промежутке между уставами 1804 и 1828 гг. приходская школа в крестьянских селениях Тобольской губернии так и не возникла – в отличие, например, от Иркутской губернии в Восточной Сибири. Там усилиями сибирского просветителя, историка П.А. Словцова, занимавшего сначала должность директора Иркутской гимназии, а затем визитатора сибирских училищ,

удалось открыть ряд училищ непосредственно в сельской местности. Правда, век их оказался недолог: с 1816 по 1824 год. Обскурантизм властей пытался найти себе оправдание в... народном невежестве, в «нехотении» и нежелании крестьян обучать своих детей¹³.

Потерпела неудачу инициатива директора училищ Тобольской губернии А.И. Арнольда открыть 24 школы в крестьянских селениях. Он уже склонил крестьян построить или нанять для этих школ дома «о двух покоев, в одном из коих помещалось бы училище, а другом – жил бы учитель». Предусматривалось также, что сельские жители возьмут на себя целиком уплату жалованья учителям вместе с расходами на книги и учебные принадлежности. Но замысел натолкнулся на противодействие тобольского губернатора, который даже добился отстранения Арнольда от должности. Также не увенчалось впоследствии успехами ходатайство генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича. Он изъявил желание завести на селе школы с ланкастерской системой взаимного обучения, но Главное правление училищ в апреле 1824 года отклонило его ходатайство. Единственное, чего генерал-губернатор смог добиться – собственным распоряжением дозволил в городских уездных училищах обучение крестьянских детей для определения их в будущем к занятию писарских должностей¹⁴.

В самом начале XIX века на территории Тобольско-Сибирской епархии стали возникать так называемые русские школы «при архиерейском доме, в Рафаиловом и Тюменском монастырях и при некоторых духовных правлениях». В бытность главой епархии архиепископа Антония Знаменского (1803-06) подобные школы устроены также при Тобольской семинарии и при Енисейском Спасоном, Томском Алексеевском и Кондинском Троицком монастырях. Однако они предназначались только для обучения детей духовенства, поскольку их учреждением преследовалась вполне определённая цель – «подготовление детей в семинарию и приготовление некоторых из них к причетническим должностям»¹⁵. Такие низшие духовные школы не касались крестьянства.

При полном отсутствии сельских приходских училищ в государственной деревне Западной Сибири к концу 1830-х годов существовали лишь городские приходские училища. По данным Н.С. Юрцовского, сначала они появились в Таре, Тюмени (1811), Тобольске (1816), затем в Каинске (1821), Туринске (1822), Томске (1829), Семипалатинске (1832), Ишиме (1838). Остальные возникли в 1840-50 гг.¹⁶ И.В. Скипина связывает появление приходского училища в Тобольске с разделением в 1818 году духовной семинарии на три учебных заведения: «собственно семинарию, уездное и приходское церковные училища»¹⁷.

*Здание школы при
Христорождественском храме села
Прокуткинского Ишимского уезда.
Май 2006.*

Николаевский устав 1828 года, как и прежний александровский устав 1804 года, не благоприятствовал появлению приходских училищ в сельской местности. Правительство не желало выделять на их содержание ни рубля из казённых сумм, опять же возлагая эту обязанность всецело на крестьянские общества. Время шло, а дело заведения сельских училищ не сдвигалось с мёртвой точки.

Фискальные интересы казны требовали грамотного ведения делопроизводства, переписки, составления денежной отчётности начиная с низших ступеней – сельских и волостных общин. Но именно в этом звене управления ощущалась острая нехватка грамотных кадров, в первую очередь писарей. Осознание такой потребности не раз подвигало сибирскую бюрократию к принятию решений, которые почти всегда оставались только на бумаге и не претворялись в жизнь. Яркой иллюстрацией служит история с заведением в Западной Сибири сельских гражданских училищ.

В 1827 году Западную Сибирь ревизовали сенаторы Безродный и князь Куракин. Их внимание привлекло и низовое звено управления. Там они «в должностях волостных писарей нашли людей посторонних – не из среды самих крестьян, нередко даже из сосланных в Сибирь за преступления. Этим объяснялись разные злоупотребления и беспорядки в волостных правлениях». Чтобы заменить чужаков и сослыселенцев и привлечь в писари местных крестьянских уроженцев, сенаторы подали идею открыть в сёлах начальные училища. «По настоянию ревизоров дело о сельских школах в 1827 году рассматривалось в Совете Главного Управления Западной Сибири. Совет признал полезным учредить в волостях приходские училища при церквах, а где нет церквей, там при волостных правлениях. На устройство этих школ предполагалось установить сбор по 8 1/2 копейки серебром с души. Такое положение Совета в

июле 1827 года представлено было сенаторам. Сенаторы, разумеется, взяли это постановление в Петербург; на том дело на первый раз и остановилось»¹⁸.

Следующая попытка завести подобные училища растянулась во времени уже на много лет. С инициативой выступила губернская администрация, сделавшая в Совет Главного Управления представление «о недостатке людей, способных занимать должности волостных писарей». Совет журнальным решением от 11-12 марта 1829 года постановил: «1) открывать сельские школы во всей Западной Сибири; 2) кроме крестьянских детей, которые могли бы поступать в эти школы по воле родителей, воспитывать в каждой школе по 10-ти сирот с тем, чтобы способных из них причислять к волостным правлениям, где бы они первоначально знакомились с порядком делопроизводства и потом поступали на писарские должности». Расходы на заведение и содержание школ в сумме 50 тысяч рублей решено было отнести на счёт земских повинностей. Однако до реального воплощения оставалась дистанция огромного размера. Пока тянулась переписка и шли согласования, прошло несколько лет, «так что только в 1834 году вопрос о школах предположен был в третий раз на рассмотрение Главного Управления. По новом просмотре дела, Совет Главного Управления журналом, состоявшимся 11-го апреля этого года за № 33, постановил: до времени вовсе не открывать сельских школ в Западной Сибири и разрешить начальникам губерний, в виде опыта, крестьянских детей отдавать в городских училища, потребные на это издержки брать, по мере надобности, из сумм земских повинностей, собственно для того определённых...» Именно в городских училищах предполагалось готовить из крестьянских детей кандидатов на писарские должности. «Почему дело приняло такой оборот, почему Совет Главного Управления в 1834 году не решился открыть сельских школ», – задавались вопросом «Тобольские губернские ведомости», в 1858 году изложившие подробно многотрудную историю появления гражданских (светских) сельских училищ. И сами на него дали ответ: «Главную причиною тому он представляет недостаток способных учителей для таких училищ, а возложить эту обязанность на сельских священников нашли невозможным, потому что они беспрестанно разъезжают по своим приходам».

В результате после длительного рассмотрения «предположения» западносибирской администрации от 11 апреля 1834 года в министерствах внутренних дел, финансов, во временном совете департамента государственных имуществ оно, наконец, было одобрено, с существенным изменением: «чтобы издержки на содержание крестьянских детей в городских учи-

лица падали не на земские повинности, а на счёт мирских обществ, которым принадлежат обучающиеся мальчики». Когда в марте 1839 года генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков через начальников губернии и земские власти предписал оповестить об условиях содержания крестьянских детей в городских училищах сельские (мирские) общества, то «из всех округов Тобольской губернии только 14 волостей изъявили свое согласие на это — Туринского семь волостей, Курганского три, Омского три и Ялutorовского одна волость, а из некоторых округов вовсе никаких сведений не доставлено»¹⁹.

Тем временем, когда крайне медленные подвижки гражданских властей только сулили в будущем привести к весьма скромным результатам, свою деятельность по заведению школ в сельской местности развернуло духовное ведомство в лице Синода и епархиального начальства. Предпринятые ими усилия в конце концов начали давать первые плоды именно на исходе 1830-х гг., когда гражданская администрация отказалась на неопределённый срок от учреждения приходских училищ для крестьян.

19 мая 1836 года на заседании Комитета Министров Высочайше утверждаются представления Синода с дополнительными предложениями к записке министра народного просвещения от 11 марта того же года о дозволении священникам и диаконам, которые окончили полный первый курс духовной семинарии с выдачей соответствующего аттестата, обучать в частных домах арифметике, чтению, письму, древним языкам²⁰. Однако нет никаких сведений, чтобы в селениях Тобольской епархии кто-нибудь из сельского духовенства воспользовался данным дозволением для обучения крестьянских детей.

В исторической литературе неоднократно упоминалось о синодских указах, побуждавших приходское духовенство к основанию церковных школ для обучения детей из крестьянского сословия. Например, «синодские указы 1836-1837 гг. об открытии церковноприходских школ» упоминает в своей статье Н.М. Дружинин. Датировка указов восходит у него к воспоминаниям М.С. Знаменского о декабристе И.Д. Якушкине и основанных им в Ялutorовске школах для мальчиков и девочек²¹. М.П. Малышева говорит об указах Синода 1836-1838 гг. и созданных по ним церковных школах²². В письменных документах ГАКО синодские указы не только упоминаются, но в них содержится их изложение, приводятся в ряде случаев и тексты.

3 сентября 1836 года Николай I утвердил разработанные Синодом правила о первоначальном обучении крестьянских («поселенских», «поселянских») детей от 24 августа 1836

*Здание школы при Троицком храме села Юргинского Ялutorовского уезда.
Август 2002.*

года. В указе из Синода от 29 октября 1836 года за № 13022 эти правила прописывались и рассылались по епархиям. Примечательно, что правила, разработанные поначалу для Олонецкой губернии, при Высочайшем утверждении получили распространение «на все епархии, где есть раскольники».

Согласно правилам, «обязанность первоначального обучения поселенских детей относится к обязанностям приходского духовенства, которое сим средством и случаем должно воспользоваться для исполнения своей беспрекословной обязанности наставлять детей в вере и благочестии». Серьёзную проблему специальных помещений попытались обойти следующим способом: «Сие обучение производить домашним образом, в доме одного или двух из членов приходского причта, смотря по способности и по надёжности». При этом непосредственно «для обучения приходских детей назначается по усмотрению епархиального архиерея местный священник или диакон, а когда и причетник по нужде и способности». В четвёртом пункте правил содержалось важное условие, на котором должно было вестись преподавание ответственным духовным лицом. Оно «не только принимает для обучения желающих, но и располагает к сему родителей и детей, чему способствуют и прочие члены причта советами и представлением полезности; принимать же без всякого договора и без требования возмездия».

В школе предполагалось обучение чтению гражданской и церковной печати, «а желающих и письму», изучение на память молитвы Господней («Отче наш...») и «Богородице Дево, радуйся», десяти заповедей, с простейшими пояснениями из катехизиса. Наряду с этим «главнейшие сказания из священной истории» предписывалось подавать ученикам «в виде разговоров и рассказов, по временам и случаям возобновляемым без школьной принужденности и буквального вытверждения на память». Наконец, «смотря по удобности, можно к пред-

Здание школы при Покровском храме села Аромашевского Ишимского уезда. Май 2005.

метам учения присовокупить начало арифметики». Чтобы усилить наглядный результат обучения, правила советовали: «Оказывавшим успехи в церковном чтении в праздничные дни давать в церкви место на клиросах, приохочивать их к церковному лению и по возможности употреблять к церковному чтению, дабы очевидность успехов их служила в утешение родителям их и в поощрение прочих к учению».

Относительно раскольников признавалось, что они «не иначе пожелают отдать детей своих в учение, как по книгам старопечатным или... изданным в единоверческих типографиях, принимать их с сим условием и обучать по сим книгам». Официальные правила не предписывали учителям из приходского духовенства применять принуждение в обучении детей старообрядцев. Наоборот, авторитет православия в их среде полагалось утверждать иным способом: «учащий должен употреблять особенное внимание, чтобы, не смущая детей раскольнических и не раздражая родителей их жестокими укоризнами против раскола, внушать им уважение к православной церкви и к её учению».

Правилами устанавливалось, что «постоянное время учения должно продолжаться от окончания осенних полевых работ и до начала весенних; примерно от 1-го сентября по 1-е мая; в летние месяцы ученики могут собираться по праздникам в послеобеденное время для повторения молитв, учения катехизиса и священной истории, а в будничные дни чаще или реже, как позволят сельские занятия; на июнь, июль и август учение совсем прекращается». Необходимая литература — «учебные книги, азбука, часослов, псалтирь и начатки христианского учения (очевидно, катехизис. — Н.Т.) могут быть заведены на щёт

церковной кошелевой суммы и считаться церковными, а те, которые пожелают обучать детей своих по книгам старопечатным, должны представить их от себя». Наконец, правилами предусматривалась регулярная отчётность и производство испытаний учеников. Главной надзирающей и контролирующей фигурой выступал благочинный. На него возлагались инспекция и проверка обучения, оценка его качества и представление полугодовых рапортов с именными списками обучающихся детей²³.

В Тобольской епархии раскол получил широкое распространение. Поэтому подготовленный Синодом указ вместе с «правилами первоначального обучения поселенских и раскольнических детей» был направлен и главе этой епархии архиепископу Афанасию. 25 ноября 1836 года он, в целях доведения правил до приходского духовенства, приказал духовной консистории «разослать секретные указы во все места здешней епархии, где есть раскольники и велеть отобрать от священноцерковнослужителей, желающих принять на себя обязанность обучения поселенских детей безденежно, письменные показания, прислать оные ко мне при репортах». Рассылка консисторией указов в духовные правления, а от них к благочинным осуществлялась в разные сроки. К примеру, слободо-Иковскому благочинному священнику Петру Пономарёву указ из Курганского духовного правления послан только 11 марта 1837 года. В свою очередь, причт Свято-Троицкой церкви в селе Моревском, относившийся к благочинию П. Пономарёва, получил указ 4 апреля²⁴.

Чтобы подвигнуть приходское духовенство к бесплатному обучению крестьянских детей, Синод отправил 12 мая 1837 года в епархии

Училища при приходских церквях	Число наставников и кто именно из причта	Число учеников		
		Состоящих налицо (по именному списку)	В день обозрения	Выбывшие в течение 1841 года «по воле родителей»
Кривинское	2 (диакон и пономарь)	8	8	3
Белозёрское	2 (священник и дьячок)	4	4	2
Утятское	2 (дьячок и пономарь)	10	10	6
Барабинское	2 (диакон и пономарь)	7	7	-
Черновское	2 (диакон и пономарь)	5	5	1
Чинеевское	2 (дьячок и пономарь)	3	3	1
Чернавское	2 (дьячок и пономарь)	6	6	-
Черемухинское	2 (диакон и пономарь)	6	6	7
Итого по благочиниям Зудилова и Пырьева	16	49	49	20

новый указ в подтверждение прежнего²⁵. Однако и после этого потребовались дополнительные распоряжения как Синода, так и епархиальных властей²⁶.

Уже истёк двухгодичный срок, после которого, согласно первому синодскому указу, епархиальным начальникам следовало доносить об усердии и успехах наставников в Синод для последующего доклада императору. Однако сведения о появлении училищ в селениях государственных крестьян Тобольской епархии к этому сроку имеются лишь по Ишимскому округу. Правда, время открытия всех восьми училищ при сельских церквях датируется почему-то одним днём 8 сентября 1837 года, что порождает сомнение в истинности подобных сведений. Вряд ли это случилось одновременно.

Данные по другим округам Тобольской епархии свидетельствуют об открытии учебных заведений только в 1839 году. Так, появление четырёх училищ в Ялutorовском округе при церквях в селениях Верх-Суерском, Суерском, Мокроусовском и Большаковском датируется сентябрём 1839 года. В Курганском округе в числе первых училища открылись в селах Лебязьевском при Александро-Невской церкви (с 1 марта) и Падеринском при Николаевской церкви (с 15 сентября) и в слободе Утятской при Богоявленской церкви (с 1 октября). В Туринском округе основание училищ при церквях Михаило-Архангельской в слободе Туринской и Крестовоздвиженской в селе Куминском относится соответственно к 8 марта и 26 апреля 1839 года. В Петропавловском округе с 1 сентября открылось училище в селе Каменском при Вознесенской церкви. В Тюменском округе открытие восьми училищ приходится на разные дни октября, а ещё одного — на 15 ноября 1839 года²⁷.

Правилами 1836 года устанавливалось, что «при каждом полугодовом осмотре церковью благочинным ему представляется: именная список

обучающихся детей с показанием, с которого времени учатся, сколько успели и какими усматриваются в поведении». В ходе инспекции приходов благочинный должен участвовать в испытаниях учеников в присутствии местного священника и сельского крестьянского начальства, о чём «постановляется журнал за подписом всех сих лиц» и с заверенными именными списками представляется епархиальному архиерею²⁸.

Вплоть до 1841 года в документах ГАКО никакой отчётности об обучении крестьянских детей не прослеживается. Возможно, она просто не сохранилась. Первые документальные источники в виде именных списков учеников и журналов обозрения училищ при церквях относятся ко второй половине 1841 года. Об их представлении напоминал указ Тобольской духовной консистории от 27 апреля.

По Курганскому округу сохранилась отчётность по двум благочиниям. 14 января 1842 года благочинный священник слободо-Утятской церкви Иоанн Пырьев и 16 января градо-Курганский благочинный протоиерей Иаков Зудилев отправили в Тобольск на имя архиепископа Афанасия «репорты». К ним прилагались «именные списки о поселянских детях, обучающихся в отдельно выстроенных при приходских церквях сторожках за вторую половину 1841 года», а также журналы, составленные каждым при обозрении церковных училищ, «с обозначением в них, кто именно занимался обучением детей и с каким старанием и успехом проходил свою должность»²⁹.

В благочинии П. Пырьева находилось пять училищ, а в благочинии И. Зудилова — три. Обезд приходов совершался в декабре 1841 года³⁰. Цифровые сведения, извлечённые из именных списков и журналов обозрения, сведены нами воедино и отражены в виде таблицы³¹.

Остановимся подробнее на обучении «поселянских детей» при слободо-Утятской церкви.

Согласно именному списку, с момента открытия церковного училища в нём постигали грамоту 16 учеников, считая вместе с 6-ю выбывшими в течение 1841 года «по воле родителей». В самом начале обучения, с 1 октября 1839 года, насчитывалось 12 учеников, а потом добавлялись по одному — с 8 декабря 1840 года, с 1 октября, 1 ноября и 10 декабря 1841 года. Возраст учеников в 1841 году колебался от 10 до 18 лет.

Выбывшие «по воле родителей» ученики успели только научиться читать — и не более того. Среди продолжавших обучение некоторые овладевали не только чтением, но также письмом и проходили катехизис. При этом длительность обучения не очень отражалась на скорости постижения предмета детьми, начавшими учение в разное время. Так, чтению во втором полугодии 1841 года обучались два мальчика 10 и 12 лет, Степан Иванов и Степан Алымов, поступившие в училище с 1 октября 1839 года, а также 11-летний Егор Броньшин и 10-летний Пётр Попов, начавшие учение только с 1 ноября и 10 декабря 1841 года. Успеваемости давались оценки: «посредственно, хорошо, порядочно». Поведение учеников усматривалось «скромным, кротким, смиренным, хорошим, очень хорошим, хорошим», то есть всегда отмечалось с положительной стороны.

В ходе инспекции благочинного Зудилова был составлен журнал обозрения. Он гласит: «Декабря 21 дня в 8 часов утра г. благочинный, прибыв в церковь, нашел при оной 10 учеников, коим произвёл испытание... Ученики находятся в должном порядке и оказали успехи: а) в чтении по книгам церковной и гражданской печати — очень хорошие; б) в Законе Божьем по краткому катехизису митрополита Филарета с начала до молитвы Господней — хорошие; с) рассматривал опыты в чистописании — довольно порядочные. По испытании оказалось учеников с очень хорошими успехами 3, хорошими 4, посредственными и слабыми 3».

Но благочинный оценил не только успеваемость учащихся, но и старательность наставников. Так, дьячок Анемподист Серебренников «по исправлению поведения своего оказывается рачительнее и к должности» наставника. Пономарь Василий Буров «к должности очень прилежен, а поведения очень хорошего». Кроме благочинного журнал обозрения подписали присутствовавшие при испытании учеников члены прихода Утятской церкви, включая двоих наставников. Волостной же голова «по неграмотству» приложил свою печать³².

Как видно из вышеприведенной таблицы, училищам при сельских церквях свойственна большая доля учеников, выбывших по «родительской воле». Очевидно также, что число посещавших церковные школы крестьянских де-

тей весьма скромно в сравнении со всеми детьми школьного возраста в восьми упомянутых приходах.

Таблица показывает, что из причтов восьми церковей обучением занимались главным образом церковнослужители (дьячки, пономари), из священнослужителей же чаще диаконы и гораздо реже священники. Так, из 8 приходов Курганского округа священник значится наставником только в Белозёрском приходе³³. Участие священников в преподавании затруднялось многочисленными служебными обязанностями и разъездами по обширным приходам.

Вообще же, распространению в Тобольской епархии церковных школ благоприятствовало наличие во многих приходах двойных штатов духовенства — то есть двух священников, дьякона, двух-трёх причетников (пономаря, дьячка, псаломщика). На эту благоприятную особенность обратила внимание М.П. Малышева: немало церковных школ «действовало в Тобольской губернии, где до 1856 года не было сельских светских школ и было больше, чем в других районах Сибири, церковей с двухштатными единицами и священников с семинарским образованием»³⁴. Документы подтверждают наличие двойных штатов во многих приходах, что облегчало участие в преподавании для церковно- и священнослужителей, включая священников. В противном случае духовенство, обременённое обязанностями по службе и, в не меньшей степени, заботами по собственному хозяйству, было не в состоянии уделять даже малого внимания и времени обучению в церковных школах.

Непосредственно в тех школах, которые относились к благочиниям Зудилова и Пырьева, в журналах обозрения везде присутствует схожая формулировка, характеризующая качества наставников: «К должности прилежен (весьма прилежен), знающ, способности имеет достаточные, поведения хорошего (примерного)». Исключение — случай с пономарём Ф. Кораблёвым из Чернавского прихода: «К должности мало прилежен, знающ, способности имеет достаточные, поведения непохвального»³⁵.

Туринский уездный благочинный священник Николай Брызгалов, представляя в начале 1842 года в Тобольск именные списки учеников двух училищ — в селе Куминовом и слободе Туринской — в рапорте счёл должным отметить несколько важных моментов. «Первое. Что с особенным тщанием старается обучать оных детей села Куминова Крестовоздвиженской церкви дьякон Гавриил Серков. Второе. Что обучаются означенные дети в домах обучающих их священнослужителей. Третье. Села Шухрупова Екатеринбургской церкви, села Дымкова Покровской церкви и слободы Благовещенской Богородской церкви священноцерковнослужители

*Здание школы при Троицком храме села Викуловского Тарского уезда.
Нач. XX в. Из фондов Викуловского народного краеведческого музея.*

репортами мне донесли, что обучаемые ими поселянские дети, уволясь на полевые летние занятия, по окончании коих для обучения к ним не являются; некоторые из них по бедности родителей отданы в срочные работы, а родители других говорят, что дети их умеют читать и отчасти писать, поэтому более им обучаться не нужно; вновь желающих отдать для обучения детей своих из прихожан не находится». Архиепископ Афанасий в своей резолюции на рапорте Брызгалова распорядился «диакону Серкову за старательное обучение... объявить признательность». Родителям же, прервавшим обучение своих детей, он предписывал со стороны духовенства внушать, что «обучение одному чтению и письму недостаточно» и требуется изучать также заповеди, молитвы, учение и Символ веры и т.п.³⁶

Незавидную картину обрисовал 14 января 1842 года в рапорте и слободо-Викуловский благочинный священник Пётр Тюшев (из Тарского уезда). Словно вторя Брызгалову, он извещал, что «при подведомых мне село-Каргалинской, Тебриской и Бутаковской церквах училищ для поселянских детей по сие время не открыто за неизъявлением прихожанами желания отдавать детей своих священно- и церковнослужителям для обучения грамоте». Благочинный, к сожалению, не поясняет, чем же именно вызвано такое нежелание. Сыграла тут роль приверженность старообрядчеству или причины крылись в чём-то ином — неизвестно. Из приложенной Тюшевым к рапорту ведомости выясняется, что с 1840 года в его благочинии открылись три церковных училища: в селе Чередовском при Знаменской церкви, в Усть-Ишимском острожке при Николаевской церкви и в селе Рыбинском при Христорождественской церкви.

На пятерых наставников в них приходилось 9 состоящих налицо учеников и 4 выбывших «пред окончанием наук»³⁷ — довольно мизерная численность учащихся.

Более отрадное положение сложилось в Ялуторовском округе, хотя и тут с лихвой хвالتа трудностей. «При церквах, состоящих в моем заведывании, — докладывал благочинный священник Александр Пудовиков, — заведены училища для поселянских детей, именно четыре в сентябре и октябре 1839-го года и одно 1840-го года; а в минувшем 1841-м году нигде не открыто училища ни одного. Хотя мало-помалу крестьяне, мнившие, что дети их, обучившиеся, будут якобы отобраны на службу военную, ныне почти везде познают выгоду обучения детей своих; однако не везде духовные расположены к принятию на себя обязанности наставников, представляя во извинение как то, что они и сами по бедности не имеют домов, удобных для помещения учеников, так и то, что нет удобного места для обучения, а церковные сторожки тесны». Затем благочинный выделил заслуживших похвалу и наиболее усердных в деле обучения наставников, которых он надеялся поставить в пример для подражания другим духовным лицам.

Из наставников особенно большая нагрузка ложилась на священников. В этих случаях им приходилось на время подыскивать себе замену в лице своих родственников. «Мокроусовского села Троицкой церкви священник Николай Першуков, будучи занят исполнением треб по деревням, отстоящим от церкви до 50 вёрст и не имея довольно времени к занятию с учениками, заменяется иногда в обучении братом своим заштатным священником, которого содержит на собственном иждивении». А вот

«Большаковского села Пророко-Ильинской церкви священник Иоанн Наумов обучает детей с особенным прилежанием, притом, чтобы иметь ближайший за учениками надзор, построил на дворе своёю избу, где ныне и обучает или сам, или при отлучках, как один в обширном приходе, причетник той же церкви, родной его брат Илия Наумов»³⁸.

Ялutorовские училища оказались и более «населёнными» по сравнению с курганскими (в благочиниях Зудилова и Пырьева). Так, в Мокроусовском училище при Троицкой церкви в именном списке значится 20 учеников, а про выбывших ничего не говорится, в Верх-Суерском училище при Иоанно-Богословской церкви — 27, в Суерском училище уже до 1 сентября 1841 года насчитывалось 24 ученика, но к ним надо добавить 14 из числа «вновь поступивших» и 3-х, которые «обучившись, выбыли». В Большаковском училище при Пророко-Ильинской церкви обучение проходили 11 детей и 2 выбыли после обучения. Только в Коркинском училище А. Пудовиков нашёл в учении 4-х мальчиков от 7 до 11 лет, «кроме сих три выбыли, да и сии малоуспешны»³⁹.

На отличившихся наставников в духовной консистории была заготовлена справка, в которой приводится их послужный список и оценивается их поведение. В частности, про 41-летнего священника Алексея Родионова из Верх-Суерского прихода замечено, что тот «с сентября месяца 1839 года обучает поселянских детей. В благочиннических ведомостях за 1840 год помечен: поведения хорошего и по должности очень рачителен. Штрафован никогда не был». 36-летний священник Иоанна Наумова из села Большаковского, начавший с 1 октября 1839 года исправлять «должность приходского сельского учителя», также «в исправлении своей должности весьма рачителен и поведения очень хорошего. Судим и штрафован не был». О 26-летнем священнике Андрее Серебrenникове из Суерской слободы на основании благочиннических ведомостей говорится: «в нетрезвом виде иногда нескромен, но к исполнению должности прилежно рачителен. Судим и штрафован не был, а только в 1841 году, по резолюции Его Высокопреосвященства, сделано ему внушение, чтобы он вёл себя трезво»⁴⁰.

30 января 1842 года состоялась слушание в Тобольской консистории по рапорту А. Пудовикова и последовавшей затем резолюции архиепископа Афанасия. В журнале отражён ход слушания и записано решение членов консистории. Благочинный доложил, что «не везде духовные расположены к принятию на себя обязанности наставников, представляя во извинение как то, что и сами по бедности не имеют домов удобных для помещения учеников, так и то, что нет удобного места для обучения, а

Здание школы при Богоявленском храме села Омутинского Ялutorовского уезда. Август 2004.

церковные сторожки тесны. Против сего пункта резолюция Его Преосвященства последовала таковая: Убеждать прихожан, где нет удобного помещения в церковных сторожках, к постройке или отводу особой избы для обучения детей». Далее он, «дабы духовные, как священники, так и диаконы, и причетники более и более оказывали в важном деле соревнования, доносит об усердных наставниках детей поселянских священниках: Большаковского села Иоанне Наумове, Суерской слободы Андрее Серебrenникове и Верх-Суерской слободы Алексее Родионове, кои, проходя должности наставников, по примерной деятельности и по отличной способности весьма благоуспешно обучают детей, и из них Наумов и Родионов устроили для помещения учеников особые дома». Архиепископ поставил резолюцию: «объявить означенным священникам письменную признательность и благословение епархиального начальства за отличное усердие их к обучению прихожанских детей». Помимо этого, члены консистории приказали: «Послать в Ялutorовское духовное правление указ с тем, чтобы оно внушило тем священноцерковнослужителям, где нет помещений для детей, о убеждении прихожан к заведению оных»⁴¹.

При почти повсеместном отсутствии специальных учебных помещений под училища чаще всего использовались церковные сторожки, которые не раз упоминались в документах. Распоряжение об их постройке последовало от того же архиепископа Афанасия в ноябре 1833 года. Он предписал «устроить сторожки для помещения трапезников (сторожей), тогда как прежде последние часто жили в самых храмах»⁴². Запросы о выполнении приказа делались потом и спустя несколько лет. Так, 29 мая 1840 года благочинный Буров предписывал причту Моревской церкви немедленно ему донести, «устроена ли при вашей церкви сторожка и шкаф для помещения книг. Есть ли ж что не исполнено, то почему именно»⁴³. Вполне вероятно, подобные предписания получил не только моревской причт.

Примечания

А 5 января тот же благочинный священник Василий Буров разослал всем священно- и церковнослужителям своего благочиния указ Тобольской духовной консистории, по которому требовалось, «что если где есть старые, ветхие и безобразные церковные здания, то были бы разобраны и лес употреблён на отопление церкви, а где возможно, то построить из него избы для помещения церковных училищ»⁴⁴. По времени (январь 1842 года) данный указ совпадает с указаниями архиепископа духовенству Ялуторовского округа склонять своих прихожан к постройке или отводу особых изб под помещения для обучения детей.

Подводя итоги, отметим следующее. Усилия Святейшего Синода и епархиального начальства в конце концов принесли первые плоды. На примере Тобольской епархии можно убедиться, что в самом конце 1830-х гг. в ряде приходов открылись школы, действовавшие при церквях. Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют, что инициаторы данных школ возлагали обязанности обучения всецело на духовенство. Перед последним ставилась задача обучать начальной грамоте крестьянских детей на условиях бесплатности. Осуществление этой задачи встретилось с большими трудностями: нехваткой помещений и их теснотой, ограниченными материальными возможностями (а зачастую бедностью) приходского духовенства, настороженным отношением крестьянства. Тем не менее на рубеже 1830-1840-х гг. в среде сельского духовенства проявили себя первые подвижники, которые внесли лепту в дело народного просвещения.

В заключение хотелось бы отдать дань благодарной памяти Владимиру Павловичу Ефимову (1893-1942). В июле-августе 1930 года он, будучи заведующим Курганским архивным бюро, совершил научную экспедицию в Свердловск, Тюмень и Тобольск. В ходе поездки он посещал архивы с целью выявления документов, относящихся к истории Курганского округа. В Тобольском окружном архиве его внимание привлекли бумаги, приговоренные к сдаче в макулатуру. Слово почуяв неладное, Ефимов принялся просматривать эти материалы. В них обнаружили документы, имевшие непосредственное отношение к истории появления церковных школ для крестьянских детей. Курганский архивист сумел сохранить документы от уничтожения⁴⁵. Только благодаря этому благородному собирателю и хранителю памяти мы знаем, что ещё задолго до появления светских начальных школ для народа в нашем крае возникли училища при церквях и монастырях.

*Фото Г.А. Крамора
(кроме фото на с. 21).*

1 Миненко Н.А. Советские историки о грамотности русских крестьян Сибири в период феодализма // Изучение Сибири в советскую эпоху: Бахрушинские чтения 1987 г.: Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1987. – С.105-116.

2 Мамсик Т.С. Из истории развития грамотности в западносибирской деревне (по материалам судебных дел первой половины XIX в.) // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XX в. – Новосибирск, 1985. – С.105-120; Мосин А.Г. Грамотность крестьян Вятской губернии в конце XVII – середине XIX в. // Крестьянство Урала в эпоху феодализма: Сб. науч. тр. – Свердловск, 1988. – С. 138-149; Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья XVIII – первой половины XIX в. – М., 1991. – С. 119-134.

3 Абрамов Н. Город Ялуторовск с его округом // Тоб. губ. ведомости. – 1864. – № 27 (4 июля). – Часть неофиц. – С. 220-221.

4 Попов В. Народное образование в Шадринском уезде Пермской губернии до открытия в ней земских учреждений // Рус. школа. – 1892. – № 5-6. – С. 43-47.

5 Палопеженцев Н. Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии (Ист.-стат. очерк) // Ежегодник Тоб. губ. музея. – Тобольск, 1894. – Вып. II. – С.25-26.

6 Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Выпуск второй (Протасовская эпоха и реформы 60-х годов). – Вильна, 1909. – С. 76.

7 Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Вып. I. Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703-1917 гг. – Новоиколаевск, 1923. – С. 127-128, 135-136, 234-236.

8 Бочарникова В.И. Политика царизма в отношении школы и церкви в государственной деревне Западной Сибири (последнее десятилетие предреформенного периода) // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). – Новосибирск, 1973. – С. 403.

9 Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск, 1982. – С.420.

10 Скипина И.В. Церковное образование в Тобольской губернии в первой половине XIX в. // Религия и церковь в Сибири: Тез. и мат-лы науч. конф. – Тюмень, 1990. – С. 41.

11 Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья XVIII – первой половины XIX в. – С. 193-195.

12 Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII – XIX вв. – Екатеринбург, 1996. – С.166.

13 Беспалова Л. Сибирский просветитель. – Свердловск, 1973. – С.90, 96-97, 101; Ламбоцкая Э.А. Приходские школы Иркутской губернии первой половины XIX в. // Вопросы истории школ Восточной Сибири. Вып. 2. – Иркутск, 1975. – С.26-37; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – С. 418.

14 Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – С.417.

15 Тобольская епархия. Ч.2. Отд. 1. Архипастыри Тобольской епархии. – Омск, 1892. – С.86-87.

16 Юрцовский Н.С. Очерк по истории просвещения в Сибири. Вып. 1. – С. 131-133.

17 Скипина И.В. Церковное образование в Тобольской губернии в первой половине XIX в. – С.41. Её коллеги, томенские историки Н.С. Половинкин и А.В. Чернышов в датировке сходятся с Н.С. Юрцовским. Они считают, что «с 1816 года в Тобольске начинают свою деятельность частные (? - Н.Т.) приходские училища при Богородице-Рождественском и Благовещенском приходах, послужившие возникновению широкой сети церковноприходских школ грамоты» (См.: Половинкин Н.С., Чернышов А.В. Роль Тобольской епархии в системе образования и просвещения в крае в XVIII – начале XX вв. // Религия и церковь в Сибири. Сб. науч. ст. и док. мат.-лов. Вып. 2. – Тюмень, 1991. С.15). По нашему мнению, авторы ошибочно занесли городские училища в разряд частных и к тому же объединили в своём определении две конкретные разновидности школ: церковноприходские и школы грамоты.

18 Тоб. губ. вед. – 1858. – №15 (11 апр.). – Часть неофиц. – С.315.

19 Там же. – С. 316-317.

20 Государственный архив Курганский архив (ГАКО). – Ф.38. – Оп.1. – Д.1. – Л.42-43. В указе Синода приводится его предложение к записке министра народного просвещения. Текст данного указа ещё раз приводится в этом же деле: Л.47-48 повторной нумерации.

21 Дружинин Н.М. Декабрист И.Д. Якушкин и его ланкастерская школа // Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. – М., 1985. – С.395; Знаменский М.С. И.Д. Якушкин // Сибирский сборник. – 1886. – Т.3. – С.87. См. также новое издание в: Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения. – Тюмень, 1997. – С.276.

22 Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – С.420.

23 ГАКО. – Ф.38. – Оп.1. – Д.1. – Л.20 с об. Ссылка на указ Синода от 29 октября 1836 г. содержится также в: Ф.235. – Оп.1. – Д.279. – Л.4. Составленные Синодом в 1836 году правила в дореволюционной литературе именуются как «Правила для первоначального обучения поселянских, в том числе и раскольниковых детей». См.: Народное образование в России с 60-х годов XIX века / Составил Н.В. Чехов. М., б.г. (1912). – С.93. Приведённые в указанном издании сведения о судьбе церковных школ дореформенной эпохи использованы в статье Г. Суворовой, а именно в той её части, где автор, намечая «пунктирный обзор становления школы для крестьянских детей», рассматривает церковноприходскую школу как одну из разновидностей, типов школ для крестьянских детей. См.: Суворова Г. Сельская малокомплектная: Историческая необходимость? // Народное

образование в России: Исторический альманах. – М., 2000. – С.360.

24 Там же. – Ф.38. – Оп.1. – Д.1. – Л.20 с об. Именно по данному экземпляру нами воспроизводятся как синодский указ 29 октября 1836 года, так и текст содержащийся в нем правил.

25 Упоминание указа 12 мая 1837 г. содержится в деле со сведениями за 1846-1847 гг. об училищах, заведённых при монастырях и приходских церквах. См.: Ф.235. – Оп.1. – Д.281. – Л.2.

26 Так, 27 сентября 1838 года из Синода последовал ещё один указ за № 5482 относительно заведения духовенством училищ. Он упомянут в деле за 1842 г.: Ф.235. – Оп.1. – Д.280. – Л.2.

27 Там же. – Л. 5-6 об.

28 Там же. – Ф.38. – Оп.1 – Д.1 – Л. 20 об.

29 Там же. – Ф.235. – Оп.1. – Д.278. – Л. 3, 10.

30 И. Зудилков совершил обозрения, с производством испытаний учеников, следующих училищ: 14 декабря 1841 года – при Кривинской Марии-Магдалинской церкви, 16 декабря – при Белозёрской Алексеевской церкви, 21 декабря – при Утятской Богоявленской церкви. П. Пырьев то же самое сделал чуть позже: 23 декабря – при Барабинской Успенской церкви, 27 декабря – при Черновской Введенской, 28 декабря – при Чинеевской Власие-Модестовской, 29 декабря – при Чернавской Прокопьевской и при Черемуховской Петропавловской церквах.

31 ГАКО. – Ф.235. – Оп.1. – Д.278. – Л. 4-9 об., 11-20 об.

32 Там же. – Л. 4-5 об.

33 Это Василий Адрианов – отец корреспондента Русского Географического Общества, священника того же прихода В.В. Адрианова и дед известного учёного и сибирского общественного деятеля А.В. Адрианова.

34 Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – С.420.

35 ГАКО. – Ф.235. – Оп.1. – Д.278. – Л.14 об.

36 Там же. – Л.21.

37 Там же. – Л.24-25.

38 Там же. – Л.28.

39 Там же. – Л.29-34.

40 Там же. – Л.35.

41 Там же. – Л. 36 с об.

42 Там же. – Ф.38. – Оп.1. – Д.1. – Л.20-25 об.; Тобольская епархия. Ч.2. Отд.1. Архипастыри Тобольской епархии. – С.115-116.

43 ГАКО. – Ф.38. – Оп.1. – Д.1. – Л.79.

44 Там же. – Л.137 об.

45 Там же. – Ф.235. – Оп.1. – Д.280. – Л.1. О жизненном пути, краеведческой, организаторской и собирательской деятельности В.П. Ефимова см.: Толстикова Г. В.П. Ефимов – краевед и организатор архивного дела в Зуралье // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. об. – Курган, 1994. – Вып. 8. – С. 30-35.

Легенды ишимских подземелий

В истории Приишимья немало страниц написано не строгой к цифрам и фактам рукой учёного-историка, а создано людьми, пытливыми до всего необычного, удивительного, выходящего за рамки обыденной действительности. Для них история – не только и не столько «окно в прошлое», сколько окно в загадочный и чудесный мир. Стихийная интуиция подсказывает им, что это – путь к вечности, которую жаждет человеческая культура и которую каждый человек ищет, часто и не осознавая того, идя своими мыслительными тропками и воспаряя в облака фантазии.

Вот и в истории Ишима существует много легенд и преданий про тайны потерянных подземелий. Что таит в себе ишимская земля и таит ли – ответ на этот вопрос должны дать научные исследования. А вот легенды ишимских подземелий интересны сами по себе как пласт фольклорных представлений о прошлом нашего края. (Вопрос об их исследовании поставил во 2-м номере альманаха Л.В. Фролов в статье «Ишимская краеведческая легенда - явление провинциальной культуры»). Причём их так много, что даже обстоятельный автор предлагаемой вам статьи не смог собрать их все, равно как и дать к некоторым из легенд исторический комментарий, который вы найдёте в редакторских примечаниях.

Подземелья... От этого слова веет тайнами, загадками.

Совсем недавно, летом 2005 года, накануне Дня города копали траншею для прокладки электрического кабеля в северной части городского парка, за танцплощадкой. На глубине около одного метра обнажился старинный кирпичный свод. Что это – подземный ход, подвальное помещение, погреб?.. Отнесём это к числу неразгаданных тайн прошлого! К сожалению, траншею быстро зарыли, и сотрудники городского музея и краеведы не успели провести исследование. Чаще всего именно так и бывает: не привлекаются специалисты, исследующие старину, а руководители хозяйственных служб стараются поскорее всё засыпать, так как это мешает проведению работ и небезопасно для людей.

Как правило, такие находки случайны – ведь те, для кого строились подземные сооружения, не были заинтересованы в распространении сведений о них. Этими секретами владели немногие посвящённые, которые исчезали в водовороты времени и уносили эти тайны с со-

В подвале здания медицинского училища (быв. дом Волкова). Часть помещения засыпана из-за поднятия грунтовых вод. Июнь 2006.

бой. Входы и выходы таких сооружений с течением времени по разным причинам оказывались замурованными. Преднамеренная секретность, отсутствие письменных сведений, проговорившийся носитель тайны и случайный её свидетель, неожиданные находки, быстрое сокрытие найденного – всё это способствует появлению легенд и преданий, в которых действительные факты заслоняются фантазией, расцвечиваются домыслами. Многие горожане их слышали, и это неудивительно, так как Ишим – один из первых городов Сибири, с богатой исторической биографией.

Подземные сооружения создавались нашими предками с целью обороны от воинствующих соседей, сохранения богатыми людьми накопленных ценностей (тем более, что всегда существовала угроза народных волнений) и просто для бытовых нужд. Обязательное присутствие подземных сооружений, как прямое продолжение наземной архитектуры городской застройки, подтверждают исследования в таких городах Сибири, как Тобольск, Тюмень, Шадринск, Далматово, Катайск, где были обнаружены различного назначения ходы, глубокие подвалы, хитроумные тайники. В Ишиме серьёзных исследований не проводилось, хотя задумки были. А вот разнообразных слухов, предположений и даже утверждений довольно много.

Больше всего преданий связано, конечно, с Богоявленским собором и прилегающей к нему площадью. Неудивительно – ведь это первое кирпичное здание, которое на протяжении двух веков оставалось самым значительным сооружением в нашем городе, к тому же построено в древнейшей его части на территории Коркиной

*Решётка из кованой полосы железа на окне подвала здания городского суда (быв. причтовый дом Никольской церкви). Окно закрыто асфальтом тротуара, отчего нарушена вентиляция помещения.
Июль 2006.*

слободы. Вокруг собора когда-то размещались каменные кладовые, денежные погреба, винный подвал, деревянный на каменном фундаменте корпус, в котором были нижняя расправа (суд), казначейство и архив. Здесь же находились городническое и духовное правления, соляной магазин, богадельня, питейные дома, торговые лавки, гостиный двор, жилые дома и другие строения.

Поэтому вполне вероятно наличие подземных сооружений или их остатков, о чём свидетельствуют появляющиеся кое-где провалы и упорные слухи о подземных ходах, идущих от собора. Есть сведения, по крайней мере, о двух выходах на восточном берегу реки Ишим и даже утверждения, что кое-кто по ним якобы ходил. Да я и сам в детстве видел у уреза воды, напротив собора, обвалившуюся старую кирпичную кладку². А про подземный ход к Духовному училищу (бурсе) есть воспоминания современника о том, что когда прихожане заходили на службу в собор, то бурсаки были уже там, и никто не видел, как они шли, и в любую грязь обувь у них была чистая и сухая³.

Есть небезосновательные разговоры о других ходах, в том числе к бывшей мельнице по улице Луначарского и даже ещё дальше, вплоть до тюремного замка. Например, В.И. Шестаков, детские годы которого прошли в Ишиме, рассказывал, что они с другом А. Чуриковым в конце 1950-х гг. во время ремонта здания бывшего

*Подвал в бывшем доме причта Никольской церкви. Свод – традиционно коробовой (полуцилиндрический).
Июль 2006.*

Дома ребёнка (ул. Пролетарская, 17, угол с ул. Луначарского) в подвале обнаружили кирпичный ход в сторону собора и даже проходили по нему несколько метров. Совершенно независимо от этого рассказа бывший главный врач Дома ребёнка А.Ф. Кораблин вспоминала, что в 1990-х гг. весной был затоплен подвал здания и возникла версия, что вода пришла по подземному ходу из Горводоканала. Кроме того, говорят, что недавно при строительстве жилого дома напротив того же дома, по ул. Пролетарская в земле была вскрыта кирпичная кладка, а по соседству при разборке старого дома обнаружены какие-то полости в земле (а ведь в нём раньше жили священники из собора).

Один из старожилов рассказывал, что в 1950-х гг., когда собор передали Горводоканалу, при рытье траншеи для фундамента накопительных баков внутри здания наткнулись на останки людей в истлевшей одежде. Очевидно, это были закопанные прямо в храме жертвы репрессий 1930-х гг. В то время собор был уже закрыт, а жители соседних домов видели, как по ночам к нему подъезжали «чёрные вонки» и боялись даже думать о том, что происходило за толстыми стенами. В 1990-х гг., когда Горводоканал освободил собор, энтузиасты-краеведы организовали субботники по расчистке здания от накопившегося за долгие годы хлама и мусора. Под звонницей были откопаны две боковые наклонные лестницы, упирающиеся в глухие стены, а между ними в слое земли обнаружили человеческие останки – череп и несколько костей, залитых известью⁴.

В алтарной части в одном месте легко вынималась рыхлая земля вперемешку с целым и битым кирпичом. Конечно, сразу подумали, что это ход, но дальше раскапывать не стали, опасаясь навредить зданию⁵. Обратили внимание и на одну из ниш в стене, на которой были обнаружены крючья для навески ставен. Но они

*Тройная ниша в поперечной стене подвала здания наркодиспансера (быв. дом Кутырёва).
Июль 2006.*

были расположены таким образом, что ставни могли открываться только внутрь, а в современном состоянии этому помешала бы-имеющаяся кирпичная кладка⁶.

Для изучения состояния фундамента у северной стены собора копали траншею и на глубине двух метров наткнулись на скелет в странной позе на боку с поджатыми ногами и руками, головой на восток, что явно не соответствует православному захоронению. Решили, что останки, возможно, принадлежат погибшему по какой-то причине строителю, закопанному без похоронного обряда, или мусульманину. Кроме того, известно, что при прокладке водопроводной магистрали от Горводоканала в сторону центра города в 1960-х гг. на глубине 2-3 метров были вскрыты несколько могил. В одной из них найден православный крест⁷.

Неразрывно связано с Соборной площадью и здание педагогического института им. П.П. Ершова (бывшее духовное училище или «бурса»). Культурный слой земли вокруг здания в некоторых местах составляет до 2-х метров. Из рассказов много лет проработавшей в институте А.Н. Смирновой следует, что в здании очень интересный подвал и наверняка имеются подземные ходы. Возможно, один из них находится в северной части здания и идёт в сторону реки Ишим. Она утверждает, что спускалась в него и слышала над головой шум автобусов, проезжающих по ул. Ленина. Второй на-

ходится под подсобным помещением слева от входа со двора и спускается вниз несколькими узкими лестничными маршами, но в него она спуститься побоялась. Третий – в южной части здания за глухой кирпичной стеной. Но краевед Г.П. Кузурманов, также много лет проработавший в пединституте и детально исследовавший здание и подвал, отрицает наличие каких-либо ходов. А вот неизвестное помещение в подвале в южной части здания им действительно было обнаружено на старом плане. И после того, как разобрали кирпичную кладку, оно представало перед глазами. Впоследствии его превратили в склад.

Не меньшими тайнами и загадками овеяно здание тюремного замка (ул. К.Маркса, 2). Ходят слухи, что вокруг него имеются подземные каменные мешки и ходы. Г.П. Кузурманов вспоминает, что в сентябре 1943 года между зданием тюрьмы и школой № 1 образовался провал в направлении с юга на север длиной около 4-х метров. Бывший начальник медицинской службы артиллерийского полка майор Руцкий рассказывал, что в 1960-х гг. при проведении земляных работ на территории военного городка был вскрыт кирпичный ход, идущий от тюрьмы в сторону Троицкой церкви (за зданием нефтепроводного управления). Один из солдат спустился и прошел некоторое расстояние по направлению к зданию тюрьмы, но наткнулся на металлическую дверь, запёртую изнутри. На

*Коридор в подвале 1 корпуса ИГПИ
(быв. духовное училище).
Январь 2006.*

этом исследование закончилось⁸. Как рассказывал бывший заместитель главы администрации города Г.А. Малышкин, при расчистке площадки для установки памятника Александру Одоевскому была вскрыта полость в земле. Но, как всегда, её быстро засыпали. Кроме того, неоднократно проседал грунт в этих местах поперек улицы К.Маркса. А в 1940-е гг. в просевший грунт провалился колёсами лесовоз. Таюке говорили, что от тюрьмы есть ход на заимку купца Колмакова (училище № 26)⁹.

Сложные подземные сооружения находятся на территории вино-водочного завода и, по словам главного механика Л.И. Колосова, имеют не менее двух ходов. Один из них идёт к реке Ишим (возможно, для отведения отработанной воды), а другой – к центру города¹⁰. Не этот ли ход вскрыт в городском парке?

Заслуживает внимания усадьба доктора Даниеля (ныне станция юных натуралистов). В 1980-х гг. в сарае этого дома была обнаружена подцветочная тумба, сделанная самим доктором, а в тайнике внутри этой тумбы газета «Известия» от 7 октября 1917 года по старому стилю, изданная в Смольном. Также из земли была выкопана карта Российской империи начала XX века, сделанная на каком-то особом материале и хорошо сохранившаяся¹¹. Заинтересованные этими находками председатель совета музея здравоохранения Т.В. Сажина, главный врач детской больницы В.И. Казанцев и я решили обследовать подполье. Там мы обнаружили несколько глубоких ям, а также черепки от горшка с прилипшей известью (по рассказам, горшки с золотом заливали известью и закапывали на хранение в землю). Оказывается, мы были не первыми. Случайно я наткнулся на воспоминания известного в Ишиме человека – члена городского общества «Знание» Н.П. Столярова, в детстве проживавшего по соседству с Даниелем и дружившего с его детьми: «...Начитавшись приключенческого и вооружившись одним электрическим

фонариком, мы группой лазили по подпольям их дома и искали клады. Вылазки оканчивались тем, что, выбравшись оттуда, мы были выпачканы и завешаны тенётами, но разговоров было много, а ямы в подполье приводили к заключению о том, что мы уже опоздали и что до нас эти клады извлечены...»

Обширные подземелья имеются в старой аптеке по ул. Ленина и, очевидно, они до конца не открыты. Как рассказывал врач-рентгенолог Ю.П. Стафеев, в каменных кладовых, расположенных на территории аптеки, в 1960-х гг. оборудовали рентгеновский кабинет. Во время расчистки помещения у одного из рабочих при ударе выскользнул из рук лом и улетел вниз в какую-то пустоту.

В 1950-х гг. я жил рядом с современным военкоматом (дом купца Перминова) по ул. Луначарского. Мы с ребятами не раз бывали в подвале этого дома. Помню огромное помещение и в укромном месте колодец. Мы в него бросали камешки, и они довольно долго летели, прежде чем раздавался всплеск воды. Недавно я вновь хотел посетить это подземелье. Но, к сожалению, это не удалось, так как оно затоплено водой. Вероятно, это результат неразумной хозяйственной деятельности. Как рассказал завхоз военкомата Н.И. Саджаровец, когда-то хотели углубить подвал и разломали дренажные трубы для отвода грунтовых вод в колодец (очевидно, тот самый). В результате теперь в подвале постоянно стоит вода.

Следует отметить, что с 1970-х гг. уровень грунтовых вод на прилегающих улицах стал намного выше, о чём свидетельствует затопление погребов, которые раньше всегда были сухими. И что интересно, при повышении уровня воды в подвале военкомата вода появляется и в подвале расположенного напротив здания медицинского училища (дом купца Волкова). Ходят слухи, что между этими зданиями существует подземная связь. А кроме того, я не раз слышал, что есть ход на территорию бывшего пивоваренного завода и даже к тюрьме. И тому есть косвенные подтверждения. В северной части у входа в здание военкомата образовался провал, в который засыпали несколько машин щебня, но земля продолжает оседать.

Кроме того, я был свидетелем ещё одной тайны, связанной с этим домом. В тех же 50-х гг. говорили, что из Америки пришло письмо от бывшей прислуги, когда-то работавшей в этом доме. В нём сообщалось, что когда хозяева покидали дом в гражданскую войну, то закопали драгоценности между двумя деревьями в саду у восточной стены здания (в сторону типографии). Я помню, что солдаты копали траншеи между тополями (их в то время было не менее десяти), а рядом круглосуточно дежурили милиционеры. Нашли клад или нет – этого я не знаю.

*Раскопки под сводами притвора
Богоявленского собора.
Сентябрь 1989. Фото В.В. Ипполитова.
Из фондов ИКМ.*

Не меньший интерес представляет Дом детского творчества (дом купца Пенькова, впоследствии окружное казначейство и полицейское управление). Вокруг него на территории сквера периодически образовывались провалы. В 1970-х гг. энтузиасты А. Бучинский и Н. Ворохобов, пытаясь их вскрыть, наткнулись на кирпичную кладку. Но дальнейшие раскопки им запретили¹². Интересен и подвал, в котором имеются разновременные глухие, явно перестроенные, кирпичные перегородки. А на первом этаже здания одна из внутренних стен неизвестно широко, при простукивании отдающая пустотой, что наталкивает на мысль о возможном тайнике.

Существует предание, что один из якобы имеющихся подземных ходов идёт от этого здания под ул. Луначарского на территорию расположенной напротив бывшей усадьбы Пеньковой (ныне это место занимает здание бывшей районной больницы). По некоторым сведениям, с этим же домом связан дом старого военкомата по ул. Пономарёва (дом купца Кутырёва), в котором имеются два подвала с разными входами. В одном из этих подвалов находится дверь, за которой, по словам много

*Захоронение, обнаруженное под
притвором Богоявленского собора
(кости, залитые известью).
Сентябрь 1989. Фото В.В. Ипполитова.
Из фондов ИКМ.*

лет проработавшего в этом здании бригадира мастерской «Медтехника» И.М. Пороховнюка, никто не бывал. По рассказам работников Горводоканала, где-то недалеко от этих зданий (в сторону здания городской администрации) при проведении аварийных работ провалилась техника. Когда её вытащили, то обнаружилось кирпичное подземное помещение, которое, конечно, сразу засыпали.

При сносе старой гостиницы на углу улиц Пономарёва и Советской (дом купца Сурнина) среди дворовых построек было обнаружено неизвестное до того глухое кирпичное помещение с какими-то подземными связями.

Водитель станции скорой помощи А.Г. Латышев рассказывал, что напротив поликлиники по ул. Пономарёва у брандмауэра (кирпичная противопожарная стена) давно проваливается земля. Жители окрестных домов её засыпают мусором, но всё куда-то уходит.

У здания главпочтамта в 2003 году копали котлован под фундамент вышки и обнаружили кирпичную стену с заложённой дверью.

При проведении земляных работ по ул. Береговой был откопан водопровод из труб, изготовленных из стволов деревьев, очевидно, идущий к бывшему пивзаводу Баева¹³.

На территории города существует ещё немало других старых зданий, имеющих подвальные помещения: музей на ул. Ленинградской (церковноприходская школа); народный суд (дом причта Никольской церкви) на ул. Чайковского (бывшая Старо-Большинская); милиция (дом купца Бокарёва), старое здание кондитерской фабрики, прокуратура, школа-магазин (лавка купца

Александр Ключков показывает место на берегу реки Ишим, где в 1950-х гг. был обнаружен кирпичный свод. Май 2006.

Желтышева) на ул. Пономарева (бывшая Старосенная); магазины № 1 и № 2, торговые ряды на ул. Луначарского (бывшая Мало-Никольская); Дом ребёнка (дом Дудзинской, Каменского), двухэтажный жилой дом (гостиница Ещенко), музыкальная школа № 1 (дом купца Тюхова), кафе «Отдых» и здание комитета по молодежной политике (дома причта Троицкой церкви), музей (Городская управа), клуб воинской части (Троицкая церковь) на ул. Ленина (Большая Никольская); детская библиотека (дом Постникова), двухэтажный жилой дом с брандмауэром (дом Лиханова) на ул. Просвещения (бывшая Плац-Парадная); деревянный дом на ул. Суворова (дом Хайкиной); двухэтажный кирпичный жилой дом (бывшая мельница, в 1930-е гг. – тюрьма) на ул. Артиллерийской; старые здания военного городка по ул. К.Маркса и другие¹⁴.

Многое для изучения нашего наследия, конечно, безвозвратно утеряно. Сносятся старые здания, а с ними уходят и их секреты. За фасадами следят, а вот большинство подвалов, которые я сумел осмотреть – в плачевном состоянии. Они отсыревают, так как подтапливаются, а вентиляционная система не функциониру-

ет. Кирпич превращается в песок, что создаёт угрозу сохранности зданий.

Мне удалось собрать и изложить лишь малую часть сведений об ишимских подземельях. Многие из них, очевидно, являются только предположениями. Отдавая дань уважения преданиям и легендам, дошедшим до наших дней, необходимо более серьёзно и детально, с привлечением специалистов, изучать сохранившиеся подземные сооружения, как важную часть истории строительства и архитектуры прошлого. Нераскрытые загадки и тайны наших предков ждут людей активных, пытливых, любознательных, неравнодушных к истории своего края – малой родины.

Предисловие, примечания и фото – Г.А. Крамор (кроме фото на с. 29).

Примечания

1 Исследование фотографий города 1910-х гг. показывает, что в этом месте находилась усадьба. Скорее всего, строители наткнулись на свод засыпанного погреба.

2 А.Н. Ключков, живущий неподалёку от этого места, на ул. Л.Толстого, вспоминает, как в детстве, в конце 1950-х гг., он с товарищами попытался исследовать этот «ход». Свод открывался на крутом обрыве берега, примерно в полутора-двух метрах от его верхнего уровня. Ребятам удалось прокопать вход в подземелье, в котором Саша Ключков сумел проползти несколько метров. Далее продвижение оказалось невозможным.

3 Прокладка водопроводных и канализационных коммуникаций (глубиной около 2-х метров) на Соборной площади в конце XX века показала полное отсутствие подобного хода.

4 Настоятель Богоявленского собора епископ Евтихий, принимавший участие в реставрации собора с самого начала работ в 1989 году, полагает, что храм возведён на месте старинного кладбища времён Коркиной слободы. Эту версию подтверждает и тот факт, что согласно планам города конца XVIII – начала XIX вв. собор был построен на несколько метров к юго-востоку от деревянной слободской Никольской церкви. Вероятно, у неё же и производились захоронения первых поселенцев. При строительстве собора часть захоронений была вскрыта, а кости перезахоронены с заливкой известью, в санитарных целях (например, для предотвращения от сибирской язвы или холеры).

5 Тот же епископ Евтихий полагает, что это были пряжки – углубления, сделанные для коммуникаций водопровода. При реставрации собора удалось обнаружить по углам остатки конструкций пола – продольные балки лежали на коротких деревянных столбиках. Да и сам фундамент собора неглубок – в плотных грунтах, на которых стоит Ишим, в особенности часть города, называемая Киселёвкой (где находится собор) ход можно сделать только открытым способом, посредством траншеи. Что, во-первых, полностью его разоб-

пачает, делая абсурдной саму идею тайного хода. А вторых, делает сооружение весьма дорогостоящим.

6 Вероятно, речь идёт о нише в юго-восточной части стены трапезной. Скорее всего там, где была дополнительная дверь в притвор, позднее заложённая.

7 По мнению епископа Евтихия, это захоронение также принадлежит старинному кладбищу. Кроме того, после постройки собора вокруг него производились захоронения духовенства и видных горожан. Известно, например, что у северной стены похоронен врач К.Д. Даниель, а у восточной стены, напротив алтаря – священник Пётр Петрович Овчинкин (ум. в 1907 г.) с супругой Верой Ивановной (по данным И.М. Ширшова). При строительстве соборной котельной на этом же участке наткнулись на захоронение неизвестного мирянина. Кроме того, когда в начале 1990-х гг. в северной части Соборной площади началось строительство памятника воинам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, при рытье траншей также обнаружались древние захоронения. Находились они на глубине 1-1,2 метров от верхнего уровня почвы. Кости лежали в гробах-колодах, находили также куски кожи от одежды.

8 Фотограф С.С. Сафронов также указывает на случаи обнаружения неких ходов или подземелий на территории воинской части, которые тут же засыпали землёй, дабы в них не терялись солдаты. Здесь следует вспомнить, что вся западная часть территории военного городка, от клуба (бывшей Троицкой церкви) до бывшего дома Постникова (по оси ул. Лермонтова) – снесённое городское кладбище, захоронения на котором производились в течение почти всего XIX века. Епископ Евтихий обращает внимание на дореволюционную традицию устройства семейных-склепов. Эти подземные сооружения вокруг могил, обложенные кирпичом и перекрытые кирпичным сводом, имели порой очень разветвлённую планировочную структуру. По его мнению, и провалившийся в 1962-63 гг. у северной стены собора грузовик с углём также попал в обрушившийся склеп. Из него дети доставали кости и череп, а сам «ход» упирался в кирпичную стенку.

9 Староста прихода Богоявленского собора П.Н. Стоянов рассказывает о том, что во время реконструкции помещения в северо-западном крыле здания бывшей тюрьмы в 1994-95 гг. рабочие при копке грунта наткнулись на свод, идущий под землёй в сторону памятника Одоевскому. Ход был раскопан в длину метра на два, в итоге же нашли только кучу костей животных. По мнению епископа Евтихия, провалы на территории тюрьмы ведут в заброшенные канализационные коммуникации и подсобные погреба (для хранения продуктов и пр.).

10 Скорее всего, эти ходы относятся к системе водопроводных коммуникаций винного склада, устроенных ещё до революции.

11 Карта эта (как и газета) ныне находится в фондах ИИМК. Действительно, трудно поверить, что она пролежала в земле несколько десятилетий. Однако никаким «косым материалом» она не отличается: это картографическая бумага, наклеенная на обычный холст.

12 Приводилось слышать рассказы о существовании хода из здания на двор (у северной стены) и даже до корпуса городской тюрьмы, через обширную Базарную

*Коридор первого этажа бывшей ишимской тюрьмы (ныне жилой дом).
Январь 2004.*

площадь (по которому якобы переправляли арестантов из полицейского управления). Конечно, государственному ведомству никогда бы не выделило огромной суммы денег, требовавшейся на сооружение такого хода.

13 О существовании такого водопровода, построенного в 1920-х гг. от бывшей водоразборной будки водопровода винного склада (ныне сторожка городского парка) до пивзавода на углу улиц Чкалова и Луначарского, рассказывал в 1990-х гг. ныне покойный сторожил А.А. Мантицкий. Кстати заметить, что существует легенда о подземном ходе, идущем из кирпичного здания водонапорной башни станции Ишим.

14 С.С. Сафронов указывает на провал с кирпичным сводом, найденный при строительстве здания на усадьбе на ул. Пролетарской, по соседству с бывшей детской стоматологической поликлиникой (ул. Ленина, 7). Также ему рассказывали про некий ход во дворе дома по ул. Ленина, 16. Вспоминается и история, произошедшая летом 1996 года. Во дворе дома на улице Карасульской, недалеко от речки, при рытье погреба на глубине 2,5 метров обнаружился кирпичный свод. Хозяин усадьбы «рядом откопал кирпичную стену с отверстиями, похожими на бойницы, а за ними ещё один арочный узкий проход». Событие сразу обросло легендами, согласно которым где-то в Ишме могут храниться документы и драгоценности из «золотого эшелона» Колчака, которые вывез сюда «генерал, который два месяца находился в Ишме со ставкой командующего Восточным фронтом» (см. заметку ныне покойного журналиста А.И. Бучинского: Вой ещё клды в земле // Наша планета. – 1996. – № 14. – С. 3).

Колючий январь двадцать первого

Командарм Гриша Атаманов

...Ранней весной 1997 года я впервые приехала в село Смирное Казанского района, чтобы узнать от земляков о судьбе Григория Атаманова — командира повстанческой Ишимской армии, состоявшей из шести тысяч человек. В сельской школе мне посоветовали зайти к старейшей жительнице Евдокии Михайловне Агарковой. Было холодно и грязно, моросил дождик. Пришлось долго стучаться в ворота, но из дома никто не откликнулся. «Неужели перед самым моим приходом бабушка отдала Богу душу, и я не увижу единственного человека, который лично знал Григория Денисовича?» При этой мысли со всего размаху ударила по воротам, которые немедленно распахнулись. Влетев в дом, с криком: «Евдокия Михайловна, вы где?» — увидела испуганную старушку, которая, услышав шум, приподнялась на кровати, где она нечаянно заснула, читая книгу. Было тогда Дуне Стёпиной, как её прозвали односельчане, за девянство. Однако на подоконниках её небольшого, чисто убранного домика вовсю зеленела помидорная рассада.

Присев после этой трагикомической сцены на кровать в той части дома, которая называется избой, я рассказала о цели приезда. Евдокия Михайловна вспомнила, как под ростком частенько прибежала к Григорию, торговавшему в магазине. Она, как и многие жители села, сдавала Атамановым молоко, из которого те сбивали масло. В обмен на молоко в лавке можно было приобрести любой товар. За такую работу неженатого, невысокого и светловолосого Гришу звали в деревне «белоручкой». Он всегда был «наглаженным и начищенным».

Моя случайная знакомая надолго осталась в памяти. Через два года после нашей встречи, как мне рассказали её земляки, она собрала детей, велела заранее принести из сарайки доски, на которые её надо будет положить, попрощалась со всеми и к вечеру померла...

За последние годы я не раз возвращалась к этой теме, находила новых свидетелей, которые, со слов своих родителей, вспоминали те мятежные годы. Буквально по крупицам пришлось восстанавливать историю семьи Атамановых.

А начиналась она с Дениса Чайкина, который по неизвестной причине сменил в середине XIX века свою фамилию на более грозную — Атаманов, — и вместе с Захаром Мошковым перебрался в Сибирь. Бежал он сюда, или был сослан, или по собственному желанию переехал — история о том умалчивает. Денис Михайлович женился на смирновской девушке-Вере Павловне Тагильцевой. У них родилось четве-

Григорий Атаманов во время прохождения военной службы в царской армии.

Томск. 2 февраля 1916. Из фондов ИКМ.

ро сыновей: Иван, Пётр, Владимир и Григорий, который появился на свет 29 января 1898 года и был крещён в деревянной церкви Покрова Пресвятой Богородицы священником Петром Тверитиным в селе Смирновском. Эту запись в метрической книге я обнаружила случайно в ишимском архиве несколько лет назад.

«Тобольские епархиальные ведомости» от 16 марта 1908 года сообщали о благодарности от епархиального начальства за пожертвования в пользу церкви крестьянину села Смирновского Денису Атаманову. Вспоминает Александр Павлович Третьяков: «В доме Атамановых магазин и столовая для рабочих были на первом этаже, а на втором жили хозяева. Мужики, работавшие у Атамановых, рассказывали, что если захочешь поесть — идёшь в столовую и жрёшь сколько хочешь, да ещё и хлеба дадут». Из рассказа старожиллов запомнили смирновцы случай, как приехал «из Расви» отец Дениса Атаманова и, приплясывая около двухэтажного дома сына, загадочно присказывал: «Вот где панские гроши!»

«Тобольские губернские ведомости» от 23 июля 1902 года сообщали, что в 1899 году в селе Смирновском Денис Михайлович Атаманов открыл маслодельный завод, который перерабатывал в год до 13000 пудов молока. В справочной книжке для приезжавших на Ирбитскую ярмарку сообщается, что Денис Атаманов продавал в 1900 и 1901 годах жировой товар, а покупал железные изделия. «Ездил Атаманов торговать и в Петропавловск, — продолжает Александр Павлович. — А возвращался в женской одежде, чтобы не узнали и по дороге не ограбили». На вопрос же, что он знает об Александре Захаровне Ельцовой, мой собеседник отвечал, что она была «своя» Атамановым. Гриша занимал особое место в её судьбе.

Из доклада командира 85 бригады ВНУС Н.Н. Рахманова Помзглавкому о подавлении повстанческого движения в Тюменской губернии с 10 февраля по 24 марта 1921 года:

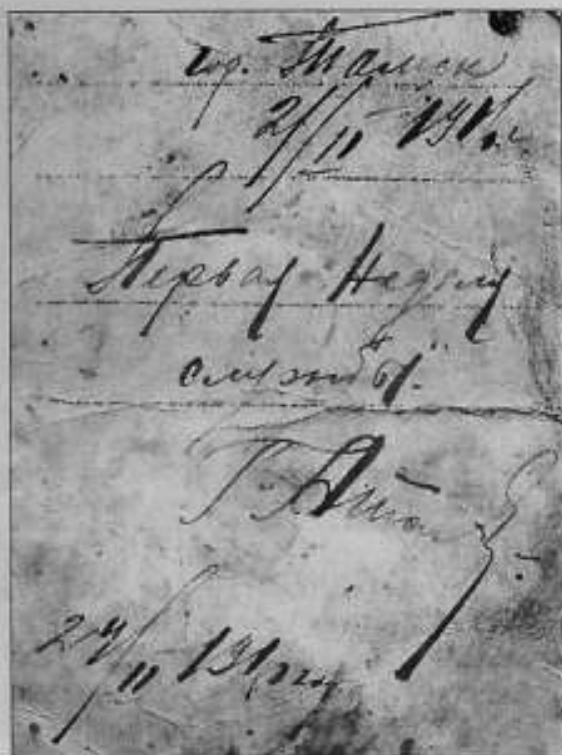
«Одной из главных причин, в конечном счёте вызвавшей восстание, безусловно, является продовольственная развёрстка (включительно: хлебная, мясная, шерстяная, масляная и пр.), самый факт которой был ненавистен собственническим инстинктам крестьянства и в психологии последнего представлялся грабежом казны. Это представление крестьянства усиливалось многими случаями недостойного поведения продотрядов, действовавших по изъятию развёрсток, а именно: пьянством, побоями, непрерывными угрозами оружием и другими самочинными действиями, напоминающими поведение завоевателей в чужой стране.

Другой причиной послужили ошибки продовольственной политики, примером которых могут служить: шерстяная развёрстка начала проводиться поздно осенью, вследствие чего остриженные овцы (в Голышмановском районе) погибли от холода, в некоторых местностях в развёрстку отбирался даже семенной хлеб, чем подрывались совершенно крестьянские хозяйства. Третьей причиной — гужевая повинность и лесозаготовительные работы, за которые крестьянство не получало даже фуража. При всём этом отсутствовала агитационно-разъяснительная работа лучшими силами, крестьянам не разъясняли, зачем у них отбирают хлеб и скот»¹.

Москвич Иван Иванович Чашков долгие годы работал в архивах, собирая материал для многотомного труда «Страдный путь», посвящённого истории родной деревни Чирки Казанского района. Путешествуя по деревням, он записывал воспоминания старожилов. На наше счастье записал и рассказ Александры Ельцовой: «Бандиты приехали в Смирное из Локтей. В нашем селе была артель, в которую входило 26 дворов. Члены артели согнали вместе скот, свезли семенное зерно. Жили в артели один месяц. В тот страшный день мой муж ушёл на собрание. Я сготовила ужин и пошла за ним. Он вышел из горницы в избу и сказал, что скоро собрание закончится, и он придёт домой. В этот момент влетели мужики с пиками, крича, что Советская власть пала. Забрали всех мужиков и баб. Я спряталась за печку, сноха притаилась на полатях».

Коммуну «Красный восток» в селе Смирном организовал Георгий Ростов. Каждый день в его доме собирались крестьяне. Здесь их и арестовали повстанцы. Одеваясь, Георгий Титович сказал жене: «Матрёна, меня точно убьют». На озере около села Дальне-Травное всех коммунаров убили, а в деревню после подавления мятежа привезли смёрзшуюся глыбу мертвых, изуродованных тел.

Коммунарку Александру Ельцову, беременную четвёртым ребёнком, Григорий Атаманов

Оборот фотографии с автографом Г. Атаманова. Из фондов ИКМ.

убивать не дал. «Нас посадили в пустой дом, — продолжает Александра Захаровна. — Там мы сидели целую неделю. В доме было очень тесно. В это время мои ребятишки ходили по улице и ревели, пока их не взяла моя сестра Екатерина. Бандит Артюха говорил, что детей убьют, а нас сожгут». По словам Зинаиды Ильичны Крамор, внучки Ельцовой, «дети в погребке просидели больше месяца, еду им спускали на верёвке».

Донесение командира 1-го повстанческого корпуса Г.Д. Атаманова в Петуховский районный штаб

Село Локтинское, февраль 1921 года

«Довожу до вашего сведения, что наши войска заняли деревни вблизи Ишима: Ново-Локти и Кислое. Необходимо требуется, срочное дело — взять Ишим. Нужны силы, а наши силы уже ослабели ввиду всевременного боя. Прошу по возможности, если имеются в вашем распоряжении войска, то командуйте частью с пулемётами.

Командир корпуса Атаманов, начальник штаба Щетков»².

Григорий Атаманов стал командармом с первой половины февраля 1921 года. Затем повстанцы заподозрили его в измене и, согласно постановлению собрания представителей Укутского, Петуховского, Песьяновского отряда, отрядов Холкина, Плотникова, Глушникова, отстранили от должности и отправили под над-

Отряд под руководством Григория Атаманова.
Фрагмент настенной росписи. 2001. Масло. Художник Р. Симанов. ИКМ.

зор в Укузский штаб. Очевидно, Атаманову удалось оправдаться, и в конце февраля он опять вступает в командование армией. Но 4 марта на собрании представителей Огнёвского штаба, отрядов Орловой-Губы ему было вновь отказано в доверии. Однако Григория в третий раз избирают командармом, причём на этот раз он взял гарантию, что все его приказы будут исполняться беспрекословно. Военную науку Атаманов знал не теоретически: в 1916 году он был призван на службу в тогда ещё царскую армию.

Штаб Атаманова производил мобилизацию сапожников. Женщины шили халаты для лыжных команд, в сельских кузницах изготавливались пики. Были организованы ружейные мастерские в сёлах Ражевском, Истошинском, Бердюжском, где чинили шашки, револьверы, пулемёты, винтовки, изготавливали заряды для дробового оружия, трещотки для имитации пулемётных выстрелов и деревянные макеты орудий.

Из доклада командира 85 бригады ВСУ Н.Н. Рахманова Помглавкому о подавлении повстанческого движения в Тюменской губернии с 10 февраля по 24 марта 1921 года:

«Попавшие в плен к бандитам красноармейцы сначала отправлялись в тыл и содержались под надзором караулов, а затем с первых чисел марта из красноармейцев стали формироваться отряды и посылаться на фронт. Одним из приказов Атаманов предлагает устранить наблюдавшиеся случаи мародёрства, обирания убитых и раненых красноармейцев, принимать их по-братски, виновных в самосудах и

жестокостях привлекать к ответственности и наказывать теми же способами, что и пострадавших. Несмотря на этот приказ раненые и больные красноармейцы очень часто подвергались зверствам: выкалывались глаза, отрезали пальцы, носы и пр.»².

Снабжение армии продовольствием производилось отчасти из осыпных пунктов и продконтор. Каждый народоармеец получал по три фунта хлеба и четверти фунта мяса. Принимались самые суровые меры против дезертирства. Никто не мог отлучиться из части без разрешения своего командира и увольнительной записки, которую надо было зарегистрировать в волостных коменданствах. Было принято решение раскатывать избы дезертиров, как изменников народному делу. В последний период восстания оставление рядов повстанческой части рассматривалось как тяжчайшее преступление против народа и каралось расстрелом. Для агитационной работы привлекались учителя, псаломщики, попы, которые писали и распространяли прокламации. Много воззваний было обращено к красноармейцам. Ежедневно выпускалась сводка, которая через местные штабы прочитывалась населению. Штабом Атаманова было выпущено до 50 приказов по различным вопросам.

Выписка из приказа № 4 главного повстанческого штаба Ишимского фронта Село Окунёво, 7 марта 1921 года
«(..) № 3. Всех передовых бойцов вверенно-го мне фронта прошу крепко держать пику в

Починка оружия для отряда Атаманова. Фрагмент настенной росписи. 2001. Масло. Художник Р. Симанов. ИКМ.

Взятие села Смирновского отрядами красноармейцев. Фрагмент настенной росписи. 2001. Масло. Художник Р. Симанов. ИКМ.

руках и не поддаваться льстивым речам коммунистов и их шпионов. Лишь только самодеятельность и крепкий дух в рядах армии помогут нам сломить дух коммунистов.

№ 4. Объявляю для сведения, что доблестные войска дивизии Бардакова шагают гигантскими шагами вперед по направлению к гор. Петропавловску. Надеюсь, что мы последуем их примеру.

Параграфы 3 и 4 прочесть во всех ротах и командах.

Главкомандующий Ишимским фронтом Атаманов»*.

«Когда к Смирному подошли красные, нас перевезли в Окунёво, — продолжает Александра Захаровна. — Посадили в подвал. Было холодно. Одна женщина отдала мне шубу, а себе взяла мой зипун. В ту ночь сидели семеро мужчин, восемь женщин и один мальчишка». Коммунаров охранял повстанец. У Александры Ельцовой начались роды, её крики услышала жена охранника, которая принесла мужу еду. «Баба рожаёт, коммунарка», — сказал повстанец. Заплакала женщина: «Побойся Бога, ведь у нас у самих дети!» Женщина забрала Александру к себе домой. Однако новорождённый мальчик, которого нарекли Алексеем, прожил всего два дня.

Помня добро, Александра Ельцова, которую в деревне уважительно называли просто Захаровна, до конца жизни частенько навещала своих окунёвских спасителей. До самой смерти молилась и за Григория. Говорила, что его, заподозрив в измене, убили свои. Вспоминала последнюю встречу, когда «Гришка сказал: меня убейте, за чем вы будете женщин убивать?» Его и убили, а женщин повезли дальше в деревню Половинку.

Старики рассказывали, что Григория Денисовича арестовали в Окунёво. Поздно ночью он вывел за околицу двух запряжённых лошадей: решил незаметно скрыться. Но, вероятно, за ним следили, и побег не удался. Теперь можно только догадываться, кому предназначалась вторая лошадь. Атаманова расстреляли в Уктузе. Было командарму всего 23 года.

...И ещё одна удивительная находка связана с именем Григория. Нам неизвестен облик большинства руководителей Ишимского восста-

ния. И только фотография Гриши Атаманова, с его собственноручной подписью, чудесным образом сохранилась в семье его односельчан Силиных.

«Деревню Травное обороняли отчаянно...»

У меня особое отношение к селу Ново-Травному. Оно связано с трагическими событиями самого крупного в России крестьянского восстания 1921 года. Появился этот интерес после рассказа старого деда, который работал сторожем в Богоявленском соборе, — к сожалению, его имени уже не помню. Это был правдивый рассказ о тех грозных событиях, которые еще пятнадцать лет тому назад назывались «кулацко-эсеровским мятежом». Он говорил о том, как героически защищалось село, как расстреливали травнинских мужиков у реки, а весной вода была красной от крови. Через много лет я нашла документальное подтверждение его словам, в рассекреченном докладе комбрига красных Николая Николаевича Рахманова.

Из доклада командира 85 бригады ВНУС Н.Н. Рахманова Помглагому о подавлении повстанческого движения в Тюменской губернии с 10 февраля по 24 марта 1921 года:

«Целый ряд боев показал нашим частям, что с повстанцами нужно считаться, как с силой. Особенно отважно, отчаянно бандиты вели оборону селений, обнаружив при этом высокие качества выдержанности, инициативы, дисциплинированности, полной согласованности действий своих отрядов и поддержания самой прочной связи, взаимопомощи, умения сорганизоваться в обстановке и нередко проявления высокой доблести и самопожертвования. В полевых схватках повстанческие отряды обычно не выдерживали и бежали, отчасти потому, что они не могли противопоставить нашим отрядам достаточного оружейного и пулемётного огня. На защиту своих селений во многих случаях про-

**«Побег Гриши Атаманова»
из села Окунёво.**

Фрагмент настенной росписи.

2001. Масло. Художник Р. Симанов. ИКМ.

водили великолепно, стойко держались при самых тяжёлых условиях: под артиллерийским обстрелом, пулемётным огнём, в горящих деревнях и наносили значительные потери нашим частям своим метким огнём и атакой. Таковы были случаи при наших наступлениях на д. Травное, д. Локти, д. Песьяново, д. - Босоногово, д. Аромашево и др. Засевши в окрестных, часто горящих деревнях, нередко под огнём артиллерии, бандиты не теряли духа и спокойно, без лишней траты патронов, расстреливали из-за укрытий наши цепи, выбивая почти весь комсостав, умело бросали в наши тылы и на фланги полевыми тропами, специально протоптанными, конницы. Пользуясь знанием местности, повстанцы великолепно разведывают, пробираясь в тыл нашего расположения, и собирают ценный материал, часто вызывают панику среди наших частей и отрядов»⁵.

Совсем недавно мне рассказали случай, который произошёл в Ново-Травном в шестидесятых годах прошлого века. В сельсовет пришла пожилая женщина, деловито смоля «козьей ножкой», заряженной ядрёной махоркой и держа в руках клюку, которой многозначительно постукивала об пол. Игнашиха – так прозывали эту женщину – пришла требовать дрова на зиму. Когда за ней закрылась дверь, председатель таинственно шепнул собеседнику, что она возглавляла бабий бунт во время мятежа двадцать первого года. О том же говорит М.М. Агарков, ныне здравствующий житель села Травное (ему уже, слава Богу, за девяносто): «Игнашиха выскочила на улицу с криком: «Женщины, берите вилы и ухватывай!» Собравшихся крестьянок повела к амбарам. Красноармейцы, которые охраняли зерно, стали стрелять. Собралось много народа. Там, где сейчас правление, солдаты застрелили женщину... забодая его комар», – ввернул свою любимую поговорку Михаил Мефодьевич.

**Игнат Петрович Григорьев с женой
Татьяной Ивановной («Игнашихой»).**
Ново-Травное. 1950-е. Из фондов ИКМ.

Начало бунту было положено. Вспоминает внучка Игнашихи, Валентина Степановна Алексеева: «Бабушку звали Татьяна Ивановна Григорьева, она получила своё прозвище по имени мужа Игната Петровича. В небольшой роще недалеко от деревни до сих пор сохранились окопы, оставшиеся здесь после восстания. Весной в них накапливалась вода, женщины ходили полоскать бельё. В 60-е годы колхозники проводили там праздник «красной борозды».

...Дом культуры в деревне построили на месте церкви. Строители случайно выкопали гроб, нашли крест с цепочкой, а мальчишки по деревне таскали череп и руку священника», – вздохнув, добавила Валентина Степановна.

Из доклада командира 85 бригады ВНУС Н.Н. Рахманова Помглагому о подавлении повстанческого движения в Тюменской губернии с 10 февраля по 24 марта 1921 года:

«Обычно во всех направлениях, главным образом на дорогах и перекрёстках выставляются их заставы, а на подступах отдельные полевые караулы и секреты. Главные силы располагаются внутри селений, которые баррикадируются особыми частоталами, сохами, боронами, плугами, косилками, жнейками, если позволяют условия, входы укрепляются засеками или проволокой, на колокольнях или крышах домов выставляются наблюдательные пункты, если есть – пулемёты, между дворами прокладываются ходы сообщения для прохода на позиции. Удобные места для обстрела укрепляются: в домах окна заваливаются мешками с песком, устраиваются бойницы, используются для этих же целей крыши сараев и домов... Наши цепи обманываются полной тишиной, царящей на улицах деревни, проходя по улицам к центру деревни. Тогда по сигналу начинается сильнейший обстрел из-за укрытия метким хладнокровным огнём. Наши части обычно ложатся под обстрелом бандитов, чем увеличивают потери от огня противника, а затем наши части

*Улица в селе Ново-Травном, где в 1921 году шли особенно ожесточённые бои.
Июнь 2004. Фото Г.А. Крамора.*

быстро отступают... Огонь всегда перекрёстный. В результате наши потери очень высоки, потери бандитов ничтожны».

Как-то, просматривая в ишимском архиве личное дело красноармейца Ивана Павловича Маринина, я обнаружила небольшую записку о том, что в феврале 1921 года «в Ишимском уезде село Травное участвовал в подавлении бандитского восстания, ранен в левую ногу, контужен не был». Мало кто знает, что Иван Маринин — отец известного детского писателя, книга которого «Баранкин, будь человеком!» опубликована на 20 языках народов мира (только в Японии вышло одиннадцать изданий). В 1937 году Иван Павлович приговорён к высшей мере наказания — расстрелу (якобы являлся участником контрреволюционной организации и проводил вредительскую работу в сельском хозяйстве). Через полгода с таким же тяжким обвинением арестована и мать будущего писателя. Четырнадцатилетний мальчик взял фамилию приёмного отца — так Валерий Иванович Маринин стал Валерием Владимировичем Медведевым...

Из доклада командира 85 бригады ВНУС Н.Н. Рахманова Помглавкому о подавлении повстанческого движения в Тюменской губернии с 10 февраля по 24 марта 1921 года:

«В деревне Травное бандиты оборонялись, будучи окружёнными нашей пехотой и кавалерией. Приходилось с боем брать бомбами и поджогами каждый дом. После нескольких часов уличного боя помкомполка тов. Лушников был убит, наши части понесли сильные потери убитыми и ранеными до 120 человек, был выбит почти весь комсостав, много красноармейцев обморозилось. В результате части

не выдержали и отошли на д. Кислое, а затем на дер. Быково, при отходе конница бандитов отрезала путь отступления двум ротам 256 полка, которые пробирались в д. Быково с боем».

Во избежание излишнего кровопролития при взятии деревни Ново-Травное «комбриг-85» Рахманов получил приказ из Омска от 22 февраля 1921 года:

«1) Установить имеющиеся у вас орудия на близких дистанциях и прямой наводкой метким огнём разрушить каменные строения, где засели бандиты.

2) Из числа охотников, наиболее отважных, организовать команды, которым поручить производить взрывы домов при помощи ручных гранат.

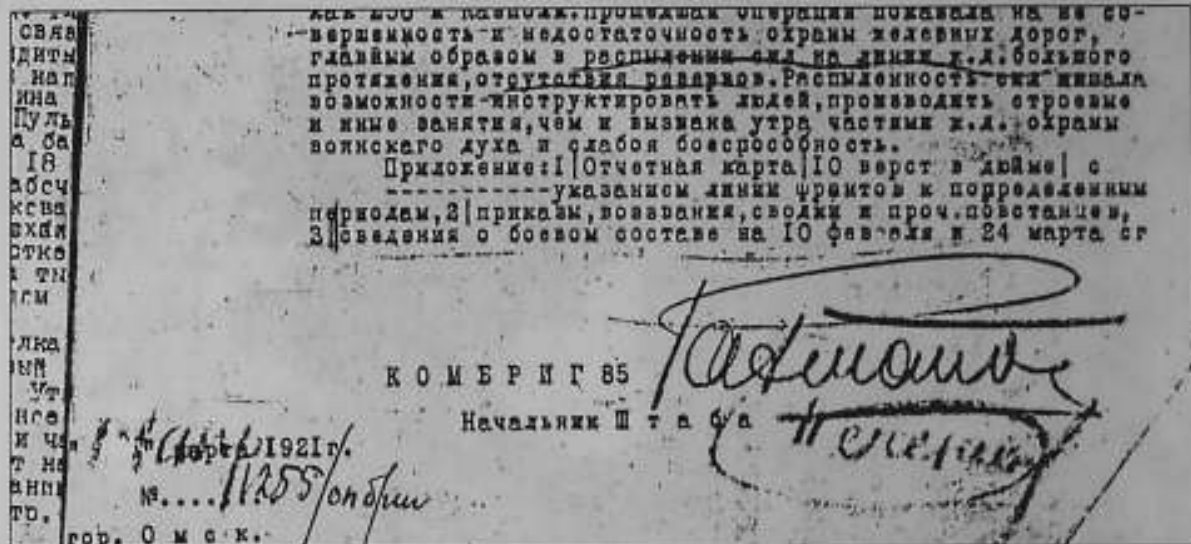
3) Организовать команды, которым поручить при помощи горючего материала производить поджоги домов.

По выполнении тщательной предварительной подготовки решительно атаковать деревню, стремясь окружить ее со всех сторон.

Помглавком. Наштасиб».

Однако наступление на деревню, предпринятое 24 февраля, вновь окончилось неудачей. Артиллерия стреляла с близких дистанций, но повстанцы встретили наступающих сильнейшим ружейным и пулеметным огнём. Мороз был настолько силен, что многие красноармейцы обморозились. Цепи стали редеть, орудия и пулемёты заклинило. Красноармейским частям пришлось отступить. Лишь 2 марта отряд 256 полка вновь атаковал Травное и с боем занял его.

«Во время атаки красных страшенно били церковные колокола и сильно бомбили дерев-

Автограф командира 85 бригады ВНСУ Н.Н. Рахманова Помглавному на докладе о подавлении повстанческого движения в Тюменской губернии. Март 1921. РГВА.

ню», — вспоминает Михаил Мефодьевич Агарков, которому во время восстания было семь лет. «В наш дом тоже попал снаряд и разбил крышу. Хорошо, дома никого не было, мы прятались в подполе у соседей».

Григорий Петрович Насекин вспоминает рассказы матери: «Перед боем убежал молоденький парень по имени Дмитрий. Он был ранен и лёг на койку. Мать, Пелагея Ивановна, хотела спрятать его в сенях и накрыть тулупом. Он не послушал. Вскоре в дом забежали красные и застрелили его прямо на кровати». Одна из старейших жительниц деревни Ново-Травное Татьяна Власовна Криволапова добавляла: «В нашей семье было семеро детей, отец умер от горячки ещё до восстания. Старший брат Андрей служил в Красной армии, его фотография, где он в форме и с красной повязкой на рукаве, спасла семью. Перед самым захватом деревни мама приколотила ее на стенку на самом видном месте, а мы в это время сидели в подполе. Когда зашли солдаты, то сразу увидели фотографию, и нас не тронули». Запомнила на всю жизнь Татьяна Власовна, как везли по деревне на санях трупы убитых коммунаров, спянные лютым холодом. Руки у них были подняты к небу. В таком виде и закопали их в общей могиле.

«После подавления восстания, — продолжает Григорий Петрович Насекин, — мужиков, захваченных в плен, собрали и куда-то повели. Старый дед спросил: «Сынки, куда мужиков забираете?» Красноармейцы ответили: «Да в плен повели!» Старик предложил: «Забирайте и меня», — «Пошли, дед». Мужиков расстреляли около деревни Синицыно из трёх пулемётов. Дали очередь, крикнули: «Кто живой, поднимайся». Мужики покорно встали. По ним ещё очереди. И так, пока не добились».

В деревне Синицыной я нашла двух старожилков и обратилась с просьбой помочь найти место расстрела и захоронения сотни восстав-

ших крестьян. Вера Даниловна Коровина родилась в соседней деревне Симановой в 1913 году и уже девяносто два года живёт в этих местах. Увидев её на лавочке, я предложила поехать с нами, но старушка ответила: «Подожди, переоденусь, я ведь работала, картошку мыла на завтра. Ещё печку сама топлю». Бабушка бодро засеменила к дому, помогая себе клюкой. Вскоре она появилась вновь и, подбодрив себя: «Ать-два», — с моей помощью забралась в машину. Мы поехали по центральной улице деревни, затем свернули на Южную, по направлению к речке Детель. «Вот здесь и расстреливали. Видишь, берег какой крутой», — показала Вера Даниловна. Я вышла из машины, перешла через мостик и оказалась на просторной пойменной поляне. Представила, как на противоположном крутом берегу стояли пулемёты. Кровью крестьян был залит снег, а весной, когда речка вышла из берегов, вода окрасилась в красный цвет...

Теперь надо было найти место захоронения мятежников. Бабушка предложила заехать к Ксении Антоновне Кокориной, которая по рассказам своих родителей знала место в бору, где захоронены крестьяне. Подростком, в сороковые годы, она собирала в этом лесу грибы. И уже тогда на могиле росли сосенки. «Площадь могилы была большая, — заметила Ксения Антоновна, — но никакого бугорочка не было. Просто все знали, что это братская могила».

Приехав в Синицынский бор, мы попытались найти место захоронения. Но, увы, за восемьдесят лет от могилы не осталось и следа. Действительно — победители не оставили ни креста, ни камня...

Только в мае 2006-го, накануне международной научно-практической конференции, посвящённой 85-летию восстания, чудом удалось точнее определить место братской могилы. Под-

В.Д. Коровина у калитки своего дома. Синицыно. Май 2006. Фото Г.А. Крамора.

сказала его Евдокия Яковлевна Смагина, которая работала в Ишимском доме отдыха, расположенном в том же Синицынском бору. Как-то шли они вместе с садовником Фирсом Никифоровичем Крашенининым, соседом по служебной квартире. Было ему в ту пору, в середине 1960-х, уже около семидесяти. Подошёл Фирс Никифорович к одной из сосен, погладил её и сказал: «Вот зарубка – здесь похоронены расстрелянные в 1921 году...» Сосна сохранилась. Растёт у самой дорожки, по которой беспечно и радостно прогуливаются отдыхающие.

«Самый опасный и бесстрашный бандит Ишимского уезда»

Такую характеристику дал красный командир Георгий Андреевич Буриченков Петру Семёновичу Шевченко, который возглавлял повстанческий отряд на севере Ишимского уезда во время крестьянского восстания 1921 года.

...Несколько лет назад в ишимском архиве был найден документ под названием «Августовские бои». На двух страницах, исписанных малоразборчивым почерком, сообщалось о гибели отряда Шевченко среди болот на так называемом острове Плита. Отряда, подчёркивалось, «бандитского». Хотя тут же указывалось, что ему, как ни странно, «население всеми силами оказывало всевозможные содействия». Больше о

Е.Я. Смагина показывает зарубку на сосне – здесь находится захоронение повстанцев из Ново-Травного. Синицынский бор. Май 2006. Фото Г.А. Крамора.

нём, как об антисоветском деятеле, ничего не сообщалось. Историки не брались за характеристику мятежных командиров. Это подогревало мой интерес к судьбе Петра Шевченко.

В дальнейшем расследование его судьбы вмешался случай. Произошло это в один из осенних дней. К нам в музей пришли пожилой мужчина с женщиной. Принесли старинный утюг. Их оживлённый разговор с коллегой мешал мне работать над статьей. Неожиданно я услышала упоминание об Аромашевском районе. И решила спросить, не знают ли они остров Плита, где погиб Шевченко. Дедушка сразу оживился: «А, генерал Шевченко!» Я замерла. «Знаю, слышал о нём. Рядом с нами живет сосед, который был лично с ним знаком». Через пятнадцать минут я уже была в гостях у Петра Петровича Помелова, который сообщил, наверно, самые ценные сведения о судьбе командира повстанческого отряда.

До сих пор жалею, что не удалось встретиться с дочерью Шевченко Капитолиной. Здесь судьба распорядилась иначе: она умерла в 1998-м, а я приехала в село Кротово, где похоронена Капитолина Петровна, только через год. Приехала встретиться с её дочерью, внучкой Шевченко Ниной Тихоновной Шеповаловой. Наша первая встреча была незабываемой. Но кроме слов «ничего не знаю, ничего не помню» я от неё так ничего и не добила.

В 2005 году мы вновь встретились с Ниной Тихоновной. Она меня сразу узнала и на этот раз уже безо всякой опаски рассказала ещё о двух сёстрах: Надежде и самой старшей – Галине, которая «уж точно должна что-то знать». Вскоре я познакомилась с Галиной Тихоновной Шеповаловой, проживающей в деревне Песчаной Казанского района. Сразу предложила прекратить «партизанить», не умалчивать, а рассказать всё, что знает как на духу. Посмеявшись, она уточнила некоторые сведения из жизни семьи. А в конце беседы обронила: «Есть у меня брат, живёт в Иркутской области, зовём "дед Петро". Мама говорила, что он сильно похож на Шевченко».

Село Ново-Березовка, Май 2005. Фото Г.А. Крамора.

...В начале февраля 1921 года в Кротовской волости Ишимского уезда был образован отряд, состоящий из тысячи мобилизованных крестьян, вооружённых пиками, палками, холодным оружием. Александра Терентьевна Волченко, проживавшая в селе Большой Кусеряк по соседству с семьёй Шевченко, вспоминала: «Пётр Семенович был бойким, все бабы его любили, и когда выбирали командира, кричали: «Только Петьку!» А в протоколе допроса Елизаветы Семёновны Шевченко сообщается, что её родной брат «принимал самое горячее участие в восстании с первого дня».

Пётр Петрович Помелов, родившийся в деревне Малый Кусеряк в 1909 году, рассказывал, как Шевченко стоял во время мятежа на постое в его родной деревне. Однажды Пётр Семёнович попросил своего тезку-мальчишку покрутить точило, чтобы наострить шашку. Было командиру повстанческого отряда около сорока лет. Высокого роста, худощавый, русоволосый и голубоглазый. Пешком не ходил, а когда садился на коня, то ноги едва земли не доставали. Мужики смеялись: дескать, при таком-то росте лучше на тачанке ездить. Подтянутый и очень строгий, всегда носил военную форму и сапоги. «Сталина не так боялись, как его», — продолжал свой рассказ, закуривая трубку, Пётр Петрович. В свои девяностолет лет мой собеседник казался крепким; одна только беда — глаза совсем ослепли. «Шевченко в народе по сей день генералом зовут, ведь почти всех мужиков из соседних деревень собрал в свой отряд. А перед наступлением на деревню Кротово пришли и за моим отцом. В тот вечер мы лежали на полатах, матери у нас уже не было. Слышим, хлопнула калитка, в дверях показались вилы, следом зашли мужики, сказали, чтобы отец собирался. Мы заревели, мужики на нас цыкнули. Отец быстро собрался и ушел. Кротово повстанцы захвати-

ли ночью, когда красноармейцы спали, было взято много оружия и пулемёт. Вместе со своим братом Степаном мой отец сбежал на Шигаевские болота, а вернулись, когда уже пал снег».

Двенадцатилетнему подростку Петру Помелову пришлось «ходить по миру», чтобы выжить самому и прокормить младшего брата, ещё не имевшего штанов, а носившего только длинную рубаху.

Вспомнил он о и женщине из отряда Шевченко, «рослой, крупной, ходившей в кожаном плаще с пистолетом». Она погибла во время боя за деревню Малый Кусеряк. Её по ошибке похоронили в одной могиле с красноармейцем; позднее солдата перезахоронили.

Сводка Тюменской губчека о состоянии бандитизма в губернии

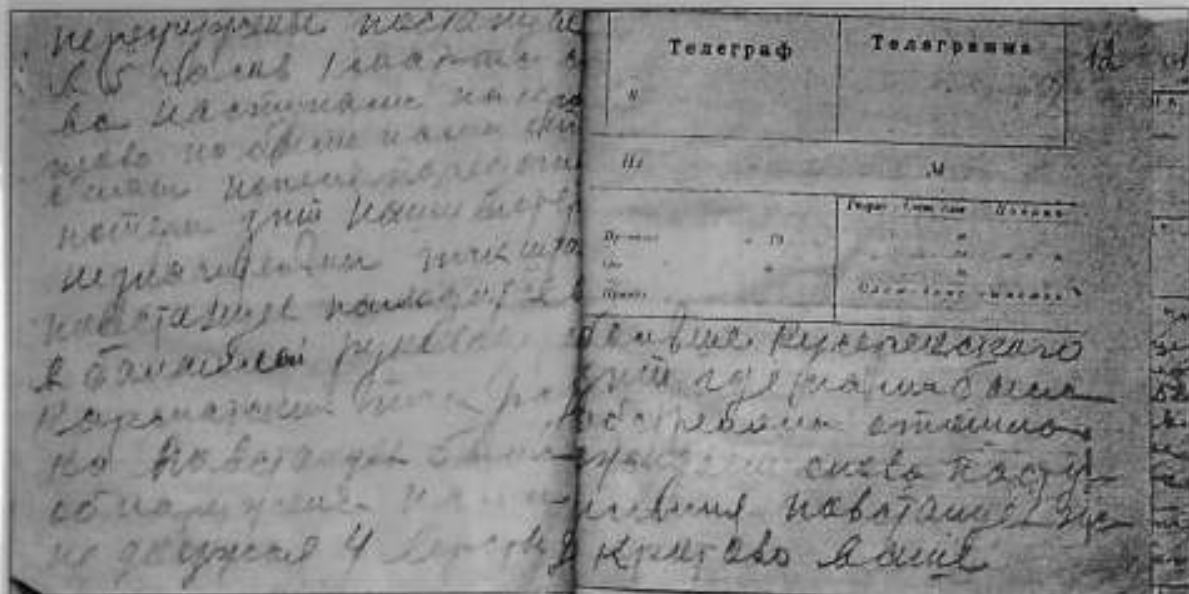
Г. Тюмень, 25 июня 1921 г.

«... В Ишимском уезде в районе Аромашево находится отряд бандитов в 300 человек под командой Шевченко, вооружён винтовками, двумя пулемётами, производит мобилизацию населения в возрасте от 18 до 35 лет...»

Предгубчека Студитов»².

У Петра Семёновича Шевченко было две сестры — Евгения и Елизавета и три брата — Илья (убит в самом начале бунта), Василий (потерялся ещё при белых) и Яков (служил в Красной армии).

Не раз пытались красноармейцы взять в плен Елизавету, которая жила в Большом Кусеряке, но, предупреждённая мальчишками, она успевала спрятаться в лесу. Петру Семёновичу пришлось забрать сестру в отряд, облачить в мужскую одежду и выдумать ей имя и фамилию. Так Елизавета стала Дмитрием Трусаховым, по прозвищу «Митька-бегунец». В протоколе её допроса от 11 января 1922 года сообщается:

Телеграммы о передвижении «бандитских отрядов» на севере Ишимского уезда. 1921. Госархив в г. Ишиме.

«Вопрос: Скажите мне, Шевченкова, когда вы были в отрядах, то какое же вы носили обмундирование и не было ли прицеплено шпор?

Ответ: На мне были надеты брюки и гимнастерка и шапка и в сапогах со шпорами и в шинелке, которую дал мне Москвин Гаврила, и на верховой осёдланной лошади, масти серой, собственная моя, каковая находится сейчас у моей матери.

Вопрос: Скажите, Шевченкова, а какое же у вас было оружие и куда таковое девали?

Ответ: У меня была винтовка без патрон, данная Ерофеевым Петром, но когда нас уже разогнали из избышки, то у меня отобрал обратно Ерофеев, а больше ничего у меня не было».

Девятнадцатилетняя Елизавета, отсидев после подавления восстания год под следствием, уехала из родной деревни на Дальний Восток, где вышла замуж и стала Чайкиной. Там у неё родился сын Степан, сама же «робила на военном заводе», как вспоминает Галина Тихоновна. Незадолго до смерти Лизавета приехала в родную деревню, к родственникам. Многие встретили её недоброжелательно, говорили: «Приехала, такая же конопатая». Я поинтересовалась: «Что, было много веснушек?» – «Нет, оспой битая».

После бесед с местными жителями во время последней экспедиции по деревням Аромашевского района образ Елизаветы предстал для меня совсем иным. Она оказалась не тихой подводчицей, переодетой в мужскую одежду, как это указывалось в протоколах её допросов, а в красных шароварах верхом на коне и с наганом. Рассказывали, что она была очень дерзкая и умело хлестала плетью.

Жительница города Ишима Александра Григорьевна Штыкова вспоминала рассказы своей матери Евдокии Федоровны Солодкиной: «Ког-

да мама косила сено около деревни Кочковатово, то увидела, как из леса выехала Лизка на коне, такая генеральша, красивая, шашка на боку. И рукой нам машет: мол, уходите быстрее, бой будет. Они литовки побросали и в кусты, мама успела только туесок с водой захватить. Сидели в кустах, закрывались травой, боялись, что красные застрелят».

Политический отчёт о состоянии Ишимского уезда и уездной организации РКП(б) за июнь 1921 года

Г. Ишим.

«Политическое состояние уезда в июне месяце нужно считать неудовлетворительным. Существование бандитов продолжается, бандиты делают набеги в северном районе уезда, в волостях с центрами в сёлах Готопутово, Кротово и Больше-Сорокино. В этом районе оперирует организованная и довольно крупная шайка бандитов (700 чел.), хорошо вооружённая, под командой местного крестьянина Шевченко. Банда эта до сих пор неуловима, ибо действует в лесистой и болотистой местности, хорошо ей знакомой...

Отв. секретарь укома Тарсин.
Зав. орган. отделом Гордеев»¹⁰.

У Петра Семёновича было двое детей: Капитолина и Василий, которому шёл только второй год. «Когда наступали красные, многие жители старались спрятаться в лесу. Однажды, убегая по лесной тропинке, жена Шевченко потеряла сына, который выскользнул у нее из кука старой овчины, – не было в доме лишней тряпицы, семья жила очень бедно», – вспоминала Александра Терентьевна Волченко. В 1930-е годы Василий Шевченко со сверстниками возил зерно на подводах в Голышманово. В зерне

Отряд крестьян под руководством Петра Шевченко. Фрагмент настенной росписи. 2001. Масло. Художник Р. Симанов. ИКМ.

были обнаружены клещи. Его одного арестовали. Прощаясь с Капитолиной, он сказал: «Больше, сестра, мы не увидимся» (вспоминает рассказы матери Галина Тихоновна Шеловалова). Так и вышло. В протоколе допроса от 8 ноября 1938 года сообщается следующее:

«Вопрос: Кто ваш отец и где он в настоящее время находится?

Ответ: Мой отец Шевченко Пётр Семёнович в 1921 году являлся организатором кулацкого восстания против Советской власти. Он командовал повстанческим отрядом. При ликвидации восстания был расстрелян красными, но о последнем точно сказать не могу, так как некоторые говорят, что в тот момент, когда отряд был окружён красными войсками, не желая сдать в плен, он застрелился».

Василий после ареста так и не вернулся в родную деревню. Родня до сих пор ничего не знает о его судьбе, говорят: «сгинул Василий».

Сводка Тюменской губчека о состоянии бандитизма в губернии на 18 июля 1921 года

Г. Тюмень.

«...В Ишимском уезде численность банд — до семисот человек. Отряды оперируют в районе Аромашевской и Кротовской волостей, откуда производят налёты на соседние волости. Отрядами руководят Шевченко — бедняк-переселенец, Бухарин — кулак, бывший офицер, Сикаченко — середняк, бывший председатель волисполкома. В отрядах преобладает кулачество. Их стремление — усилить отряды количественно, подбирая качественно. В своей

агитации указывают населению на примеры совработников на местах, стараясь склонить массу на свою сторону. Прекратились беспощадные убийства совработников, есть случаи оставления в живых коммунистов...

Предгубчека Студитов»».

До конца февраля сильных боёв в районе сёл Аромашево — Кротово не было. Советские войска действовали в основном по линии железной дороги и лишь с ликвидацией «голышмановской пробки» в конце февраля 1921-го начали наступление на этот район. Село Аромашево превратилось в центр сопротивления на севере Ишимского уезда: здесь насчитывалось около 10 тысяч повстанцев. «В упорных ночных боях 28 апреля за Евсино и 1 мая за Аромашево советские войска нанесли мятежникам огромный урон. Последние потеряли около 700 человек убитыми, ранеными и утонувшими, примерно 5700 человек пленными, много оружия и большую часть обоза. 1-3 мая, преследуя бежавших повстанцев, красные взяли Овсово, Кротово, Большой Кусеряк и Покровку, где завершили разгром основных сил Северо-Ишимского фронта»¹², — пишет доктор исторических наук, профессор В.И. Шишкин из Новосибирска. Пётр Семёнович Шевченко всё-таки сумел сохранить значительную часть отряда, который стал называться «1-м Освободительным полком Народной армии».

Обращение повстанцев полка П.С. Шевченко к коммунистам

Первая половина июля 1921 года.

«Привет Вам, товарищи коммунисты. Как

Репорт начальника Ишимской уездной милиции о действиях «бандитских отрядов» на севере уезда.

24 августа 1921. Госархив в г. Ишиме.

Ваше самочувствие? Товарищи, первым долгом уведомляем вас о том, а именно, чтоб вы не делали зверской расправы с партизанскими семьями, а то даём вам честное слово, что вас и ваши семьи партизаны будут уничтожать до корня. И будем производить такую короткую расправу, что хуже которой не может быть. Одним словом, будем всех превращать, как говорится, в капусту. Довольно вас миловать, довольно прощать вам за ваше зверство. Так вот, примите к сведению... Товарищи, вам уже известно, что попавшие ваши товарищи к нам в плен не уничтожаются. И мы их только обезоруживаем и отпускаем. Но вы делаете не так. Вы каждого партизана, да и не только партизана, а простого человека, сказавшего хотя одно слово против вас, рубите шашками. Стыд. Позор, товарищи, так поступать. Пора опомниться, пора прекратить разного рода грабежи и расстрелы. Довольно, хватит перед смертью. Вам всё мало, Вам всё нужно отбирать у крестьянина последние крохи хлеба и всё то, что он добывал себе потом и кровью... Да здравствует безкоммунистическая жизнь! Да здравствует Народная армия!

Повстанцы повстанческого полка Народной армии – Шевченко»¹².

Кавалерийский полк 29-й стрелковой дивизии в конце июля был переброшен на север Ишимского уезда для усиления уже действующих двух батальонов. Постой красноармейцев, их продовольственное снабжение, фураж для лошадей – всё это стало осуществляться за счёт семей повстанцев. В свою очередь, создавая запасы к зиме, активизировались шевченковцы. В начале августа они заняли Кротово и Аромашево, Большое Сорокино и Пинигино, захватили обоз красных, провели мобилизацию, на которую большинство населения соглашалось охотно. Комбриг Буриченко был вынужден принять экстренные меры, чтобы реабилитировать себя в глазах началь-

Лавка, в которой бывал П. Шевченко. Большой Кусеряк. Сентябрь 2005. Фото Г.А. Крамора.

ства. Он создал полевой штаб и выехал в угрожаемый район.

Степан Ефимович Вилух из села Ново-Березовка, 77 лет от роду, вспоминая рассказы стариков, говорил, что у Шевченко был кум в деревне Крутиха – некто Южак, которому он написал записку: «Сообщи, если будут красные». Тот записку не порвал, а положил за божничку, где она и была обнаружена карателями.

«По дороге в деревню Кочковатово красноармейцами был задержан цыган, которому за содействие предлагали деньги, а за отказ угрожали избить шомполами, сначала он твердил одно и то же: «Не знаю! Отсохни у меня язык, не знаю!» – вспоминал Буриченко. Тогда цыгана подвергли искушению: провели вдоль выстроившихся кавалеристов, пообещав за достоверную информацию о дислокации Шевченко любую лошадь. И тот дрогнул: «Стиснул зубы, метнул на добрую лошадь белками глаз и согласился»¹⁴.

Поздней ночью 25 августа сводный отряд Буриченкова выступил из деревни Кочковатово по направлению на остров Притынный (в народе называемый Плита), который находится среди непроходимых болот. Только под утро красные добрались до места. Повстанцы, уверенные в своей безопасности, имели только близкое сторожевое охранение.

«Советская пехота, имевшая почти трёхкратное превосходство в численности, внезапно атаковала партизан в лоб. Те вступили в перестрелку с наступающими, совершенно забыв о флангах. И тогда неожиданно для партизан с флангов на них обрушилась конница»¹⁵. По признанию Буриченкова, шевченковцы «бешено защищались», но красные кавалеристы действовали решительно и жестоко.

Пётр Семёнович ещё до того был ранен в руку, как вспоминает рассказы матери Галина Тихоновна. «Отец лежал на кровати в своём доме, когда неожиданно напали красные. Он отчаянно сопротивлялся, был ранен. Мы с Василием заревели, нас захихнули подалеже. Уехал из деревни живым, а вернулся уже убитым». Во время нападения красных раненый

Гибель отряда Шевченко. Фрагмент настенной росписи. 2001. Масло. Художник Р. Симанов. ИКМ.

Шевченко, видя безнадёжность своего положения, застрелился.

...Как свои пять пальцев знает все болота в округе Степан Ефимович Вилюк. Как-то на том самом острове подстерегал посей, однажды даже с медведем повстречался. Недружелюбное это было знакомство, со всего размаху цапнул его когтём косолапый, еле увернулся. Года три назад Степан Ефимович обнаружил на окраине острова два длинных рва, похожих на захоронения. «Совершенно верно, – заметила я, – ведь не всех из ста одиннадцати убитых увезли с острова. Многих захоронили на месте».

Старый охотник, вспоминая рассказы родителей, говорил: «Когда убитого Шевченко провозили мимо деревень на телеге, кто был посмелее, подходили посмотреть, попрощаться. А остров в народе переименовали, стали сразу называть островом Шевченко». Бабы его родного села Большой Кусеряк выбрали Петра командиром, они же его и похоронили на родном кладбище, не отдали тело на поругание, крича красноармейцам: «Побойтесь Бога!»

Вспоминает Галина Тихоновна Шеповалова: «Однажды мы с мамой пришли на кладбище к могиле деда. Я увидела на деревянном памятнике красную звезду и спросила, а почему она здесь? «Кто его знает», – ответила мама».

Протокол № 49 заседания членов Ишимского уездного комитета РКП(б)

Г. Ишим, 3 сентября 1921 г.

«Присутствовали: П.А. Тарсин, С.Л. Гордеев, В.Д. Юдин, П.Ф. Герчес, П.П. Василевский, замзавполитбюро С.А. Архиповский, комбриг

Г.А. Буриченко, предуисполкома Ф.И. Жаворонков, член губкома А.А. Сегаль, упродкомиссар С.И. Попов.

Слушали: 1. Доклад комбрига тов. Буриченко, который говорит о действиях против бандита Шевченко, где указал, что Шевченко зарублен и вместе с ним зарублено 111 человек бандитов, взято 4 исправленных пулемёта и прочее. Причём указывает, что бандитов живых не брал, за исключением двух женщин; рубилось всё, что попадало под руку. Потерь с нашей стороны нет, за исключением только нескольких раненых. Из документов захваченного бандитского штаба удалось выяснить, что у бандитов был свой кооператив, где есть списки, кто что получал. Весь хлеб, который захватывали бандиты, и мануфактура делились между семьями бандитов. Также захвачены списки, кто из крестьян у него в каких отрядах, где, когда вступил. Крестьянство симпатизировало бандитам. Например, ни один крестьянин не говорит, где бандиты, хотя уже видно, что идёт от бандитов. Если же прибывал Шевченко в деревню, то его кормили маслом и называли защитником от налогов и т.д. Но когда были приняты самые суровые меры к бандитам, пропитание красноармейцев их хлебом, от их семей всё стали брать, в общем – стали воевать за счёт бандитов, а у крестьян мирных ничего не стали брать; также этот налёт, где изрублен был в куски отряд Шевченко и он сам; после проведения нескольких бесед нами, где указали им, что такое война, то совсем получилось обратное: крестьяне стали выдавать бандитов, и всего мной изрублено 130 человек за это время. Находили бандитов дома по имеющимся у нас спискам, которые были отобраны у бандитов.

Августовские бои

14.11.21 в Учинском уезде в Никитовском бассейне
 на Наре, возвышенности близ деревни в 10 км от
 село-Заводной, в долине, вблизи восточной части
 Учинского уезда, близ с. Нео Команды Голышманов
 в 800 м от деревни в 800 м от деревни в 800 м от деревни
 300 человек 300 человек при восточной части
 деревни в 800 м от деревни в 800 м от деревни в 800 м от деревни
 восточной части восточной части восточной части восточной части

«Августовские бои» – отчёт о ликвидации отряда Шевченко. Фрагмент.
 Август 1921. Госархив в г. Ишме.

Может быть, будут на меня жалобы, но я сам
 скажу: обращение было самое жестокое, вызван-
 ное необходимостью сделать всё возможное для
 скорейшей ликвидации бандитов. И предлагаю
 принять самые суровые меры к бандитам вплоть
 до конфискации их имущества, принимая во вни-
 мание, что бандиты – большинство кулачество
 и все отъявленные преступники, убийцы.

Ещё мною награжден т. Пищик – командир
 коммунистического отряда Голышмановского,
 которому дал своё седло и одел весь его от-
 ряд. Так, как они действовали, желать лучше
 нельзя.

Т. Василевский предлагает, чтобы не ве-
 сти следствие по заявлениям об убитых бан-
 дитах, как это было.

Архиповский говорит, что, когда произво-
 дится расправа, организованная политбюро,
 следствие не ведётся, но не допускается,
 чтобы расправа была учинена одним-двумя
 лицами...

Постановили: Считать необходимым скор-
 ейшую ликвидацию бандитизма на основе при-
 менения планомерных репрессий не только к
 самим бандитам, но и к семьям бандитов и их
 укрывателей. Наряду с ликвидацией бандитиз-
 ма обратить особое внимание на изъятие ос-
 тавшегося у населения оружия, применяя к вла-
 дельцам оружия систему репрессий, вытека-
 ющую из создавшейся на месте обстановки и
 установленную органами политического дей-
 ствующих частей.

Отв. секретарь укома Тарсин¹⁴.

В своём докладе комбриг Буриченков упо-
 минает о двух женщинах, взятых в плен. Как нам
 удалось выяснить, одну из них звали Анастасия
 Викторовна Ржелко. До конца своей недолгой
 жизни она проживала в Ново-Березовке. «Была
 очень замкнутой, неразговорчивой, – воспомина-
 ет Степан Ефимович, – могла по два дня, а то и
 больше ни с кем не разговаривать. Но однажды

нам, пацанам, подробно рассказала о последнем
 бое шевченковцев». Она так и не смогла сми-
 риться, забыть тот страшный день. Захотела,
 видно, чтобы дети знали правду. «Они не успе-
 ли ничего сделать, их захватили внезапно. Был
 не бой, а резня. Шевченковцы думали, слыша
 издали ржание лошадей, что возвращается их
 кавалерийский отряд, который ушёл за семьде-
 сят километров на северо-запад в сторону То-
 больска, к деревне Бигитино. Красные шли, не
 заходя в деревни, и напали с двух сторон рано
 утром». Несколько раз повторил Степан Ефимо-
 вич рассказ о том, что Ивану Сикаченко удалось
 скрыться на коне Петра Семёновича, по кличке
 Карко – породистый дончак, который как раз под-
 ходил Шевченко по росту, «остальные кони под
 ним не терпели».

...В памяти уходящего поколения сохрани-
 лись ещё рассказы о той доброй и мирной жиз-
 ни, которая была до революции и Гражданской
 войны. Вспоминают ярмарку в Кротово, где Пётр
 Шевченко показывал свою силу и удаль: на по-
 теку толпе брал один на плечо слегу длиной
 десять метров, которую ему подносили четве-
 ро человек. Вспоминают богатыря из Ново-
 Березовки Киприяна Марчука, который, защи-
 щая своего брата Василия, обиженного братья-
 ми Шевченко, решил помериться силой с Пет-
 ром. Сошлись они в деревне на площади, Мар-
 чук ударил, и Шевченко упал. «Меня никто с
 ног не сбивал, ты первый», – сказал, подыма-
 ясь, Пётр Семенович. И поставил в знак прими-
 рения четверть вина. «Человек, который силу
 имеет, спокойный, характерный и красивый», –
 закончил Степан Ефимович.

Беседовали мы с ним на острове Плита,
 который сейчас в народе называется остро-
 вом Шевченко, находясь рядом с местом по-
 следнего боя повстанцев, окружённые берё-
 зовым лесом. В конце беседы дед задумчиво
 посмотрел на кроны берёз и произнес: «Ког-
 да-то на острове было много сосен, всё выпи-

С.Е. Вилюк показывает место, где, по его мнению, произошёл последний бой Петра Шевченко. Вагайский район. 27 сентября 2005. Фото Г.А. Крамора.

лили леспромхозы в конце 50-х годов. День и ночь гудели лесовозы, даже кедрачи не пожалели, всё под метлу, видишь, ещё пеньки не сгнили. А лес шумит и шумит, песня у него такая...»

Жена Петра Семёновича Шевченко Анна осталась с двумя детьми. Перед войной приютила Алексея Лободина, неизвестно откуда появившегося в Большом Кусеряке. Говорили, что он был из ссыльных, а в деревне остался на поселении. Запомнился односельчанам Лободин своим криком на гусей: «Тига, тига». Был очень маленького роста, сторожил на складе зерно. Разозлившись, частенько говорил: «Я партийный, вы меня не трогайте». Александра Григорьевна Штыкова вспоминала, как однажды она отправились за клюквой со своей бабушкой и Анной Шевченко, которую в деревне звали «Лободихой» (из-за прочно прилипшего прозвища с трудом удалось выяснить настоящее имя жены Шевченко). Зашли далеко, пришлось ночевать в заброшенном доме. Затопили печку, и Анна начала рассказывать сказы. Могла говорить по целой ночи, такой же была её дочь Капитолина. Запомнилась Анна Шевченко высокой, сильной, кареглазой, но не из красавиц. «Душевная старуха была», – закончила воспоминания Александра Григорьевна.

Семья Шевченко жила в небольшом пятистенке, а во время войны, когда было сильно голодно, отпилили горницу на дрова и обменяли на картошку.

Капитолина, или «Капша», как её звали в деревне, родила от Тихона Шеловалова, который вернулся с фронта в 1944 году, двенадцать детей. Шестерых похоронила. Вскоре после войны умерла и Анна. К старости она стала горбатой: попала под березу во время заготовки дров. «Думали, и не выживет», – добавила Галина Тихоновна.

Рукомойник с места стоянки отряда повстанцев. Музей Ново-Березовской школы. Май 2006. Фото Г.А. Крамора.

Вслед за ней на тот свет отправился и Алексей Лободин.

Сводка Тюменской губчека о состоянии бандитизма в губернии на 10 сентября 1921 г.

Г. Тюмень

«Разбитие банды Шевченко, убийство последнего в районе Балахли Ишимского уезда внесло в их ряды расстройство. Банды численностью пятьсот-семьсот человек, представляющие реальную силу, теперь разбились на мелкие отряды и скрываются в районах Малышевской, Евсинской, Аромашевской, Кротовской, Больше-Сорокинской волостей. Их руководители – Юриков, Шаралов, Акимов и Сикаченко. Боёв не принимают, производят частичные налёты и убийства...»

Предгаубчека Студитов, начсекроперчасти Бойко»¹⁷.

Из протоколов допросов Ивана Павловича Брисенкова по прозвищу «Ванька-цыган» (бедняк из Кротовской волости, воевал на германском фронте; во время восстания, по его же словам, «был совершенно рядовым, но всегда возил с собой гармонь и в каждой деревне производил игру, а потому был на славе») и Трофима Борисовича Гримачкова (бедняк из села Аромашава) выясняются новые сведения о повстанческом отряде. Так, отряд Сикаченко совершал поход на Тобольск, где принимал участие в боях, в апреле был вынужден отступить на Аромашево, а в конце мая 1921 года под деревней Кроново соединился с отрядом Шевченко. Последний стал начальником штаба, а Сикаченко – командиром, до октября 1921 года.

Пелагея Васильевна Кочнева (двоюродная сестра Ивана Лукьяновича Сикаченко) и Фёдор Яковлевич Лазукин, ныне здравствующие жители села Аромашева, вспоминают: «Иван Сикаченко служил в Красной Армии. Когда вернулся в село, стал председателем сельского совета.

*Село Большой Кусеряк в наши дни.
Сентябрь 2005. Фото Г.А. Крамора.*

Высокий, стройный, русоволосый и очень отчаянный 28-летний парень. Женится перед самым восстанием на Матрёне Никитичне, не из местных. Агитировать против коммунистов приехал в село Иван Семёнович Букарин, с которым Сикаченко ушел в повстанческий отряд». (Букарин будет в отряде Сикаченко командиром первого эскадрона, погибнет в бою за село Аромашево.) Лазукин добавил: «На очень красивом скакуне и в «кожанке» (брюки и те кожаные) появлялся в селе Иван Сикаченко. Однажды привёл коня загнанным, измученным, велел отцу откормить. Старожилы вспоминают случай, как пришли в село красноармейцы и заставили Лукьяна, угрожая оружием, показать, где скрывается сын. Отец запряг скакуна и повёл солдат в лес, но в другую сторону. Шли долго, воины повесили винтовки на спины. А Лукьян, дойдя до осинника, резко прищпорил коня и скрылся». Фёдор Яковлевич припомнил, как однажды напился Лукьян самогонки, нетвёрдой походкой шёл по деревне и пел нескладную песню: «Через двенадцать вёрст проломился мост, всех коммунистов в Ледовитый океан утопим».

Телеграмма председателя Малиновского волревкома и начальника милиции 3-го района начальнику милиции Тобольского уезда

С. Чёрнов, 4 декабря 1921 г. 12 час.

«...2 декабря с.г. пойман Сикаченко с его денщиком и его женой, тоже около села Малиновского. В лесу в избушке взяты две винтов-

*Капитолина Шеповалова, дочь командира повстанческого отряда Петра Шевченко (крайняя справа). Кротово. Сер. 1990-х.
Из архива Н.Т. Шеповаловой.*

ки, один наган. Сикаченко взят раненым в левую руку. Раневе разбежавшиеся бандиты преследуются.

Пред. Малиновского волревкома Меркулов»¹⁹.

Бывший председатель Аромашевского сельского совета Иван Лукьянович Сикаченко за участие в восстании был приговорён к расстрелу. Прокуратура Тюменской области, рассмотрев уголовное дело в 1992 году, постановила, что на Сикаченко не распространяется действие Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». На нём по сию пору стоит клеймо бандита.

После ареста Ивана Лукьяновича должность командира отряда занял Николай Семенович Григорьев по кличке «Махно», бывший командир второго эскадрона. Отряд под командованием Григорьева просуществовал не более двух недель. В первых числах ноября мужики с оружием в руках стали уходить из леса со словами: «Ты нам не командир, раз нет командира, то и мы уходим». В отряде осталось десять человек, начавшийся голод выгнал повстанцев из леса, они разошлись по домам в первых числах декабря. В январе 1922 года Григорьева арестовали.

...До сих пор на уроках истории России изучается Кронштадтский мятеж, Тамбовское восстание. А о самом крупном антиправительственном мятеже, который произошёл в родном Пришимье, знают лишь учёные-историки. Многие из нас даже и не подозревают, что ходят по земле, обильно политой кровью прадедов-крестьян. Восстание по инерции часто называют «кулацко-эсеровским», забывая, что восставшие – это люди, которые поначалу безропотно отдавали продотрядам всё, что они требовали. И взяли они в руки вилы и винтовки лишь для того, чтобы спасти последнюю надежду на продолжение жизни своих детей – семенное зерно, залог будущего урожая. Большевицкая власть

жесткими мерами сама спровоцировала восстание, превратив мирных крестьян в «бандитов». И так же жестоко его подавила.

Уже для третьего поколения ишимцев эта война неизвестна. Между тем тихо и незаметно исчезли с карты бывшего уезда многие деревни. А некоторые катастрофически вымирают сейчас. Всё меньше становится домов на улице, закрываются школы, дома культуры – те «завоевания советской власти», за которые боролись красноармейцы против «кулацко-эсеровских бандитов». И, размышляя, с горечью вспоминаешь события 1921 года. Ведь уже тогда погибло более семидесяти тысяч русских мужиков! Затем – «раскулачивание» и коллективизация, 1937 год и Великая Отечественная война, хрущёвские эксперименты и брежневская «всеобщая попойка», наконец, опустошительная «эпоха демократии». Результат – вымороченные деревни. Вымороченная страна...

Старая истина: нет ничего страшнее для любой страны, чем гражданская война, когда свояк убивает свояка.

Р.С. В праздник Воздвижения Креста Господня, 27 сентября 2006 года, исполнилась заветная мечта Степана Ефимовича. При содействии главы Аромашевского района Петра Николаеца состоялась экспедиция на остров Шевченко. На поляне, указанной старым охотником, над одним из прямоугольных углублений – братской могилой – по благословению епископа Евтихия, настоятеля градо-Ишимского Богоявленского собора, был установлен памятный деревянный крест. А 18 мая 2006 года при поддержке районной администрации в лице её главы Сергея Вотякова на месте расстрела повстанцев у реки Детель открыт памятный крест из зелёного мрамора. Освятил его иерей Никольской церкви Михаил Денисов.

Примечания

- 1 РГВА. Ф.1345. Оп. 2. Д.17. Л.13.
- 2 За Советы без коммунистов. – Новосибирск, 2000. – С. 237.
- 3 РГВА. Ф.1345. Оп. 2. Д.17. Л.16.
- 4 За Советы без коммунистов. С. 312.
- 5 РГВА. Ф.1345. Оп. 2. Д.17. Л. 16 об.
- 6 Там же. Лл. 16-17об.
- 7 Там же. Л.18.
- 8 РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д.75. Л. 220.
- 9 ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 279. Л. 25. Цит. по: Сибирская Вандей. 1920-1921. Т. 2. – М., 2001. – С. 542.

Памятник на месте расстрела повстанцев у села Сеницына. Май 2006. Фото Г.А. Крамора.

- 10 ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 236. Л. 57. Цит. по: Сибирская Вандей. Т. 2. С. 543-544.
- 11 ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 279. Л. 42. Цит. по: Сибирская Вандей. Т. 2. С. 556.
- 12 Шишкин В.И. К биографии командующего северо-ишимским повстанческим «фронтом» П.С. Шевченко // Словоцкие чтения. – Тюмень, 2004. – С. 38.
- 13 РГВА. Ф.16. Оп. 3. Д. 222. Л. 40. Цит. по: Сибирская Вандей. Т. 2. С. 555-556.
- 14 Шишкин В.И. Указ. соч. С. 39.
- 15 Там же.
- 16 ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 238. Л. 35. Цит. по: Сибирская Вандей. Т. 2. С. 575-576.
- 17 Там же. Д. 279. Л. 138. Цит. по: Сибирская Вандей. Т. 2. С. 576.
- 18 За советы без коммунистов. С. 562.

А.Г. СТУЧЕБРОВ

Команда «От хвоста!»

БИ-1 – первый отечественный реактивный самолёт-истребитель. Он поднялся в воздух 15 мая 1942-го года с аэродрома «Кольцово» под Свердловском. Однако БИ-1 так и не был принят на вооружение. Даже хроникальные кадры этих испытаний не сохранилось. Единственное свидетельство – памятная стела на месте первого запуска. Естественно, что БИ-1 являлся секретным проектом. Соперничество конструкторской мысли враждующих сторон – СССР и Германии – неизбежно вело к идее создания безвинтового реактивного самолета. В Советской России для самолета на задней тяге даже придумали специальную команду. Но обо всём по порядку.

Реактивный двигатель для БИ-1 создавали неподалёку от Свердловска – в посёлке Билимбае. Его конструкторы – Александр Березняк и Алексей Исаев. Отсюда и аббревиатура – БИ. Это единственный пример, когда отечественный самолёт назван по имени создателей двигателя. Впрочем, по версии М.Д. Евтифьева, «БИ» обозначает «ближний истребитель», а не «Березняк и Исаев», как обычно расшифровывают эту аббревиатуру¹.

Кто же являлся главным авиаконструктором легендарного БИ? Где производили корпус и уникальное крыло первого реактивного истребителя? Полвека на эти вопросы ответа найти было нельзя. И только недавно небесный шлейф БИ привёл в Тюменскую область, в город Заводоуковск.

Поздней осенью 1941-го сюда эвакуировали Воронежский авиационный завод № 499. Работа велась очень напряжённо. И уже через 12 дней завод выпустил первую продукцию. Сначала он производил бесшумные планёры, которые предназначались для разведки, а также другие виды авиационной техники. Завод возглавил Александр Москалёв². Во-первых, он был ведущим конструктором Воронежского авиазавода. Во-вторых, асом в технике математического анализа и технологий машиностроения.

Ещё до войны Москалёв создал ряд надёжных легкомоторных самолётов, за что приобрёл известность в своих кругах. Молодому, амбициозному конструктору и был поручен в 1942 году необычный заказ – фронтальная серия реактивных истребителей. По разным версиям, опытная серия составляла от 30 до 50 планёров.

«Это одна из легенд нашего города, – рассказывает научный сотрудник Заводоуковского краеведческого музея Алексей Севостьянов. – Это был новый вид самолётов не только для Красной Армии, но для всего мира. Жутко сек-

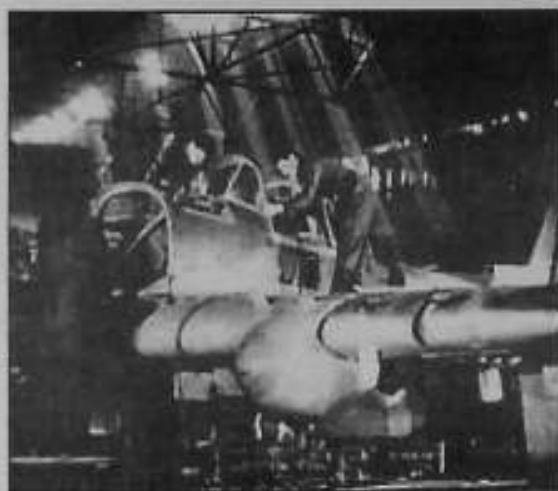

Реактивный самолёт-истребитель БИ-2 на памятной стеле, установленной на месте первого испытания. Екатеринбург, аэропорт «Кольцово». 2005.

ретная вещь. Я думаю, что об этом знали только руководители завода – инженеры и конструкторы. А рабочие могли только догадываться, что речь идёт не о простом планёре, а о чём-то необычном. В годы Великой Отечественной войны и после неё по Заводоуковску упорно ходили слухи о некоем секретном цехе».

Спартак Бочкин – коренной житель Заводоуковска. Он пришёл на завод ещё мальчишкой – в 13-летнем возрасте, устроился подсобным рабочим. Вспоминает, что в далёком 1943-м в некоторые цеха их не пускали. Но Спартак знал, что для одной из моделей самолётов делается усиленная конструкция. Значит, она рассчитывается на большую скорость. «Несмотря на то, что мы не видели и не слышали этого, мы понимали, что способствуем созданию новой конструкции, важной для нашей страны», – подчёркивает Спартак Бочкин.

Именно завод, который обеспечивал рабочие места населению, давал жизнь Заводоуковску. Трудно позавидовать быту приезжих сотрудников. Недалеко от завода вырос, вернее сказать, врос в землю посёлок переселенцев под названием Копай-город. Работники завода буквально бежали от войны. Они приезжали на заводоуковскую землю с пустыми руками. Жилья

В цехах авиапланерного завода.

им не предоставляли. Поэтому им приходилось рыть землянки в непосредственной близости от завода. Это поначалу было не легко. Чуть обжившись, переселенцы стали устанавливать в своих землянках печки. И вообще устраивать свои дома с максимальным удобством. Когда в Заводоуовск прибыл генеральный конструктор Антонов, то говорил, что предприятие здесь живёт, как у Христа за пазухой. Ясно, землянки — не самое комфортное место. Но были, видимо, места, где жили и хуже.

Несмотря на бытовую неустроенность, работа кипела бурно. На Заводоуовском авиазаводе было создано несколько вариантов истребителей: БИ-1, БИ-2 и БИ-2М. У последней модели предполагалось увеличение на треть дальности полёта. Конструкторами «ближнего истребителя» были молодые инженеры Березняк и Исаев — сотрудники ОКБ-293 Виктора Болховитинова. В начале 1941 года под Свердловском они по своей инициативе начали разработку проекта. Фюзеляжи БИ собирали в Заводоуовске.

Среди посвящённых в тайну производства истребитель вызывал удивление. Потому что привыкли, что самолёт — это массивная конструкция. А этот сравнивали с «маленькой птичкой». Его двигатель весил всего 50 килограммов, а развивал тягу, которая исчислялась тоннами. Да и скорость самолёта была фантастической — до 2 километров в секунду.

Параллельно работа по созданию истребителей велась и в фашистской Германии. «Комета», или Мессершмит-163, должен был стать главным конкурентом БИ. Однако дела у немцев шли не очень хорошо. И даже не потому, что на восточном фронте наметился перелом. Просто во время испытаний «Кометы» гибли лётчики. Сами немцы далеко не ласково называли Мессершмит-163 «реактивным чудовищем» а то и вовсе «рвотной кометой». Немец-

Директор авиапланерного завода в Заводоуовске А.С. Москалёв.

кие пилоты отказывались летать на этом самолёте, Гитлер пошёл на хитрость. Чтобы агитировать мужчин летать на этом самолёте, ответственным за полёты была назначена женщина.

В Советском Союзе истребитель БИ испытывал лётчик Григорий Бахчиванджи. Для испытаний он был отозван с фронта в августе 1941-го. В качестве плацдарма выбрали свердловский аэропорт Кольцово. Эти испытания тоже были далеко не безопасными. 20 февраля 1942 года во время запуска двигателя на испытательном стенде произошёл взрыв. Головка двигателя сорвалась с креплений, пролетела между баками азотной кислоты, ударилась о броне-спинку сиденья пилота и сорвала крепёжные болты. Бахчиванджи ударился головой о доску приборов, рассёк лоб и попал в больницу. Однако это его не остановило. Выйдя из госпиталя, он с ещё большей настойчивостью продолжил испытания.

Уже меньше чем через месяц Григорий Бахчиванджи совершил первый полёт самолёта с работающим реактивным двигателем. Именно в тот день 15 марта 1942 года впервые прозвучала команда «От хвоста!», вместо привычной «От винта!». Взлёт для всей группы испытателей был необычным. Самолёт непривычно быстро набирал скорость и уже через 10 секунд оторвался от земли. А через полминуты вообще скрылся из глаз. Все понимали, что присутствуют при рождении новой ракетной эры авиации.

Модель реактивного самолёта-истребителя БИ-2.

Этот день мог бы войти в историю отечественного самолётостроения.

Однако... Во время одного из испытательных полётов БИ достиг невиданной ранее для него скорости – более 800 километров в час. Однако аэродинамические особенности самолёта, особенно при такой скорости, не были до конца изучены. Самолет разбился. И легендарный лётчик-испытатель Григорий Бахчиванджи погиб.

Это была первая авария, произошедшая с москалёвской конструкцией. Дальнейшие испытания истребителя были свернуты. А вся опытная партия фюзеляжей БИ, изготовленных в Заводоуковске – уничтожена.

Однако авария в «Кольцово» стала лишь поводом для сворачивания секретного объекта. Но не причиной. Во-первых, взаимоотношения среди генералитета от авиастроения были напряжёнными. И стало проще свернуть проект, чем договориться. Во-вторых, в 1943 году Германия потерпела ряд военных неудач. И ей стало не до реактивной авиации. Поугасли страсти и в СССР.

Москалёва вряд ли можно считать виновником аварии. Ведь его проект относился к со-

вершенно новой научной области. Кроме того, ряд предложений авиаконструктора при проектировании БИ были отвергнуты. Например, по установке стреловидного крыла.

Коллектив конструкторского бюро не создал ни одного самолёта, принятого на вооружение в военные годы. Но здесь были сконцентрированы проектировщики, которые стали создателями авиационной, ракетной и космической техники, нашедшей мировое признание.

БИ-1 стоит рассматривать как толчок для развития авиационной, ракетной и космической промышленности, а не как боевую машину. Он стал первым серийным реактивным самолётом в нашей стране. И это несмотря на его недостатки и не очень правильно выработанную концепцию его применения. Работа над БИ-1 была огромным скачком. Скачком, сделанным в жесточайших условиях войны.

История ракетной техники полна загадок и мифов. Именно она породила Григория Бахчиванджи с Юрием Гагариным. Вернее, обстоятельства их гибели – с разницей в 25 лет. Оба испытателя оторвались от земли благодаря реактивной тяге. Оба погибли в авиационных катастрофах в возрасте 34 лет. Оба – 27 марта. В обоих случаях аварийные комиссии так и не установили истинную причину гибели лётчиков.

Что это? Совпадение? Закономерность?

...Листая страницы истории ракетной авиации, так и слышишь, как звучит вслед героям-первопроходцам заветная команда «От хвоста!»

Фото – срезки из одноимённого фильма студии ТРП.

Примечания

1 Евтифьев М.Л. Огненные крылья: история создания реактивной авиации. – М., 2005. – С. 59.

2 Более подробно о работе А. Москалёва см.: Копылов В.Е. Окрик памяти. История Тюменского края глазами инженера. Кн. 2. – Тюмень, 2000. – С. 107-116.

Культура края

А.И. ВАСИЛЬЕВ

Моя дорога на Ишим

Анатолий Иванович Васильев – человек разносторонних интересов и дарований. Поэт, прозаик, военный врач, основатель газеты «Казачья застава», газеты и альманаха «Сибирский тракт», журнала «Сибирское богатство», альманаха «Врата Сибири». Он живёт в Тюмени, любит путешествовать, но, бывая в разных странах, городах и весях, остаётся преданным Ишиму, о котором ещё в начале творческого пути писал:

*У самой степи, над которой
В зените стоят ястреба,
Есть маленький-маленький город,
Степенно вошедший в хлеба.*

Поэт подарил своим землякам воистину крылатое выражение – «ишимическая болезнь» и стихотворения едва ли не фольклорного свойства. Их нередко читают без ссылки на автора: «Я жениться приеду в Ишим», «Дощатый мост. Дорога на Ишим». А.И. Васильев немало сделал для того, чтобы вывести Ишим из «тени» таких городов, как Тобольск или Ялуторовск. Он – инициатор проведения в 2003 году Всероссийского совещания молодых писателей в Синоцинском бору, участник ершовских конференций, поэтических встреч в педагогическом институте и библиотеках нашего города. Его альманах «Врата Сибири» всегда открыт ишимским краеведам. В марте 2006 года Анатолий Иванович побывал на своей родине как участник церемонии вручения Всероссийской литературной премии имени П.П. Ершова за книги для детей и юношества трёх прлёрам. Накануне праздника состоялась наша беседа.

– Во всех биографических заметках, сопровождающих Ваши книги, обычно содержится лишь самое краткое указание на место Вашего рождения – «город Ишим, 6 декабря 1936 года». Одна из задач «Коркиной слободы» – отразить конкретику, частности, подробности судеб личностей, имевших и имеющих отношение к нашему краю. Расскажите, пожалуйста, о своём раннем детстве.

– Я родился в городе Ишиме, в роддоме на улице Сталина. И от этого, наверное, у меня что-то есть в характере от Иосифа Виссарионовича. Правда, потом её переименовали в улицу Мира, и я стал смиренным, а затем она стала улицей Ленина. Так с момента рождения я, в шутку

говоря, был связан с коммунизмом. Наш дом под номером 51 находился напротив Дома пионеров. Этот двухэтажный деревянный дом сохранился на улице Малой Садовой, которая тогда называлась улицей Ленина (это имя «блуждало» по городу!) под номером 53.

В доме проживало шесть семей (теперь восемь), наша квартира была на втором этаже. Самое яркое воспоминание из дошкольной жизни о том, как меня исключили из детского сада за любовь к горбушкам. Я отнимал хлебные горбушки у малышни. А ещё дядька мой, на десять лет старше, сколачивал сиворечник во дворе, а я бежал и наступил на доску с гвоздём. Но не остановился, а помчался дальше. Так и залетел с доской в дом и только тогда почувствовал боль. Любил технику и затолкал в шестерёнку руку, ноготь с тех пор у меня свернут и шрамы остались. Мне нравились военные, и как только они уходили в Синоцинский бор на учения, мы, малышня, пристраивались к ним и шли следом какое-то время, плотая пыль. Выстрелов не помню, в памяти сохранилась лишь картина: солдатик кладёт соломинку на муравейник и облизывает её.

Когда началась война, мой отец работал механиком в доме дорожного управления, на улице Луначарского. Двор этого дома был заставлен всякой техникой. А в Доме пионеров, неподалёку, был госпиталь. Оттуда со второго этажа на простынях спускались раненые и приходили к отцу, чтобы покрутить что-нибудь, завести трактор. Стоскавались по всему этому. А потом в конторе дорожного управления поселились лётчики. Кстати, Виктор Ефимович Копылов спорил со мной, что никаких лётчиков не было в Ишиме, что они были в Заводоуковске, а я хорошо их помню в Ишиме. Теперь узнал, что это было эвакуированное Ленинградское техническое училище, которое через два месяца действительно перевели в Заводоуковск.

– В своих стихах Вы упоминаете не только Ишим, но и Безруково (нынешнее Ершово), например, в стихотворении 1969 года:

*Танцует девочка со мной –
Нейлоновое облачко.
Издаലെа с её весной
Моя бежит по тропочке.*

*И у неё по сторонам
Мои леса аукают.
Как будто бы не ресторан,
А то село Безруково.*

В саду деда Коломицца.

Слева направо: Гена Васильев (брат), В. Антоненко, Толя Васильев – ученик 10 класса, Лаптев (?), Безруково (Ершово). 1954. Из фондов ЛМЕ.

*Дом, где прошло детство
А. Васильева в Ишме.
Апрель 2006. Фото Г.А. Крамора.*

Какое значение в Вашей судьбе имеет это село?

– В 1942 году дорожное управление, в котором работал мой отец Иван Михайлович Васильев, перевели из Ишима в Безруково. Мне там очень понравилось – такие широкие зелёные улицы, магазин на углу Заводской и Тоболовской, откуда выносили большие караваны. До сих пор помню вкус этого хлеба. В этом селе я пошёл в школу. Там было три школьных здания. Одно стояло на берегу Карасульки. Второе, главное – дореволюционной постройки, на месте нынешней школы. Оно сгорело впоследствии, вместе со всеми документами по истории села и школы, которые собрали учителя Лилия Сергеевна Филимонова и Софья Ивановна Шастунова. И ещё одно – чуть-чуть левее от него, под тополями. Тогда я узнал о существовании Камылевки – участка берега Карасульки. Мне объясняли, будто бы там священники оставляли головной убор – камилавку, после неумеренных возлияний.

Помню Воронин лес и Кордон. Кордоном именовался один из берёзовых холмов – название, сохранившееся ещё с давнего времени, когда в этих краях существовал форпост Безруковский, а на расстоянии от него выставлялись кордоны. Я с отцом там впервые в стого ночевал зимой. Стога специально делали полями, чтобы туда можно было забраться.

А ещё вспоминаю большой служебный двор, там порою останавливались военные. Однажды они приехали на «Студебеккере», в белых полушубках и касках. И подняли, такие сильные дяди, меня на руках. А женщины, увидев их, говорили: «Мы обязательно победим, раз у

нас такие могучие машины и такие сильные дядьки есть!» А ещё у нас был артиллерийский конь, списанный – он где-то на костёр лёг, холка у него была обожжена. Такая громадина! Посадили меня на этого коня, а я скатился через круп и на ноги встал. Во дворе у отца было много лошадей, служебных, видимо, и в деревне тоже много лошадей было. Я любил убежать в табун, хвататься за гриву коня и без седла на нём скакать.

– Приходилось ли Вам в детстве слышать, что деревня Безрукова – родина знаменитого русского сказочника, автора «Конька-Горбунка» П.П. Ершова?

– Учителя нам ничего такого не говорили. А вот школьная техничка рассказывала, показывая в сторону церкви, где в это время было зернохранилище, что на этом месте был когда-то большой дом, в котором родился хиленький мальчик. Вокруг этого дома родители пронесли его лунной ночью, чтобы он не кричал, продавали нищим за копейку какую-то, чтобы они все хвори унесли.

– Какие книги остались в памяти с того времени?

– Вспоминаю, как дома мы собирались все за столом и слушали моё чтение повести Александра Бека «Волоколамское шоссе». Там есть эпизод расстрела разжалованного офицера. Как его везли на казнь, он перед этим побрился, порезал щёку и поехал. Женщины-слушательницы прямо «слезьми» заливались. Слово тогда воспринималось ярко. А первые книги – это, конечно, пушкинские стихи. Я наизусть их знал тьма-тьмуцую. И сам я сочинять начал не знаю с какой поры. Рифмы у меня сразу хорошие получались, потому что слух на слово был. Одно из первых стихотворений, не знаю когда написанных:

*Летели над дорогой четыре носорога,
А пятый носорог пытался, но не мог.
Крылья не отпусти.*

– Я знаю, что безруковско-ишимскими местами навеяно и одно из лучших Ваших стихотворений. Я его всегда читаю нашим гостям, когда провожу экскурсию «Ишим – Без-

Директор Безруковской школы Василий Андреевич Шастунов (сидит); слева направо – Любовь Ветренко, Анатолий Васильев, Валентина Смехова. Безруково (Ершово). Сентябрь 1954. Из фондов ЛМЕ.

руково» и показываю сохранившийся деревянный мост при въезде в село:

*Дощатый мост. Дорога на Ишим,
Над маревом плывущие увалы.
И чибисы, над зарослями тала
Взлетающие с утренних лощин.*

*И свет из тех послезакатных сит
На западе в июле перед жатвой,
Когда с покоса бойкая лошадка
Под сумерками весело трусит.*

*И колкая сентябрьская стерня.
И паутин сентябрьское касанье.
Родись я под иными небесами –
Во мне недоставало бы меня.*

– Да, этот мост через Карасульку я помогал строить своему отцу в детстве. Она была тогда такой могучей рекой, сносила все мосты, а лёд был необыкновенной толщины. Вызывали сапёров из Ишима, чтобы взрывать ледяные заторы.

С Безруковым связано и ещё одно моё стихотворение, которое я помню, за которое я отвечаю, оно посвящено Людке Гринь. У нас тогда в деревне напротив деда Коломийца жили эвакуированные из Ленинграда поляки Гринь. Людка и стала моей первой любовью. Позднее мы с ней встретились в Омске, когда я поступил в медицинский институт, а она там уже училась двумя курсами раньше, у неё мать была военный врач:

*Долго-долго гармошка плакала,
Перед домом твоим причитала.
И лишь только на зорьке лаковой
За околицей замолчала.*

*Я не спал этой ночью лунною.
Слушал, окна раскрыв сторожко,
Как тебя, невозможно юную,
Вызывала-звала гармошка.*

Деревянный мост через реку Карасуль у села Ершово. Август 2003. Фото Г.А. Крамора.

*И боялся, что ты не выдержишь,
Отзовьшися на те страданья.
И зачем только белыми вишнями
В мае вышито мирозданье?!*

*Но зря занялась сполохами, –
Молодая плеснула алость.
А гармошка ушла со вздохами:
Значит, верной ты мне осталась.*

Это стихотворение 1957 года было напечатано. А ещё одно, посвящённое ей же, никогда не публиковалось:

*Я от тебя хотел отвыкнуть.
Как малыши не бабкин окрик,
На подоконнике поникли
Герани, флоксы, ванька мокрый.*

*А за окошком света много,
Цветёт черёмуха над речкой.
Вот без тебя цветы не могут,
А обо мне уж нет и речи.*

– А когда и где были напечатаны Ваши первые стихи?

– В начале 50-х годов в «Ишимской правде». В Безрукове я жил до окончания седьмого класса, а затем уехал поступать в Уральский политехникум, отучился первый год на отделении производства стали и ферросплавов в электропечах. Тяги к этому железу и печам я не имел никакой. Мне зачли 8-й класс, и я вернулся в Ишим. Но меня не приняли в городскую школу,

*Школа, в которой учился Анатолий Васильев. Безруково (Ершово).
1950-е. Из фондов ЛМЕ.*

девятый класс пришлось заканчивать на станции Карасульской, и только после этого я в Ишиме был принят в школу № 1. И тогда районная газета стала печатать мои стихи.

– Я просматривала газетную подшивку за 1954 год в архиве и обнаружила там немало стихов «выпускника 1-й школы г. Ишима А. Васильева». Стихотворений других поэтов там почему-то не было, и у меня сложилось впечатление, что Вы тогда были едва ли не единственным в городе лириком. Одно из стихотворений, которое Вы, по всей вероятности, уже забыли, хочу процитировать:

Десятикласснице

*Зеленеет в нашем парке жимолость –
Первомайским незабвенным днём
Первою она, быть может, вымылась
Хлынувшим из серых туч дождём.
У тебя ещё идут экзамены,
Ты гулять идти не можешь в сад.
И глаза приветливые мамыны
На тебя участливо глядят.
Школьные мечтания заветные
Светлой билью хочешь сделать ты.
Потому от зарева рассветного
Не бросаешь книг до темноты.
Все твои старания оплатятся –
Сдашь экзамен в полдень голубой,
И на складках форменного платья
Заиграет ветер путевой.
Жизнь безмерным счастьем*

переполнится

*Тех незабываемых минут,
Когда дверь ещё вчерашней школьнице
Распахнёт желанный институт.*

– В то время я стал победителем конкурса «Алый парус», проводимого Всесоюзной молодежной газетой «Комсомольская правда». По школе ходил «под Маяковского», «шеввелил» глазами, запрокидывал голову. С учительницей литературы Марией Фёдоровной Корчёмкиной вступил в конфликт. Проходили того же Маяков-

ского. Она и скажи: «Он коммунистом был, большевиком, в творчестве своём чётко прочерчивал линию между капитализмом и коммунизмом. Вот возьмите строки из стихотворения «Товарищу Нетте, пароходу и человеку»:

За кормой луница. Ну и здорово!

Залегла, просторы надвое порвав.

Надвое! То есть на лагерь капитализма и коммунизма!»

А Толя Васильев и возрази ей: «Ничего подобного, Марья Фёдоровна, это красивый зрительный образ, и в нём много больше того, что Вы трактуете». Такие стычки у нас были частыми. Когда же меня стала публиковать «Комсомольская правда» и напечатала рецензию обо мне хорошую, она сказала: «Больше не ходи ко мне на занятия по литературе». А на экзамене я выбрал свободную тему, писал сочинение пять часов. Мне кажется, что весь класс стоял и ждал, чем всё это кончится, но там была целая комиссия, и я получил оценку «пять».

– Понимали ли Вы в свою юношескую пору, что живёте в городе с историческим прошлым, что здесь бывали и жили люди с громкими именами, что этот старый город сохранил красивые храмы, улочки, деревянные домики?

– Я знал об А.И. Одоевском. Во время учёбы в 1-й городской школе я жил у тётки на улице Ленина напротив второй городской больницы и ходил к другу Борьке Воробьеву по улице Одоевского. И исправлял всех учителей и учеников, неверно произносивших его фамилию: Одоевский, а не Одоевский – по заштатному городу Одоеву, где удельные князья были, следовательно, Одоевские. Декабристская тема меня всегда интересовала. У меня два романа вышли в конце девяностых годов: «Прошу тебя, Государь» – о Кондратии Фёдоровиче Рылееве и «Казематы его крепостей» – о Вильгельме Карловиче Кюхельбекере. А об Одоевском я скоро буду писать. Я дал себе слово написать обо всех тридцати пяти декабристах, бывших в Тобольской губернии. О семнадцати уже написал.

Анатолий Васильев с Лилией Редькиной, её двоюродной сестрой и племянником. Деревня Таловка под Ишимом. Июль 1955. Из фондов ЛМЕ.

А старинный Ишим я всегда любил, как и его окрестности. Много ходил по курганам нашим, холмам. Помню Троицкую церковь, рас-

А.И. Васильев – редактор альманаха «Врата Сибири». Тюмень. 2004. Фото В.А. Коротаева. Из фондов ЛМЕ.

положенную чуть-чуть к востоку от кинотеатра, там могила была со старинной чугунной решёткой и надписью латинской вязью. Особенно нравились мне лунные ночи, когда я шёл по улицам, среди цветущих яблонь, до самого вокзала. Так что –

*Родись я под иными небесами –
Во мне недоставало бы меня.*

Беседу вела Т.П. Савченкова.

Г.А. КРАМОР

Обретённая святыня из села Прокуткинского

Лет около десяти назад Надежда Проскурякова, будучи научным сотрудником Ишимского краеведческого музея, услышала историю про чудотворную икону из села Прокуткинского. На весь Ишимский уезд – огромный, включавший территорию нескольких районов юга Тюменской области и соседних областей – известно всего три подобных иконы.

Самая чтимая из них – Боровской список (копия) с Абалацкой иконы Божией Матери «Знамение». Абалацкая икона, хранившаяся в одноимённом монастыре под Тобольском, почиталась как всесибирская святыня. К ней шли паломники из самых отдалённых уголков края. Шли пешком, по многу дней, неся к Небесной Заступнице свои горести и вздыхания. Боровская икона также славилась в Ишимской округе, и священнослужители зафиксировали немало случаев благодатной помощи тем, кто с верою и молитвой прибегал к Божией Матери. С этой иконой, написанной в середине XVIII века, ежегодно совершался многолюдный крестный ход по уезду, свидетелем которого стал амери-

канский журналист Джордж Кеннан. После гражданской войны образ бесследно исчез.

Вторая икона – святого пророка Иоанна Предтечи из церкви села Черемшанского, явленная на источнике неподалёку от храма. Увы, история и судьба этой местной святыни пока неизвестна.

Третья икона – образ святой великомученицы всехвальное Евфимии, явленный в селе Прокуткинском, что в тридцати верстах от города Ишима.

В 1913 году, как сообщает «Справочная книга Тобольской епархии», в приходе местной Христорождественской церкви, построенной «при пособии от правительства» в 1871 году, проживало 2669 человек, имелось 487 дворов (приход включал в себя и жителей соседних деревень Куминовой, Нестеровой, Кривошёковой, Невוליной, Тимохиной, посёлков Казанского, Высокого, Ново-Ивановского)¹. Село Прокуткино и в наши дни многолюдно, благодаря местоположению на тракте, идущем в Большое Сорокино и Викулово. Дух старины ещё не вы-

ветрился из него. Многие избы – крестовые и пятистенки – украшены неповторимой резьбой. Не так давно на центральной улице виднелась бульжная мостовая, теперь укрытая асфальтом. Про икону в селе помнят, но время и социальные метаморфозы стёрли подробности. Забылось имя святой, обстоятельства обретения образа. Главное же – никто не мог назвать места его пребывания. Лишь глухо указывали на то, что «хранится у кого-то дома». Проскураковой оставалось лишь вздохнуть: «А может, и правильно делают, что не торопятся показывать её на свет Божий»².

Подробная история обретения образа святой Евфимии и чудес, явленных от него, неожиданно обнаружилась в делах Тобольского архива³. В условиях регламентированной религиозной жизни дореволюционной России всплеск активности прокуткинских прихожан не мог не вызвать интереса со стороны Тобольской духовной консистории, которая поручила священнику Челноковской церкви Алексею Калугину провести расследование и доложить результаты епархиальному начальству.

Из материалов следственного дела, составленного осенью 1911 года, сложилась такая картина.

2 июля 1910 года⁴, в праздничный день крестьянские дети Максим Тюменцев и Иван Седунов собирали землянику на кладбище, в берёзовой роще за сельской окраиной. Дойдя до середины погоста, девятилетний Ваня увидел на трухлявом пне небольшую икону. Образ был ему незнаком; такого они «в доме своих родителей, а также соседей» не видали. Мальчики подозвали старших сестёр. Елена Седунова взяла образ и передала его Параскеве Тюменцевой (в 1911 году она была уже в замужестве и носила фамилию Лумповой). Та понесла икону в дом к священнику Александру Щеглову.

Батюшки дома не оказалось: как благочинный он уехал по делам в соседний приход. Матушка, Клавдия Павловна, внимательно рассмотрела находку. На деревянной доске размером $3\frac{7}{8}$ на $2\frac{7}{8}$ вершка (примерно 17,5 на 13 см), толщиной $\frac{3}{8}$ вершка (1,8 см) «масляными красками разных цветов» была изображена женщина «средних лет, с распуценными по плечам волосами, непокрытой головой, в руках развёрнутая книга и пальмовая ветка, по полям фон цвета светло-голубой, у подножия – изображение наподобие озера, покрыто растительностью». Над ликом шла полукругом надпись славянскими буквами: «св. великомуч. Евфимия».

Из жития святой Евфимии:

Это произошло в начале IV столетия по Рождестве Христовом, в царствование римского императора Диоклетиана. Городом Хал-

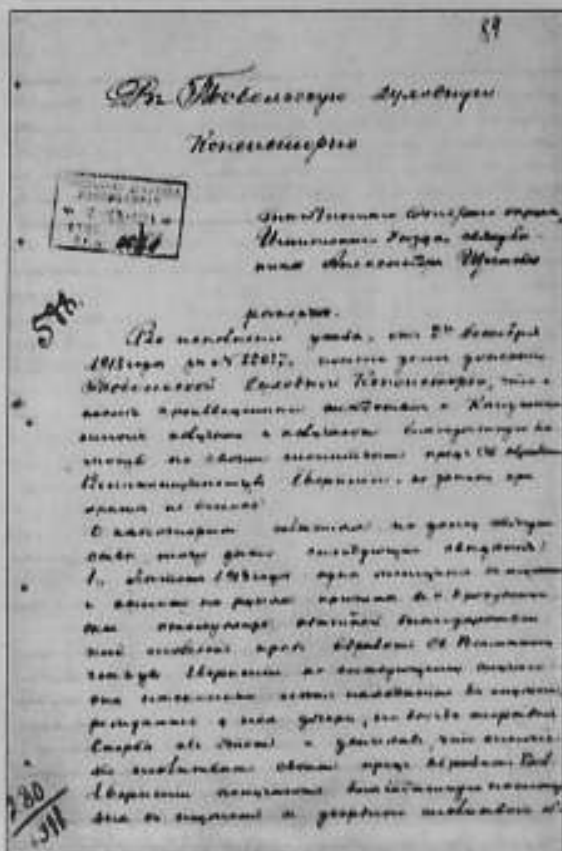

**Село Прокутинское в наши дни.
Сентябрь 2005.**

кидомом управлял проконсул Приск. Намереваясь устроить праздник в честь языческого бога Арея (Марса), Приск издал указ, обязавший жителей окрестных городов и селений собраться на празднество и принести жертвы Арею. Христиане, не желая поклоняться бесу, обитавшему в бездушном истукане, скрывались в тайных местах, совершая служение истинному Богу, Иисусу Христу. Разгневанный проконсул повелел отыскивать их и предавать мучениям.

В одном из тайных мест скрывалось сорок девять христиан, и среди них – прекрасная девица по имени Евфимия. Она была благородного происхождения, её отец-сенатор и мать также вели благочестивую жизнь. Свиерепые слуги Приска окружили дом и, схватив молившихся, повели с бесчестьем и насмешками к проконсулу. Ведомые, как овцы на заклание, смиренные рабы Христовы стали перед гордым мучителем, готовые страдать за Господа даже до пролития крови...

Матушка-попадья решила, что икону на кладбище оставил «кто-то из переселенцев» – они обыкновенно провожали своих родственников в последний путь с образами. Через два дня, поскольку никто не признал находку своею, Клавдия Павловна послала дочь Валентину от-

**Рапорт благочинного
о. Александра Щеглова.**

4 февраля 1914. Госархив в г. Тобольске.

нести икону в церковь, где трапезник (сторож) Тимофей Комаров поставил её на выступ колонки иконостаса, по левую сторону от царских врат. Тот же сторож через восемь дней (после находки) прибежал к о. Александру с новостью: икона исчезла. Мысль о том, где искать пропажу, родилась тотчас: конечно, на кладбище. Правда, при расследовании осталось неясным, кто же сделал это предложение — батюшка сослался на сторожа, и наоборот. Икона, действительно, обнаружилась на том же пне, и Комаров принёс её обратно в храм.

Вторично образ исчез 22 июля, и так же, как клятвенно уверял сторож, «при закрытых дверях». День был официально нерабочий, «царский» — праздновались именины великой княжны Марии. Совершалась литургия, и во время службы образ пребывал на месте. А после обеда — пропал.

Народ, взбудораженный известием, начал собираться на кладбище. Икона стояла в том же гнилом пне, погружённая наполовину в труху, от неё распространялось приятное благоухание (сохранявшееся после нескольких дней). Никто не решался извлечь икону, пока не появилась попадьё. Вскоре подошёл и батюшка, вызванный с полевых работ («поповская паш-

ня» находилась в четырёх верстах от села). Отслужив молебен св. Евфимии, он передал икону крестьянину Симеону Васильевичу Седунову, человеку, уважаемому за богобоязненность — его фамилию мы не раз встретим в ходе дальнейшего изложения. И прихожане торжественным крестным ходом, под колокольный звон, перенесли икону в храм, где ей определили место на аналое за правым клиросом. Там она и лежала в течение года, будучи почитаемая селянами, но не являя каких-то особых знамений. Ни прихожане, ни священник Александр Щеглов, по его же словам, «никакой молвы не распускали», памятуя о том, что живут «в век упадка веры среди христиан, в век сомнений и недоверчивого отношения к чудесным явлениям»⁶. Однако в 1911 году произошёл ряд событий, после которых икона снискала в народе славу чудотворной.

Из жития святой Евфимии:

...Встав перед приведёнными к нему христианами, властитель грозно спросил: «Вы ли противитесь велению царскому и нашему, уничтожая жертвоприношение в честь великого бога Арея?» Пленники отвечали: «Мы повинуемся всякому повелению властей, если оно не противно Небесному Богу. И мы, как учил Христос, воздали бы кесарю кесарево. Но ваше повеление богомерзко, потому что вы требуете почитать тварь вместо Творца, и поклоняться бесу, а не Богу Вышнему. Такого повеления мы никогда не исполним».

Тогда проконсул льстиво предложил им дары и почести, на что святые отвечали: «Земные блага — временны и непостоянны, небесные же — вечны и неизменны. А страшных мучений мы не боимся, и желаем их претерпеть, чтобы проявилась в нас сила и крепость Бога нашего, которой вы могли бы удивиться и, познав немощь ваших скверных богов, устыдиться».

Девятнадцать дней христиане подвергались мучениям, получая новые раны и терпя голод и жажду. Юную Евфимию они ободряли словами: «Подвизайся, дева, ради Жениха Небесного, подвизайся угождать Ему страданиями, подвизайся встретить Его с мудрыми девами, чтобы Он возлюбил тебя как невесту Свою и ввёл в Свой чертог...»

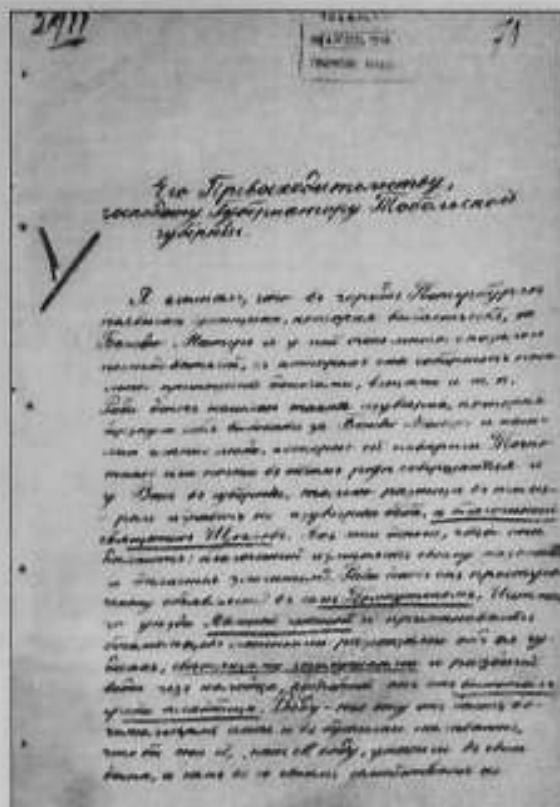
Первым зафиксированным чудом стало исцеление 70-летнего старца Симеона Васильевича Седунова — того, который нёс икону с кладбища. Весной 1911 года он заболел тифом. Когда дело пошло на поправку, «неосторожно выпил кружку молодого квасу», и болезнь вернулась. Священник уже напутствовал его последним причащением Христовых Таин. Однако мольба умирающего к святой Евфимии об исцеле-

нии была услышана, и Седунов выздоровел. Этот чудесный факт оказался настолько очевидным, что в силу молитвы к святой великомученице поверили многие. Чему немало способствовали и климатические особенности наступившего лета.

Весна стояла «благоприятная для роста хлебов и трав, что и радовало крестьян». Однако с середины мая наступила засуха. Когда на пастбищах выгорела трава, среди прихожан крестьянин Тимофей Сергеевич Оверин, увидел сон, в котором некто «в священническом облачении» предложил ему выкопать колодезь на месте явления образа св. Евфимии, заметив: «Тогда бы и была у вас вода». После воскресной литургии прихожане дождались в церковной ограде отца Александра и потребовали у него дозволения выкопать колодезь. Священник стал увещавать их не делать этого. Из толпы последовали выкрики: «Что ты нам за пастырь, ты – политик (т.е. безбожник), не позволяешь делать нам доброе дело». Тем не менее батюшке удалось отговорить крестьян от их затеи.

Вторая волна поднялась, когда выгорел хлеб. Скот худел, ходили слухи, что в других волостях начался его падеж, а в желудке у павшей скотины находили вместо травы землю. Где-то в уезде появилась сибирская язва. В таких обстоятельствах «народ должен был лишиться всего совершенно». Новым катализатором народной активности стал сон, увиденный 6 июня (за два дня до Петрова поста) Иларионом Седуновым, 37 лет – сыном почтенного старца Симеона. Во сне он увидел колодезь, на дне которого явилась сначала чистая вода, а после её исчезновения – новый образ св. Евфимии, размером с аршин (71 см). Иларион, весь в слезах, пересказал сон отцу, а пока тот ходил за священником, – и собравшимся на дворе крестьянам. Причём говорил «с таким воодушевлением», что увещания настоятеля храма уже не действовали. Тому оставалось лишь ответить: «Как хотите, так и поступайте же, но разрешение я вам не даю».

Отца Александра можно было понять. Здесь ему пришлось столкнуться с самой настоящей «политикой». С одной стороны, он не мог благословить прихожан на такое мероприятие без разрешения гражданских и духовных властей, которое, если бы и последовало, то с волокитой, через продолжительное время, что не успокоило бы крестьян. И доносить о происходящем он не мог: власти могли указать крестьянам на источник информации. С другой стороны, на территории прихода проживали старообрядцы, которые в данном случае «могли внушить православным, что вот какие у них священники, что не позволяют делать доброе дело»⁵. Поэтому батюшка пошёл на компро-

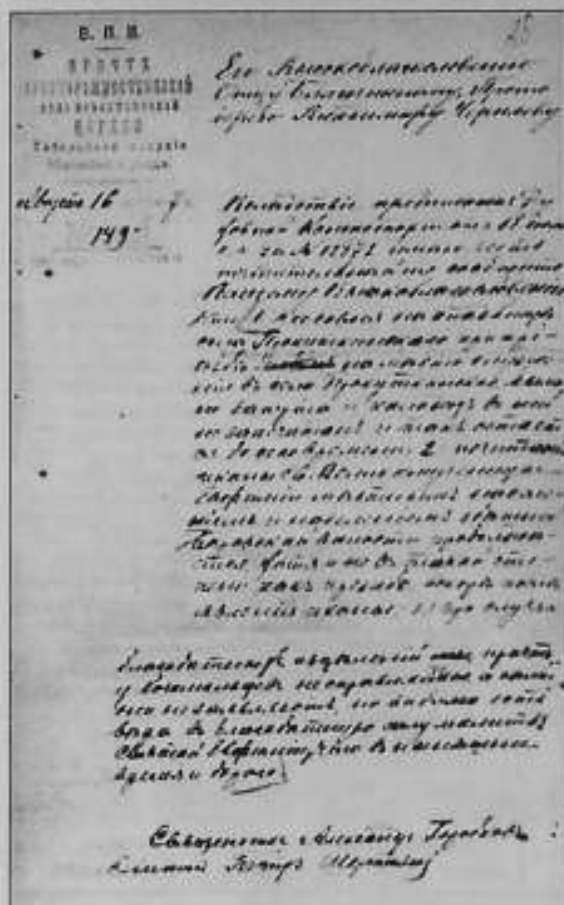

Донес странника Некрасова.
1 июля 1914. Госархив в г. Тобольске.

мисс. Чтобы избежать народного недовольства, он, официально не разрешая копанье колодца, но и не сообщая полиции о намерении прихожан, отслужил на следующий день молебен св. Евфимии, после чего крестьяне, вооружившись лопатами, отправились на кладбище. Они аккуратно разделили пень на части и роздали пришедшим, а право начать копку колодезя предоставили Илариону Седунову.

Из жития святой Евфимии:

...На двадцатый день был устроен суд, где проконсул спросил мучеников: «Может быть, наученные страданиями, вы захотите поновиться?» На что получил ответ: «Не надейся совратить нас с прямого пути: скорее ты сможешь перевернуть горы на земле и подвинуть звёзды на небе, чем отторгнуть наши сердца от истинного Бога». Раздражённый мучитель приказал бить их по лицу и отправить к царю. Когда христиане возвращались в темницу, Приск увидел Евфимию, сияющую в лике святых мучеников, как луна между звёздами. И, подобно волку, решил похитить эту овцу из стада Христово. Она же, возведя очи и руки к небу, воскликнула: «Не оставь меня, вселюбнейший мой Жених, Иисус Христос, ибо я на Тебя надеюсь; не дай врагу моему порадоваться надо мною; укрепи меня, немощную рабу Твою».

Сообщение причта Прокуткинской церкви о состоянии часовни на кладбище. 16 августа 1917. Госархив в г. Тобольске.

Желая обратить Евфимию к безбожию, мучитель пытался прельстить девическое сердце ласковыми словами, подарками и обещаниями. Однако дева отвечала: «Хоть я немощна по плоти и молода, но сердце моё твёрже, чем твоя. Ты не прельстишь меня хитрыми словами, как прельстил змей праматерь нашу Еву. И не сделаешь мне сладким этот мир с его наслаждениями, которые я почитаю за горечь ради сладчайшего Иисуса моего!..»

К сожалению, материалы следственного дела умалчивают о том, прекратилась ли засуха после устройства колодца на прокутинском кладбище (священник Алексей Калугин свидетельствовал, что глубина его 3 аршина, т.е. чуть более двух метров, а вода «светлая, пресная, на вкус приятная»). Зато сообщается множество прочих чудесных явлений, произошедших летом и осенью 1911 года. Вот лишь некоторые из них.

В мае месяце крестьянин Стефан Гаврилович Аверин отправился в Абалажский монастырь, по обету (видимо, в благодарность за исцеление). По дороге встретил крестьянку Наталью

Петрову из деревни Савиной, что в Безруковской волости Ишимского уезда. Она рассказала ему, что долгое время страдала от болезни глаз, и однажды во сне увидела небольшой образ, от которого шёл голос: «Поди в село Прокуткинское, отслужи молебен святой Евфимии». Видение повторилось несколько раз, а болезнь отступила. Узнав, что её спутник из того самого села, крестьянка пообещала придти отслужить в церкви молебен. А когда через месяц исполнила обещание, то подтвердила, что виденный ею во сне образ точно такой же, как и в церкви, хотя прежде она в Прокутке никогда не бывала и ничего об иконе прежде не слышала, кроме как во сне. Крестьянке Александре Андреевне Фаддеевой вода из кладбищенского колодца также помогла избавиться от сильной рези в глазах.

Крестьянка Аполлиария Фёдоровна Долгих с марта 1911 года страдала от зубной боли. В июне кто-то посоветовал ей приложить к зубам кусочек пня, на котором нашли икону св. Евфимии. Она исполнила совет. Через неделю боль стихла, и Аполлиария отслужила молебен святой «как целительнице от зубной болезни».

Крестьянка Параскева Матвеевна Оверина рассказывала случай, произошедший с её родственницей из деревни Большой Остров Марией Михайловной Зайцевой. Ровно через год после обретения образа св. Евфимии, в день её памяти – 11 июля она намеревалась пойти в Прокуткинский храм, помолиться перед иконой, в чём дала обет. Однако позже усомнилась: а отпустят ли дети – в страдное время, да ещё и в будний, невоскресный день? И решила уже остаться дома. Вскоре она заметила, что на ноге появилась опухоль, которая стала расходиться всё более и более, так, что уже и ступить на ногу было нельзя. Болезнь эту Параскева приняла как явное наказание за неисполнение обета и вечером, помолившись св. Евфимии, твёрдо решила, несмотря ни на что, идти в Прокутку. Наутро она смогла исполнить обещание, так как опухоль полностью прошла.

Среди малых детей села Прокуткинского обычной болезнью летом был «сильный понос» (вероятно, дизентерия), от которого многие из них умирали. Так же заболел и годовалый сын крестьянина Михаила Васильевича Седунова. Ребёнок стал настолько слаб, что «невозможно было его ни положить, ни на руках держать». Мать каждую литургию приносила его ко причастию и однажды взмолилась перед образом св. Евфимии: исцели его или прими душу, дабы окончились страдания младенца! И ребёнок стал поправляться, а к осени совершенно выздоровел.

Полностью исцелилась от чахотки 18-летняя Евгения, дочь крестьянина Александра Егоровича Аверина; лечение обычными лекарствами ей не помогало.

Место, где стояла Христорожественская церковь. Прокуткинское. Сентябрь 2005.

В июле 1911 года засуха едва не уничтожила не только крестьянский урожай, но и всё имущество прокуткинцев. В деревне Куимовой, «прилепившейся» к селу с северной стороны, загорелся дом Тимофея Фаддеева. Яростный сухой ветер быстро перекинул огонь на соседний дом. Видя страшную угрозу селу и невозможность борьбы с пожаром при столь сильном ветре, братья Симеон и Дмитрий Седуновы поспешили в церковь и вместе с псаломщиком Петром Шерстняковым вынесли образ св. Евфимии на северное крыльцо, обращенное в сторону, откуда надвигалась угроза. Ветер тотчас изменил направление и вскоре утих; стал накрапывать дождик. Жертвой пожара стали только две усадьбы.

После этого пожара, «частию от испуга, частию от простуды», заболел крестьянин Матвей Степанович Комаров, чей дом находился в непосредственной близости от огня. В год нахождения иконы Комаров был старостой Прокуткинской церкви. Мучимый жаром и лихорадкой, он на третий день во сне ясно услышал голос: «Дай обещание отслужить молебен св. Евфимии». На следующий день он поехал к чудесному образу и после молебна в храме «почувствовал себя здоровым».

Находились, однако, критики чудотворности иконы. Для таких уроком должна была послужить история, случившаяся с другим Комаровым — Иваном Андреевичем. 29 июня 1911 года, в Петров день, он возвращался из села Борового и, проезжая мимо храма, сказал мысленно: «Пусть Евфимия меня накажет вьявь, если только образ её явленный». Легкомыслие было наказано через тридцать сажен: выходя из тарантаса у дома своего сына Афанасия,

Комаров упал, сраженный параличом правой половины тела. Тотчас послали за священником. В исповеди Иван Андреевич каялся в своих словах и просил святую великомученицу о прощении. Вскоре он начал ходить с костылями, «но дурные мысли не оставил». В сонном видении к нему явились две женщины, одна из которых сказала: «Больше мы тебя не будем лечить». С Комаровым случился второй удар, после которого тот уже слёг окончательно и мог подавать знаки только движением век. К нему неоднократно приходил священник, и однажды Комаров выказал желание исповедоваться и причаститься Христовых Таин. После причастия он неожиданно произнёс дважды: «Слава Богу», а после опять не мог говорить. Скончался Комаров 16 сентября, в другой день памяти св. Евфимии.

Разумеется, такие события, развивавшиеся на фоне засухи, способствовали усилению народной веры в заступничество «своей» святой. И стихийному порыву не могли помешать никакие официальные инстанции. Прихожане не только выкопали на кладбище колодец, но и западнее его построили на свои средства (160 рублей) бревенчатую часовню. Разрешения на это получено не было, а потому никто часовню не освящал; тем не менее ключ хранился у церковного трапезника. Часовню сложили ладно: в высоту она была 3 аршина 6 вершков (около 2 м 40 см), в длину и ширину 5 3/4 аршина (около 4 м 10 см), с подполом и двумя венецианскими (полукруглыми с ажурным изгибом расстеловки в верхней части рамы) окнами с северной и южной стороны. Внутри часовни поместили, у восточной стены, иконы Божией Матери, преподобного Симеона Столпника (воз-

Никольская церковь.
Ишим. Октябрь 2005.

можно, дар Симеона Седунова) и копию образа св. Евфимии⁶.

Из жития святой Евфимии:

...Мучитель, посрамлённый ответом деви, переменял песть на ярость и ввел приготовить колесо для пытки, со множеством острых ножей. Когда служители привязывали к этому колесу святую, она оградилась себя крестным знаменем. Когда колесо завертелось, тело мученицы стало отрезаться кусками, а суставы – раздробляться. Евфимия же усердно молилась Богу: «Господи Иисусе Христе, приди ныне на помощь, дабы все узнали, что Ты – единый Бог и твердое упование для тех, кто на Тебя надеется!» Тотчас ангел Божий, явившись, сломал колесоворот и, сняв с колеса святую девицу, исцелил её раны и возвратил здоровье. Она же радостно воспела, благодаря и прославляя Бога.

Но где злоба ослепила душевные очи, там и великое чудо не могло принести пользы. Поражённый проконсул посчитал чудесное знамение делом волшебства и повелел развести в особой печи большой огонь и бросить туда святую. Пока печь разжигали, святая мученица снова предалась молитве, которая некогда как броня защитила трёх израильских отроков в вавилонской печи. И когда воины бро-

сили деви в огонь, то оттуда вырвалось сильное пламя, испепелившее стражников. Святая же, лежа посреди печи, словно в светлом чертоге и прохладной росе, пела песнь трёх отроков: «Благословен еси, Господи Боже отец наших!...»

4 февраля 1914 года священник Александр Щеглов сообщил о новых фактах «благодатной помощи по молитвам пред Св. Образом»⁶. Заметив, что до получения консисторского указа от 2 декабря (в ответ на который и был составлен цитируемый рапорт) их запись не велась, отец благочинный вспомнил три случая такой чудесной помощи, произошедших после 1911 года.

Летом 1913 года благодарственный молебен пришла отслужить семья с младенцем. Мать рассказала, что за несколько лет замужества у неё рождались только дочери, но все мёртвые. Услышав в своей скорби о случаях заступничества св. Евфимии, она обратилась к ней с молитвой. Родился сын, совершенно здоровый. Тем же летом пришла в Прокуткинскую церковь исполнить обет женщина с дочерью 18 лет, из Тарского уезда, исцелившейся по молитве к великомученице от душевной болезни. Третье чудо случилось с крестьянским мальчиком из деревни Опёновки Безруковской волости. На груди у него появился нарост, мешавший дышать. Мать хотела везти сына к доктору. Но отец решительно воспротивился проведению операции. Он пообещал помолиться перед святым образом – и нарост исчез.

После получения консисторского указа настоятель храма стал вести запись «о чудесных знаменьях», происходивших после обращения к святой заступнице. За три месяца появился список из шести пунктов:

Крестьянин деревни Савиной Безруковской волости Стефан Емельянович Корин – исцеление от тифа. У крестьянина той же деревни Прокония Матвеевича Ляпунова – выздоровление 7-летнего сына, попавшего во время жатвы в привод молотильной машины. Омичка Агафья Афанасьевна Симеонова – избавилась от болезни ног, которой в течение года страдала так, что не могла ходить. У крестьянской жены Марины Алексеевны Боголюбовой из села Пановского – исчезла «болезнь под грудью». Иван Георгиевич Толстых, крестьянин села Боровского – служил молебен за исцеление детей от кори. Крестьянка села Каргалинского Тарского уезда благодарила за выздоровление 17-летнего сына, Павла Петровича Кокина, от геморроя – врачи помочь были бессильны.

Рапорт лёг под обложку дела, а само дело не подвинулось.

Рутинно долгое рассмотрение ходатайства об официальном благословении на устройство

часовни и стихийно-народный характер почитания иконы св. Евфимии стал поводом для появления 1 июля 1914 года доноса «странника-богомольца» Николая Некрасова. Обличитель, в духе атеистических «разоблачений» советской эпохи, безосновательно, не приводя никаких аргументов, обвинял настоятеля церкви в подлоге с корыстными целями, требуя у губернатора посадить его на скамью подсудимых. Дескать, ради получения дополнительных доходов тот объявил простую икону явленной «и приманивает богомольцев ложными рассказами об её чудесах, святящимися гнилушками и раздачей воды из колодца», который «соприкасается с трупами»¹⁰.

Трудно сказать, насколько основательно было это обвинение. Как мы помним, о. Александр не решался дать благословение на рытьё колодца и постройку часовни, хотя почитанию иконы совсем не препятствовал. Более того, у него был личный повод благодарить небесную покровительницу. В начале сентября 1911 года он, отслужив молебен перед иконой св. Евфимии, отправился со знакомым нам Симеоном Седуновым в Тобольск, по делу об устройстве часовни. На обратном пути, на станции Истяжской, им впрягли в экипаж тройку диких лошадей, с которыми ямщик-татарин не смог справиться. Кони помчались на изгородь и, лишь повалив её, разом остановились — над пропастью, на краю крутого берега реки Вагай. Как рассказывал сам Щеглов, если бы не внезапная сила, остановившая коней и не позволившая повозке по инерции столкнуться их с берега, то пришлось бы всему экипажу с пассажирами лететь вниз, с высоты 4-5 сажен (около 10 метров). В появлении этой силы благочинный увидел заступничество святой великомученицы.

И всё же о. Александру Щеглову не довелось узнать результатов следственного дела. По старости лет он скончался. А 12 июня 1915 года село Прокуткинское потрясла тревожная новость. По причине доноса странника-правдолюбца или по иной — но в тот день на кладбище явился ставной пристав 1-го стана Ишимского уезда и в присутствии сельского старосты, сельского десятника, одного из церковных трапезников и сельских жителей заколотил гвоздями колодец и опечатал часовню, закрыв ставни. Безо всяких объяснений. Момент был выбран удобный: весь клир шёл в это время крестным ходом в деревню Неволину (в 8-ми верстах от села). Недоумевая, священник Александр Городков и диакон Пётр Шерстняков спрашивали духовное начальство: имел ли пристав на то право и что им теперь делать — ведь летом в храме планировалась покраска пола и службу в этот период собирались проводить в часовне¹¹.

Ответ нам неизвестен. Во всяком случае, в августе 1917-го часовня и колодец не были за-

*О. Михаил Денисов отмывает обретенную икону от копоти.
5 октября 2005.*

перты. А о. Александр Городков на запрос консистории отвечал, что «про случаи благодатных исцелений причт у богомольцев не спрашивается, а сами они не заявляют, но, видимо, есть вера в благодатную силу молитв святой Евфимии, что в нынешнее время и дорого»¹². Окончательная резолюция духовного начальства, от 23 марта 1918 года, более чем сдержанна: «Разрешить причту... совершать по просьбе молящих молебные пения пред иконой св. великомученицы Евфимии»¹³.

По сути, это было осторожное непризнание её чудотворности.

Дальнейшая судьба иконы оказалась не столь тщательно документирована. Прокуткинцы говорят, что в 1920-е годы Христорожественскую церковь закрыли, устроили зерносклад, потом клуб и библиотеку, а после она не то сгорела, не то была разобрана. На её месте, за отстроенным в брежневские годы кирпичным Домом культуры — зелёная лужайка, окружённая старинными берёзами, которые росли вокруг храма. Севернее — закрытая колхозная столовая. В её планировке и размерах сруб уг-

Икона св. Евфимии без оклада.

дываются черты типовой церковноприходской школы. Часовни тоже нет – примерно в 1936 году её перевезли на озеро Фальксово, где она, говорят, сгорела вместе с хозяином. Колодец оказался заброшен и засыпан, и в нём порою находили мёртвых недоношенных детей (страшный грех, по учению Церкви). Икона же хранилась у прокуткинской жительницы Зинаиды Матвеевны Сеногноевой. Как-то во время крестного хода к процессии подошёл её брат, председатель сельсовета, вырвал икону и бросил оземь. Сестра обещала брату страшную кару, которая исполнилась.

Дальнейшие следы иконы терялись. В ответ на вопросы музейщиков, приезжавших в экспедиции, жители лишь показывали яму на кладбище, щедро усыпанную битыми бутылками и ржавыми банками из-под краски. Утверждали, что здесь росла богородская трава, однако вместо неё мы видели пепелище от костра и обгоревшие стволы берёз, выросших за прошедшие семьдесят лет. Увещания расчистить яму упирались в безмолвное равнодушие.

Из жития святой Евфимии:

...Наутро святую деву привели на суд. Здесь её долго допрашивали, истязали и принуждали к принесению жертвы. Когда же она вновь отказалась, то мучитель велел повесить и строгать её тело острыми ножами. Однако и после этого мучения она, силой Божией, оказалась невредимой. Затем, выкопав глу-

бокий ров и наполнив его водой, запустили в него множество змей, ехидн и прочих ядовитых гадов. Туда и бросили Евфимию. Но, хранимая силой молитвы, она не тонула: водные звери поддерживали её, не причиняя никакого вреда. Тогда святую решили обманом сбросить в яму с воткнутыми вверх остриями копьями и прикрытую ветвями, но она прошла по ним легко, как птица, перелетающая через сети.

Мучитель пришёл в недоумение, не зная, что ещё делать с Евфимией. Даже острая пила не могла нанести вреда святому телу. Потом он повелел жарить её на раскалённой сковороде, но та охладела. Ангелы пребывали с невестой Христовой, сохраняя её во всех мучениях. Наконец, проконсул осудил Евфимию на съедение зверям. Когда святую ввели в цирк, она молилась, чтобы Господь послал конец её мучению, приняв душу в Свои руки...

29 сентября 2005 года, в день памяти св. Евфимии, мы возвращались из очередной экспедиции. И, проезжая мимо Прокутки, не преминули рассказать нашему спутнику – паломнику из Австралии Николаю Ротенко – историю явленной иконы.

Далее события развивались стремительно. 3 октября мне довелось разбирать бумаги из архива ишимской Никольской церкви, найденные её настоятелем о. Михаилом Денисовым на колокольне (где они спаслись от огня костров, в которых лет десять назад по неведомой прихоти погибла большая часть церковных архивов). Среди них обнаружилась копия акта от 14 мая 1981 года – «опись ценных в художественном отношении икон», составленная экспертной комиссией Тюменского облисполкома. И первой в нём значилась икона св. Евфимии: в ризе, врезанная в другую икону, изображающую двух ангелов, держащих образ великомученицы. Указанные размеры малой иконы соответствовали описанию благочинного Калугина. Комиссия датировала её второй половиной XIX века и, определив стиль как «примитив», оценила в 100 рублей – видимо, ради оклада.

Радость открытия смешивалась со страхом: сохранилась ли святыня? Ведь известно, что за последние двадцать лет из храма пропало немалое количество икон... Наутро мы уже беседовали с о. Михаилом. Рассказали вкратце историю образа, осмотрели храм. Икона с забытой судьбой скромно висела на юго-восточном столбе, за иконой святителя Николая. И лишь надпись на ризе малой иконы указывала: «Образ св. Евфимии».

Тщательный осмотр находки назначили на следующее утро, 5 октября. Пропев тропарь святой великомученице, отец Михаил в присутствии диакона Антония аккуратно вынул неболь-

шую икону в серебряном окладе из большой иконы, изображавшей, действительно, двух ангелов. Снял ризу. Икона, написанная масляными красками, оказалась покрыта бархатным слоем сажи, который лёг своеобразно, изобразив подобие крыльев у стоящей женской фигуры. Копоть отчётливо виднелась и в углублениях оклада, который, в отличие от иконы, подвергался чистке. В местах соприкосновения оклада и красочного слоя последний рассыпался, что привело к мысли о том, что икона побывала в пожаре, а краска разрушилась от нагретого металла. Это убеждение усилилось после того, как сняли ризу с большей иконы. Написанная в традиционной технике, темперой по левкасу, она оказалась в плачевном состоянии: большая часть изображения вспучилась и частично осыпалась. Особенно пострадал левый ангел: его лик наполовину утрачен, отпал большой кусок одеяний. Сразу вспомнились истории про сгоревшую (по одной из версий) Прокуткинскую церковь и про пожар в Никольской церкви в 1970 году.

Когда о. Михаил смыл копоть с образа св. Евфимии, явилась новая загадка. По размерам, по толщине, по виду оборотной стороны («некрашенная, гладкая, коричневого цвета») икона полностью соответствовала описанию, составленному священником Алексеем Калугиным. Однако изображение отличалось: отсутствовала «надпись полукругом», распущенные по плечам волосы и пальмовая ветвь, голова оказалась покрыта. Хотя «изображение наподобие озера, покрыто растительностью» наличествовало; за озером даже виднелись горы. Впрочем, более внимательный осмотр показал наличие двух слоёв живописи: горы и растительность, земля у ног святой, нижняя часть её одеяния написаны очень тонким слоем, под которым отчётливо проступает рисунок древесины, а вот небо, вода, верхняя часть одеяний св. Евфимии и сам её лик написаны плотным слоем краски, положенным не очень умелой рукой. Следы поновления очевидны, однако когда оно произведено? Тогда, когда делали оклад? Только так можно объяснить наличие имени святой на ризе, но отсутствие на иконе — а ведь без надписи, по традиции, икона и не может быть собственно иконой. На серебряной ризе стоит дореволюционное клеймо, значит, она сделана не позднее 1918 года. И тут отец Михаил внёс резонное возражение: обычно у чудотворных икон не решались даже чёрточку изменить, не то что поновлять, да ещё так явственно! Тут вспомнилось и упоминание о списке с иконы св. Евфимии, стоявшем в кладбищенской часовне...

В итоге окончательную идентификацию малого образа пришлось на время отложить. Стали внимательно осматривать большую икону, с

Та же икона в окладе.

ангелами. И на обороте — гладком, без следов копоти, как ни странно — над верхней шпонкой обнаружилась трудно читаемая надпись от руки, карандашом: «Явление иконы 10 июля 1910 года». Судя по отчёту священника Калугина, икона найдена на кладбище 2 июля 1910 года, а спустя 8 дней, т.е. как раз 10 июля, в первый раз «ушла» на кладбище. Видимо, эту дату и зафиксировали для памяти. Теперь стало ясно: перед нами — икона св. великомученицы Евфимии, связанная с иконой из села Прокуткинского. Неизвестно когда облачённая в ризу и вставленная в большую икону. Принесённая в Никольский храм неизвестно кем, но известно когда — после 1944 года (когда церковь вновь открыли, и на момент открытия в ней не было ни одной иконы) и до 1981 года (опись в акте экспертной комиссии).

Так мы и разошлись — сказав друг другу: «Всё это надо проверить», — но с твёрдой убеждённостью, что найден тот самый явленный образ.

Всё встало на свои места после того, как икону показали настоятелю ишимского Богоявленского собора епископу Евтихию. Выросший в Ишиме, он с малых лет помнит и Никольский храм, и его священнослужителей. А его отец, самодельный художник Тимофей Порфирьевич Курочкин, также помогал в храме, участвуя и в оформительских работах. Както во второй половине 1960-х годов настоятель Никольской церкви попросил Тимофея Порфи-

*О. Михаил Денисов и Надежда Проскурякова с обрётённой иконой св. Евфимии.
Снят оклад с большой иконы. 5 октября 2005.*

рьевича поновить несколько икон, в том числе и образ св. Евфимии, который висел тогда на северной стене, над отопительной батареей. Исходящим от неё жаром владыка объясняет разрушение красочного слоя. Копоть, по его словам, — это «извечная беда» храма: свечи делали из смеси воска и парафина, от сквозняков пламя коптило. Да так, что приходилось каждый год на Пасху просто отмывать храм от сажи. А про удивительную историю образа никто ничего не знал.

Из жития святой Евфимии:

...Когда святая дева окончила молитву, на неё были выпущены звери — львы и медведи. Но они, приблизившись к ней, лизали ей ноги. Только медведица нанесла небольшую рану, из которой потекла кровь. В это время послышался голос с неба, призывавший святую в горние обители. И тотчас она предала дух свой Господу, ради Которого со всей преданностью пострадала. И потряслась земля, и город заколебался, стены разрушались, храмы падали, и всеми овладел великий ужас. Когда же все в страхе убежали из цирка, святое тело мученицы осталось простёртым на земле.

Родители Евфимии взяли свою святую дочь и с почестями погребли её близ города,

на расстоянии одного поприща. Впоследствии на её могиле был выстроен храм в честь великомученицы Евфимии, в котором в 451 году состоялся IV Вселенский Собор.

Итак, можно утверждать однозначно: икона св. Евфимии, хранящаяся в Никольской церкви, несомненно, тот самый образ, найденный в 1910 году на кладбище села Прокуткинского. Единственный обрётённый из трёх чтимых икон, известных до революции в Ишимском уезде. Образ, который так прославился в народе, что ради этого явления жители выкопали колодец и поставили часовню. А сам образ украсили серебряной ризой и вставили в большую икону «храмовых» размеров — 71 на 51 см, для которой также изготовили оклад, но уже латунный. И это же явление спустя два-три десятилетия было предано новыми поколениями селян полному забвению и поруганию.

Отец Михаил возил находку в Тобольск, на заседание Епархиального совета. Поскольку старая икона с двумя ангелами не подлежит реставрации, её, без латунной ризы, передали в историко-краеведческий музей. Новую пишет матушка. А образ св. Евфимии лежит на аналое в храме, у той же юго-восточной колонны, трогательно украшенный простыми сухоцветами. Как считает священник, поскольку вся информация

Примечания

о чудесах исходит из одного архивного источника, то нужно современное их «подтверждение». Икона должна вновь явить себя как чудотворная, чтобы стать признанной Церковью. Пока же её можно называть местночтимой.

Первые добрые дела после нового явления иконы уже свершились. Жители Прокутки, поражённые находкой их святыни, усоветились памятью предков и расчистили от хлама и грязи яму, где когда-то находился колодец с целебной водой. Узнав про икону из своего родного села, генеральный директор одного из тюменских предприятий сам приехал поклониться ей в Ишим. Побеседовал с отцом Михаилом, помог оборудовать компьютерный класс православной гимназии, которую тот возглавляет. Быть может, возродится и Христорождественский храм, где потомки Седуновых, Авериных, Комаровых и все их земляки – вновь станут внимать проповеди о любви к ближнему и приобщаться священным таинствам.

А ведь это настоящее чудо – когда умягчается к доброму, к исполнению Божественных заповедей человеческая душа.

«Что в нынешнее время и дорого»...

Фото автора.

1 Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. – Тобольск, 1913. – С. 54.

2 Проскурякова Н. Тайна села Прокутинского и его обитателей // «Аргументы и факты» в Западной Сибири. – 1996. – № 37. – С. 6.

3 ГУ ТО «Госархив в г. Тобольске», ф. 156, оп. 29, д. 2212. Большая часть архивного дела – сводный доклад 1918 года, на основе рапорта священника Алексея Калугина от 14 ноября 1911 г. (с неверной ссылкой на ф. 152) опубликован в статье: Темплинг В.Я. О чудесных явлениях от иконы святой великомученицы в селе Прокутинском Ишимского уезда // Религия и церковь в Сибири. Вып. 13. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2000. – С. 36-64.

4 Даты до 1918 года указываются по старому стилю.

5 Дело, л. 92.

6 Дело, л. 96 об.

7 Дело, л. 89 об.

8 Дело, л. 89 – по результатам осмотра А. Калугиным 31 октября 1911 г. В рапорте от 16 июня 1915 г. сообщается, что в часовне находятся иконы св. амчч. Евфимии, св. блгв. кн. Александра Невского и св. прп. Симеона Столпника в трёхчастном киоте. Над ними помещался ещё один образ св. Евфимии, точная копия с явленной иконы (Дело, л. 81 с об.).

9 Дело, л. 84-85 с об.

10 Дело, л. 79 с об. – В.Я. Темплинг ошибочно полагает, что рапорт благочинного Александра Щеглова от 4 февраля 1914 г. появился в ответ на этот донос.

11 Дело, л. 81-82 с об.

12 Дело, л. 88 об.

13 Дело, л. 101.

У.Н. КИРИЧУК

«Он врата распахнул пред закатом...»

Кротовская церковь в воспоминаниях старожилов

1826 год. Село Кротово, Ишимского округа. 150 вёрст – до окружного центра, города Ишима. 20 вёрст – до «большой дороги из Тобольска в Тару». В центре села в нескольких метрах от речки Балахлей появилась здесь на свет деревянная церковь на каменном фундаменте. Осветили её во имя Архангела Михаила.

Было село богатым, большим. Жили в нём трудолюбивые люди, умевшие благодарить Бога. Потому в конце того же XIX века решили кротовчане поставить каменную церковь, на века. Да такую, чтобы всяк проезжий изумлялся её красоте и величию...

1911 год. «Он врата распахнул пред закатом...» Да только не довелось ему пережить даже одного поколения селян. Через тридцать лет церковь пала жертвой безбожников, жестоких, окаменевших не только к вере православной, но даже ко всему прекрасному. Лишь рассказы старожилов доносят до нас неясные черты облика чудесного храма. И отголоски жизни, которой он жил...

Ивакова Анна Викторовна, 1927 г.р.:

«Помню, как с Буреевки (ныне исчезнувшая деревня. – У.К.) возила меня мама маленькую в эту церковь на исповедь. Как сейчас помню: закрыл меня батюшка ризой и давай спрашивать: «Маму-то слушаешь?» – «Слушаю». – «А не ругаешься?» – «Нет», – говорю. Дальше ничего не помню.

А церковь красивая была. Двери с запада. Окна полукруглые. Вверху колокол. На куполе большущий крест. Высокой она была очень. Аж с Казанки видать было, за 10 километров. (Казанка – ныне не существующая деревня. – У.К.)

Большак шёл прямо на церкву. Выйдешь на него – и вот она, видать сразу. А как бить-то её начали, так все близлежащие деревни это слышали. И как колокол сбрасывали, и как стены рушили. Было это в 39-м году. Летом на осень доламывали её. Как сейчас помню, маленькими из школы выбежим, а они долбят... Руками ломали. Долбили, долбили, пешнями били, а всё крепко. Стены по одной ломали. Как поколотят стену, привяжут за самую её верхушку верев-

Проект камен-
ной церкви в с. Кротовском
Ишимского уез-
да, 1900 г.

Проект каменной церкви в селе Кротовском Ишимского уезда.
1900. Госархив в г. Тобольске.

ку и качают, и качают... Как станет она падать, они отбегут, и ну «Ура!» кричать. А стена-то как рухнет, пыль аж столбом подымалась!

Красивой она была очень...»

Брызгалов Иван Васильевич, 1922 г.р.:

«Церковь помню хорошо. Ходил туда молиться с отцом и матерью. В Пасху на всенощную ходили. До полуночи ждали батюшку. Когда он приходил, начиналась служба. Помню, как обносили икону Христа вокруг церкви, потом ставили на место. Как батюшка пасхи освящал. Потом только все по домам расходились.

Строили церковь вручную, без техники. Кирпич на лошадях возили бабки да дети. Была кирпичная, розовая. Кресты с золота, купола, колокола... Один большой колокол, на случай пожара, наружу был выведен. Высотой была она метров 30, а с крестом ещё выше. С окошка звонницы многие соседние деревни видать было. А как звонить начнут, во всей округе слы-

хоть. Звонарь был. Как зазвонит он в колокола, кажется, будто музыка получается, душевная, красивая, хоть танцуй.

А внутри-то какой она была! Загляденье! Всё выбелено, выкрашено. Все стены иконами были увешаны, так как сваживали их отовсюду, даже из других церквей. Много икон на полу стояло. Например, икона святого Трифона.

Когда я в школе учился, в первом-втором классе, она ещё действовала. Пойдёшь со школы домой (а школа рядом с церковью была), зайдёшь на причастие. Снимешь шапку, подойдёшь к батюшке, он ложку чего-то розового, сладкого почерпнёт, да и тебе подаёт.

Священников было несколько. Певчие были. Помню, батюшка Наумов был. Жил в двухэтажке напротив церкви. Дочь его со мной училась. Но умер он быстро... Рассказывали, как ждали его на службу, а он не пришёл. После него никого уже не назначали. На том и закончилась служба в церкви.

Когда я в пятом классе учился, начали её ломать. Жалко было. Она ведь везде славилась. Стали хлеб в неё сыпать, потом клуб устроили. Иконы громили нещадно: топорами рубили, ногами топтали. Кто мог, втихомолку укрывал иконы дома. А ещё рассказывали, как икону Иисуса Христа в гробницу положили и погребли. А что дальше с ней было – не знаю. В клубе из икон лавочки, столы сооружали. Ризы на тряпки рвали.

Позже была в ней МТМ (машинно-тракторная мастерская), водонапорная башня. Потом рушить начали. На разруху кучу тракторов пригнали откуда-то. Ставили их на ночь прямо в церкви. Десяток тракторов свободно в ней вмещался. Рушили с большим трудом: стены мощными были, кирпичи крепкими.

Колокол здоровенный был, в окно звонницы не пролазил. Из-за того сначала окно пришлось раздалбливать, а потом уж колокол оттуда вытолкнуть. Когда ж упал он на землю, всё загудело, загрохотало вокруг. Ходила легенда о том, как другой колокол скидывали. О том, как провалился он внутрь земли, и никто его больше не видел.

Помню, как с ребятами из школы выбегали на переменах посмотреть, как её «убивают». А на глазах слёзы стояли...

Когда церкви уже не стало, из земли добывали кирпичи и продавали».

Сухинина Анна Фёдоровна, 1949 г.р.:

«В этой церкви меня крестили. Хорошо помню её внутренний вид: иконостас был очень богатым и красивым. Стены белые. Иконы все большие, в человеческий рост. Входа в церковь было два, один из них с западной стороны находился. Сначала крыльцо, сеночки, а уж из сеночек открывался огромный зал. В зале три больших окна. Как зайдёшь – слева печь круглая. По бокам иконостаса – тумбы. Вокруг церкви ограда была – каменные столбы с чугунными перекладинами.

В церковь эту и из других деревень много людей ходило. Особенно на Пасху. В ней и крестили, и венчали, и отпевали.

Помню, как устраивали около церкви на площади Михайловские ярмарки в ноябре. Всего там хватало: и конфеты были, и туси. Музыка, шум, гам, крики, кудахтанье. Цыганей толпы. Строго на наряженных лошадях сюда съезжались. Целый день до вечера суета, толкотня.

А потом бомбить её начали... Был тут некий Вахменко председателем совета. Он колокол снимал. А через несколько лет утонул: въехал на лошади в реку, а лошадь возьми да и скинь его. Да всех, кто к этому бедовому делу был причастен, вскоре подобная участь ждала. Кого где тогда несчастный случай подкараулил».

Школьники в день 1 мая на центральной площади села Кротова. 1930-е. Из архива Н.В. Батуриной.

Кармацкий Ефим Григорьевич, 1929 г.р.:

«Церковь помню уже полуразрушенной. Помню, как на звонницу с мальчишками зашли. А оттуда и Вилково, и Усть-Лотовку (соседние с Кротово деревни. – У.К.) видать было.

Отец рассказывал, как её строили. Яйца куриные подворно собирали и из белка с известью замешивали раствор на кирпичи и фундамент. Глину возили с Калиновки (деревня в 12 километрах от Кротова – У.К.). Кирпич получался большой, красный, тяжёлый, крепкий. Совсем не такой, как сейчас. Даже размером много больше. Строили вручную. Глину и кирпичи только на лошадях возили женщины да дети. Мужчины – строили. Да всё с душой, на совесть делали, на века. Недаром ведь кирпичи потом ничем расколоть, отделить друг от друга не могли. Чем ни пытались – всё безтолку...»

А ещё рассказывали мне старые люди, как отливали самый большой колокол для нового храма. Организовали кротовчане сход граждан и решили собрать подворно серебро и медь, чтобы добавить в заводской сплав. Собрали... Доставили колокол к церкви. Большой, тяжёлый – сорок пудов. Взяли тогда три кротовских молодца всю свою силушку в кулак и подняли колокол на звонницу, к самому небу... Голос у колокола был волшебный, звонкий, небывалый.

Вот чтобы сбросить этот колокол со звонницы, и долбили комсомольцы стену киркой, да с такой силой, что искры на землю сыпались.

Вздрыгнула, взревела земля... Пыль взметнулась в небо высоким столбом, а колокол даже не треснул. Тогда, поплавав на ладони, взяли активисты кувалды и ну долбить его со всех сторон. Тихим горестным звоном отвечал на муки колокол. Как ни старались разбить его brave безбож-

Село Кротово в наши дни. Май 2005. Фото Г.А. Крамора.

ники, ничего не вышло. Тогда всеобщими усилиями взгромоздили его на телегу и увезли куда-то.

С большим трудом, еле передвигая ноги, везла его понурая лошадка. Телега спотыкалась на ухабах, и тихонько, прощаясь навеки, стонал литой колокол. Ещё долго слышали этот стон люди, вытирая слёзы с лица...

Храмовых икон сохранилось очень мало. Верующие тайно выносили их из церкви и прятали в лесу. А спустя какое-то время отыскивали и так же тайно приносили домой. Случалось, что лики оставались не найденными и долгое время находились в своём лесном укрытии. А через несколько лет на них случайно натыка-

лись грибники, лесорубы. Удивительно, но, как правило, это были тоже верующие люди.

2005 год. Не увидит уже никогда мой поколение это чудо архитектуры – храм Архангела Михаила. Сейчас нам ничего не остаётся, кроме как слушать рассказы бабушек и дедушек о ней.

Проходя мимо того места, где стояла церковь, не только верующие пожилые люди ненароком смахивают слёзы воспоминаний, но и мои ровесники с грустью смотрят на это святое место. И произносят: «А как бы всё-таки было здорово, если бы сейчас она стояла на этом месте...»

Подготовка к печати – Г.А. Крамор.

Епископ ЕВТИХИЙ (И.Т. КУРОЧКИН)

На стезе церковного служения

Как я стал верующим

На девяносто процентов моя вера состоит из веры моих родителей. Они сами в свою очередь были из семей глубоко верующих. Причём эта родовая вера касалась не только церковного обряда, но пронизывала всю жизнь – и труд, и отдых, и быт. В труде – обязательная добросовестность, в отдыхе – пределы приличия, в быту – нестяжательность, скромность... Рассказы родителей об укладе жизни в их семьях – определяющее доказательство для меня, что простой крестьянский люд до революции жил действительно по-христиански. И как же эта вера христианская озаряла мировосприятие каждого человека!

Повзрослев, я стал более духовно близок к папой. Мы друг с другом откровенничали, говорили о самом важном, а когда, кажется, всё главное было сказано, нам было приятно просто посидеть рядом в тихом раздумье. Мы, од-

нако, о многом спорили, но папа не старался меня обязательно переспорить, а терпеливо подсказывал свою точку зрения. И когда я приходил к согласию с ним, то это уже становилось и моим личным убеждением.

А в раннем детстве я, последний из четырёх детей, был «маменькиным сыночком». Мама молилась чаще и дольше, чем папа, но у папы вера была крепче, грамотнее. Например, кто-то сбросил к нам в почтовый ящик так называемое «святое письмо» с требованием переписывать и распространять эту сектантскую чушь. Мама была в замешательстве. Папа, пришедший с работы, без колебаний бросил письмо в печку, а маму успокоил простыми словами: «В Евангелии об этом не написано – значит, брехня!»

Папин отец Порфирий Алексеевич тоже почитался в своей деревне Чирковой (Армизонской волости; теперь этой деревни нет) человеком верующим и знающим старинные правила жизни. За это его всегда приглашали на дере-

Ваня Курочкин.
Кон. 1950-х. Из архива автора.

П.Н. Жёлтышев (справа)
с сыном и племянником. Тбилиси.
18 декабря 1965. Из архива автора.

венские свадьбы посажёным отцом – шафером. Не только за то, что был героем Первой мировой войны и имел Георгиевские кресты. Но, в большей степени, за то, что не боялся суеверий и держался крепкой веры. На одной свадьбе к Порфирию Алексеевичу подошёл человек, слышавший колдуном. Появление такого человека вызывало панику и смутнение, – совсем как на картине художника-передвижника Максимова «Приход колдуна на деревенскую свадьбу». Так вот, этот «колдун» спросил моего дедушку, можно ли устроить на свадьбе «штуку». Дед строго запретил причинять людям какое-либо зло, а вот шутку, если безобидная, разрешил. И что ж вы думаете? Во время проезда по деревне свадебного поезда тройка с молодыми остановилась, и молодожёны, сойдя с саней, пошли собирать в подол свадебного платья «глызки» – застывший конский помёт. Зла это действо никому не причинило, а уж свадьба-то хохотала до упаду. Конечно, и авторитета шафера, не боящегося колдовских чар, этот случай прибавил.

А в годы войны дед Порфирий с детьми – моим папой и его четырьмя родными сёстрами – принимали в своём доме в Ишиме ссыльное духовенство. В 1943 году сюда сослали епископа Афанасия (Сахарова), и он тайно служил литургию в их доме – тогда, когда в городе были закрыты все храмы. Папины сёстры сшили владыке Афанасию рясу из военного сукна. А папа сфотографировал его на память (эту фотографию можно увидеть в № 5 «Коркиной слободы»).

Однако другой мой дедушка – Павел Николаевич Жёлтышев – был уже куда религиознее. В молодости он хотел стать монахом Верхотурского монастыря и с этой целью стал послушником в этой обители. Но грянула Первая мировая война, и всех послушников в России призывали в армию. Дед стал санитаром. Могучая его сила позволяла выносить с поля боя по двое раненых за раз. А уж одного-то он нёс, как грудного ребёнка. Физическая сила и любовь к раненым приглянулись врачу, и он забрал богатыря-санитара во фронтową госпиталь. С ним и прошёл дед всю войну, побывав даже в Персии.

Война перешла в революцию, и дед не смог вернуться в монастырь. Возвратился в родовую деревню, что теперь является частью нашего города – Серебрянку. Здесь он взялся крестьянствовать. Поставлял на ишимский рынок капусту, морковь, свёклу. Завёл семью. Моя бабушка Евдокия (в девичестве Брусницына, родом с Урала) умерла, когда моей маме было 40 дней от роду, в 1921 году – из-за открывшегося маточного кровотечения, в поле, во время жатвы ржи. Дед женился второй раз. Пошёл работать кочегаром на паровоз.

И мама помнит из своего детства, как осенью в ненастную погоду к ним стучали через палисадник в окошко, кричали: «Павел Николаевич, помогите! Лошадь не может воз вытащить в гору на взвозе». (Это в сторону нынешних очистных сооружений.) И дедушка ворчал, на-

**Дом Жёлтышевых в Серебрянке.
1960-е. Из архива автора.**

По воспоминаниям дочери П.Н. Жёлтышева Нины Павловны, дом построен из самана в 1924 году, после повторной женитьбы Павла Николаевича. Его вторая жена – Анна Ивановна Фёдорова, родом из деревни Сорочкиной, тётка Н.Г. Фёдорова, Героя Советского Союза. В семье Ивана Кузьмича Фёдорова было 9 детей. Простудив в 9 лет на похоронах матери горло, Анна в 17 лет получила за свою хрипоту отказ родителей жениха, которого женили на другой. Чтобы спасти девушку от смертной тоски, её крёстная Синицына тайно увезла Анну в Иоанновский монастырь под Тобольском. Там она пробывала послушницей до его закрытия советской властью. Вернувшись в Ишим, была сосватана за вдовца Павла Жёлтышева. Воспитывала семерых детей – четырёх своих и троих мужа. Тополя вокруг дома посадил Павел Николаевич. Они растут и поныне, дом также сохранился.

девал грязную одежду, шёл с этими потерпевшими, залазил под телегу, поднимал её и на четвереньках вытаскивал в гору.

В семье было уже пятеро детей, когда родственница, работавшая в горсовете, предупредила, что дед попал в список раскулачиваемых. Экспроприации и ссылки он не стал дожидаться. Собрал самые необходимые для жизни семьи вещи и сложил на русскую печь. На вещи посадил детей. Затем раскрыл амбары, хлева, кладовки, хату (стояла поздняя холодная осень) и шумнул по всей Серебрянке: «Люди добрые, берите всё, кому что нужно!» Упрашивать не пришлось. Маме запомнился ужас выставшей избы, чужие люди, шныряющие по всем углам, рёв выгоняемой скотины, причитания мачехи. Олоздавшие к растаскиванию норовили и с печи из-под детей выдернуть понравившуюся вещь. Может быть, поэтому дедушка и на последок своих дней не захотел возвращаться в Ишим.

Бежал он в Башкирию. Под Уфой поселился в деревне Чесноковке. Взял работу по силушке – со старшим сыном Николаем пилить брёвна на доски ручной пилой с несколькими полотнами. Вдруг появился знакомый человек из

Ишима. Боясь доноса, дед бежал в Караганду. Там устроился опять кочегаром на паровоз, но был разоблачён как скрывающийся кулацкое прошлое и получил 10 лет лагерей.

Пошёл этапом в Воркуту. В лагере над ним издевались уголовники, отнимая тюремную пайку. Спасла природная сила: подбирал брошенные собаками обглоданные кости и разжёвывал их своими челюстями. «А уж весной, как крапива подрастёт – тут уж я спасён!» – рассказывал он мне. В результате лагерной жизни он был в 1943 году «актирован» врачами с инвалидностью I группы и сослан в пожизненную ссылку в Армению (почему туда?).

Дал телеграмму дочери, которую сиротская жизнь закинула на Северный Кавказ. Ему разрешили с нею свидание сроком на один месяц. И вот моя мама вышла на вокзал встречать поезд, указанный в телеграмме. Отца не увидела. Поезд ушёл. Ушли все люди с перрона. Остался один безобразный дед в брезентовом «дождевике» на голый торс, в шароварах и валенках. Тело опухшее, как надувная резиновая игрушка. Преодолевая робость, моя молодая маменька решилась спросить этого несчастного – не выдал ли он её отца, крепкого чернового красавца, у него ещё глаза приметные – зрачки разного цвета... Подошла, а в ответ: «Доченька, не узнаёшь?» – «Папа!..»

Все личные вещи променяла на барсучий жир. Лечила болезнь. Спасибо, люди подсказали. По-моему, это была бери-бери, я читал о такой лагерной болезни. Мама имела модельные туфли, захотелось оставить, но денег было взять нигде. Потом всю жизнь себя корила только за своё колебание в расставании с этими туфлями.

Дедушка поправился. В Армении нашёл работу истопника в бане лётной воинской части. За работу понравился командиру, и по его ходатайству дедушка перебрался в Грузию, так как армянские христиане имеют свою веру, не нашу Православную. В Грузии он стал духовным сыном митрополита Тетрицкаройского Зиновия. Постриг его в монашество епископ Мелхиседек (впоследствии Патриарх Грузинский). Так исполнилась его юношеская мечта о монашестве – более 30 лет он прожил монахом. Там, когда ему уже было за семьдесят, он тоже удивил людей, когда один снял с кузова грузовой машины 200-литровую бочку зелёной краски. Она весила гораздо больше двухсот килограмм, четверо молодых людей с ней ничего не могли сделать. Он подошёл один, обхватил её веревкой, прижал к груди и снял с машины.

Впервые я увидел своего деда в 18 лет, когда заработал денег на самолёт до Тбилиси. Тогда же он меня представил и митрополиту Зиновию. Почему-то они с моим дедом тогда решили, что мне надо стать епископом. А я посмеивался, считая их идею старческим слабоумием... Ведь они исходили из того, что «мало кандидатов в епископы». О, я с ними спорил! Сперва мои намерения не совпадали, я твёрдо

решил быть художником. Потом, будучи семинаристом, настаивал, что пойду в женатое духовенство... Кстати, семинаристом я стал исключительно по настоянию митрополита Зиновия. Он был лично дружен с ректором Московской семинарии архиепископом Владимиром (ныне митрополит, глава Украинской Православной Церкви). Поэтому я беспрепятственно поступил в семинарию, что в 70-е годы было очень не простым делом.

Уже семинаристом я приехал на отпевание деда. Перед смертью он принял постриг в высшую степень монашества – схиму. Похоронили химонаха Павла на старом грузинском кладбище недалеко от Тбилисского моря (водохранилища). Отпевание совершал митрополит Зиновий с собором духовенства. Будучи иеромонахом, я участвовал уже в отпевании митрополита Зиновия. После его смерти открылось, что он за несколько лет до того тоже принял постриг в схиму, но тайно. Схимитрополит Серафим похоронен внутри храма Александра Невского, что в городе Тбилиси. Возглавил отпевание Патриарх Илия.

Помню и особенный круг верующих в Ишиме. Позже я понял, в чём эта особенность – многие из них пострадали за свои убеждения в ссылке и тюрьмах.

Мои тётки вспоминали женскую монашескую общину. Служили у себя на дому, при закрытых ставнях, очень хорошо пели. Помню из детства, в одной из мазанок по улице 30 лет ВЛКСМ (сейчас там построены многоквартирные дома) жила девочка Ольга, с которой мы познакомились в церкви. Как-то мы пришли играть к её седобородому дедушке, и нас позвали на молитву. Когда мы зашли в эту мазанку, там царил полусумрак и горело множество лампад. И четыре, как мне кажется, монашки совершали службу. Было таинственно и немножко страшно.

В более сознательном возрасте помню людей из церковных советов Никольского и Покровского храмов. Казначей Вячеслав из Никольской церкви – у него была дворянская манера целовать дамам и старушкам ручку. Одевался бедно, но аккуратно, обязательно – рубашка с белыми манжетами. Моя крёстная Анисья Степановна Белова говорила, что их род идёт из княжеских фамилий. Владимир Николаевич Любимов – ходил в форме отставного офицера, фуражка у него была узнаваемая, дореволюционного образца. Помню кокарду с буквой «О» посередине. И когда он встречал знакомых, раскланивался, снимая фуражку. Пел в церкви и непременно читал Апостола, с церковным мастерством. Все манеры немножко замедлены, подчёркнуто вежливы. Многие были ему под стать. Клавдия Николаевна Быстрова, псаломщица – она училась в ишимской женской гимназии. Когда произошла Февральская революция, в класс пришла их наставница и сказала: «Девочки, Царя нет, и Бога больше нет. И Закон Божий мы больше учить не будем». И ученицы, семнадцатилетние девицы, возмутились этим.

Священники Никольской церкви г. Ишима, слева направо: о. Александр Ильин, о. Василий Мисечко. Нач. 1960-х.

Сейчас точно не помню, сколько их было – семь, одиннадцать или семнадцать девушек из этого класса дали друг другу обет никогда не оставить Бога и никогда не выходить замуж.

И в Покровской церкви не хуже того были крепкие дедушки: Евстафий, Парамон... Именно такие древние. Евстафий в своё время спас Покровскую церковь – хитроумным, но довольно-таки рискованным способом. Когда было вынесено решение о сносе, он явился в городской совет с копией какого-то документа, который разрешал верующим рабочим железнодорожной станции Ишим собирать средства на строительство своей церкви. И подпись: «Ульянов-Ленин». И он заявил: «Если вы снесёте храм, я этот документ передам куда надо». – «Так это копия, давайте нам оригинал». – «Ну нет, я старый человек, опытный. Если я принесу вам оригинал, вы его порвёте и скажете, что его никогда и не было. Я его берегу для суда, а вам хватит и этой копии». Впоследствии, когда мы открыли Богоявленский собор, один дедушка принёс нам церковные книги. В одной из них, Минеей общей, стоит пометка: «Сия книга Покровской железнодорожной церкви станции Ишим, 1915 год». То есть храм был построен до революции и, грубо говоря, Евстафий блефовал, пошёл на большой риск, что этот фотомонтаж может быть раскрыт. Однако вёл себя настолько уверенно, убеждённо, что наши представители власти оторопели. И дело заглохло, а потом негласно угроза сноса миновала.

Хорошо помню, как мы с мамой поехали в июне на праздник Владимирской иконы Божьей Матери в Покровскую церковь. Но она оказалась на замке, и никого нет. Лишь одна бабушка, которая сидела в садике при церкви, сказала: «Нас закрыли и будут сносить». Мне это было так страшно представить... А осенью появился священник, об отмене сноса не говорили, но потихоньку начались службы.

Вообще, в нашем городе после войны, когда открылись церкви, духовенство всё было из отсидевших при Сталине. Они обычно задерживались в Ишиме, чтобы поправить матери-

Священнослужители и прихожане Никольской церкви на северном крыльце храма. В нижнем ряду, слева направо: 1 – Игорь Олексюк (сын о. Феодора), 2 – Мария Николаевна (учительница, бывший бухгалтер Богоявленского собора в 1920-е гг.), 3 – Анна Евгеньевна Стукова (продавец). Стоят: 3 – Александра Порфирьевна Курочкина, 4 – Екатерина Бессонова, 6 – о. Феодор Олексюк (настоятель Никольской церкви), 7 – Алексей Колмогоров (будущий священник), 8 – о. Иаков Фурсачик (второй священник Никольской церкви), 10 – о. Павел (впоследствии лишён сана), 11 – дочь о. Феодора, 12 – Клавдия Николаевна Быстрова (псаломщица), 14 – Анисья Степановна Белова, 15 – Василий Дмитриевич Степанов (алтарник), 16 – Вячеслав Георгиевич Черкасов (казначей), 18 – Лидия Ивановна (певица), 20 – Фёдор Матвеевич Юринов. 1969 (?). Из архива автора.

альное положение, а затем уже ехать на родину. С детских лет особенно запомнился священник отец Александр Ильин, служивший в Никольской церкви. Прежде него служил отец Василий Мисечко, отец Александр приехал попозже его лет на пять. Мне было лет пять, но ярко запомнилось, как отец Александр проповедовал. Он начинал бодрым благоговейным голосом, но в середине проповеди голос дрогнет, задрожит... Остановится, и слёзы градом... Говорят, он много претерпел в заключении. Была у него чудная матушка Анна, которая говорила только на украинском диалекте – слова, как музыка.

Отдельная тема – наши юродивые: Лёня, Филя, Гена, Лена и две Анны. Они ходили по домам, просили милостыньку, а поскольку наши родители никогда не отказывали, то они к нам часто приходили просить. Лёня – сухенький, с костылём, приходил всегда просить молока. Молился. Но в храме я его почти не видел. Филя – маленький розовощёкий старичок с большой лысиной, с красненьким носом, с маленькими глазами. Немножко похож на святителя Николая, как его изображали на русских иконах. Без него не обходились ни одни похороны в горо-

де. Он каким-то чудом узнавал и, особенно если это были верующие, всегда приходил – собирал подаяние, рюмочку выпрашивал. А в Никольской церкви после службы (во время которой он стоял потихоньку у двери, собирая копейки) шёл вокруг всех стен храма (тогда росписей не было, висели до второго яруса иконы), и он их целовал воздушными поцелуями. Его всегда кроткое выражение, сутулая фигура были особенно милы. Много раз его «хоронили» заочно. Его задерживали и отправляли в дом старчества, а он оттуда непременно сбегал. И каждый раз с его исчезновением по городу ходили легенды, что Филя умер, его сбила машина, его убили, и так далее. Лена-дурочка (так звали её среди народа, а тем более мы, ребяташки) носила на себе таз с посудой и ещё какие-нибудь узлы. И постоянно ругала советскую власть за то, что её ограбили, рассказывала, какие у неё были сервизы, какая была усадьба и какой был сад.

И среди юродивых, конечно, отличался Гена. Я застал его молодым, когда он постоянно менял свои наряды. То это был царский генерал, то казачий полковник... И мы, ребяташки, придя в церковь, любили поделиться новостью, а

Клирики Никольской церкви, во дворе храма – священник Александр Ильин, заштатный протоиерей Парфений Ерёмченко (на должности псаломщика) – и матушка Анна Ильина (справа налево). Ишим. Нач. 1960-х. Из архива автора.

каком наряде видели Гену. Он пел прекрасно на клиросе. Помню, привёл меня к большому Распятию (оно теперь в Покровской церкви) – мне было лет пять, только начал осознавать себя. И он указывал на Иоанна Богослова и говорил строгим голосом, что я ему должен подражать, так же Бога любить, так же носить длинные волосы, как апостол Иоанн.

Так что моя жизнь вся связана с верой – от рождения и далее.

Правда, была и другая сторона. «Богу – Божово, кесарю – кесарево». Окружающий нас мир отвергал Бога и преследовал верующих. У меня была кличка «Ванька-свечка». Это потом, когда я уже стал священником, то с изумлением узнал, что наши соседи тоже верили в Бога. Но они очень удачно маскировали свою веру.

Этот окружающий мир вносил свои коррективы. Для него я был школьником, солдатом, художником-оформителем, абитуриентом, и даже – комсомольцем. Перед армией в военкомате на этом настаивали. А я сам себе надумал: «Посмотрю-ка я, что у них там в комсомоле, может, есть какая-то честная идея и честные ребята, которые готовы за неё жизнь отдать. Ведь я сужу о комсомоле только извне...» Господь дал мне возможность увидеть всю «красу» этой организации. Служить пришлось в радиоконтроле. Часть находилась в Московском районе, подчинялась Генштабу, а по политической линии – «Главпуру», Главному политическому управлению Советской армии. Довелось и побывать в «Главпуре», и поработать с их инструкторами. Меня назначили главным в части по наглядной агитации, по стенгазетам, я заполнял комсомольские журналы протоколов за не-

Тимофей Порфирьевич и Антонина Павловна Курочкины с сыном Иваном. Нач. 1970-х. Из архива автора.

сколько предыдущих лет. Это дело запустили, а комиссии и проверяющие требовали. Из армии я пришёл «стреляным воробьём», пустышкой комсомола и партии. Меня провести было уже невозможно. Наоборот, вселилась громадная тоска от прогнившей лжи, показухи, лицемерия и цинизма работников идеологической надстройки страны Советов. А ведь в подростковом возрасте я нет-нет, да и задумывался: может, они искренние, убеждённые романтики – эти бойцы идеологического фронта, воюющие против нас.

Папа был очень огорчён моей авантюрой похода в комсомол. Он пережил это болезненно. Но я убеждён и сейчас, что хоть и молодой я был, и горячий, но эта глубокая разведка в самый центр идеологического противника дала мне очень хороший урок, положивший конец юношеским заблуждениям. За одного битого двух небитых дают. Папе, наверное, почувствовалась эта моя новая «закалённая» убеждённость. И, наверное, поэтому мы так духовно сблизились с ним в последние годы.

Со многими я чувствовал стену недоверия. Старые люди боялись рассказывать даже о давно минувших ужасах содействительности. Вот вы меня про веру спрашиваете, а я столько про политику наговорил... Так ведь политика эта откровенно направлялась против веры, против Бога. Цель атеизма – истребить веру. Не убеждением уничтожали – вероломством, ложью, ложной идеологией. Руководили циники и лицемеры, знающие всю лживую изнанку. Вся беда в том, что простые люди глотали эту ложь и сжились с ней. Привыкли быть спокойными ко лжи и нашли подлый уют жить в ней. Сейчас перед ними встаёт тяжёлая задача: выдавливать из человеческого существа эту ложь хоть по капле.

Мой папа в 1941 году прошёл подготовку на миномётчика и ушёл на фронт. На Пулковских высотах в октябре-ноябре того же года он посылал мины в немецкие окопы. Но не прошло и месяца, как разорвавшаяся рядом немецкая мина сделала его инвалидом. Больше месяца

Священник Павел, протоиерей Феодор, блаженный Геннадий, епископ Максим (слева направо) во дворе Никольской церкви. Ишим. 1970-е. Архив Никольской церкви.

лечился в Ташкентском эвакогоспитале. Потом, на курсах инвалидов в Омске получил профессию приёмщика утильсырья. А вот от инвалидности его «чудесно вылечила» хрущёвская кампания по борьбе с религией. В 1960 или 1961 году его вызвали в ишимский военкомат и сказали: «Курочкин, ты позоришь высокое звание инвалида Великой Отечественной войны – в церковь ходишь. Откажись от Бога – получишь вторую группу, не откажешься – и с третьей снимем». Папа попытался ещё бороться с «перегибами на местах» и поехал в областной военкомат – правды искать. Помню, как мы все, дети, вместе с мамой стояли на коленях перед иконами и просили Бога – нет, не о том, чтобы папину инвалидность сохранили, а чтобы он благополучно вернулся домой. Мне было всего лет шесть, но я чётко помню, что никаких просьб и надежд на лучшее у нас не было – только страх, чтобы не стало хуже. Медленно наступал зимний вечер, а папы всё не было. Пришёл он с вокзала уже совсем поздно. Принёс маленькие натуралистические фигурки лошадок, купленные в Тюмени. Правду он не отстоял, и пенсию потом получал в 46 рублей. Но совестью не поступился.

Очень оживляла нашу детскую веру любовь родителей к природе, к прекрасному. Сколько раз наша семья высыпала ночью посмотреть по папину наставлению ночное небо, которое «сегодня особенно красивое». Яркие звёзды, луна, всполохи молний в глубинах тучевых громад... Нет, не помню я беспричинных «побудок». Мама много вышивала – занавески, шторы, салфетки, – несмотря на занятость и болезни, которых

много накопила за сиротскую молодость. Папа мой был художником-любителем. Он в числе первых учеников посещал ишимскую изостудию, ещё при Евгении Михайловиче Чукардине. И меня он привёл в изостудию. Восемь лет занятий под руководством талантливого педагога Григория Ивановича Шарипова пожизненно связали меня не только с рисованием, с эстетикой, но и с культурой города (а она у каждого города своя). Это просто необходимо мне в моей церковной деятельности, в моей жизни. Формально мы стояли по разные стороны «идеологических баррикад», – но, увлечённо рассказывая про Крамского, Левитана, Поленова, других корифеев живописи, он не мог обойти или опорочить религиозный мотив их творчества. Вот со мной и были мои сторонники в отстаивании веры – русские классики в литературе, живописи, музыке.

Так что пресс атеистического тоталитаризма имел определённую пользу для серьёзного отношения к вере. Крохи рассыпанных по всему миру доказательств Божественного начала и ценились более. Те добродетели человеческие, которые пытались внушить мне, школьнику, старые учителя городской школы № 5, совпадали с добродетелями, которых требовала православная вера. Когда меня уличали в дурных поступках любимой мною учителя (Мария Алексеевна Малюк, Аркадий Александрович Гусев и им подобные), я испытывал именно религиозное чувство стыда и раскаяния. А дома родители терпеть не могли какого-либо злословия в адрес учителей.

Удивительное дело: моя жизнь имела как бы двойной стандарт: религиозная жизнь внутри семьи, в церкви – и скрываемая религиозность

Иван Курочкин – студент Духовной семинарии. Тбилиси. 1981. Из архива автора.

Епископ Максим Омский и митрополит Зиновий Тетрицкаройский. Тбилиси. Август 1983. Фото И.Н. Суворова. Архив Богоявленского собора.

в школе, в обществе. Но при всём этом я не найду уголочка в своей жизни, который бы осознавался вне веры, вне Бога. Так я и вырос верующим в верующей семье в атеистическом государстве.

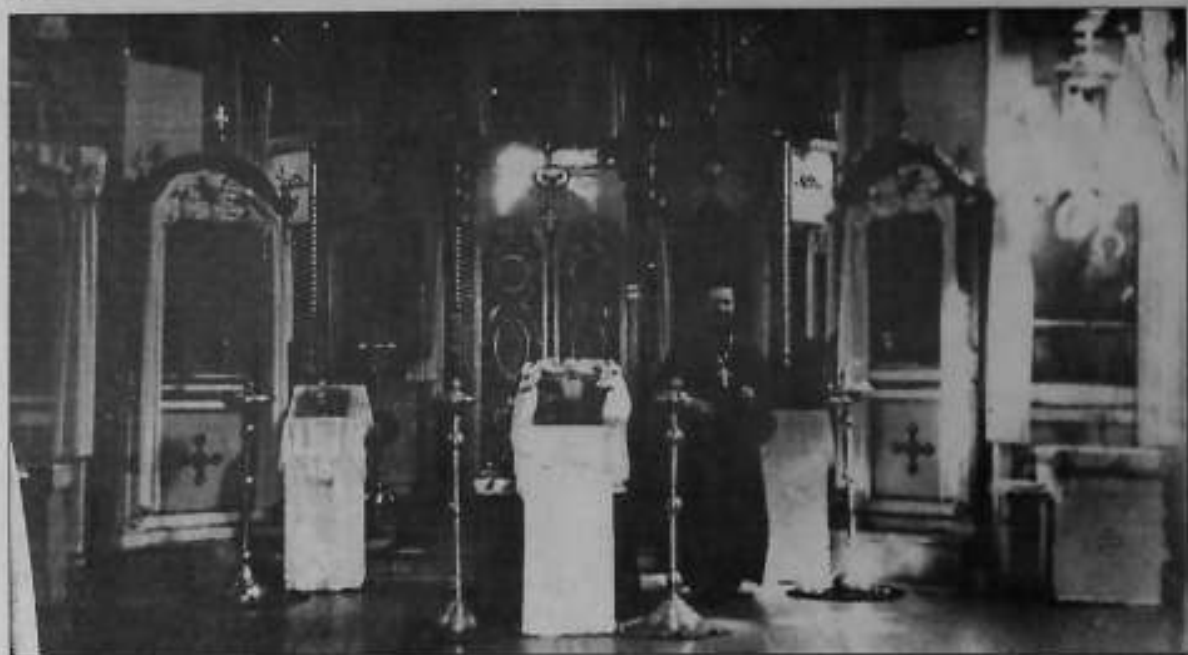
Как я стал священнослужителем

В детстве я чувствовал неизмеримую дистанцию между нами, простыми людьми, и священнослужителями. Хотя я и видел не раз священников в простой бытовой обстановке, даже в общественной бане. Мне не забыть распухшие, чёрные до колен ноги о. Парфения Ерёмко. Родители говорили, что болезнь он заработал в лагерях. Тогда батюшки ходили по городу в обычной одежде (в подрясниках запрещалось), некоторые были весьма общительными и простыми. Около двух лет мама проработала церковным сторожем. Папа пел и иногда читал на клиросе. Я и моя сестра Елена с 13 лет помогали при ремонтах в Никольской церкви. Так что общение со священниками происходило не только на богослужениях. Однако всё детство они для меня представлялись «небожителями». Всё, что касалось церковного алтаря, для меня было святым.

Помню, один раз на всенощной о. Василий Мисечко дал мне подержать свои очки, так я

держал их как святыню и долго ещё ходил воодушевлённый таким «доверием» священника. В другой раз тот же о. Василий в пасхальную ночь завёл меня в алтарь. Он сделал это из жалости. Тогда ведь ужас что творилось в святую ночь! Учителя, комсомольцы, дружинники, милиция за 5-6 часов до Пасхальной заутрени оцепляли церковь, не пропуская детей и молодёжь, приставая ко взрослым, но молодым прихожанам с «атеистической пропагандой», которая заключалась в оскорблениях, издёвках и угрозах (уволить с работы, сдать в «психушку» и т.д., и т.п.). Нам, верующим ребятам, приходилось проникать в церковь заранее, крадучись, прячась, — иначе задержат, увезут «для выяснения личности и воспитательной работы». О таких случаях, как о выдающихся подвигах «бойцов идеологического фронта», почти после каждой Пасхи писали в газетах и говорили по местному радио. Так вот, дома помолишься: «Господи, хоть бы меня не поймали», — родителей уговоришь, чтобы отпустили, и идёшь на свой подвиг. Проникнешь в церковь и притаишься, чтобы тебя не увидел кто. Прятались мы обычно на клиросе. А народу-то со всех районов! Да кроме верующих набьётся хулиганствующая молодёжь. Давка, гвалт, звон стекла: били окна, от тесноты выдавливали стёкла в иконных киотах и застеклённых дверях... Но Пасха торжествовала над адом видимым и невидимым!

Вот в такой ситуации о. Василий и завёл меня украдкой в алтарь, чтобы мальчик Ваня мог спокойно помолиться. А меня охватил такой священный трепет, что я плакал и становился на колени. На Пасху нельзя молиться на коленях, и батюшка то и дело подходил поднять меня с

Протоиерей Феодор в Никольском храме, Ишим, 1970-е. Из архива автора.

колен. А только отойдёт, меня опять так и тянет опуститься на колени перед святостью алтаря.

Так что реальных мечтаний о том, чтобы стать священником, — не было. Хотя нет-нет, да кто-нибудь из бабушек-дедушек церковных и скажет: «Стал бы ты, мальчик, священником!» Ну, и замечтаешься, да только на минутку. Нереальным всё это казалось. Помню, восхитился я фотографией Патриарха Алексия I в календаре, да и брякнул старшей сестре: «Я вот таким же буду!» Ну что, сестра пальцем «подвинтила» и сказала простенько: «Дурак». Я не стал ни спорить, ни ссориться, ведь сказанул так себе, не думавши.

Но вот однажды, лет в 13-15, был такой случай на покосе, где я жил с 7 лет каждую страду от недели до месяца. Нет, не просто жил в шалаше, а весьма рано начал трудиться почти наравне с отцом-инвалидом; надо же было накосить 30 центнеров себе и столько же колхозу, который уступал глухие лесные «неудобья» частному покоснику. Это было прекраснейшее время моей мальчишеской жизни. Вставали часа в четыре и — «коси, коса, пока роса», потом — стрести, скопнить подсохшую траву... И весь день до темноты, до сладкой в молодости усталой ломоты — страдный покосный труд, такой же, каким он был для моих дедов и прадедов. А здесь — 36-й километр от города, 9-й — от ближайшей деревни Рядовичи и 4 километра от большака; кругом лес и луга — место, издавна прозванное «Шмарино поле». Красота, великолепная в своей скромности и задумчивой поэтичности. Если где не замечу её — папа подскажет. Однажды ночью пробудил и буквально вытащил меня из шалаша. Господи, если Ты на земле такую красоту показываешь людям, то какая красота на небе?! — Туманная ночь и пол-

ная луна... Деревья, трава, — нет, не трава, а именно — разнотравье со всеми этими цветами, шишечками, зонтиками, метёлками, резными, круглыми, длинными листьями — всё, всё вокруг из чистого серебра! Но этого ещё мало! Каждая былинка, каждый листочек на ветке, каждая паутинка унизаны бриллиантками капелек росы, которые в лунном свете переливались всеми радужными цветами. И сквозь всё это великолепие тихо пронизывались осязаемые лунные лучи. Я изнемогал от дивной красоты. Я тиранил папу: «Ну как же это сохранить, как другим показать, папа, да что же это, в конце концов!..» — и прочий восхищённый бред. В такой красоте я жил.

И вот как-то вечером я отвозил скарб соседей, навьюченный на лошадь. Проводил их до большака и возвращался верхом, навстречу закату. Августовский закат, с расцветами во всей красе, с громадами огненных облаков, с тихими лучами погружающегося солнца и прочими прекрасностями западносибирской вечерней зари... А представьте всё это великолепие — да в притихшем, погружающемся в сумерки берёзовом лесу. Что же я мог совершить в этот высокаторжественный час соединения неба с землёю? Я остановил лошадь и, помолясь на восток неба, произнёс: «Господи, если мне позволит образование, я пойду в семинарию и стану священником!»

Об образовании я недаром помнил. Учился-то я не прилежно. Задания домашние не делал, с уроков сбегал. Для любимых учителей старался учиться, а если кого не понимал — забрасывал этот предмет. А что такое богословские дисциплины, я имел представление. В доме у нас имелись книги и несколько дореволюционных учебников для приходских школ. Так что

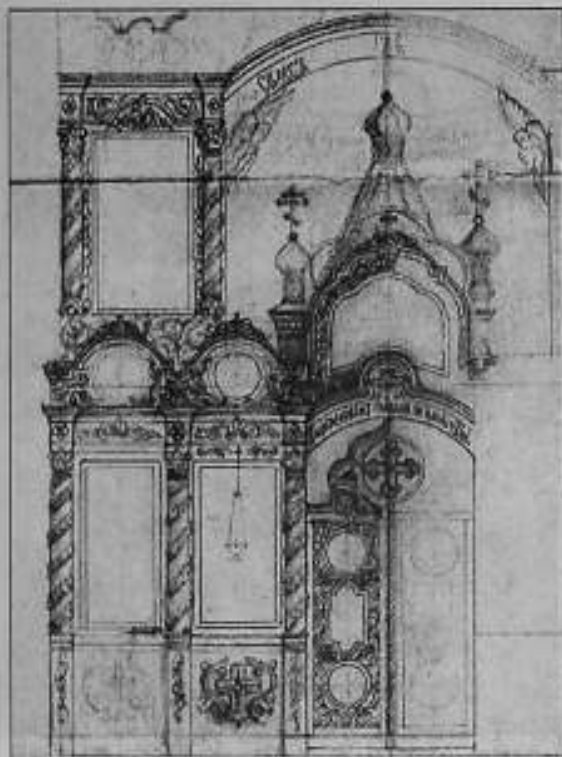

Эскиз оформления титульного листа книги «Ирмологий» для издательства Московской Патриархии. Нач. 1980-х. Из архива автора.

об образовательном цензе я знал и побаивался его.

Позже, занимаясь в изостудии, я так увлёкся рисованием и живописью, что не представлял дальнейшую жизнь не художником. Два раза пытался поступить в ленинградский институт имени Герцена на художественно-графический факультет. Первый раз стало пронзительно жалко оставленных родителей — сёстры замужем, брат в армии, а в моих глазах стояли папа с мамой, прислонившиеся друг ко другу на перроне и провожающие мой поезд. Вместо вступительных экзаменов дал срочную телеграмму домой и сам — вдогонку за нею. На второй раз вышла неувязка с отсрочкой от армии — военкомат её дал, а институт не признал. Я обозвал ректора «бюрокротом» и, довольный своей дерзостью, вернулся домой. Год до армии и год после я работал художником-оформителем. А вот благодаря армейской службе я и переменял свой жизненный путь с художника на священника.

В армии я служил так, как мне самому захотелось отслужить — с полной самоотдачей, и не за награды-значки. Сперва сам на себя взваливал, потом всё пошло по простому закону: «которая лошадка больше везёт — на ту больше и

Эскиз реконструкции иконостаса Покровской церкви, выполненный иеромонахом Евтихием. 1984. Из архива автора.

кладут». Своими принципами я не сходил с солдатами и с младшим начальством, но тут уж не уступал, хотя за это приходилось расчитываться мытьём в ночное время туалетов и курилок (что самое противное!). И самую неприятную работу я делал добросовестно, не для сержантов, а для своей совести. Люблю я армию — суровую школу реальной мужской жизни. Искренне жалко мне не послуживших или не в должной мере послуживших в ней парней. Ну, да если мы, мужики, затеём разговор про армию, то нас не переслушаешь. Любых болтушек-женщин переговоров, дай только время! Короче, дело было так.

Нам сообщили, чтобы готовили парадную форму для поездки в Москву на экскурсию в Третьяковскую галерею. О, как я размечтался! Сейчас я парням покажу настоящие шедевры, настоящую красоту! Тогда все главные шедевры были в показе — и «Христос в пустыне» Крамского, и «Явление Христа народу» Иванова, и «Над вечным покоем» Левитана, и Куинджи, и Айвазовский... Сильно я волновался и переживал перед этим походом с армейскими друзьями в храм Искусства. А приехали... им — скукота! Потопчутся у этюда с обнажённой натурщицей, да и дальше, дальше в поисках «обнажёнки». Мимо всего великолепия русской живописи...

Вернулся я из Москвы побитой собакой, мокрой вороной, павлином оципантым. По самой

Игумен Евтихий совершает выход с Чашей на причастие во время литургии. Тобольск, церковь Семи отроков Эфесских. Великий пост. Март 1988. Фото А.В. Дюгаева. Из архива автора.

Центральный иконостас Никольской церкви. Ишим. Март 2005. Фото Г.А. Крамора.

душе прошёл наш взвод своими сапогами и растоптал мои мечты о служении народу художественным талантом. Две ночи тогда я не мог заснуть. Кому нужно моё искусство?! Только для социалистической попойки «застойного» периода?! Нет. Этот путь был для меня окончательно перечёркнут. Вариант о том, чтобы пойти в лесники и жить среди природы натуральным хозяйством у меня остался в юношеских мечтаниях. Взрослея, я от него отказался, слишком он был эгоистическим.

Вот тут-то и вспомнились мне разговоры с дедушкой, с владыкой Зиновием, а ярче всего с нашим ишимским батюшкой о. Феодором (Олексюком). Узнав, что я перед армией какое-то время нахожусь без работы, он через моего папу пригласил меня в Никольскую церковь выполнять мелкую малярную работу и поновлять старые иконы. А перед самым отъездом вызвал на откровенный разговор. Посоветовал идти в священники. Я опять-таки наотрез – художник я и всё тут. «Но ты же верующий?» Да, я не отказался. «Но если не ты, верующий, то кто тогда? Какой-нибудь «дядька», который сейчас ходит мимо и на церковь не оглянется? А такие и пойдут, им-то всё равно, где деньги зарабатывать, как с таким священником прихожанам будет?» – «Да разве такое быть может?» – «А как же. Ведь ты не пойдёшь, твой брат не пойдёт, кто-то же ведь пойдёт». И дал мне напутствие крепко над этим в армии подумать,

Ну, я пообещал, не особо связывая себя этим обещанием. Крестик в армии я носил, пряча в подкладку солдатской шапки, а летом – пилотки. Молился в уме своим и был спокоен о своём христианском долге. Конечно, в труде, в помощи другим, в неприятии «законов стариковства» – в этом я был последователен. Добросовестность в службе, как я правильно понимал, – это христианская линия поведения. Так и папа, и мама, и дед – все мои главные наставники в христианской жизни – меня учили.

Но после Третьяковской галереи пропал мой покой. Ну мыслить-то я по-молодецки – вселенскими масштабами и общечеловеческими критериями. И сейчас помню, что надумал, лёжа на втором ярусе солдатской кровати. Именно такими словами я сказал себе: «Надо воспитывать душу у молодёжи, и этим я смогу заняться только став священником. Без воспитания души никогда люди не поймут прекрасного». Простите, вот так высоко парили мои мысли о будущей жизни. Но воздам-таки себе молодому должно – я не совсем тогда оторвался от реальности. «Красиво, – думаю сам себе, – я на койке думать умею, да пока в армии служу. А вот вернусь к своей вольной ра-

Великопостное говение духовенства Омско-Тюменской епархии. В центре – архиепископ Феодосий. Крайний справа – игумен Евтихий. Тобольск, Покровский собор. Март 1988. Фото А.В. Дюгаева. Архив ЛМЕ.

боте художественной, да к своим друзьям-подругам – как-то я ещё тогда к своим мечтаниям отнесусь? Отодвину их на будущее, да так и буду двигать, пока не окажется, что уже поздно, или ещё какую-нибудь щёлочку в обстоятельствах найду, не выполню решения, которое мне сейчас и нравится, и считаю его твёрдым, как алмаз».

Пораздумав так, я придумал «приёмчик» против слабости. Я написал множество записочек к адресатам, которые знают меня по вере. Кроме дедушки, владыки Зиновия и о. Феодора, я написал своей крёстной Анисье Степановне, псаломщице Клавдии Николаевне, певчей Лидии Ивановне, ещё кому-то, сейчас не помню. Всем им я написал, что после армии пойду учиться в семинарию. Листочки вкладывал к письму родителям, а они передавали адресатам.

Это действительно помогло. После армии, чтобы заработать денег на дальнейшие свои действия, я устроился художником в кинотеатры «Мир» и «Новости дня». Работа лёгкая и приятная, с возможностью свободно подрабатывать. Тогда, в 70-е годы, услуги художника-оформителя были в цене и в спросе. Дружил я с Александром Игнатченко, известным в городе художником, и друзей у нас с ним водилось очень много. Из этого круга весёлой жизни вырваться было трудновато. Вот и пригодилась тут моя самоподдержка с письмами о своём намерении. В церковь я ходить не переставал, стал петь в верхнем хоре. И со временем всё труднее справлялся с угрызениями совести. Мне казалось, во взглядах знакомых и дорогих людей немой вопрос: «Не отказался ли от своего намерения пойти в семинарию?»

Правда, это было далеко не просто. Туда можно было поступить только из церкви. Кроме того – контроль, довольно пристальный, со стороны КГБ. Наверное, – и слезка через осведомителей, которые имелись и в церкви тоже. После армии меня вызывали для встречи с сотрудником – то в военкомат, то на какой-нибудь квартире. И я разыграл маленький спектакль, поссорившись с хорошим человеком, директором кинотеатров Идой Яковлевной Гоевой из-за пустяка, одной рекламы. Изобразил себя обиженным и потребовал срочного увольнения. Получив расчёт на работе, тут же, в один день, выписался, снялся с воинского учёта и уехал в Омск.

В Омске я был принят кочегаром в Крестовоздвиженский собор. Стал прислуживать в церкви. Епископ Максим (Кроха) не желал меня отпускать в семинарию (очевидно, хотел, чтобы мы при церкви трудились, а потом рукоположить, и чтобы поступили в семинарию заочно). Но я поддерживал связь с митрополитом Зиновием и по его настоянию после двух лет жизни в Омске меня отпустили. И я поступил в Московскую духовную семинарию. Со мной одновременно поступили мой брат Михаил и Николай Лукий (они сейчас протоиереи). Хотя учёба давалась мне легко, большинство предметов практически знакомы, однако к учёбе потребовалось серьёзное отношение. Мешало отсутствие привычки выполнять домашние задания. Кажется парадоксальным, но когда параллельно с учёбой я взялся за работу по оформлению книг для издательского отдела Московского Патриархата, учиться вдруг стало легче. Я рисовал орнаменты и прориси на всех занятиях и на часах самоподготовки, с утренней до вечерней молитвы. И стал легче усваивать изуча-

*Вечерняя служба накануне праздника 1000-летия Крещения Руси.
Ишим, сад Никольской церкви. 10 июля 1988. Фото А.В. Дюгаева. Архив ЛМЕ.*

емый материал. Учителя, видя, что моё рисование на уроках не мешает учёбе, весьма скоро с этим смирились. Мой одноклассник Василий Симулик даже эпиграмму написал:

*Рисуй, брат Курочкин, рисуй
На всех уроках, подготовках,
Но против ветра ты не плюй, —
Аргументируй, да и только.*

Да, бывало, что спорил с преподавателями. Даже два раза проспаривали по два часа, не выходя на перемены, пока не приходил преподаватель следующей пары. И темы споров: одна — «Есть ли конец Божьему милосердию», вторая — «Правы ли преподаватели, скрывая от учащихся их текущие отметки».

В годы учёбы в семинарии я похоронил и папу, и дедушку.

Будучи прислужником в Омске, я жил при Крестовоздвиженском соборе и видел многих священников, ищущих себе место службы. В основном из-за того, что попали в немилость КГБ и уполномоченных по делам религии. Был такой специальный орган со своей отдельной структурой при ЦК КПСС. Наглядевшись на их мытарства, я решил остаться безбрачным. Не заводите семьи. Ведь одному-то проще быть гонимым или отстаивать свою точку зрения перед властью имущими. Пристраиваться к «развитому социализму», «мудрой политике партии» или к «идеям дорогого Леонида Ильича Брежнева» я никак не хотел. После армии все иллюзии насчёт социальной справедливости и свободы совести в СССР прошли окончательно. Я очень хорошо понимал, что живу в стране тотальной лжи. Как с этой ложью бороться — так, чтобы не повредить ни стране, ни людям, — я не знал. Для этого надо жить по Евангельским

принципам, но именно такая жизнь и входит в конфликт с окружающим миром. Я боялся, что семейное положение будет для меня очень влиятельной причиной для отступления от принципиальности личной позиции. Ладно, я буду иметь неудобства в жизни из-за своих идей. А вот чтобы «запланировать» к «хождению по мукам» будущую жену и детей... За них, ещё не рождённых, решить, что у них хватит любви ко мне и доверия, чтобы терпеть лишения... А мой характер, мои убеждения все эти «прелести» диссидентской жизни гарантировали. Именно поэтому я стал просить у епископа Максима монашеского пострига.

Уступая моему юношескому порыву, владыка Максим в праздник Успения Божией Матери в 1977 году рукоположил меня в церковный чин иподиакона. Это означало, что я мог с данного момента иметь возможность священнослужения только в холостом положении. В Троице-Сергиевой лавре, где я учился в семинарии 4 года, на это моё положение разные духовники имели разное мнение. Но когда я сам усомнился в твёрдости своего выбора и написал на имя Патриарха Пимена прошение — не будет ли мне разрешено бракосочетание, — то пришёл ответ, подписанный тогдашним заведующим Учебным комитетом МП митрополитом Алексием (нынешним Патриархом Московским). Ответ именно в таком духе: или священство, или женитьба. Под ним мне дали подписаться, и больше его я не видел, подшили, видно, к какому-то делу. Вот так в 22 года я определил свой монашеский путь на будущую жизнь.

Так что к окончанию семинарии предстоял лишь выбор: продолжить учёбу в Академии или становиться священником на приходе. Нас

спрашивали, где кто хочет служить, в какой епархии. Но тут у меня тоже всё было ясно: только служить и только в родном Ишиме. Однако в те годы институт уполномоченных по делам религии и атеизма при ЦК КПСС не приветствовал служение священников на их «малой родине». Омский архиепиеп просто объяснял: «Тебя все там Ванькой знают, а ты пойдёшь в рясе священника». Я же, наоборот, считал: там, где я людей знаю с детства, и они знают моих родителей и меня с самого детства, будет больше взаимного доверия. Но дружба, взаимодоверие священника и прихожан, вообще местных жителей и духовенства – это же был сигнал тревоги для власти, заинтересованной в ослаблении и угасании религии. Вообще существовала порочная практика переводить священника с места на место как можно чаще. «Разделяй и властвуй» – старый принцип, и против Русской Православной Церкви используется её врагами искони.

У меня было три «козыря» (простите за выражение). Первое – моя больная мама. Мы жили с ней вдвоём. У других детей не было возможности взять её к себе или жить с ней в родительском доме. Второе – за меня хлопотал перед архиепиепом и «аластями» отец Феодор, настоятель Никольской церкви. Как благочинный приходов в Тюменской области, он у местных властей пользовался авторитетом. И третье: прихожане, церковный совет хлопотали за меня перед архиепиепом, подтверждая свои просьбы подарками и «конвертиками». Но архиепиеп находил «между молотом и наковальней» – между интересами Церкви и уполномоченных. У последних же имелось множество способов и возможностей давления на духовенство, и в первую очередь на архиепиепов. Ничего плохого я не могу сказать про тогдашнего Омско-Тюменского архиепиепа епископа Максима. Однако когда он для себя хлопотал другую кафедру (поближе к своей родине, Белоруссии; наша епархия с 13-ю приходами считалась беднейшим захолустьем), то ему, очевидно, пришлось кое в чём уступать. Перед своим отъездом он всё-таки перевёл меня из Ишима в Ялуторовск, где я прослужил около года.

Я немного забежал вперёд. После семинарии я приехал в Омск, и упоминаемый мной владыка Максим (Кроха) 24 июля 1982 года постриг меня в иночество, на следующий день рукоположил во иеродиакона, а через 3 месяца – во иеромонаха. С того же года я и служу в Ишиме.

Меня назначили на Никольский приход, к о. Феодору. Я помню его приезд, в 60-х годах. Мы радовались, что у нас такой молодой батюшка. Любимой молодой человек в церкви был для нас поддержкой, потому что нам, малым ребяташкам, окружающие говорили: «Для чего ходить в церковь, вот эти бабушки умрут, и церковь станет не нужна!» Он был очень искусный администратор. Мог ладить с людьми из окружающего мира. Но со старыми родными «не-

*Игумен Евтихий на ремонте крыши
Екатерининского храма.
Шаблыкино, Ишимский район. Нач. 1990-х.
Фото П.Д. Земляных. Из архива автора.*

добитыми» церковниками не было такого контакта. Он любил всё новое и легкое. Меня просто поразил, когда сказал об облачении: «Так это же как старинное!» Это было для него ругательным словом. Кружева, бахрома, принятые в католической церкви, – он был от них в восторге. Ещё в начале своего служения он сжёг много старинного облачения, документов Никольской церкви. Я сколько мог защищал, но он упорно настаивал, что всё это хлам. С другой стороны, он очень хорошо следил за внешним видом храма. При нём благоустроили сад, устроили новые сараи, ограду.

Вот и я всерьёз занялся ремонтом Никольской церкви. Для меня это было привычно. С детства я помогал папе в ежегодном мытье стен к Пасхе. Мы с ним ставили леса, а я выполнял верхолозную работу. Парафиновые свечи нанесли большой вред церковным зданиям, от них очень много копоти. Даже настенные росписи едва проступали сквозь неё.

Храм расписывался постепенно. После войны при о. Василии Мисечко гастролёры, студенты из Москвы на холстах написали крупные иконы. Даже и не иконы – иллюстрации из церковной истории в стиле гравюр Густава Доре. И четырёх евангелистов в парусах купола (сейчас они в Покровской церкви). Единственная роспись – Спаситель в самом куполе. Папа при мне несколько раз её поновлял. Стены же были сплошь завешаны иконами из закрытых церквей.

Потом о. Феодор пригласил ребят-студентов из Томского училища. Они нарисовали сюжет «Христос и грешница», на южной стороне. Потом, когда я учился в семинарии, он у меня попросил фотографию картины с изображением Страшного суда, – с точки зрения художественной, ужасная картина, но её так и воспроизве-

Престольный праздник в селе Шаблыкинском. Епископ Евтихий благословляет иконой св. Екатерины. 7 декабря 2002. Фото Г.А. Крамора.

ли. Я никак не мог воспрепятствовать. Тогда же написаны несколько фигур святых на колоннах по нижнему ярусу. А потом, когда я уже стал священником, пригласил о. Алексея Пантелеимонова из Загорска (ныне Сергиев Посад). Он приехал артелью – с дочерью, зятем, друзьями. У них было хорошее академическое образование. Они стали делать новые росписи в алтаре, в парусах купола, на арках и колоннах.

От старого, дореволюционного иконостаса в Никольской церкви осталась только верхняя часть. Внизу в 1944 году установили временный, вырезанный из фанеры и украшенный речками. Его потом перенесли к приделу Александра Невского, а взамен при иеромонахе Никоне, в 1950-е гг. сделали новый, с элементами позолоты и резьбы по дереву. Иконы писал Евгений Михайлович Чухардин.

Отец Феодор решил сменить иконостас. Начал с придела св. Александра Невского. Евгений Потокин, резчик из Москвы, сделал эскиз, резьбу. Столярные работы выполнял наш ишимский мастер, исключительно талантливый столяр Георгий Михайлович Андерсен (он же делал столярные работы для нового центрального иконостаса).

А когда был закончен этот иконостас и сделаны новые киоты для икон, о. Феодор попросил Потокина сделать эскиз реконструкции центрального иконостаса с использованием оставшейся верхней части. Но о. Феодор её сильно занизил. Я помню, это произошло ещё когда мне было лет девять, папа активно участвовал в храмо-

вых работах. И мы с ним очень тогда горевали, что центральный иконостас опустили на метр.

Началась реконструкция с того, что снимали старые детали и увозили в Москву, там Женя Потокин их профессионально склеивал, восстанавливал. Нанёс новую позолоту – старая была нанесена на полимент, а новая – на масляный специальный лак мардан. (Так же золотились кресты на куполах – я их снимал и поднимал, а работу выполнял лучший послевоенный позолотчик Александр Михайлович Кузнецов). Приглашали ещё одного художника Воронова, еврея, он предлагал свой эскиз реконструкции. А я потихоньку делал свой. Жаль, что не сохранилось старинных фотографий иконостаса.

И вот, когда о. Феодор заболел, я повёз в Москву эти эскизы. Мастера – резчик, позолотчик, которые много работали по реставрации храмов, поддержали мой эскиз. (И даже потом скопировали его для какого-то храма под Пятигорском). В Москве изготавливались и все детали нового иконостаса. Тогда же затеяли капитальный ремонт, производили роспись... Много работы было.

В те же 1984-85 гг. я стал поднимать верхний иконостас на прежнее место. А наши старики засмутились: «Нет, он всегда на такой высоте был!» Но детская память не подвела. Когда мы оторвали крашенные доски позади иконостаса, обнаружили там этот отпущенный метр: детали от него были прибиты сзади, и сплывы на них соевали, когда я стал их составлять. Тогда старики согласились, что всё-таки я прав.

Ещё одна моя смелость – то, что я пробил стену почти двух метров толщиной, между центральным и северным алтарными выступами. В центральном алтаре слева стояла уродливая железная печка-пономарка, которая портила вид алтаря и создавала много копоти. Я её перенёс в северную часть и отгородил от храма перегородкой со множеством икон. Причём выбирал лучшие иконы. Специально делал так, чтобы они сохранились: теперь-то наверняка их никто не вынет, если я сделаю подобие иконостаса у ризницы с северной стороны. А его полностью убрали и поставили там совершенно чужую и никак не гармонирующую с церковным интерьером кирпичную перегородку.

Я этим иконам сам делал расчистку от копоти и потемневшей олифы, позднейших записей. Мне посчастливилось учиться у Марии Николаевны Соколовой, монахини, известной иконописицы, закончившей реставрационную школу Грабаря. Это были последние годы её жизни, при мне же она скончалась. После того, как меня перевели в Шаблыкино, многие иконы исчезли куда-то. Уют церковный полностью утрачен...

Иконостас был закончен приблизительно в 1986-87 году, в последний год пребывания владыки Максима в Омске. Приезд нового архиепископа Феодосия совпал со всплеском религиозности среди народа – совершенно неожиданного, спонтанного. Это оказалось для многих сюрпризом: стоит только немножко ослабить тотальный контроль над Церковью, как у неё окажутся десятки, сотни, тысячи поклонников. Но тут начались перегибы и с церковной стороны. Новый архиерей стал устраивать крещение людей сотнями совершенно без исповедания веры крещаемыми, богослужения на открытом воздухе, в присутствии множества посторонних людей. Трудно было молиться в такой обстановке популизма. Вместо постепенного, но капитального церковного зодчества я целый год по заданиям владыки Феодосия рисовал плакаты к празднованию тысячелетия Крещения Руси. В Ишиме, помню, делал сень над престолом, украсил её гирляндой, из материи сделал шатёр. Сил потрачено очень много, а всё носило такой мимолётный характер!

Как я попал в Зарубежную Церковь

На этот вопрос мне трудно отвечать. Во-первых, в силу обстоятельств Русской Православной Церкви Заграницей лучше удалось сохранить чистоту церковных риз, её жизнь была ближе к Евангельской истине. И для меня большая честь, большое счастье, что я был в её рядах, участвовал в её нелёгкой жизни. Я чистосердечно считаю, что не по моим достоинствам это произошло, а буквально по Божьему Промыслу. Знал и знаю в рядах духовенства Московского Патриархата священнослужителей, бесспорно лучших, чем я, но почему не кто-то из них, а я оказался на этом месте – недоумеваю. Видно, так Богу нужно.

*Проповедь в Шаблыкинском храме.
7 декабря 1996. Фото П.Д. Земляных.*

Во-вторых, путь мой в Зарубежную Церковь был долог и непрост. Связан он со многими обстоятельствами, событиями, переживаниями. Сказать коротко – просто невозможно. Учился заочно в Московской духовной академии (её я не закончил из-за перехода в ЗЦ), я имел широкий круг общения в Москве. В связи с «перестройкой» в государстве, когда общественные круги заинтересовались церковной жизнью, у меня резко расширился круг общения с неравнодушными людьми в Ишиме, Омске, Тюмени, Тобольске.

Общество «Память» в Москве, до появления в нём провокатора фашиста Васильева, духовно основывалось на темах, поднятых в одноимённом романе-эссе Владимира Чивилихина и пронизывалось совсем другим духом и содержанием. С некоторыми москвичами из этого общества я был знаком. В Москве же я сошёлся с основателями самиздатовского «Бюллетеня христианской общественности» (БХО). Водил знакомство с литературным кружком «Открытое христианство». Самые знаменитые фигуры из них – о. Глеб Якунин, о. Владимир Эдельштейн, диссидент Огородников. Совсем другого менталитета замечательные ребята из «Доброй воли» Тобольска. Ишимцы знакомы с одним из них – художником-косторезом Мин-

*Архимандрит Евтихий беседует
с епископом Митрофаном
(Зноско-Боровским) в доме настоятеля
Иоанно-Предтеченского храма.
Мейфилд, Пенсильвания, США.
16 июля 1994. Фото П.Д. Земляных.*

салимом Тимергазеевым. В Тюмени мы с моим братом имели связь с обществом «Отечество». В Омске совместная работа по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси свела меня с замечательными людьми из Омского краеведческого музея. Кстати, по-моему, это всё-таки я привёз оттуда, от омских музейщиков, первое концептуальное зёрнышко для ишимских краеведов – идею Никольской ярмарки.

В Ишиме меня нашли активисты спасения Богоявленского собора. У меня как сейчас перед глазами первые встречи с врачом Леонидом Фроловым, сотрудником музея Надеждой Проскуряковой, педагогами Татьяной Савченко, Валентиной Колесниковой. Параллельная проблема – защита от сноса старого кладбища возле элеватора. Там хотели строить центральную котельную. Этот костяк будущего неформального общества «Собор», как и те, которых я сейчас перечислял, будили мою совесть к активной гражданской позиции.

Были ещё первые свободные выборы в Верховный Совет СССР. И – попытка коммунистов держать по своей порочной традиции весь процесс и результаты выборов единственно в своих руках. Тут уж я дошёл до мальчишеской партизанщины. Нашёл ребят (Петра Земляных с друзьями), и мы с ними печатали на машинках и расклеивали по городу листовки, призывающие к свободным выборам против коммунистов. Я сам лично писал мелом призывы на заборах на стенах домов, с листовками лазил даже через забор в клуб воинской части. Ведь всё-таки мы тогда сорвали «выборы» единственного кандидата – Г. Богомякова, первого секретаря обкома КПСС.

*Богоявленский собор
в ходе реставрации. Ишим.
Нач. 1990-х. Фото В.В. Ипполитова.
Из фондов ИКМ.*

Я видел прекрасно и проблемы внутрицерковной жизни, и проблемы во взаимоотношениях... нет, какая там взаимность, скорее единоличное начальственное отношение государства к Церкви. А от церковного руководства к госаппарату было лишь – «одобрям-с», «поддерживаем-с», «благодарны-с»... Мало того, что законодательство СССР ставило Церковь в ущемлённое в правах положение, так это законодательство сплошь и рядом нарушалось. Простой пример. С Церкви требовали записывать паспортные данные тех, кто принимает крещение, и их родителей. Потом списки с этими данными староста прихода ежемесячно обязан (!?) был носить в местные органы власти. Ну, а какие были последствия для «несознательных граждан»? Лишали работы, выгоняли из институтов, снимали с очереди на получение квартиры, шельмовали в прессе, и т.д., и т.п. Вот я и составил список с нарушениями Конституции в антирелигиозной деятельности государства и письмо отвёз лично в Москву в комитет по делам религии и атеизма при ЦК КПСС.

Там принял меня сотрудник этого комитета по фамилии Уточкин. Он устроил мне «распайку». Официального ответа я не получил. И в этом – опять нарушение гражданских прав. Тобольский дьякон Сергей Бурдин дал интервью «Тюменскому комсомольцу», в котором без обиняков рассказал о вмешательстве государства в церковные дела и о том, что КГБ «фильтрует»

Прославление в лике святых РПЦЗ святителей Филарета Московского, Феофана Вышенского, Игнатия Кавказского и преподобного Феофила Киевского.

Слева направо: епископ Евтихий, епископ Америкосий, архиепископ Лавр (ныне митрополит, Первоиерарх Зарубежной Церкви). Лития во время всеобщей перед храмом свв. Новомучеников и Исповедников Российских. Мюнхен. 30 апреля 2001. Фото П.Д. Земляных.

церковное руководство. Тюменский уполномоченный Замятин выступил с опровержением. И это была просто бессовестная ложь. Я не вытерпел и отвёз в редакцию свою статью. В ней я доказывал на фактах, какую роль играл КГБ в жизни Церкви. Потом ещё, кажется, писал, потому что Замятин и мои факты взялся опровергать. Закончилось разгромной статьёй в разворот «Тюменской правды». Это была уже полная галиматья идеологии развитого, «застойного», махрового социализма.

Были публичные встречи со студентами ТюмГУ и ИГПИ. С ишимцами попытались создать что-то вроде постоянного семинара «Тема Библии в классической литературе». Конечно, этой темы удержаться мы не могли, а сразу вышли на современное положение. Однако этот семинар в ИГПИ запретили. Ещё важная тема тех лет (конец 80-х) — выборы в местные органы власти. Зарегистрировав официально неформальное общество «Собор», его основатели выдвинули мою кандидатуру в депутаты городского совета. Кандидатура прошла, я стал депутатом горсовета и членом малого совета, председателем маленькой комиссии «по соблюдению нравственных норм». Работа в горсовете была чисто бескорыстной и очень мне нравилась.

Вот вся эта деятельность и не понравилась моему епархиальному начальству. Тут ещё на мою беду на Омско-Тюменскую кафедру был сослан архиепископ Феодосий (Процюк). Я не

буду про него рассказывать, чтобы не нанести вреда проповеди Евангелия. Он попытался ввести меня в ближайшее своё окружение. Возвёл в сан игумена (в 1987 году), назначил духовником епархии. В результате я слишком хорошо узнал его, а он — меня. Мы предпочли взаимно удалиться. Одна из его пакостей — в том, что он поссорил со мной о. Феодора. Перед смертью о. Феодора я был в последние его дни или даже часы жизни у него в тюменской больнице. Мы просили друг у друга прощения и примирились.

Большинство духовенства в епархии было недовольно положением Церкви в России и безбожной деятельностью в епархии нового архиерея. Но высказаться боялись. Открыто поддерживать меня решалось ещё меньшее число. Но пятеро священнослужителей решились идти до конца в отстаивании правды. У меня тогда в Москве были влиятельные знакомые — заведующий аспирантурой МДА профессор А.И. Осипов, управляющий делами МП митрополит Владимир (Слободан), наш бывший ректор и нынешний глава Украинской Православной Церкви. Но они гарантировали только личную защиту меня как священника. Мои же попытки чего-либо добиться на уровне Синода МП закончились духовным судом надо мной в Омске. Удивительный был суд. Тяжёлый. Четыре часа подряд. Обвиняли меня «во всех тяжких», один из участников грозил «психушкой», а главной виной в конце концов вывели непослушание настоятелю во время выборов в Верховный

Епископ Евтихий со святыней Русского Зарубежья – Курской-Коренной иконой Знамения Божией Матери, привезённой на торжество прославления новых святых. Мюнхен. 1 мая 2001. Фото П.Д. Земляных.

Совет СССР и сборы подписей за передачу Богоявленского собора в Ишиме верующим. Это было расценено как церковный экстремизм. Вся остальная деятельность, о которой я так долго рассказывал, тоже ставилась в вину, но особо остановились вот на этом «непослушании».

Потрясение было сильнейшее. Если бы не моя «ссылка» в Шаблыкино и не переход в юрисдикцию РПЦЗ, я бы не смог служить в Церкви более. Я уже себе готовил уход на светскую работу. Ваганов, бывший директор Ишимского ДК, принимал меня позолотчиком во вновь созданную Тюменскую реставрационную мастерскую, которая находилась в закрытом ещё Тюменском Троицком монастыре. Опыт позолоты у меня был; за аттестацией собирался ехать в Воронеж, на трёхмесячные курсы. Уже и работу одну выполнил в новой должности.

Служба в Шаблыкино для меня стала соломинкой, которая спасла, удержала на церковном поприще. Потому что там совершенно «с нуля», в разорённом храме, без какой-либо материальной помощи, с незнакомыми тогда людьми я начал восстанавливать храм и организовывать церковную общину. Но год этого служения для меня – лучший год в моей жизни. Я решил, что отойду от всех этих внут-

Епископ Евтихий и иеромонах Гермоген (Петров) с братьями общины заключённых после литургии в тюремной церкви. Ишим. 15 марта 2003. Фото П.Д. Земляных.

рицерковных дел и буду здесь в селе делать свою маленькую священническую работу. Думаю: «Ну вот, мои деды были крестьянами, всё возвращается на круги своя, и здесь я буду жить, служить, хлеб зарабатывать». И даже место на шаблыкинском кладбище себе посматривал!

Но мои друзья-священники не дали мне покоя. Срочно вызвали, рассказали о новых безобразиях, творящихся в епархии, и сказали: «Что, будешь там отсиживаться?» Конечно, я не стал отсиживаться, снова написал письмо в Синод МП, только уже коллективное. В Омск приехала комиссия, которую возглавлял широко впоследствии известный митрополит Иоанн (Снычев). И нам удалось его перехватить в гостинице. Он согласился на встречу с нами прежде официальных разбирательств. И мы – духовенство, протестующее против безобразий, и некоторые свидетельницы, потерпевшие, – всё изложили председателю комиссии; он в конце встречи сказал, что очень нас понимает. И заверил, что Синод наведет порядок.

Комиссия уехала, а дела пошли хуже прежнего. Моих собратьев-священнослужителей вытеснили, вынудив написать рапорт об уходе в заштат. И только я благодаря защите митрополита Владимира (Слободана) остался в служащем положении.

Это было решающим фактором нашего ухода из МП. Дьякон Сергей Бурдин какими-то каналами достал документы о Зарубежной Церкви. Я познакомился с её уставом, историей. Мне стало просто стыдно за своё невежество, что я прежде соглашался с клеветой на Зарубежную Церковь. «Как это так: русские православные архиереи уезжают за границу и объявляются безблагодатными только из-за того, что не признают советской власти?! Только за то, что они

*Великопостная служба (Литургия преждеосвященных даров)
с собором духовенства епархии и с участием епископа Михаила Бостонского,
управляющего приходами европейской части России.
Ишим, Богоявленский собор. 19 марта 2003. Фото П.Д. Земляных.*

говорят правду о положении Церкви в Советском Союзе?»

Тот же о. Глеб Якунин (уже знавший про всю нашу группировку и наши проблемы) обеспечил нам связь с секретарём Архиерейского Синода ЗЦ нынешним архиепископом Илларионом. Он пояснил, что в том же 1989 году Зарубежный Синод принял решение о возможности приёма клириков из Московского Патриархата в свою юрисдикцию. Потом я передал в Зарубежный Синод наше коллективное обращение и прошения от каждого лично. Но я просил, чтобы только рассмотрели возможность канонического и практического перехода в Зарубежную Церковь.

Время ожидания ответа было тяжёлым из-за неизвестности и неопределённости. Формально я продолжал оставаться на службе в Патриархии. 2 января 1990 года умер о. Феодор, и, пользуясь съездом духовенства на похороны, владыка Феодосий устроил мне ещё один суд духовенства — уже за то, что я обратился в Зарубежный Синод и выразил тем самым недоверие к своему священноначалию. Я объяснял своё положение тем, что дал на предыдущем суде обещание Синоду МП никогда более впредь не обращаться к нему ни с какими жалобами и рапортами. Духовенство по-разному выражалось. Одни говорили, что за это следует и сана лишиться, другие — просто запретить в священнослужении. Единогласного твёрдого решения не было, на том и закончилось это собрание.

Я остался ждать определения. Вышел владыка Феодосий: «А ты чего ждёшь?» — «Письменного определения». — «Разве тебе не понятно, что говорили?» — «Абсолютно непонятно, потому что разные люди говорили разное». — «Хорошо, жди, передадут». Я прождал ещё около двух часов. Наконец, моя тётушка Феофила, которая работала в церкви, передала мне

пакет. А там — только Рождественское послание. Говорю: «Тётя Филя, может, он что-то сказал устно?» — «Да, он сказал: езжай и служи».

Но какое священноначалие поминать на Рождественской службе? Уже на похоронах о. Феодора мне отказали в сослужении, отстранив от Литургии. Я спрашивал, означает ли это запрет на священнослужение? О. Александр Пивоваров ответил: «Нет, это мы просто вас посылаем на клиросное послушание, духовенство не может с вами служить, так как вы обратились к раскольникам, в Зарубежную Церковь». Поэтому на Рождество я поминал, как нашёл в одном из служебников — «помолимся о вселенских патриархах православных». Но эта формулировка не подходила, и после Рождества я выехал в Москву, к епископу Лазарю (Журбенко) из Катакомбной Церкви. Он сам находился ещё в некоторой неопределённости относительно своего статуса в Зарубежной Церкви. Но мы пришли к компромиссному решению: он дал мне благословение на служение и антиминс (принадлежность престола, без которой нельзя совершать Литургии), освящённый в 1928 году, кажется, уфимским архиевреем «тихоновского» (не «сергианского») направления.

Поясню, что такое «тихоновцы» и «сергианцы» и откуда появилась Зарубежная Церковь. Восторжествовавшая в России после 1917 года власть большевиков требовала от Церкви одного — безоговорочного подчинения. В то же время за пределами страны образовалась значительная диаспора русских людей, отступавших вместе с войсками Белой армии. В этой диаспоре было много духовенства, которое создало, ввиду невозможности сообщаться с Патриархом Тихоном и согласно его указу, собственный орган церковного самоуправления. Из него и выросла Зарубежная Русская Православная Церковь. Но, тем не менее, внутрицерков-

*После соборной службы духовенства Ишимско-Сибирской епархии РПЦ
в среду второй седмицы Великого поста.*

Ишим, Богоявленский собор. 2 марта 2004. Фото П.Д. Земляных.

ного разделения не было. Этот орган считался временным, образованным до тех пор, пока в Российской Матери-Церкви не установятся свобода и порядок.

Ситуация изменилась после смерти Патриарха Тихона и ареста патриаршего местоблестителя митрополита Петра Крутицкого. В 1926 году заместителем местоблестителя патриаршего престола стал митрополит Сергей (Страгородский). Год спустя, под нажимом большевиков, он выпустил декларацию, в которой призывал православных разделять радости и горести богоборческой власти и вынести этой проклятой антихристовой власти всантардную благодарность за внимание к нуждам православного населения.

Это был вынужденный, чуждый Церкви документ, подписанный под угрозой расстрела всего ссыльного духовенства. Но с этого времени и начинается новый раскол Русской Православной Церкви (первым было движение «обновленчества», представителей которого называли ещё «красными попами» – обновленцы выступали за проведение радикальных реформ в Церкви и первыми провозгласили полную лояльность советской власти; были и другие расколы, как результат той же политики: «Разделяй и властвуй»). Одна часть священства стала служить верой и правдой большевистской власти. Но множество духовенства не признало декларацию митрополита Сергея и поставило под сомнение его законность как церковного

руководителя. Они отказались признать московское церковное руководство и официальную власть, оставшись верны курсу Патриарха Тихона. Среди «непризнавших» оказалась и Зарубежная Церковь, от представителей которой митрополит Сергей также требовал подписать декларацию о лояльности советской власти.

Со временем к причинам разъединения добавилось вступление Московского Патриархата в экуменическое движение. Экуменизм – это объединение всех верующих, но не на основе истины, а на основе компромисса, когда любые группы, именующие себя христианами, претендуют на звание Церкви, а Церковь признаёт за ними это право. Экуменизм основан на мнении, что «единой святой, соборной и апостольской Церкви», о которой говорится в Символе веры – главной вероисповедной формуле христиан – просто не существует. По идее экуменистов, среди которых большинство – протестанты, все христиане должны объявить себя существующими в одной Церкви: и католики, и православные, и адвентисты, и баптисты. Но не только они, но и все секты – хлысты, квакеры, иеговисты и прочие, поскольку они в своём вероучении упоминают Иисуса Христа. Дескать, вот когда все эти группы и конфессии объединятся, тогда и возникнет подлинная Церковь Христова. Это настоящая ересь, которая противоречит церковным канонам и православному вероучению. И Московская Патриархия ходила на грани её исповедования.

Но вернёмся к 1990 году. Тогда нашу епархию разделили на Омско-Тарскую и Тобольско-Тюменскую. Назначенный в новую епархию епископ Антоний разговаривал со мной, относился дружески-сочувственно. Мы даже служили с ним пасхальную вечерню в Шаблыкино. А летом, в третий день Троицы, первоиерархом РПЦЗ митрополитом Виталием был издан Указ о причислении меня в штат, т.е. о приёме в юрисдикцию Зарубежной Церкви.

Мы, пять клириков Омско-Тюменской епархии, о многом не мечтали. Ни о приходах, ни о прихожанах, ни о храмах. Думали спастись свои души и не становиться участниками гибели других человеческих душ. Думали в малом кругу единомышленников собираться для службы, исповеди, причастия. Знали, что само наименование «Зарубежная Церковь» будет отпугивать людей. Для меня стало полной неожиданностью, что приход в Шаблыкино меня полностью поддержал. Это было на праздник Обрезания Господня, 14 января, в воскресенье. Я, получив антиминос, сказал бабушкам о своём решении и объяснил, что ничего доброго для прихода это не сулит, могут быть притеснения, вплоть до насильного изгнания из храма. Так что выбирайте, с кем вам оставаться. Но шаблыкинские бабушки заявили, что они единогласно поддерживают меня и без сожаления уходят из Московской Патриархии. Баба Поля, старушка, даже стукнула костыльком об пол: «Хватит нам врат! Мы хотим молиться в настоящей Церкви». Это, конечно, меня окрылило. По сути, это был первый приход в России, который перешел в Зарубежную Церковь.

Оказывается, в этой-то глубинке о Русской Церкви Заграницей знали больше, чем я. Через несколько лет, когда я пришёл причащать умирающую старушку бабу Ланю (Евлампию), увидел у неё над постелью пожелтевшую от времени открытку с видом собора «Всех скорбящих радости» в Сан-Франциско. Оказывается, её муж, ушедший на Вторую мировую, попал в Америку, жил среди русских православных, лично знал святого владыку Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского и писал ей обо всём этом. Вот и «открой Америку» им, деревенским. И у первой старосты Шаблыкинской церкви Марины Ивановны племянник жил за рубежом. Тоже кое о чём мог написать. Недаром советская власть так ревниво относилась ко всем связям с заграницей.

Потом стали организовываться приходы в других местах. Владыка Лазарь нас собирал неоднократно в Москве, в Петербурге. Меня избрали благочинным Западносибирского округа. Туда вошли приходы в Барнауле, Омске, Воскресенке (Омская область), Тюмени, Шаблыкине. Ко мне стали ездить прихожане из Ишима. И — просить организовать приход в городе. Я подумывал над этим, рассматривал варианты и, конечно, поглядывал на Богоявленский собор. Поскольку МП активно от него отказывалась, я считал, что имею полнов мо-

*Приезд архиепископа Иллариона
Австралийского и Новозеландского.
Спектакль в воскресной школе
Богоявленского собора.*

Ишим, 24 июля 2005. Фото Г.А. Крамора.

ральное право просить его для прихода РПЦЗ. Тогда собор уже передали из ведения Горводоканала для ишимского краеведческого народного музея. Я тогда активно сотрудничал с отделом культуры города, участвовал в восстановлении собора, был депутатом горсовета... И вот Нина Петровна Кузовкова, председатель отдела культуры, мне и говорит: «Давай переходи в Ишим, трудно тебя из Шаблыкино каждый раз вызывать». А я в ответ: «Вот передадите Богоявленский собор, я к вам приеду». — «Ни за что!»

Тут меня пригласили в Америку. Познакомился с приходской жизнью, побывал в семьях верующих, на службах в храмах, на заседаниях Синода. Я убедился, что не обманул своих прихожан, что вошёл в настоящую Церковь, где всё построено на традициях русского православия. И там говорил уже, что буду просить Богоявленский собор. Но мне отвечали, что это фантастика.

А когда вернулся в Ишим, оказалось, что меня давно ищет Кузовкова: «Наконец-то вы приехали! Забирайте Богоявленский собор!» — «Знаете, это ещё длительная процедура...» — «Ой! А нельзя как-нибудь покороче?» И наше неформальное общество «Собор» с его лидерами, и широкая общественность поддержали эту идею... И мы начали оформлять документы.

Сперва требовалось зарегистрировать общину. Я уведомил нового Тобольского епископа владыку Димитрия, что буду просить собор, для чего специально ездил в Тюмень. И ещё не успел вернуться в Ишим, как здесь уже оказались его посланники, которые провели работу с депутатским корпусом городского совета. И когда вынесли на обсуждение вопрос о соборе, один депутат заявил, что отец Евтихий нас обманывает, поскольку он запрещённый клирик. Но на это я парировал документами из Зарубежной Церкви, подтверждавшими мою «легитимность».

Иордань и Великое водосвятие на Крещение, в день престольного праздника Богоявленского собора. Река Ишим, 19 января 2006. Фото П.Д. Земляных.

Тогда бросили второй аргумент: отец Евтихий от нас скрывает, что Зарубежная Церковь организована на средства ЦРУ, и сам он завербован этим ЦРУ во время поездки в Америку. На это ответил председатель горисполкома Виктор Александрович Рейн. К нему этот «сигнал» поступил раньше, он немедленно сообщил в местный отдел КГБ, тот запросил Москву, и Главное Управление госбезопасности ответило, что данные сведения не подтвердились. В итоге эта небольшая ложь, которая должна была повредить мне, в корне изменила отношение всех депутатов. Здание Богоявленского собора было передано мне единогласно.

Организовали комиссию, которая выехала в собор, и депутаты сказали: это несправедливо, что отец Евтихий просит у нас передать ему собор – мы должны были встать перед ним на колени и просить, чтобы он взял эти руины под своё попечительство. А Нина Петровна высказала пожелание: «В первую очередь восстановите колокольный звон». Я говорю: «Это дико дорого, невозможно! Разве что вариант... Есть одна статуя в центре города из цветного металла. Можно её попробовать перелить». – «И вы туда же! Вы тоже плюёте на коммунистическую партию и её великого вождя! Не ожидала от вас!» Несколько обиделась. Но я поспешил исправить положение: «Нет, Нина Петровна, не расстраивайтесь, этот металл не годится на колокола». Депутаты стали говорить: «Да-да, это вроде как такая бесовщина...» – «Нет, дело не в этом, просто новые колокола из этого металла будут картавить». А через несколько лет Нина Петровна поддержала мою идею – построить на месте памятника Ленину часовню в честь новой эры, 2000-летия христианства. Это очень хорошо, что она не сразу побежала за всеми, а занималась

внутренней переоценкой отношения к прошлому и настоящему.

Итак, в марте 1990 года я получил документы на собор. А в конце того же года владыка Лазарь настоял на моём выходе из депутатского корпуса.

Непросто было убедить людей прийти на первые службы. Ведь, помимо «американского шпиона», меня объявили ещё и католиком. Однако Зарубежная Церковь относится к этому вероисповедному вопросу строже, чем Московский Патриархат. Там католиков в православных храмах не причащали и переходящих из католичества в Православие крестят заново. Как-то вот клеветники забывают, что клевета от Бога удаляет и душу лишает Божией благодати.

Первыми, кто не побоялся слухов, стали самые старые прихожане Никольской церкви. Александр Прокопьевич Бабурин, Фёдор Матвеевич Юринов – те самые надёжные старики, с которыми мы столько много трудов положили в Никольской церкви. Александр Прокопьевич – из семьи катакомбников, тех, кто не принимал «советской» церкви, а принадлежал к тайной Катакомбной Православной Церкви. Он очень много работал, совершенно не боялся высоты. Был фронтовиком. Как-то услышал разговор других мужчин о роли коммунистов в войне, ударил кулаком по столу, заплакал: «Кто, коммунисты?! Да их не было ни одного на передовой! Я всю войну прошёл в пехоте, чудом остался живым». Фёдор Матвеевич – на фронт пошёл уже из тюрьмы, тоже работал на ремонте Никольской церкви. А Зоя Гавриловна Шлыкова – в Никольскую церковь ходила с 40-х или 50-х годов. Это она в начале моего служения приходила к маме и плакала. «Ой, боюсь я, посадят его за проповеди!» Другие старики и

старушки просили меня на исповедь к себе домой, когда уже болезнь их приковывала к постели.

Летом мы служили на втором этаже, в Успенском приделе. Внизу не было ни пола, ни штукатурки, ведь там стояли огромные бетонные резервуары. Зимой сделали часть пола на первом этаже, устроили Никольский придел, стали служить. Так, год за годом, метр за метром медленно, но уверенно восстанавливали весь этаж. Так же, понемногу, восстанавливаем и храмы в сёлах Локти и Боровое.

Жизнь нового соборного прихода основывалась на тех принципах, каким я был научен ещё в семинарии и с детства. Нужно заметить, в Омско-Тюменской епархии порядок церковной жизни был значительно выше, чем в других епархиях, где мне приходилось бывать. Не было чрезмерного сокращения богослужений, не было пренебрежения к народу. Но мы постарались исправить и те недостатки, которые были. Ввели крещение с полным погружением и после хотя бы частичного обучения основам веры. Ввели принцип бесплатного совершения таинств и треб. Ведь в Евангелии сказано: «Даром получили – даром давайте». Расширили благотворительную деятельность, которая была запрещена для Церкви в советское время.

Причём способ благотворительности выбрали не популярный, а именно через частную помощь. К нам постоянно обращаются с просьбой о помощи люди, попавшие в затруднительное положение или бродяги, которые оказались без средств. Для бездомных создали общежитие. Для тех, кто живёт при храме, существует принцип личного участия в труде, в восстановлении храма и благоустройстве. Это не столько способ экономии средств или растрясания жира, а одно из вспомогательных средств для успеха проповеди. Народ ведь сильно разуверился, и рад бы поверить, да уж больно много говорят вокруг, и все вроде правильно. А вот когда видят человека в действии, тогда и успех проповеди, убеждения большой.

Ещё один принцип, который ложится тяжёлым крестом на наших церковных тружеников, – это скромность в средствах. Зарплата у нас в соборе и в других приходах минимальная, на краю нищеты. Особенно трудно в этих условиях многодетным. Но стараемся как-то помогать. Конечно, с одной стороны, это создает большие трудности для наших работников. С другой стороны, скромная жизнь воспитывает детей, потому что богатство и вседозволенность их развращают, обесценивают заботу матери и окружающих, воспитывают потребительское отношение к жизни.

...К сожалению, механизм дисциплинарного контроля, постоянной опеки российских приходов РПЦЗ не был хорошо продуман. Из-за этого произошло много беспорядков в некоторых российских приходах. Широко известен печальный факт возведения в сан епископа Валентина (Русанцова) в Суздале – человека

Епископ Евстихий служит панихиду на месте погребения жертв политических репрессий у деревни Борки. Ишимский район. 30 октября 2003. Фото Г.А. Крамора.

порочного, позорящего Церковь. Я предупреждал митрополита Виталия, но он разобиделся и перестал со мной говорить об этом. И вдруг через четыре года Валентин действительно устроил раскол в России. Меня вызвали в Америку, как раз в преддверии архиерейского собора. Я был очень взволнован, так как уже понял, чем это обернётся. Священноначалию РПЦЗ надо было как-то выходить из создавшейся трудной ситуации и ставить другого архиерея в России. Наши священники стали убеждать меня, чтобы я не смел отказываться, потому что это касается судьбы приходов ЗЦ в России и их личного положения. Я поехал и, действительно, 24 июля 1994 года был рукоположен во епископа Ишимского и Сибирского. Жизнь у меня, можно сказать, перевернулась. Мне было поручено следить за порядком на приходах всей России и Украины.

...Перейдя в Зарубежную Церковь, я не порвал с прошлым. Нет. Напротив: я глубже ушёл в наше церковное прошлое, ближе к корням, к истокам. Общение с нашими эмигрантами за границей в этом смысле было для меня простым. Мы с ними стояли ближе к нашему историческому прошлому. Мы говорили о России на общем языке, в одном духе. Счастливы я, что успел застать в живых архиепископа Антония

Возвращение с крестного хода на Иордань. Крещенские морозы. 19 января 2006. Фото П.Д. Земляных.

(Медведева), епископа Митрофана (Зноско-Боровского), с которым мы были особенно дружны; был ещё в здравии митрополит Виталий, с которым мы провели много часов и доверительных бесед и споров о России... Это была Божия милость ко мне. Я видел своими глазами ушедшую Россию; мои глаза видели воочию её былой духовный облик. Воспроизведу маленькую картинку. Пьем чай у митрополита Виталия.

Митрополит: «Ну, чем там ещё знаменит ваш Ишим?»

Я: «Знаете, у нас родился Пётр Павлович Ершов...»

Пауза.

Я (робко): «Да, если слышали, автор сказки «Конёк-Горбунок»...»

Митрополит рассерженно перебивает: «Как это – «если слышали», да как же, наше детство... да мы воспитывались на этой сказке...»

И, на секунду замолкнув, начинает: «Не на небе, на земле, жил старик в одном селе. У старинушки три сына...» И почти всю первую главу прочитал наизусть.

А ведь у нас были не только чай и беседы, но и серьёзная созидательная церковная работа. Служить, молиться, работать с такими столпами духа и патриотизма! Как меня угораздило? Нет, я действительно счастливейший человек, хоть и счастье не по заслугам. К сожалению, уже большинство тех духовных богатырей ушли. Кто на вечный покой, кто на временный, старческий. Митрополит Лавр, архиепископ Алипий, архиепископ Илларион – вот, пожалуй, и все из «старой гвардии», кто ещё в строю. На смену приходят новые архиереи. У них есть свои достоинства, но такого сгустка русскости, как в уходящем поколении, у них уже нет.

У меня была возможность сравнить жизнь православных русских в России и за границей. В начале 1990-х это была огромная разница – в отношении к окружающей жизни, потому что сама жизнь была совершенно иной. А сейчас грани почти стёрты. И если поначалу я видел

больше патриотизма за рубежом, то сейчас, мне кажется, патриотизма больше у тех, кто живёт здесь. Ведь когда существовал «железный занавес», наши люди за рубежом жили иллюзией: вот, занавес рухнет, и они все ринутся на свою историческую Родину. А когда это произошло, они поняли, что у них осталось очень мало потенциала к тому, чтобы так в корне переменить свою жизнь. И сейчас единицы – не десятки, а единицы! – тех людей, которые оставили свою обустроенную жизнь за границей и переехали к нам, в Россию. Большинство же «вросли» в новые условия. Я утешаю их тем, что они выполняют очень важную миссию: свидетельствуют о Православии инославным людям, среди которых они живут.

Есть яркие примеры. В Восточновосточной епархии много храмов, где прихожане по происхождению американцы, и служба там идёт на английском. То же и в Австралии. Я задавал им вопрос: «Ну почему вы, у кого никогда ничего общего с Россией не было, вдруг перешли в Русскую Зарубежную Церковь? Ведь есть Греческая, есть другие». Дело же в том, что все другие православные церкви сильно подверглись модернизации, их сильно изменил дух времени. И у людей, которые мечутся в поисках чистоты и правды Бога, популярна Русская Зарубежная Церковь. Они в ней находят то, что ищет душа.

Наверное, это был промысел Божий – так рассеять русских, как некогда евреев рассеял по всему миру. Ведь первая волна эмиграции была «духовной эмиграцией». Но и русские из последней, «экономической» волны эмиграции, – даже не волны, а прибор! – в большинстве становятся верующими людьми. В России они жили без Церкви, если даже не враждебно к ней. А там они становятся прихожанами, и зачастую более прилежными, чем наши старые эмигранты и их потомство. Так, по вечерам у них на богослужение перестали ходить. Священники совершали службы в пустых церквях. А теперь они просто в растерянности: вечером у них полные храмы – за счёт последней волны «новых русских».

Почему я возвращаюсь в Московскую Патриархию

Ещё в первые поездки за рубеж меня спрашивали, возможен ли диалог между Зарубежной Церковью и Московской Патриархией. Я сказал напрямую: если вы не уверены в своей правоте, то не вступайте в диалог. Если же уверены – обязаны вступить. Я всё время настаивал на необходимости диалога с МП. Это для того, чтобы в нашей Церкви в России тоже восторжествовала истина.

И на протяжении десяти лет тема диалога с МП постоянно обсуждалась. В октябре 2001 года состоялся Архиерейский собор РПЦЗ, который принял отставку её главы митрополита Виталия. Новым первоиерархом стал архиепис-

Епископ Евтихий с юными земляками Петра Павловича Ершова на его родине после освящения места для строительства нового храма преподобного Петра Столпника. Ершово (Безруково), Ишимский район. 1 февраля 2006. Фото Г.А. Крамора.

коп Лавр. В отличие от предшественника, отказывавшегося от диалога с МП, новый глава был настроен к Москве более лояльно. Патриарх Алексей II также неоднократно призывал к преодолению церковного разделения, считая, что уже нет никаких оснований находиться в изоляции друг от друга, и заявляя, что Московский Патриархат готов к сближению.

Самый эпохальный шаг МП, который сделал объединение реально возможным, — прославление Царской семьи и новомучеников российских. Ведь это была большая ложь, которая меня так волновала — что у нас в России «не было» гонений на веру и что у нас «нет страдальцев за веру, а есть политические преступники». Эта очень грязная ложь актом канонизации решительно опровергнута. Ведь действительно, как можно было бы существовать в едином церковном организме верующих, где одни считают новомучеников российских героями веры, а другие — политическими преступниками? И это прославление произошло не без влияния Зарубежной Церкви. Даже думаю, что это главная заслуга РПЦЗ, Иерархи Московской Патриархии иногда делали вынужденные шаги, ради того, чтобы стереть эту грань между РПЦЗ и МП. А иногда просто исподволь, даже незаметно для себя, меняли свои мнения под этим благостным примером Зарубежной Церкви. Возможно, в этом была её миссия.

Также происходит и первооценка взаимоотношений власти и церкви, того, что мы называем «сергианством». Новая социальная концепция Московского Патриархата по духу своему противоположна декларации 1927 года. Кроме того, изменилось отношение МП к экуменической деятельности. Сейчас она совершенно чётко изложила иной взгляд; Православная Церковь

и есть единая Церковь. Только православное вероучение составляет Православную Церковь.

Тем не менее, до 2000 года диалога практически не было. Только полемика, где стороны совершенно не слышали друг друга. Основывалась она на безапелляционном объявлении себя правыми и с той, и с другой стороны и на отказе от пересмотра постулатов, которые нас разделяли. Изменилось всё в 2000 году, когда Архиерейский собор МП принял новую социальную концепцию и прославил новомучеников российских. Начался диалог с обмена письмами. Сначала они не находили ответа, поскольку были написаны в ультимативной форме: признайте нашу истину — и всё! Со стороны Зарубежной Церкви были воззвания, в том числе скорбные, но на них не было ответа. А если и были, то с критикой, без элементов конструктивного диалога. Та форма, которая предлагалась, была непривлекательна. По мнению Московского Патриархата, РПЦЗ должна была отказаться от своей линии и влиться в состав МП безусловно.

Пять лет велась переговоры. Прошли три научных конференции по новой истории Русской Церкви XX века — в Сербии, в Германии, в России. Шёл поиск взаимоприемлемой оценки исторических событий, точек соприкосновения. Следующим реальным шагом стала работа комиссии по урегулированию взаимоотношений и встреча митрополита Лавра с Патриархом Алексием II. Она стала возможной после посещения Зарубежного Синода Президентом России. В 2003 году во время своего визита в США Владимир Путин по просьбе Патриарха Алексия II лично передал митрополиту Лавру приглашение от главы МП посетить Россию. И руководство РПЦЗ сочло возможным ответить положительно.

В 2005 году состоялся Архиерейский собор Московского Патриархата, который делегировал дальнейшую работу по объединению своему Синоду. В мае 2006 года Зарубежная Церковь собрала IV Всезарубежный собор, на котором был решён принципиальный вопрос о возможности, желательности и основах объединения всей Русской Православной Церкви, при сохранении самоуправления Зарубежной Церкви. Главный признак единства – это евхаристическое общение, то есть совместное служение и причащение Христовых Таин, открытость церковных таинств для обеих сторон. А именно: прихожане и священники как Зарубежной Церкви, так и Московского Патриархата смогут посещать храмы друг у друга, исповедоваться, причащаться на литургии из одной Чаши, служить вместе. Этот акт евхаристического общения будет подписан, возможно, уже в декабре 2006 года.

А в России миссия Зарубежной Церкви, конечно, заканчивается. Для нас это был глоток воздуха. Но у нас было много ошибок. В начале 1990-х только на территории Ишимско-Сибирской епархии насчитывалось до 30 приходов. И в европейской части – около сорока. Теперь во всей России действует 15 приходов РПЦЗ. На Украине епархия существует отдельно. Она официально зарегистрирована как Свободная Русская Православная Церковь. Между нами есть разногласия, прежде всего во взглядах на объединение с МП. Так что у неё своя судьба и свой путь.

Число приходов существенно уменьшилось в последние годы из-за того, что ушла в раскол часть духовенства, категорически не желающего объединения с МП. А в середине 90-х многие приходы рассыпались из-за нестойкости, поскольку существовали только на бумаге. Приходской жизни как таковой не было. В Томске, например, собрались люди невоцерковлённые, у которых были очень либеральные представления о религиозной дисциплине, о таинствах, о вероучении – скорее любительский кружок. В первый год моего епископства мне приходилось не столько рукополагать, сколько запрещать и запрещать (в священнослужении).

Сейчас и ситуация в стране в корне изменилась. Я сам очень недоверчиво относился к новому строю в России. Ведь всем понятно, что у власти остаются если не те же люди, что при коммунистах, то всё равно из того же элитного слоя. С духовностью и обращением к вере обольщаться не приходится. Само православие у них какое-то своё – «элитное». Такого, конечно, не бывает, однако у них, вернее, как они сами считают, – для них – оно, православие, особенное.

Но всё же, в реальности, власть у нас теперь другая. Идеологический пресс атеистического большевизма кончился. Люди не церковные это раньше почувствовали и ринулись ко всему, что издаёт религиозный блеск. Большинство, к сожалению, – к ложной религиозности, к суеверию, а не к вере. Мы, люди церковные, позже почувствовали эту религиозную свободу. Сперва не верилось, что она настоящая, потом ещё надо научиться пользоваться этой свободой. Это как после долгой лежачей болезни: сперва ноги не чувствуешь, как точки опоры, потом надо научиться заново ходить. Но главное – возврата к коммунизму и атеизму не будет. Им, которые у власти, – это невыгодно, а том-то и гарантия, что прошлое не вернётся.

Вроде бы понятно: то, что большевики раскололи, должно теперь соединиться. Раскол церковный произошёл в результате власти большевиков. Пора соединиться Русской Церквью.

И ещё несколько слов напоследок. Среди части нашего духовенства и верующих распространилось мнение, что владыка Евтихий «предал Русскую Зарубежную Церковь». В ответ хотелось бы привести текст приветствия, направленного мне Архиерейским Синодом РПЦЗ, собравшимся 6 сентября 2006 года в Нью-Йорке для обсуждения вопроса о выработке акта о каноническом общении с МП:

«Ваше Преосвященство!

Архиерейский Синод, узнав о дне Вашего небесного покровителя, молитвенно желает Вам от Господа крепости душевных и телесных сил, дабы Ваше архипастырское служение продолжилось в долготу дней. Примечательно, что в Вашей судьбе особенным образом как бы нашла своё отражение сама нелёгкая история Русской Православной Церкви, во Отечестве и рассеянии сущей; то, что происходило с Нею – происходило и с Вами; Её крестный путь – стал и Вашим путем.

С братской любовью о Господе,

+ Лавр, Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский, Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви.

+ Марк, архиепископ Берлинский и Германский.

+ Кирилл, архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский.

+ Михаил, епископ Женевский и Западно-Европейский.

+ Гавриил, епископ Манхэттенский.

+ Петр, епископ Кливлендский».

Подготовка к печати – Г.А. Крамор.

К статье Г.А. Крамора «Обретённая святыня из села Прокуткинского».
Фото автора.

Бывший колодец
на месте обретения
икона на кладбище
села Прокуткинского.
18 мая 2006.

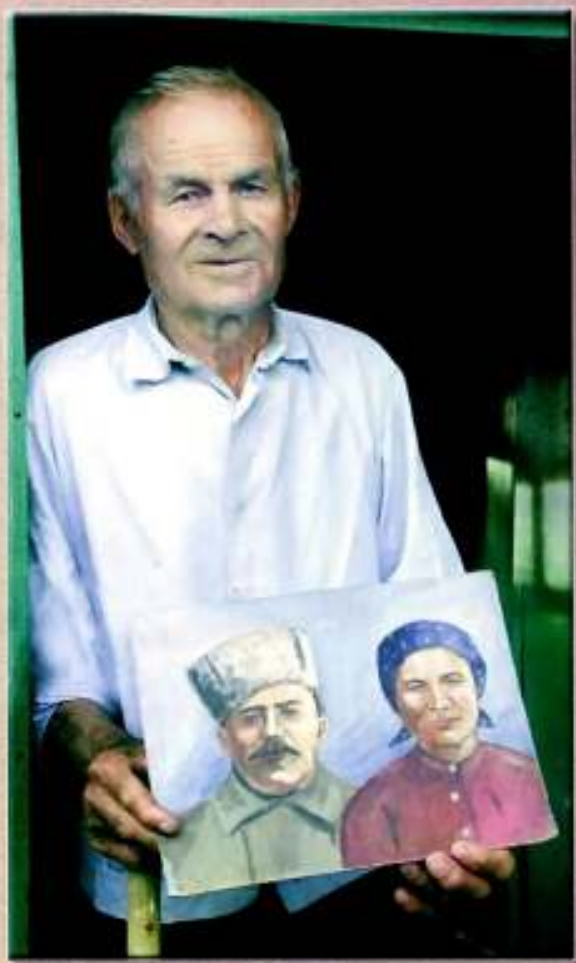

Икона св. Евфимии в момент
«второго обретения». 5 октября 2005.

Село Прокуткинское. 23 сентября 2005.

К статье Н.Л. Проскуряковой «Колючий январь двадцать первого».
Фото Г.А. Крамора.

Купеческая лавка в селе Окунёво,
где содержались пленные коммунары.
29 сентября 2004.

Михаил Мефодьевич Агарков
с портретом родителей.
Село Ново-Травное.
27 июня 2004.

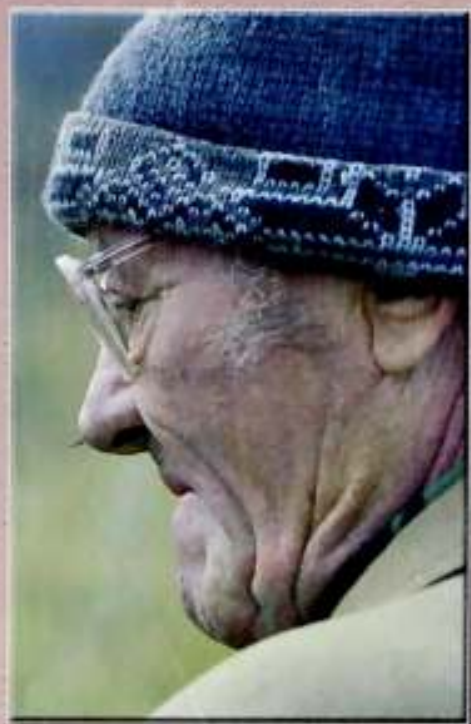

Речка Дятель у села Синицына. 16 мая 2006.
Здесь расстреливали пленный повстанцев.

К статье О.А. Ожгибесовой
«Пропавшая экспедиция, или Сафари на Вагайских болотах».
Фото Г.А. Крамора.

Участники экспедиции
к месту гибели отряда Шевченко.
27 сентября 2005.

Степан Ефимович Вилюк -
проводник экспедиции.

Широкая полоса без растительности - бывший автозимник.
Северные болота, Вагайский район.

К статье епископа Евтихия «На стезе церковного служения».
Фото П.Д. Земляных.

*Епископ Евтихий.
Греция. 1996.*

*Канун Вербного воскресенья.
Богоявленский собор.
3 апреля 2004.*

*Крестный ход в праздник св. пророка Илии для освящения нового моста
через реку Ишим. Вдали - Богоявленский собор. 2 августа 2006.*

Лики прошлого и настоящего

Н.Н. СКАРЕДНОВА

Герасим Пищик, командир отряда ЧОН

Музей в сельской школе... Как правило, благодаря стараниям учителя истории в одной маленькой комнате сосредоточивается вся история села. Зачастую здесь можно встретить вещи поистине уникальные. Среди множества экспонатов школьного музея в селе Усть-Ламенка привлекает внимание работа местного художника С.М. Андреева. Это портрет одного из действующих лиц восстания 1921 года Герасима Григорьевича Пищика.

Не много смогли рассказать об этом человеке в школьном музее. В основном это были моменты жизни, связанные с событиями 1921 года. А что потом, как судьба распорядилась этим неординарным человеком? Ответить на этот вопрос нам помогли документы и помощь сотрудников Ишимского историко-краеведческого музея, филиалов Госархива в Тюмени и Ишиме, Государственного архива общественно-политических организаций, а также воспоминания, письма-отклики частных лиц и официальных учреждений.

Личная отвага и мужество, подкреплённые глубокими идейными убеждениями, сделали Герасима Пищика героем. Руководитель отряда ЧОН стал образцом красного командира для единомышленников и грозой для тех, кто стоял по другую сторону баррикад.

Шестимесячным ребёнком обрёл он вторую Родину – Сибирь. Это был 1896 год. Семья Пищиков, спасаясь от голода, оставила родное село Лебедь в Харьковской губернии. Новым местом жительства стал сибирский посёлок Слободское Усть-Ламенской волости. Но и здесь жизнь не баловала переселенцев. В трёхлетнем возрасте Герасим остался без матери, которая умерла от тифа. Суровая мачеха не отличалась заботой и теплотой. Взрослеть пришлось рано. Уже в 8 лет стал зарабатывать себе кусок хлеба, определившись в работники к местному богачу.

Скупые строки официального военкоматского документа – «Послужной список на комзвон-

Герасим Пищик (слева) с другом перед службой в армии. 1915.

да частей особого назначения Пищика Г.Г.» – дали возможность восстановить страницу его биографии, связанную с военной службой¹. Досрочный призыв в Иркутский 25 полк в августе 1915 года. После окончания учебной команды в апреле 1916 года молодого унтер-офицера ждёт Германский фронт. Через 8 дней – ранение, госпиталь, снова фронт.

Солдат воевал, а в Забайкалье его ждала семья. Женой стала землячка, дочь Усть-Ламенского священника Степана Калашникова. Марина в 1912 году приехала к сестре в Читу. Здесь и свела судьба с Герасимом. Поженились. В 1916 году родился сын Георгий.

Г.Г. Пищик – командир отряда частей особого назначения. 1921.

Революционные события не обошли стороной старшего унтер-офицера царской армии. В октябре 1917 года его избрали членом полкового солдатского комитета в Забайкальской области. Есть в послужном списке и такая графа: «Служба в белой армии. Мобилизован Колчаком 5 марта 1918 года». Другой документ подтверждает: «Служил в белой армии 3 месяца»². А после участвовал в боях с атаманом Семёновым, вновь был ранен.

Летом 1919 года семья Пищиков возвращается в Усть-Ламенку. Односельчане избирают Герасима председателем волисполкома, а через несколько дней он получает назначение на должность волостного военного комиссара. В ноябре вступает в ряды РКП(б), получает партийный билет за № 601605³. Беспоконная должность в непростое время. Вся жизнь волости подчинена решению одной задачи – развёрстка продовольственная и дроважная. К её выполнению подключены все, в том числе и военком. Бесконечные поездки по сёлам, встречи с людьми. Так незаметно подошел к концу год 1920-й.

События 1921 года – особая страница в биографии Герасима Григорьевича Пищика.

Волнения, начавшиеся в последний январский день в Чуртанской и Челноковской волостях, докатились и до Голышмановского района.

6-7 февраля повстанцы захватили Евсинскую, Малышенскую, Голышмановскую, Усть-Ламенскую волости, станцию Голышманово. Началась расправа с коммунистами, продработниками. В числе захваченных повстанцами активистов оказались жена военкома и её отец. Арестованных увезли в Евсино, к месту казни. На глазах отца Марину расстреляли. Он остался один из 19-ти обреченных. Кто-то узнал в этом белоголовом старике бывшего священнослужителя и ему велено было отойти в сторону.

Кровопролитие нужно было остановить. Эти функции взяли на себя воинские части и созданные на местах отряды частей особого назначения (ЧОН) из числа местных активистов. В Усть-Ламенской волости такой отряд возглавил военком Герасим Пищик. А в конце марта он назначен начальником гарнизона Северного района Ишимского уезда.

По оперативным сводкам командующего Ишимской группы Н.Н. Рахманова удалось определить границы района, в пределах которого действовали бойцы отряда Пищика⁴. Составлена карта. Сводки дают основание сделать вывод о том, что отряд был очень мобильным, действовал слаженно, чаще всего – совместно с конной разведкой 258-го полка. В отряде была строгая дисциплина. В отличие от воинских частей «Пищиков отряд старается пресечь мародёрство», – читаем в одном из протоколов Ишимского уездного комитета РКП(б) от октября 1921 года⁵. Отряд Пищика непосредственно участвовал в разгроме отрядов Шевченко, Зломанова, Сикаченко.

В архивных материалах находим примеры, подтверждающие личную храбрость командира, его умелые военные действия. При разгроме отряда Шевченко на остров Плита, где он скрывался, первым ворвался комвзвода Пищик⁶. А комбриг Буриченков в одном из докладов сообщает: «...ещё мною награжден т. Пищик – командир Голышмановского коммунистического отряда, которому дал своё седло и одел весь его отряд. Так, как они действовали, желать лучше нельзя»⁷.

В Голышмановском краеведческом музее хранятся воспоминания очевидца событий 1921 года Степана Захаровича Подольяка. Он пишет, что после восстания «Пищик был удостоен вызова в Москву и был на приеме у Ленина». Подтверждений этому факту, к сожалению, нет. Как нет и документального подтверждения тому, что была у Пищика шашка из дамасской стали, и висела она на самом видном месте в квартире как напоминание о боевой юности хозяина.

К концу года восстание было подавлено. В декабре 1921 – январе 1922 года 258-й полк из Ишима передислоцирован в Омск. Функции отряда ЧОН Пищика также были выполнены. Свежая братская могила в центре Усть-Ламенки

напоминала о погибших, среди которых – родная Марина. Тяжела была эта потеря для Герасима, но оставался сын – надежда и опора.

Жизнь вошла в мирное русло. А что же стало с командиром легендарного отряда? Продолжил он военную карьеру или ступил на стезю мирных дел?

Работа с материалами тюменских архивов позволила уточнить некоторые даты и факты в биографии нашего героя. В октябре 1921 года Г.Г. Пищик – член Усть-Ламенского волкома РКП(б), в марте 1922-го – командир взвода милиции на территории Усть-Ламенской волости, а в ноябре 1922-го – член правления Ишимского районного отделения Тюменского губсоюза кооперативов⁸. Следовательно, апрель-октябрь – время переезда Пищика в город Ишим. Вероятнее всего, именно здесь в его дом вошла новая женщина – Анна, дочь Касьяна Ивановича Лемеша из села Большой Кусеряк. Сына полюбила как родного. Отныне и большая семья Лемешей – семеро братьев и сестёр Анны – также стала объектом заботы и внимания Герасима Григорьевича.

Ниточку, ведущую к следующей страничке в биографии Г.Г. Пищика, удалось найти совершенно случайно.

Есть в Ишимском историко-краеведческом музее большое старое фото. Запечатлена группа людей, в центре, в овальной рамке – портрет мужчины и снимок здания, на вывеске которого читается: «Ишимо-Жилияковское потребительское общество «Единение». Хозяйка фотографии Н.И. Марычева вспомнила, что отдельно запечатлён их руководитель – Пищик...

В фондах Ишимского госархива удалось найти документ, датированный 1926 годом. Это «Карточка по учёту рабочих и служащих Ишимского Округного Союза потребительских обществ», заполненная Г.Г. Пищиком⁹.

В декабре 1922 года он поступил на работу в потребсоюз. Несмотря на малограмотность (судя по анкете), он стремительно поднимается вверх по служебной лестнице: в 1922-м – завхоз, а в 1926-м – заместитель председателя правления Союза. Он регулярно участвует в заседаниях кооперативной комиссии при Ишимском окружном ВКП(б), решении вопросов снабжения населения промышленными и продовольственными товарами, развития сельской кооперации¹⁰. Живёт с семьёй по улице Большой Садовой, 10.

Можно предположить, революционное прошлое этого человека сказывалось на его служебном положении. Из воспоминаний ветерана ОВД П.М. Шашкина стало известно, что до войны Г.Г. Пищик работал директором магазина торгово-производственной конторы НКВД в Ишиме. ТПК обслуживала только работников НКВД и органов госбезопасности и была кровной орга-

На «мирной работе». 1930-е.

низацией горотдела. На фотографии коллектива ТПК дата – 3 октября 1937 года. Есть среди работников и Г.Г. Пищик.

В том же году семье Пищиков пришлось выдержать серьёзное испытание: арест Герасима Григорьевича, отправка его на строительство Беломоро-Балтийского канала, поездка жены в Москву и признание ареста незаконным, скорое возвращение мужа в семью.

В 1941 году Г.Г. Пищик ушёл на фронт. В одном из боёв был ранен, потерял руку. В ноябре 1945-го произошла его встреча с П.М. Шашкиным, воспоминания которого хранятся в архиве ишимской милиции.

На этом в очередной раз обрывается ниточка, по которой мы отслеживаем жизнь легендарного командира отряда ЧОН. И так же случайно делаем шаг вперёд.

Один из старожилов-земляков неожиданно встретился с Пищиком в Свердловске в конце 1950-х годов. Тот сказал, что работает директором Пассажа в Свердловске. Жили вдвоём с женой Анной. Сын Георгий погиб во время Великой Отечественной. Детей больше не было. И решил тогда Герасим Григорьевич на отважный поступок: привёл в дом трёх мальчиков, оставшихся в войну в возрасте полутора, двух с половиной и трёх с половиной лет без родителей и сказал жене: «Вот моя армия. Выращу – и умирать можно». В музее есть фото, где Герасим Григорьевич запечатлён со своими новыми сыновьями.

Но жизнь вновь внесла коррективы. Очень скоро «армия» осталась без командира. Скоро-

Г.Г. Пищик с приёмными детьми. 1962.

постижно на руках у сыновей в июне 1963 года от кровоизлияния скончался Герасим Григорьевич. Пришлось Анне одной поднимать ребят. А возраст уже приличный – почти шестьдесят. На помощь пришли младшие сёстры Нина и Олимпиада. Добро помнится долго. Так вместе они и жили в Свердловске, вместе растили детей... Потом сёстры съехались в квартиру Герасима и Анны, а свои отдали ребятам.

Были у нас безуспешные попытки установить связь с сыновьями Герасима Григорьевича. Да и вряд ли есть смысл продолжать их поиск, поскольку, по словам Олимпиады Касьяновны, «они не совсем в курсе дела» относительно биографии отца.

С каждым годом сужается круг людей, знавших Герасима Григорьевича Пищика. В 1968 году умерла Нина Касьяновна, в 1991-м – Анна Касьяновна, в 2001-м ушёл из жизни 50-летний сын Валентин, в мае 2001-го пришло последнее письмо от Олимпиады Касьяновны. Именно благодаря письмам А.К. Пищик и О.К. Киселевой стали известны многие подробности о семье бывшего командира. Они же передали Голышмановскому народному краеведческому музею ряд фотографий из семейного альбома 1914-1960-х годов. Эти материалы, как и переписка с архивами, копии архивных документов и газетных статей хранятся отныне в фондах и составляют личный комплекс участника восстания 1921 года Герасима Григорьевича Пищика.

Фото из фондов
Голышмановского НКМ

Примечания

- 1 ГУ ТО «ГА в г. Ишиме», ф. 10, оп. 2, д. 330, лл. 1-3.
- 2 Там же, ф. 131, оп. 2, д. 185, л. 1.
- 3 ГАОПОТО, ф. 977, оп. 1, д. 1, л. 2.
- 4 РГВА, ф. 1345, оп. 2, д. 19, лл. 154-275.
- 5 «За Советы без коммунистов», Новосибирск, 2000. С. 542.
- 6 ГУ ТО «ГА в г. Ишиме», ф. 755, оп. 1, д. 4, л. 3.
- 7 «За Советы без коммунистов». С. 525.
- 8 ГАОПОТО, ф. 977, оп. 1, д. 1, л. 10; ф. 977, оп. 1, д. 7, л. 2; ф. 41, оп. 1, д. 158, л. 180.
- 9 ГУ ТО «ГА в г. Ишиме», ф. 131, оп. 2, д. 185, л. 1.
- 10 ГАОПОТО, ф. 46, оп. 1, д. 420, л. 7.

И.В. КУРЫШЕВ

Командующий Сибирским фронтом Владимир Родин

Судьбы вождей повстанческо-партизанского движения в Сибири, вместившие в себя трагические коллизии социальных потрясений 1918-21 гг., и сегодня остаются сравнительно малоизученными. И если биографии лидеров антиколчаковской партизанской борьбы всё-таки изучались в предшествующий период, то судьбы руководителей антибольшевистского повстанческого движения остаются «белым пятном» в историографии гражданской войны в Сибири.

Одна из ярких, ключевых и вместе с тем трагических фигур этого движения в Западной Сибири – Владимир Алексеевич Родин. О судьбе этого человека и сегодня известно до обидного ничтожно мало. В отштампованных и лаконичных биографических справках советской поры В.А. Родин – эсер, поручик, учитель, командующий вооружёнными силами Сибирского фронта, убитый в марте 1921 года своими же спод-

вижниками¹. Об особенностях его характера, важнейших этапах жизненного пути, мотивах вступления в повстанческую борьбу не говорилось вообще ничего, как по причине того, что он считался контрреволюционером, так и в силу закрытости или крайней скудности архивных источников, воспоминаний, которые проливали бы свет на его судьбу.

Лишь М.Е. Бударин, рассказывая об истории Дубынской коммуны «Заря», созданной крестьянской беднотой и бывшими красноармейцами, писал о В.А. Родине чуть подробнее: «Трагическая и героическая история Дубынской коммуны не была оторвана от событий в Ишимском уезде. Ещё во время рождественских каникул на уездном совещании учителей в бывшей духовной семинарии² города Ишима, в здании уездного исполкома со злобной и провокационной речью против нововведений в советской школе выступил в январе 1921 года

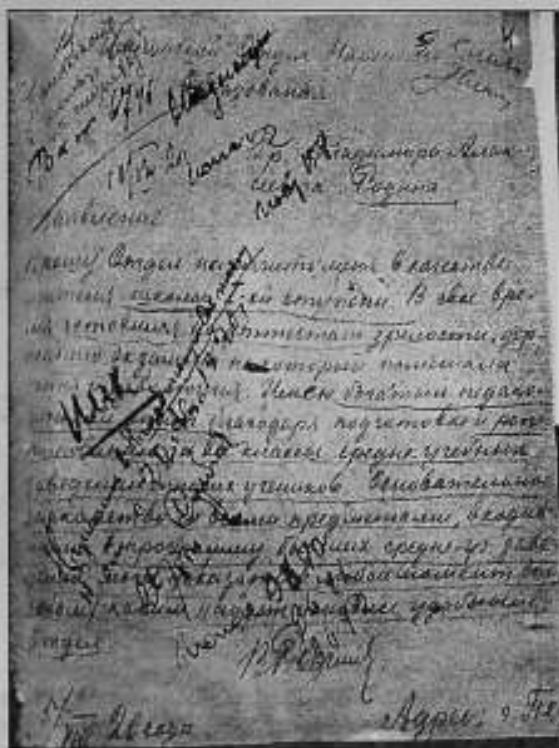
учитель села Белое Соколовской волости Ишимского уезда поручик, эсер В.А. Родин, который возглавил потом во время мятежа «главный штаб Сибирского фронта». Эсеры-заговорщики убивали работников продотрядов»³. Даже в фундаментальном труде В.И. Шишкина⁴ в именном указателе о Родине содержатся лишь скудные, лаконичные строки, за исключением публикации отзывов о нём представителей повстанчества.

Благодаря найденным нами архивным документам в Ишимском госархиве появилась возможность хотя бы частично дополнить и конкретизировать имеющуюся по данному вопросу информацию.

Действительно, Владимир Алексеевич Родин учительствовал в сёлах Налобинском и Дубровском, тесно общался с крестьянами этих и близлежащих сёл и деревень. Сохранился ряд его заявлений в Ишимский уездный отдел народного образования с просьбами о назначении его учителем. 5 июля 1920 года Родин писал, находясь ещё на квартире у Добросельских в Петропавловске: «Прошу отдел назначить меня в качестве учителя школы первой ступени. В своё время готовился на аттестат зрелости, держу экзамена, но которому помешала война и революция. Имею богатый педагогический опыт благодаря подготовке и репетированию за все классы средне-учебных заведений многих учеников...»⁵ На заявлении имеются две резолюции одного из руководителей отдела: «пригласить в Ишимский отдел на службу», от 10 июля 1920 года, и «назначить в Налобинскую Советскую школу 2-ой ступени с 20 августа 1920 года».

По всей вероятности, до революции 1917 года Владимир Родин был типичным представителем поколения русских разночинцев, которым, чтобы выбиться в люди, приходилось начинать жизнь годами бедствий, навсегда наполняющими их желчью. Это был человек независимых суждений, ценящий свободу выбора, имеющий собственную позицию, преданный истинному делу, не выносивший халатности и очковитательства. Очевидно, что он стремился реализоваться как личность, живя и трудясь именно в крестьянской среде, в сибирской глубинке. Не пытаясь, как многие его современники в революцию и гражданскую войну, быстро и легко достичь заманчивой и многообещающей карьеры.

1 октября 1920 года Владимир Алексеевич Родин выступил с докладом перед налобинским волостным советом и сельским сходом. В нём он подробно обосновывал необходимость широких преобразований в деятельности школы второй ступени, где учительствовал, связав это с практическими потребностями в решении

Автограф-заявление В.А. Родина в Ишимский окроно с просьбой назначить учителем школы первой ступени. 5 августа 1920. Госархив в г. Ишиме.

земельного вопроса и интенсификации сельскохозяйственного производства России в целом. Он подчёркивал аграрно-крестьянский характер страны, будучи убеждённым в том, что именно сельское хозяйство является «нервом народно-хозяйственной жизни», что народное образование естественным образом должно быть ориентировано на его насущные запросы и нужды.

«...Если темп роста населения в России пойдёт таким же образом, как до войны 1914 года, — размышлял Родин, — мы опять встанем перед земельным вопросом и нам придётся искать новых путей в его разрешении, и этот новый путь лежит не в области увеличения площади земли в соответствии с ёмкостью её населения и его сил, а в области увеличения качества сельского хозяйства, его интенсивности. Понятно, что введение новых форм ведения сельского хозяйства требует и новых знаний...»⁶

В качестве практической реализации своей программы по сближению народного образования и сельского хозяйства докладчик предлагал уделить внимание основательному изучению в учебных заведениях естественных и сельскохозяйственных наук, ввести в школьный курс занятия по сельскому хозяйству, связанные с

Крестьяне-повстанцы, вооружённые пулемётом, под зелёным знаменем. Фрагмент настенной росписи. 2001. Масло. Художник Р. Симанов. ИКМ.

физическим трудом. Что могло бы служить не только практическим целям, но и способствовать формированию всесторонне развитой гармонической личности.

В развитие своих планов он также предлагал включить в программу налобинской школы преподавание основ земледелия, растениеводства, животноводства и других сельскохозяйственных наук, ввести в преподавательский состав учителя-агронома, устроить при школе агрономический пункт, который оказывал бы помощь населению, показательное поле, плодовый питомник, огород, сад, прокатный пункт земледельческих орудий и машин, случной пункт, семенной склад, организовать мастерские по обработке дерева, металла и кожи. Словом, реализация на практике его идеи означала бы создание учебно-производственного комплекса, в котором органично сочетались бы образование и сельскохозяйственное производство, а школа превращалась в опорный пункт, учреждение передовой агрокультуры для крестьянства Ишимского уезда.

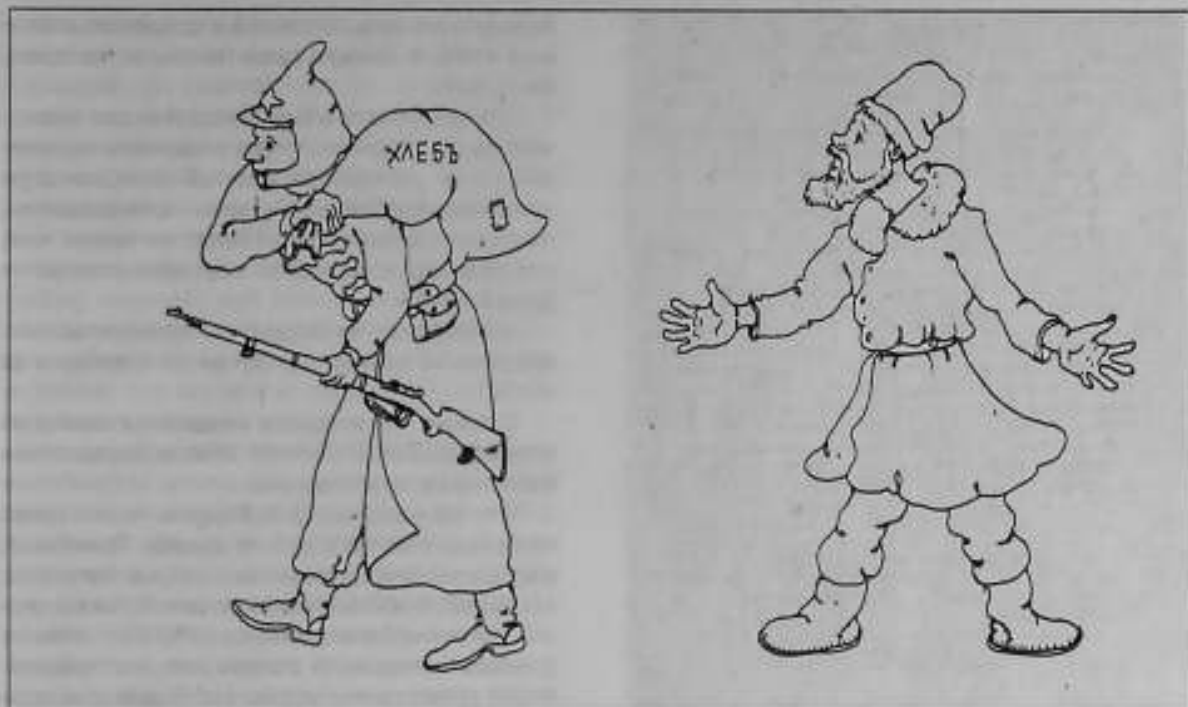
Обосновывая правоту взглядов и надеясь на поддержку крестьян соседних волостей, Родин, очевидно, идя вслед за теоретиками кооперативного движения, приводил цифровые данные по сбору урожая с одной десятины в различных европейских странах и России. В завершение своего доклада он подчёркивал: «Итак, вы видите, что нам, русским, необходимо сгладить эту разницу между нашей десятиной, дающей 55 пудов, и десятиной бельгий-

ской, дающей 168 пудов, а в этом нам и помогут такие школы как наша»⁷.

На заседании Налобинского волостного и сельских исполкомов по докладу В.А. Родина было принято решение о желательности преподавания при школе второй ступени не только чисто теоретических, но и технических предметов. Причём в целях поощрения и для оборудования открываемой школы 2-й ступени Налобинским волостным исполкомом было решено внести 500 рублей, а присутствующие здесь же члены сельских исполкомов добровольно пожертвовали на её нужды 6315 рублей. 28 ноября 1920 года на съезде Налобинского волостного исполкома и сельских советов при участии учителя Родина был специально заслушан вопрос об открытии в Налобинской волости ремесленно-технической школы. После его обсуждения делегаты постановили ходатайствовать об открытии при школе 2-й ступени ремесленно-технической школы, кожевенного завода, слесарного и столярного отделов для удовлетворения практических нужд населения»⁸.

Увы, масштабным планам Владимира Родина не суждено было реализоваться. С осени 1920 года в Ишимском уезде развернулась, набиравшая всё большие обороты, кампания по выполнению продовольственной развёрстки. Ни властям, ни крестьянам было теперь уже не до воплощения подобных проектов.

Видимо, и сам Родин всё более негативно воспринимал политику РКП(б), проводимую в центре и на местах. Вообще, отношение учи-

Продотрядовец отбирает хлеб у крестьянина. Рисунок Р. Симанова. 2001. Архив ЛМЕ.

тельства Ишимского уезда к Советской власти, ко многим её мероприятиям как в сфере образования, так и в целом внутренней жизни, нельзя назвать благоприятным. Значительная часть учителей не поддерживала большевиков и проявляла по отношению к ним явную или скрытую враждебность, либо выражала недовольство по поводу продовольственной развёрстки и прочих составляющих элементов политики «военного коммунизма».

Так, один из районных инструкторов Морев доносил в Ишимский уездный отдел народного образования, что учительство в селе Бердюжском, соседнем с Налобинской волостью, «плохо идёт навстречу в проведении принципов единой трудовой школы, препятствуют ученикам развивать организацию Коммунистического Союза Молодежи, даже некоторые из них стали религиозными, каждый праздник посещают церковь и привлекают с собой учеников; кроме того, искажают международный гимн Интернационал по своему смыслу, то есть, где нужно говорить «ни бог, ни царь и ни герой» они детей учат «никто, ни царь и ни герой», и даже... частные слухи говорят, что где говорится «землёй владеть имеем право, но паразиты никогда», у них вместо слова «паразиты» зачастую употребляется «коммунисты»⁹.

По-видимому, отнюдь не случайно часть ишимского учительства примкнула впоследствии к повстанцам, занималась организацией крестьянского восстания, руководила боевой деятель-

ностью и органами власти мятежников. С. Горюн в сводке от 3 января 1921 года доводит до сведения уездной ЧК, что учителя сёл Окунёво и Уктуз Уктузской волости уже с весны 1920 года подготавливали крестьян к восстанию против Советской власти под руководством завподотделом Уктузской волости, бывшего капитана¹⁰.

Социально-политические позиции и настроения учительства Ишимского уезда весьма определённо выявились в ходе проходившего 16-23 января 1921 года в Ишиме 2-го уездного съезда работников просвещения и социалистической культуры. Представителям местной власти, в том числе председателю уисполкома И.Я. Кузьмину, адресовалось немало острых и нелицеприятных вопросов о ситуации в регионе, стране, незаконных действиях представителей продовольственных органов, бесхозяйственности, скудном снабжении учителей и рядовых служащих, критическом, безысходном положении крестьянства и так далее.

Ишимские учителя, как сельские интеллигенты, достаточно хорошо знавшие насущные проблемы и нужды крестьянства, реальную ситуацию с продовольствием в сельской глубинке, задавали такие вопросы:

«Считается ли учительство ответственным работником? Если считается, то почему учащие не снабжаются продовольствием наравне с другими ответственными работниками?»

«Учащие занимались в две смены с детьми, затем со взрослыми, неся внешкольную

Приказ.

Коммунистический вооруженный отряд в районе Омск-Томск.
Директор № 10 Омск 16 февраля 1921 г.

Объявлено до освобождения телеграмму Председателя Омского Революционного Комитета и Пом. Главнокомандующего по Сибирскому вооруженным силам республики.

Омск 13 февраля 1921 г. Повстанцы продолжают совершать налеты на ж.д. дороги, портя путь раут, телеграфные провода. Далеко вперед, вперед этому приказываются ж.д. дорожные левая ОМСР-ТОМСКА и ОМСР-ЧЕЛЯБИНСК разделить на отдельные участки и в 8х часовых промежутках участка правительственного ж.д. станции Омской по обе стороны от ж.д. дороги возложить ответственности на местных властей, к которого ввезти теперь же заложники выданных заложения. Объявить жителям деревень входящих указанную полосу, что в случае повторения налета на ж.д. дороги заложники будут расстреляны без суда. Это мероприятие широко распространять среди местного населения района сго за каждым местом. Подчеркнуть в исполнении приказа. НР 48/10/20/21.

Полковник Шенк

Настоящий приказ распространять среди действующих частей среди крестьян и рабочих под Омском. Председателям, сельским властям для объявления во всех деревнях.

Коммунистический вооруженный отряд Омск-Томск.
Директор № 10 Омск 16 февраля 1921 г.

Приказ комбрига Рахманова о взятии заложников из крестьян деревень, находящихся у железной дороги. 15 февраля 1921. Из фондов ИКМ.

работу, вообще работая 12 часов в сутки, почему получают паёк меньше всех служащих и снабжаются крайне неправильно?»

«Сейчас у некоторых обществ оставлено по 11,5 пудов на едока; ни семье, ни скоту не оставлено. Спрашивается, не будет ли с ними поступлено так, как с Жиликовской волостью? Им же будут выдавать, когда начнут подыхать с голода».

«Скажите, пожалуйста, был ли декрет или приказ об изменении нормы, указанной в секретной инструкции центра, а также был ли такой приказ, чтобы уполномоченные по развёрстке производили кулачную расправу с членами РКП? Кроме того, будет ли выдаваться крестьянам семенной материал, сданный в государственную развёрстку или же его будут искать на местах из внутренней развёрстки?»

«Продработники на местах часто отбирают одежду, обувь у крестьян, как излишки, законно ли это?»

«Откуда полагается хлебная развёрстка из центра, или же центр только утверждает данные цифры местной властью? Если это так, то почему местная власть не считалась со стихийными бедствиями и полагала на волость непосильную развёрстку, выполнить которую крестьяне могли только тогда, когда они вы-

вели почти весь семенной и продовольственный хлеб, а теперь сами получают из продконторы?»

«Если картофель был заморожен для известной цели, то зачем же его раздавали населению, а не употребили для той цели, которую преследовали? И какую цель преследовали, замораживая картофель? Какая польза от того, что пшеницы всех сортов семенную осыпают в один амбар?»

«Вывозятся ли Советским правительством продовольственные продукты за границу и за что?»¹¹

Словом, тон вопросов свидетельствовал об оппозиционных к местной власти настроениях работников просвещения.

Что же касается В.А. Родина, то он также принимал участие в работе съезда. Причём задал целый ряд полемичных, острых вопросов, содержащих критику как внутренней, так и внешней политики большевиков в 1920-21 гг. Нам не удалось обнаружить документов, подтверждающих утверждение о том, что Родин в январе 1921 года выступил «со злобной и провокационной речью против нововведений в советской школе». А вот его вопросы и реплики по поводу ответов на них ответственных партийных и советских работников Ишимского уезда стоит привести полностью:

«Почему Камчатка отдана японцам?»

«В области поднятия сельского хозяйства какие меры принимаются?»

«В каком смысле совершается сейчас перелом в экономической политике, в смысле повышения или понижения?»

«Когда получатся благоприятные результаты от постановлений VIII-го съезда Советов?»

«В связи с концессиями Советского правительства и в соглашении с западно-европейскими капиталистами не усматривается ли банкротство Советской политики?»

Причём в прениях по последнему вопросу Родин доказывал «отрицательную сторону концессий, отмечая, что этим наносится удар революционному движению в западно-европейских районах, дав буржуям нажиться, они частичными подачками успокоят своих рабочих»¹².

Вполне очевидно, что В.А. Родин не сумел реализовать себя на профессионально-педагогическом поприще. 6 декабря 1920 года он написал заявление в уездный отдел народного образования с просьбой о переводе его в какую-либо школу первой ступени Ишимского уезда, в село Дубровное Налобинской волости или в село Соколовское. Своё желание он мотивировал следующим образом: «...Моя работа в школе второй ступени при настоящих условиях: отсутствие письменных принадлежно-

стей и пособий для учащихся, я не говорю уже об учащихся, — является не только бесцельной, но и вредной, как кажется всякому педагогу. В то время, как работая в школе первой ступени, я могу оперировать с одним алфавитом и добиться громадных результатов. Надеюсь, что во главе отдела стоят люди, понимающие, как истинные педагоги, что работать принудительно крайне нецелесообразно в области просвещения, а посему исполнят моё желание»¹³. Уже в этом заявлении вполне ощутимы независимость, принципиальность Родина — и в то же время очевидно, что его проект школьных преобразований не удался.

10 декабря 1920 года В.А. Родин, учитель налобинской школы 2-й ступени, направил ещё одно заявление в уездный отдел народного образования: «Ввиду предложения Лебедковским обществом наладить у них школьное дело и культурно-просветительную работу, прошу перевести меня в село Лебедки третьим учащим. Тем более охотно прошу отдел, что только по одной пожертвованной сумме на школу, можно судить об энтузиазме населения». Однако отдел народного образования посчитал нужным, согласно заявления председателя волподотдела, перевести его в Дубровскую школу первой ступени. Что и было, судя по резолюции, исполнено 24 декабря 1920 года.

Дошедшие до нас единичные документы указывают на то, что В.А. Родин был знаком с военным делом, служил в царской и, видимо, колчаковской армиях, проводил среди ишимского крестьянства антикоммунистическую агитацию, и, на наш взгляд, принимал участие в организации крестьянского восстания. Партийная принадлежность его до конца не прояснена. По крайней мере, в некоторых документах (например, сведениях об учащихся, погибших во время февральского восстания) он представлен как беспартийный¹⁴. Примечательно, что приказы Родина скреплялись печатью Налобинского волостного правления Ишимского уезда Тобольской губернии. Некоторые крестьянские сподвижники оценивали его морально-психологические и организаторские способности достаточно высоко.

Так, в отношении к «Главному штабу Народной сибирской армии», скреплённом печатью и подписями жителей сёл Налобино и Лебедки, давалась следующая характеристика: «... Владимир Алексеевич Родин есть действительно, по-нашему, самый энергичный человек. Весь наш боевой девиз и есть начат гр. Родиным. Он ещё при власти коммунистов вёл самую усиленную агитацию против коммунизма и в день восстания крестьянства очень прилежно взялся за это правое дело, тем более, гр. Родин вёл

Оружие повстанцев – шашка, револьвер, винтовка, обрез, штыки, зубья от борон – в экспозиции Ишимского музея. Ноябрь 2005. Фото Г.А. Крамора.

в казачестве очень усиленную агитацию в 1919 и 1918 гг., где приобрёл себе доверие, а почему и принял на себя этот великий пост начальника Народной Сибирской Армии по просьбе нашего местного населения, которому подчинились все командующие Народными Армиями от Ялуторовска, Тюмени и Омска. Казачество тоже признало за Верховного Правителя...»¹⁵

В письме некоего В. Савина от 20 февраля 1921 года, адресованном члену районного бюро повстанцев М.И. Русакову, содержался такой отзыв: «О Родине сообщу, это учитель школы

Расстрел повстанцами своего командира В.А. Родина у села Уктуз. Фрагмент настенной росписи. 2001. Масло. Художник Р. Симанов. ИКМ.

второй ступени, человек с образованием, энергичный и, как видно по его работе, можно надеяться, боевой малый. В случае неудачи где-либо, он немедленно выезжает сам, не волнуясь, направит и получается успех. С военным делом знаком. С моей стороны сомнительного нет. О других его товарищах скажу, что это трусы. В случае чего, так они растеряются и людей переполохают»¹⁶.

Непредсказуемая игра судьбы вынесла Владимира Родина на самый гребень восстания. В повстанческой Народной армии он занимал должности начальника Петропавловского боевого участка – с 10 февраля 1921 года (согласно его же приказа № 2, вышедшего в селе Налобинском), а затем начальника, командующего Сибирского фронта – с 18 февраля 1921 года (приказ 4 пехотного полка № 9)¹⁷. Реально же его власть не простиралась далее южной части Ишимского и севера Петропавловского уездов.

Из содержания опубликованных приказов, подписанных им, в том числе наиболее известного приказа № 30 от 20 февраля 1921 года (с. Петухово)¹⁸, можно судить о проводимых мероприятиях со стороны командования мятежников, и прежде всего В.А. Родина, по реорганизации повстанческой армии. В целях повышения боеспособности и укрепления воинского духа решено объединиться с Сибирским казачьим войском, провести формирование регуляр-

ных воинских частей, свести отдельные, разрозненные отряды в роты, батальоны, полки, дивизии. Волостные и сельские штабы, малкие штабы армий расформировывались, их функции переходили к волостным и сельским комендантам. В своём приказе начальник Сибирского повстанческого фронта Родина также предписывал передать обязанности милиции выборным представителям населения, организовать следственные комиссии для разбора дел арестованных, всех замеченных в расхищении народного добра из складов немедленно расстреливать, семьи расстрелянных коммунистов взять под строжайший надзор. Впервые предпринимались меры и к укреплению тыла мятежников. Повстанцы пытались добиться победы.

Однако под мощным натиском регулярных частей Красной Армии с конца февраля 1921 года наступил перелом борьбы. 3 марта разгромлено ядро Петуховской группы повстанцев, 4 марта возобновилось прерванное на этом участке железнодорожное сообщение. В ходе наступления красных частей казачий район был оторван от крестьянского. Одновременно под Ишимом в ходе ожесточённых и упорных боёв с применением артиллерии в начале марта опорокинута «Ишимская народная армия»¹⁹.

В это же время (судя по отношению Уктузского повстанческого штаба от 28 февраля 1921 года, на которое ссылался в докладе командир 85-й стрелковой бригады Н.Н. Рахманов), в кон-

це февраля, погиб от рук мятежников и Владимир Алексеевич Родин. Среди повстанцев нарастали деморализация и раскол, остро проявлялось недовольство командованием. Родин был заподозрен в измене, арестован, раздет донага и перед смертью подвергнут жестоким пыткам, после которых сознался, что «он, Родин, партийный», есть и другие, которые работают ещё лучше»¹⁰.

Так трагически оборвалась жизнь сельского интеллигента, учителя, который пытался воплотить свои амбициозные планы, живя и работая среди крестьянства.

На службе у восставших крестьян оказались и некоторые другие работники образования. Например, учитель математики Юдино-Вознесенской школы 2-й ступени Свидаерский, который был мобилизован повстанцами вместе с другими учителями и работал в следственной комиссии как секретарь. Всего же, по данным Ишимского уездного отдела народного образования, в ходе февральского восстания 1921 года погибло 30 учителей¹¹, большинство из которых являлись коммунистами.

Один из историков крестьянского движения в гражданскую войну эсер Евгений Колосов справедливо отмечал, что вопрос об интеллигенции и об отношении к ней повстанцев был с 1917 по 1922 годы большим вопросом общественной жизни в Сибири. «За всё это время в Сибири, — писал он, — интеллигенции погибло очень много, головной мозг страны ампутировался. Она гибла всюду, от Петропавловска до Якутска, от Кузнецка до Сургута, и порой при очень трагических обстоятельствах. Слишком часто там интеллигенты играли роль без вины виноватых и своей жизнью платили за чужие грехи и ошибки»¹².

Примечания

1 Богданов М.А. Разгром западносибирского кулацко-эсерского мятежа 1921 года. — Тюмень, 1961. — С. 31, 66, 71.

2 Точнее — духовного училища (прим. ред.).

3 Бударин М.Е. Чекисты. — Омск, 1987. — С. 193-194.

4 За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание 1921 г. в Тюменской губернии. Сб. док. / Сост. В.И. Шишкин. — Новосибирск, 2000. — С. 654; Сибирская Вандея. 1920 — 1921. Документы. В 2-х тт. Под ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. В.И. Шишкин. — М., 2001. — Т. 2. — С. 670.

5 ГУ ТО «Госархив в г. Ишиме». Ф.12. Оп. 1. Д. 698. Л. 4.

6 Там же. Д. 50. Лл. 55-56.

7 Там же. Л. 57.

8 Там же. Д. 43. Л. 16 с об.

9 Там же. Д. 45. Л. 25.

Памятный знак жертвам трагических событий 1921 года, установленный к 80-летию восстания.

Ишим. Июль 2003. Фото Г.А. Крамора.

10 Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 99а.

11 Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 98. Л. 9 с об.

12 Там же. Л. 3 с об.

13 Там же. Д. 698. Л. 1 с об.

14 Там же. Д. 101. Л. 64 об.

15 Сибирская Вандея. Т. 2. С. 670; РГВА. Ф. 1345. Оп. 2. Д. 17. Л. 338.

16 Там же.

17 ГУ ТО «Госархив в г. Ишиме». Ф. 18-сч. Оп. 4. Д. 6. Л. 28.

18 За Советы без коммунистов. С.242-243.

19 Померанцев П. Красная Армия Сибири на внутреннем фронте (борьба с восстаниями в тылу за 1920-22 гг.) // Красная Армия Сибири. — 1923. — № 3-4. — С.91-92.

20 Сибирская Вандея. Т. 2. С.646; РГВА. Ф.1345. Оп. 2. Д. 17. Лл. 14об.-15.

21 ГУ ТО «Госархив в г. Ишиме». Ф. 12. Оп. 1. Д. 101. Л. 64 об.

22 Колосов Е. Крестьянское движение при Колчаке // Былое. — 1922. — № 20. — С.253-254.

Учительница Мария Гавриловна Канахина

Хотя прошло уже более тридцати лет со дня её ухода из жизни, до сих пор многие ишимцы помнят эту невысокую худенькую немолодую женщину с рулоном картин под мышкой, спешащую в школы, училища, на фабрики, заводы, комбинаты и другие учреждения города.

Бывшая слушательница Высших женских курсов в дореволюционном Петрограде, выпускница Омского пединститута, учительница с почти пятидесятилетним стажем работы, до самых последних дней своей жизни она оставалась, по высказыванию профессора М.Ф. Калининой, «классической идеалисткой, восторженно влюблённой в Великую русскую литературу и искусство», «нагляднейшим образцом идеального учителя литературы и русской интеллигентки в высшем смысле этого слова», «удивительного по своей талантливости преподавателя литературы и искусства», стоявшей у истоков курса «История живописи» в Ишимском пединституте и бывшей «его первым и самым блистательным из лекторов».

На пороге собственного 80-летия она читала лекции школьникам, студентам, рабочим, служащим, жителям сельской местности. И в эти годы сохраняла трезвый ум, хорошую память, эмоциональность, оптимизм и необыкновенную доброту по отношению к окружающим. А еще она любила рассказывать сказки (русские народные и литературные, волшебные сказки разных народов, сказки современных писателей) самым маленьким слушателям из детских садов и ребятишкам начальных классов.

А жизнь была трудной и порой трагичной. Как и у многих.

Мария Гавриловна Канахина родилась 26 января (6 февраля) 1893 года в городе Кокчетаве Акмолинской области в семье медицинского сотенного фельдшера Гавриила Прокопьевича Чукреева и его законной жены Прасковьи Григорьевны, что засвидетельствовано в метрической книге кокчетавской Георгиевской церкви.

Отец, Гавриил Прокопьевич, в 1897 году сдал экстерном экзамены за курс лесной школы. И работал в лесном ведомстве с 1898-го до самой смерти в 1944-м. Сначала помощником лесничего, а затем лесничим. Однако фельдшерскую деятельность не оставлял. Из окрестных сёл, деревень к нему постоянно приезжали крестьяне, и богатые, и бедные. В помощи фельдшер-лесничий никогда не отказывал. Лечил бесплатно. Редко кому из пациентов удава-

Гавриил Прокопьевич и Прасковья Григорьевна Чукреевы с дочерью Машей, двух с половиной лет, 1895. Фото А.И. Кочешева (Курган).

лось в знак признательности передать его жене килограмм-другой муки или баночку лесных ягод для детей.

А медиком он был отменным. Так, когда в 1920 году началась эпидемия холеры, из его округа погиб только один больной. И то — лишь потому, что его не успели довести до Алексеевки, где жил Гавриил Прокопьевич. Все остальные выздоровели, встали на ноги.

Мать, Прасковья Григорьевна, была домашней хозяйкой. Женщина умная, властная, начитанная. Она хорошо ориентировалась в литературе, всегда имела собственное суждение; иногда противоположное общепринятому. Никакого специального образования не имела.

В семье было семеро детей: шесть дочерей и сын. Одну из девочек, Юлию, по ошибке отравили, когда она жила на частной квартире, учась в гимназии. Антонина умерла после рождения первенца. Шура, выйдя замуж за большевика, которого не приняла родительская се-

мья, уехала из дома. И никаких известий от неё не получали. А Мария, Любовь, Павел и Вера дожили до глубокой старости.

Детство старшей дочери, Марии, прошло на лоне природы. Семье лесника часто приходилось переезжать с места на место. Лесные зоны теперешних казахстанских курортов Борового, Щучьего, хутор Алексеевка – это места, где семья Чукреевых жила долгие годы. А глава семьи чувствовал себя хозяином здешних мест, ответственным за природу и за людей. Свежий воздух, лесные дары, отсутствие городской суеты, неспешный ритм жизни способствовали формированию крепкого, доброго человека, который, наверное, никогда не нарушил ни одной христианской заповеди.

Жажда знаний у Марии уже в малом возрасте была сильной. Родители не противились ее желанию учиться.

С 1902 по 1907 год она училась в Акмолинском Мариинском женском училище. В 1907-м поступила в Петропавловскую женскую гимназию, с 1910 по 1912 годы обучалась в Омской 1-й женской гимназии. Обязательными предметами были Закон Божий, русский язык и словесность (с изучением церковнославянского языка), география всеобщая и русская, естественная история, история всеобщая и русская, физика, чистописание, рукоделие. Необязательные предметы гимназического курса – педагогика, гигиена, немецкий и французский языки, чтение, рисование.

Аттестат, полученный после окончания гимназии, давал право выпускнице работать учителем в училище или гимназии, «с распространением на неё прав и преимуществ, предоставленных статьёй 45 Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства Народного Просвещения, Высочайше утверждённого 24 мая (5 июня) 1870 года и статьёй 12 Мнения Государственного Совета по вопросу о специальных испытаниях по Министерству Народного Просвещения, утверждённого 22 апреля 1868 года». Аттестат получен 5 июня 1911 года. После окончания гимназии Мария Гавриловна Чукреева проработала до 1914 года учительницей русского языка в Акмолинском Мариинском женском училище.

Хотелось учиться дальше. Но возможности помогать в учёбе дочери у родителей не было. Приходилось рассчитывать на собственные силы. В августе 1914 года Мария отправилась в дальнее путешествие в неведомый Петроград. Поступила на Высшие женские Историко-филологические курсы Раева, что на Гороховой улице. И в течение трёх с половиной лет слушала лекции. Днём училась, а ночами работала в качестве машинистки в редакции различных га-

Мария Чукреева – слушательница Высших женских курсов. Петроград. 1917.

зет (в том числе – большевистской «Правды» и меньшевистских изданий).

Петроградская жизнь была интересной, насыщенной. Хотя с трудом разбиралась молодая барышня в происходящем. Симпатию вызывала и царская семья, свободно гуляющая по Дворцовой площади в окружении небольшой группы приближённых (Николай II с Александрой Феодоровной, их дочери и сын Алексей, которого возили на коляске). Нравилась и зажигательные речи А.Ф. Керенского, которые собирали огромное количество молодёжи и которые убеждали в правоте мыслей оратора. А работая в редакции «Правды», приходила к мысли о необходимости социального равенства и справедливости...

На курсах Раева занятия вели университетские профессора: лингвисты, литературоведы, историки. Особенно Мария Гавриловна любила вспоминать академика Л.В. Щербу, который читал у них языковедение. Она помнила практическое задание, которое выполняла на экзамене – транскрибировать предложение: «Ах ты, гулёна», – сказала тётка, встречая племянницу в дверях» (оценка была отличной).

Любила молодая курсистка театр, музыкальные и поэтические вечера. Слушала русского

Илья Фёдорович, Мария Гавриловна, Николай (младший сын), Елизавета Анфиногеновна Канахины. Черлак. 1941.

лирического тенора Леонида Витальевича Собинова и русского баса Фёдора Ивановича Шаляпина, обладавшего исключительным по красоте голосом и выдающимся драматическим дарованием. А с Владимиром Маяковским встречалась в редакции газеты, куда молодой поэт приносил стихи...

Закончить Высшие женские курсы не удалось. Октябрьская революция в 1917-м многое переменяла в жизни. Неясным стало будущее курсов. Из Акмолинска приехал жених – Илья Фёдорович Канахин, в недалёком прошлом офицер, а теперь скрипач, регент церковного хора и учитель, который получил это звание ещё в 1906 году после окончания Акмолинского городского училища. Они обвенчались и уехали на родину, где прожили до 1932 года.

В семье Канахиных было 18 человек. Жили все вместе, крепкой зажиточной семьёй. Мария Гавриловна работала учительницей русского языка и литературы в школах Акмолинска, в Высшем начальном женском училище.

В 1932 году в Омске открылся педагогический институт. И семья Канахиных уехала из Акмолинска (теперь этот город – столица Казахстана, Астана). Мария Гавриловна поступила на факультет литературы и языка. Опять ночами работала, а днём училась. Заочной формы обучения она не признавала.

В семье подрастало трое детей – два сына и дочь. Снимали маленькую комнатку в частном доме. Жили впроголодь. Хлеб получали по карточкам. Чаще варили картофельный суп без мяса и рыбы... Но трудности четырёх лет были преодолены. Государственные экзамены сданы: русская литература, русский язык, мировая литература – на «отлично», а письменные испытания (сочинение) и педагогика – «хорошо». 1936 год – диплом и назначение преподавателем языка и литературы в среднюю школу районного центра Черлак Омской области. До 1942-го

Мария Гавриловна проработала в Черлакской школе. А затем по собственному желанию переведена в среднюю школу зерносовхоза «Коммунист» того же района. Здесь легче было выжить во время войны.

«Товарищ Канахина замечательный педагог, она отлично организует педагогический процесс», – свидетельствует выданная ей характеристика. – «Её уроки всегда являются полноценными и качественными, так как она тщательно, добросовестно готовится к ним. С большой готовностью она оказывает помощь молодым учителям не только своей школы, но района в целом... Каждый её урок обставляется наглядными пособиями, умело подобранными по теме. Большую работу ведёт педагог за грамотность... Мария Гавриловна – хороший чуткий товарищ».

Во время войны учительница потеряла сыновей и мужа. Дети погибли на фронте. Старший, Костя, учился в Томском институте инженеров железнодорожного транспорта. На действительную срочную службу в армию его призвали в 1939 году – отсрочек студентам тогда не давалось. А когда началась война, сразу попал на фронт. Погиб в боях под деревней Беловинцы Людиновского района Смоленской области в июле 1943 года.

Младший, Николай, когда началась война, вместе с другими подростками бегал с игрушечным автоматом по улице – худенький, подвижный, шаловливый... А в начале 1942-го, семнадцати лет ушёл на фронт. Сначала – учёба в Омске. Был доволен, что «изучили винтовку самозарядную и ручной пулемёт». И переживал, что вырос маленький, не пришлось ему по плечам ни гимнастёрка, ни шинель. После отправки на фронт от него шесть месяцев не было никаких известий. Потом пришло письмо от товарища, который писал, что Коля умер от потери крови после ранения в руку. Не была оказана медицинская помощь, рядом были необученные ребята... и летели снаряды. Где его могила и есть ли она, никто не знает. Было это на Калининском фронте.

Марию Гавриловну спасала работа. Она давала материальную основу существования, она приносила большое удовлетворение, она исцеляла душу, отвлекала от мрачных мыслей. Жили тяжело, но учительница не жаловалась. «Мы живём ладно, не голодаем, хлеб есть, картошка пока есть, но нет ни мяса, ни жиров. Нашей с отцом зарплаты хватает только на 400 граммов масла. И поэтому всегда крупный разговор по поводу того, на что лучше деньги истратить – на 400 граммов масла или на килограмм мяса. Спорим, спорим, но ни того, ни другого не купим», – писала она дочери.

Педагогический коллектив ж.д. школы № 31. Во втором ряду, 4-я справа – М.Г. Канахина, 5-й – директор П.Д. Белозёров. Ишим. Нач. 1950-х.

Работая в Черлакской школе, Мария Гавриловна активно занималась просвещением сельского населения. «Сегодня собираюсь на второе отделение «Коммуниста», вёрст за 12 отсюда. Обещали заехать в 4 часа на лошади. Буду читать лекцию о Суворове. Придётся ночевать. Это неприятно. Плохо сплю в чужой квартире, у чужих людей. Ну да куда ни шло. Ночью ехать страшно: волков много, бегают стаями. Утром к первым урокам не успею – перенести хотят на 4 или 5-ый... Вскоре повезут на 4-ое отделение. Оно дальше – километров 30... И там волки ночами рыщут» (из письма, февраль 1942-го).

Дочь Шура в начале войны, на последнем курсе пединститута, вышла замуж за ишимца. Его взяли на фронт. А после его демобилизации из действующей армии в 1946 году она поехала на родину мужа. Вместе с нею переехала мать. У Шуры родилась дочь. Мария Гавриловна очень привязалась к внучке, которую воспитала и с которой жила до самой смерти.

Последние восемь лет перед пенсией, в 1949-57 годах, Мария Гавриловна работала учителем русского языка и литературы средней школы № 31 станции Ишим. Замечательный коллектив возглавлял прекрасный человек и педагог Пётр Дмитриевич Белозёров. В это вре-

мя в школе работали Михаил Константинович Свидерский (химик, завуч), Раиса Сергеевна Туманова и Мария Илларионовна Жукова (историки), Ольга Спиридоновна Фоменко, Нина Николаевна Ащеулова, Валентина Алексеевна Вершинина (математик), Анна Ивановна Семкина (географ), Надежда Николаевна Бурдина (преподаватель астрономии, внучатая племянница художника Сурикова), Людмила Никаноровна Черноок и Мария Фёдоровна Калинина (литераторы), Эмма Христиановна Эльзессер (преподаватель немецкого языка), Иван Терентьевич и Юлия Матвеевна Гуржей и многие другие отличные специалисты, интеллигенты, умные, справедливые, любящие детей и работу.

Мария Гавриловна быстро вошла в коллектив, у неё сложились добрые, доверительные отношения с учениками. Её уроки были насыщенными, интересными. Многие поэтические и прозаические произведения она знала наизусть, могла цитировать часами классиков. Она неплохо рисовала. И многие иллюстрации к произведениям литературы исполняла сама. Часто на своих уроках использовала музыкальные произведения.

Вот отрывок из заметки районной газеты от 8 марта 1941 года об уроке М.Г. Канахиной в Черлакской средней школе: «Перед полной ауди-

Мария Гавриловна и её маленькие слушатели – читатели детской библиотеки.
Ишим. 1960-е.

торией учителей и учеников 8 класса преподаватель тов. Канахина красочно рисует образ одного из героев романа, поэта-мечтателя Ленского. Слушают арию Ленского «Куда, куда вы удалились» из оперы Чайковского «Евгений Онегин» и заключительную сцену дуэли Ленского с Онегиным. Музыка великого русского композитора в передаче грамзаписи оказывает большое впечатление. На доске две картины – дуэль и гибель Ленского, исполненные силами художников – учащихся школы – дополняют воображение учащихся.

Пушкинский текст романа в музыкальном оформлении Чайковского эмоционально заражает учащихся, воспитывает в них чувство красивого, учит овладевать великим культурным наследием прошлого.

Всё это можно сказать и о тех уроках, которые учительница проводила в Ишиме. «Часами она читала своим ученикам наизусть (по памяти) роман «Евгений Онегин», от первой до последней строчки, первые шесть глав поэмы «Мёртвые души» и многое другое (это был её конёк). До утра готовясь к урокам, сама рисовала портреты писателей и литературных героев, как видела их, конструировала и лепила из папье-маше макеты – и домики Арины Родионовны в Михайловском, и снаряжение русичей-

дружинников князя Игоря из «Слова о полку Игореве», и многое другое, засиживаясь со своими учениками-помощниками допоздна в школе после второй смены» (из воспоминаний М.Ф. Калининой).

Литературные вечера проводились регулярно, готовились тщательно силами учащихся школы. «До сих пор отлично помню Пушкинский вечер, где были представлены «Русалка» и сцены из «Евгения Онегина», Гоголевский вечер с «Ревизором», вечер, посвящённый Фонвизину, когда на школьной сцене была поставлена пьеса «Недоросль» с незабвенной Евгенией Самко, к сожалению, рано ушедшей из жизни...» – вспоминает внучка Марии Гавриловны, которая всегда сопровождала бабушку в школу на уроки и внеклассные мероприятия.

В школе выпускался литературно-художественный журнал под руководством М.Г. Канахиной. В нём помещались стихи и небольшие рассказы, написанные учениками, портретные викторины и викторины по творчеству писателей (Толстой, Пушкин, Тургенев), кроссворды, «орфоэпические заметки», «этимологические страницы» и так далее.

Ребята с увлечением работали в редколлегии. Редактором первых номеров был Красноженов, художниками – Агеев и Горбунов, ответ-

ственным секретарём – Степанова. У Марии Гавриловны была хорошая библиотека, насчитывавшая не одну тысячу книг. Посещали её ученики, коллеги, соседи.

Учащиеся долго помнили (да и сейчас многие помнят) свою немолодую учительницу, и она помнила их. Часто приходили письма от бывших выпускников, и сами ученики были желанными гостями в доме Марии Гавриловны. Среди выпускников – люди самых разных профессий и специальностей. Так, Геннадий Овчаренко, закончив Московский авиационный институт, остался там работать преподавателем, защитил кандидатскую диссертацию. Юрий Ерёмин стал журналистом, Маша Черкасова, Валя Рак, Виктор Маслаков, Людмила Знайко, Роза Скоробогатова (Загневва) – учителями. Невозможно всех перечислить и вспомнить.

И неважно, где они потом учились (в МГУ, как Лиля Лохмоткина или А. Дейкалов, или в ИГПИ, который закончили многие учащиеся 31-й школы) или не учились дальше – всех любила учительница, всех помнила и верила в них.

Она была бескорыстным человеком. За небольшой срок Мария Гавриловна сменила три или четыре места жительства. А в то время государственных квартир почти никому не давали. Но в 1954 году Пётр Дмитриевич Белозёров объявил решение профкома о том, что ей выделена квартира. И получил неожиданный ответ: «Пётр Дмитриевич, я хорошо живу. Мы с бабушкой и внучкой снимаем комнату в частном доме. Хозяева хорошие. У нас ведь есть люди, которые нуждаются больше, чем я». Белозёров всё-таки настоял на получении ордера.

После ухода на пенсию Мария Гавриловна не смогла расстаться со школой. Она часто заменяла учителей, когда они болели или куда-то уезжали. Но основное увлечение последних 15 лет жизни – чтение лекций по живописи, музыке, литературе в различных аудиториях. Её, наверное, знал каждый второй в нашем небольшом городе. Она читала до четырехсот лекций в год бесплатно, на общественных началах. И получала от этого удовольствие. Были и выездные лекции – в села Ишимского района, а также в другие районы Тюменской области.

Она никогда не переставала учиться и пополнять свой жизненный и интеллектуальный потенциал. Когда в Ишиме открылся педагогический институт, она, имея блестящую филологическую подготовку, ходила на лекции к Н.С. Шаралкову и М.Ф. Кардо-Сысоевой – очень разным специалистам в области литературы. Николай Степанович в своих лекциях интересно освещал идеологические проблемы современной литературы и необычно подходил к толкованию ряда проблем литературы классичес-

кой. Марина Фёдоровна отличалась демократичностью взглядов, открытостью характера, великолепным знанием зарубежной литературы, аристократизмом XIX века.

Мария Гавриловна всегда следила за новой литературой, за изменением норм литературного языка, сравнивая лингвистические данные словарей дореволюционных и современных. Имея обширное собрание книг, она была постоянным читателем всех городских библиотек. Читала всегда и постоянно готовила новые лекции по различной проблематике. Даже когда в последние недели своей жизни она не вставала с постели и близкие люди знали, что она не поправится, она готовила лекцию к 100-летию юбилею Ф.И. Шаляпина. А родные читали ей сотни страниц из двухтомника «Шаляпин. Литературное наследство».

За свою работу Мария Гавриловна Канахина в 1944 году награждена орденом «Знак Почёта», в 1951 – медалью «За трудовую доблесть». И, в течение всей жизни, – огромным количеством Почётных грамот и других знаков отличий. О ней много писали в газетах. Опытный наставник, чуткий и отзывчивый человек, способный в любую минуту прийти на помощь, она помогала учебной, художественной, методической литературой, давала полезные советы по художественному и эстетическому воспитанию молодым коллегам.

Она одинаково интересно и увлекательно говорила о творчестве А.С. Пушкина и А.П. Чехова, Дж. Байрона и Ф. Шиллера, И.Е. Репина и В.Г. Перова, М.П. Мусоргского и П.И. Чайковского... Тематика её лекций была необычайно разнообразной. В середине 60-х годов она была командирована в Третьяковскую галерею, а в начале 70-х её портрет поместили на Доску почёта в Москве, отметив её как лучшего лектора по искусству в Тюменской области.

Во многих школах Ишима в 60-70-е годы были организованы «малые Третьяковские галереи». Дети-экскурсоводы с указками в руках переходили от картины к картине, давая им полную характеристику. Это были ученики Марии Гавриловны. Она же вела рубрику о художниках-передвижниках в газете «Ишимская правда».

Отличная мать, бабушка, она отдавала сердечное тепло своим близким, детям, внукам. И за 20 лет совместной жизни в коммунальной квартире ни разу не вступила в конфликт с соседями. Напротив, помогала им, особенно при рождении малышей.

Человек широкой души, Мария Гавриловна Канахина умерла 16 апреля 1973 года.

Фото из архива Н.К. Метелёвой.

Против родной стране обиду...

Герой Советского Союза Николай Фёдоров

В новой книге «Солдаты Победы», изданной в Тюмени в 2004 году, Герой Советского Союза Николай Григорьевич Фёдоров занимает почётное место – но среди героев Тюмени.

А родился он в деревне Сорочкиной Ишимского района. Из Ишима же ушёл сразу на две войны, Сначала на финский фронт, в 1939 году. Следом – на Великую Отечественную. Освободил Варшаву, дошёл до Берлина. После войны закончил Ленинградскую артиллерийскую школу. Вернулся в Ишим на военную службу.

Поэтому отсутствие имени Н.Г. Фёдорова на страницах такого солидного издания о нашем городе как «Сибирский форпост России» воспринимается как досадная ошибка. Досадная, но закономерная. Так, в 1967 году в «Ишимской правде» от 9 мая была напечатана заметка о нашем герое, – а вот некролог в 1977 году вышел лишь в областной «Тюменской правде».

В итоге к началу нового XXI века Герой Советского Союза Н.Г. Фёдоров оказался никак не связан с нашим городом. А между тем здесь до сих пор живут две родные сестры Николая Григорьевича – Нина Бельтикова и Елена Курышева, а также его племянники и племянницы. Сохранился и дом № 38 на улице Большой Садовой, где жил Н.Г. Фёдоров после женитьбы; здесь подрастали его сыновья Юрий и Владимир.

Более того, в деревне Сорочкиной под Ишимом сохранился единственный старинный дом – дом, отстроенный из кирпича дедом Героя. На нём – красная звезда из жести и мемориальная доска. Селяне хранят память о герое-земляке.

Дом этот – свидетель драматических событий в жизни семьи, обустроивавшей его не один десяток лет. Ведь история подобна реке, способной в одночасье круто изменить свой русло.

Николай Григорьевич Фёдоров родился в 1918 году, в большой дружной семье. Его отец Григорий Иванович разводил и продавал скот, обрабатывал землю. Однако в колхоз вступил одним из первых; рабочие лошади, скот, сельхозинвентарь были обобществлены. Но это не спасло его от раскулачивания в 1931 году. Видно, надо было выполнять разнарядку, а в каменных хоробах, посчитали, могут жить только «кулаки». Семерых человек изгнали из родного дома. Причём раскулачивали, судя по анкете из архива, даже и не Григория Ивановича, а его отца. До революции он действительно имел боль-

*Семья Фёдоровых: Иван Кузьмич с супругой (сидят) и Григорий Иванович с супругой (стоят). Ишим. Нач. XX в.
Фото Н.А. Лузынова.
Из архива семьи Фёдоровых.*

шое хозяйство, но к тому времени уже скончался.

Спасла семью от голодной смерти соседка, шепнувшая хозяйке, что отбирают буквально всё имущество. Мать успела припрятать вышитые полотенца, постельное бельё из приданого. А потом выменивала его на хлеб. Как вспоминает Нина Григорьевна, ей с братом Николаем порой приходилось просить милостыню. Было «обидно и стыдно». Семью отправили в изгнание в неизвестность. Даже в справке о реабилитации так и указано: место и точные сроки ссылки не установлены. «Идите на все четыре стороны», – вот и весь сказ.

Ну как не вспомнить тут строки известной песни Евгения Евтушенко: «Дай Бог, чтобы твоя страна тебя не пнула саложищем...»

Справедливость, впрочем, восторжествовала. Спустя три года сельский совет возглавил

Единственный оставшийся в деревне Сорочкиной старинный дом – кирпичный «особняк» Фёдоровых. Июль 2006. Фото Г.А. Крамора.

Михаил Михайлович Женихов. Он разыскал в Омской области семью Фёдоровых. Передал им свидетельство о невинности за подписью односельчан и уговорил вернуться назад. Но Фёдоровы, памятуя о пережитом, не решились пойти в разорённый родной дом и заняли одну из избушек, предложенных колхозом.

В Сорочкино вернулись всей семьёй. Но через полтора года, в возрасте 37 лет скончался глава семьи: годы скитаний не прошли бесследно. Подросший Николай стал работать трактористом в колхозе. Отсюда же был призван на действительную военную службу Ишимским райвоенкоматом Омской области.

И сразу же попал на войну: сначала на советско-финскую, потом – на Великую Отечественную. Воевал на Западном, Первом и Втором Белорусском фронтах. Был назначен командиром батареи 57 артиллерийского полка 95 стрелковой дивизии. В ноябре 1941-го тяжело ранен. Полгода врачи в госпитале боролись за жизнь молодого бойца и выходили его. Николай был награждён медалью «За отвагу», позднее – двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Александра Невского, орденом Красной Звезды.

«...На Берлинском направлении, находясь в боевых порядках пехоты, под непрерывным огнём противника, пренебрегая опасностью, рискуя жизнью, командовал батареей прямой наводки. При этом подбил 3 танка и 3 самоходных орудия, подавил огонь трёх орудий ПТО, 4 станковых пулемёта, рассеял и частично уничтожил до роты пехоты противника, после чего наша пехота имела успех и овладела деревней Маркендорф.

В бою за деревню Хоевалде старший лейтенант Фёдоров огнём батареи прямой наводкой уничтожил 2 орудия ПТО, подбил 6 танков и 2 самоходных орудия и уничтожил до 100 солдат и офицеров противника.

В бою за деревню Биген огнём батареи подавил миномётную батарею, разрушил 1 ДЗОТ, подавил огонь 3 орудий прямой наводки, подбил 12 автомашин, рассеял и частично уничтожил 150 солдат и офицеров противника».

За этими скупыми строками представления к награде, составленного 2 мая 1945 года – путь, каким становились героями. Этот путь – четыре года ежедневной битвы со смертью.

Указом Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года старший лейтенант Николай Григорьевич Фёдоров удостоен высшей награды страны – звания Героя Советского Союза, с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». В тот год ему исполнилось 27 лет.

И здесь самое время поразмышлять о природе героизма советских солдат. Героизм этот известен всему миру. Поэтому одиозно и даже кощунственно звучат слова: «Миллионы русских солдат сдались в плен Гитлеру потому, что многие таким образом проголосовали против Сталина и советского режима». Пусть даже принадлежат эти слова известному художнику Ильё Глазунову.

Так что же удержало миллионы солдат от мести государству за несправедливое раскулачивание? Только любовь к родной земле, к матери, к близким людям. И вера в то, что у их родины – большое будущее. Стоит заметить,

Николай Григорьевич Фёдоров – Герой Советского Союза. 1945. Из архива семьи Фёдоровых.

что на той же войне героически погибли дядя Николай Григорьевича – Николай Иванович Фёдоров и его сын Василий.

После войны Н.Г. Фёдоров вернулся в Ишим. Затем получил назначение на год на службу в Германию. А с 1949 по 1956 годы, после окончания Высшей артиллерийской школы, командовал батареей артиллерийского полка, расквартированной в нашем городе. Затем переведён в Красноярск, после – в посёлок Заозёрный. В 1963 году назначен военкомом города Тюмени.

В 1969 году уволен из армии в запас. Общий стаж службы в Вооружённых силах составил тридцать лет. До самой смерти в 1977 году наш земляк работал на моторном заводе начальником отдела кадров.

Человечный и доброжелательный, Николай Григорьевич располагал к себе всех, знавших его. Именем Фёдорова названа одна из улиц областного центра (такой чести удостоены шесть тюменских Героев Советского Союза). И в «Книге памяти» Ишима, среди Почётных граждан города наши герои должны занять своё неизменное место. Ведь защищали они не только государство – Советский Союз – но и малую родину. Которая растит героев, несмотря на самые лютые времена.

О.Н. САМСОНОВА

Министр культуры Юрий Серафимович Мелентьев

В феврале 2004 года из Министерства культуры России в фонды Ишимского историко-краеведческого музея поступила копия личного дела Юрия Серафимовича Мелентьева, бывшего министром культуры РСФСР с февраля 1974 по август 1990 года. В личном деле находятся сведения о семейном положении, наградах, зарубежных командировках, автобиография и послужной список.

Дело Мелентьева заинтересовало нас не случайно. Администрация Ишима часто обращалась к министру за советами и никогда не встречала отказа. К тому же с 1975 по 1990 годы Юрий Серафимович избирался депутатом Верховного Совета РСФСР от Тюменской области и приезжал в Ишим к избирателям не только с отчётами, но и с новыми идеями и предложениями.

Ю.С. Мелентьева судьба свела с нашим городом в 1975 году. Тогда, когда возникла проблема с установкой памятника Ленину на центральной площади.

Дело в том, что первая бетонная скульптура вождя появилась там ещё в 1930 году. Уже через двадцать лет, от времени и под воздействи-

ем климата, материал стал разрушаться. Детали фигуры приходилось восстанавливать, как говорится, по наитию. От этого бетонный Ленин становился непропорционально широким и терял первоначальный облик. Наконец, в 1965 году на заседании горкома партии решили установить новый памятник. И началась десятилетняя эпопея: то худсовет не принимал предложенный проект, то просил доработать, прежде чем утверждать в министерстве. Но самым долгим оказался поиск литейного завода, работу которого Ишим был бы в состоянии оплатить. Какие средства могли быть у провинциального городка с населением в 65 тысяч человек?

В 1975 году администрация Ишима решила обратиться за помощью в министерство культуры. Юрий Серафимович Мелентьев, прекрасно понимая нужды города, предложил не затягивать процесс изготовления от макета до бронзового изваяния и воспользоваться уже готовой формой, созданной по проекту маститого скульптора Николая Томского. Скульптуру отлили на фабрике художественного литья в Мытищах. 5 ноября 1976 года новый памятник в Ишиме открывал сам министр. Причём его ведомство оплатило и большую часть стоимости монумента.

Депутатский значок и удостоверение Ю.С. Мелентьева, депутата ВС РСФСР от Ишимского избирательного округа. 1985. Из фондов ИКМ.

В 1974 году, сразу по вступлении на пост министра, Юрия Серафимовича впервые избрали депутатом в Верховный Совет РСФСР от Тюменской области. От разных регионов нашей области он избирался четыре раза. Супруга Мелентьева Наталья Ивановна вспоминает, как однажды Юрий Серафимович поделился: «Представляешь, Наташа, меня будут избирать в селе Бердюжье. Какое красивое название!»

С этого времени Юрий Серафимович стал частым гостем в Ишиме. В фондах ИКМ хранится предвыборная листовка кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР по Ишимскому избирательному округу № 772 Ю.С. Мелентьева. Листовка отпечатана для кампании 1985 года. Наверное, справедливо, что в музее хранится не только листовка, но и удостоверение депутата, выданное Мелентьеву.

Горожане и сейчас вспоминают добрую улыбку Юрия Серафимовича, его замечательную способность слушать. Врач детской поликлиники В.И. Казанцев рассказывал: «Ведь он министр, занятой человек, и проблемы решает глобальные, — а мы ему свои мелкие нужды объясняем, обиды высказываем. Он всё равно внимательно выслушает, доброе слово скажет и легче становится, радостней!» «Простой, обо всем с ним можно было поговорить», — вспоминает бывший директор музыкальной школы В.А. Шмидт. В поездках депутата сопровождал Маркс Михайлович Самсонов, тщательно записывавший в блокнот все наказы избирателей. И по мере возможности Юрий Серафимович их исполнял.

Отличительными чертами характера Мелентьева были обязательность, чувство долга, верность слову, воспитанные в детстве. В сентябре 1944 года двенадцатилетним пареньком он был принят в Саратовское суворовское военное училище, где проучился шесть лет. Юрий Серафимович выбрал гражданскую специальность, но навсегда остался старшим лейтенантом запаса. «Воспитанникам училища вменялось в обязанность петь в хоре, играть в струнном или духовом оркестрах, уметь танцевать». В мазурке Мелентьеву не было равных — об этом

вспоминают и друзья-суворовцы, и супруга. «Кружиться с ним в паре было немыслимое удовольствие, — рассказывает Наталья Ивановна. — Отдыхая в пансионатах, мы всегда брали призы в конкурсах танцев».

Она же подчёркивает, насколько Юрий Серафимович был внимателен к женщинам. Людмиле Георгиевне Зыкиной, с которой Мелентьевых связывает давняя дружба, на день рождения он всегда дарил желтые пушистые хризантемы. Супруге каждый год в день свадьбы вручал большие розы с длинными стеблями, а на день её рождения приносил большие белые лилии.

В семье, в кругу близких людей и в неофициальной обстановке Юрий Серафимович часто острит и по-доброму хулиганил. Его любимой потехой были прыжки в длину с места. При среднем росте и весе в сто килограммов он прыгал на два метра и любил вызывать на соревнования других. Конкуренты не ожидали от грузного мужчины такой прыти и всегда проигрывали. Кстати, слово «ускорение», как политический термин, в конце 80-х годов ввёл именно Юрий Серафимович. Дома же он часто переименовывал «перестройку» на «катастрофку».

В 1980-е Мелентьев подарил ишимцам памятник поэту-декабристу А.И. Одоевскому. И посодействовал, чтобы государство выделило деньги на строительство в Ишиме нового Дома культуры. Для него уже заложили фундамент, но дальше дело не пошло. Отчего Юрий Серафимович очень сетовал на необязательность ишимских властей.

Однако с изваянием Одоевского была иная история. Бронзовый бюст поэта по проекту известного скульптора Владимира Матросова был отлит для установки в городе Ялуторовске. Но Мелентьева, будучи министром культуры и депутатом Верховного Совета РСФСР от Ишимского избирательного округа, распорядился отправить памятник в Ишим. И не потому, что хотел угодить избирателям. Нет! Юрий Серафимович серьёзно изучил историю нашего города прежде чем стать его депутатом. Он знал, что в Ишиме жили декабристы, а для Одоевского год

Визит министра культуры в Ишим. Слева направо: Марк Михайлович Самсонов (помощник министра), Болеслав Петрович Широбакин (начальник областного управления культуры), Раиса Петровна Четверикова (председатель городского отдела культуры), Ефим Васильевич Григоров (председатель райисполкома), Юрий Серафимович Мелентьев (министр культуры РСФСР). У гостиницы «Ишим». Кон. 1970-х. Из фондов ИКМ.

жизни здесь стал самым плодотворным за всё время ссылки. Не было тогда в городе музея, который мог бы выступить с этой инициативой, и Юрий Серафимович подтолкнул ишимцев заинтересоваться своей историей и традициями.

В 1989 году установили памятник поэту, а уже через два года открыли и музей. Ещё тогда, двадцать лет назад, Мелентьев видел возможность развития провинциального Ишима в сохранении культурных традиций и истории с перспективой стать интересным для туристов. И только в XXI веке город начал серьёзно разрабатывать программу «Ишим туристический».

В те же 1980-е Мелентьев привозил в далёкий Ишим на гастроли известных артистов: Иосифа Кобзона, Людмилу Рюмину, Валентину Толкунову. Их приезд был настоящим праздником для горожан.

Ишимцы чувствовали заботу министра не только когда он бывал у них в гостях, но и на расстоянии. Так, Ю.С. Мелентьев помог музыкальной школе с ремонтом. В то время как курирующие строительные организации отказались помочь, директор В.А. Шмидт обратился с письмом к Юрию Серафимовичу. Вскоре школа была отремонтирована по распоряжению министра.

В 1986 году молодые музыканты города без всяких рекомендаций и предварительных переговоров отправились в Москву за музыкальной аппаратурой, заранее зная, какой суммой располагает городской Дом культуры. В Москве сразу отправились в министерство культуры, где в приёмной объяснили, что они из Ишима. Мелентьев тут же их принял как своих избирателей. Тогда ничего нельзя было приобрести для

Юрий Серафимович Мелентьев. Кон. 1970-х. Фото Ф.Н. Машечко. Из фондов ИКМ.

личного пользования, а государственные заказы распределялись на много лет вперед. И всё же для Ишима нашёлся один комплект звуковой аппаратуры чехословацкого производства «Тесла». Её появление сыграло большую роль в создании группы «Робинзоны», известной теперь далеко за пределами города. Юрий Серафимович не только помог ребятам с аппаратурой, он бесплатно устроил делегатов в гостиницу в центре Москвы и, опять же бесплатно, выдал им билеты в Театр на Таганке.

Мимо министра культуры не проходило ни одно обращение из Ишима – будь то заказ на музыкальные инструменты или просьба о помощи в организации ремонта и строительства зданий домов культуры, музыкальных и художественных школ. Юрий Серафимович так много делал для города, что ишимцы сложили об этом легенду. Мол, пока был Мелентьев министром культуры, все артисты и чиновники называли Ишим «городом Мелентьева». А что может быть для человека важнее памяти народной?

...В Москве, в доме на Сивцевом вражке стоит нетронутой уже около десяти лет комната с книжными полками от пола до потолка, коробками с рукописями и фотографиями. В углу комнаты у окна – письменный стол, перегруженный деловыми бумагами и оснащённый добротным письменным прибором и изящной настольной лампой. Это кабинет Юрия Серафимовича Мелентьева. Он ушёл из жизни в возрасте 65 лет, полный идей и творческих планов.

*Открытие памятника А.И. Одовескому.
Ишим, 27 октября 1989. Фото В.В. Ипполитова. Из фондов ИКМ.*

«Он умер на родной ему уральской земле, в самолёте. Самолёт пошел на взлётную полосу. Обращаюсь к нему, но... Юрий Серафимович уснул навечно. Тут же самолёт возвращают, вызывают врачей. Но уже поздно. На Урале родился – на Урале умер...» У Юрия Серафимовича всегда была тесная связь с малой родиной. Несколько раз в году он бывал в Нижнем Тагиле. В 1989 году передал для Нижнетагильского краеведческого музея богатую коллекцию керамики. Она сложилась из лучших авторских изделий, которые Ю.С. Мелентьев привозил из-за границы и командировок по Союзу. В 1992 году он был избран Почётным гражданином Нижнего Тагила. А через год передал из личной библиотеки сто книг с автографами известных писателей, историков и общественных деятелей в дар Уральскому государственному университету.

Семья Юрия Серафимовича и его многочисленные друзья и соратники в 2005 году издали небольшим тиражом книгу «СвяТЕЛЬ и воитель», посвящённую памяти Ю.С. Мелентьева. Один экземпляр хранится теперь в наших фондах, с дарственной надписью Натальи Ивановны Мелентьевой: «Ишимскому краеведческому музею в память об авторе».

Из «послужного списка»

Ю.С. Мелентьева:

1932, 25 апреля – родился в г. Кыштыме Челябинской области в семье служащих. В этом же году семья переехала в г. Нижний Тагил.

1944-1950 – курсант Саратовского суворовского военного училища.

1950-1955 – студент историко-филологического факультета Уральского государственного университета.

1953, май – вступил в брак с Валентиной Алексеевной Качаевой.

1954-1956 – первый секретарь Октябрьского райкома ВЛКСМ г. Свердловска.

1954, август – родился сын Алексей.

1955 – вступил в КПСС.

1956-1959 – аспирант Уральского государственного университета по специальности «История философии».

1959-1961 – редактор областной молодежной газеты «На смену!»

1960, май – родилась дочь Ольга.

1961 – защитил кандидатскую диссертацию на тему «Критика буржуазного государства и буржуазной демократии русскими революционерами-демократами».

1961-1965 – директор издательства «Молодая гвардия».

1965-1971 – заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС.

1969, январь – смерть жены.

1970, ноябрь – вступил в брак с Натальей Ивановной Локтионовой.

1971-1974 – первый заместитель председателя Госкомиздата СССР.

1974-1990 – министр культуры РСФСР.

1975-1990 – депутат Верховного Совета РСФСР от Тюменской области.

1975, декабрь – родился сын Ярослав.

1982 – вступил в Союз писателей СССР.

1990 – избран председателем правления Всероссийской ассоциации международных культурных и гуманитарных связей.

1992 – избран сопредседателем Международного Демидовского фонда.

1996 – избран членом Высшего творческого совета Союза писателей России.

1997 – будучи заместителем председателя правления Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, избран почётным членом этого общества; избран действительным членом Международной академии информатизации.

1997, 19 декабря – скоропостижно скончался в командировке в г. Екатеринбурге. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

«Спасение страны - в самоорганизации русского народа...» Памяти Вячеслава Клыкова

2 июня 2006 года ушёл из этого мира Вячеслав Михайлович Клыков – замечательный скульптор, Народный художник России, обладатель множества наград и титулов. К Тюменскому краю он имеет непосредственное отношение: в Ишиме стоит одно из последних его творений, единственное на всю Западную Сибирь – памятник Прасковье Луполовой.

В наш город Клыков приезжал дважды: в марте и в августе 2004 года. В первый раз – чтобы представить властям и общественности макет памятника. Второй – для его открытия. Поразительно короткий срок: от замысла до воплощения прошло всего девять месяцев. Если бы знать тогда, какова цена этого монумента! Не в денежном плане, а в плане бытийном. Вячеслав Михайлович уже знал, что страшная болезнь съедает с жестокой неумолимостью его земные дни. И старался успеть. Успеть сделать как можно больше.

Девять месяцев на Прасковью – как это оказалось много «с точки зрения вечности», если знать об оставшемся до расставания с этим миром времени... Их, месяцев, оставалось всего – двадцать два.

«Я работал в своей мастерской – и вдруг звонок из Ишима: «Знаете, у нас была такая героиня, Прасковья Луполова, которая совершила подвиг – решилась пройти пешком из Ишима до Санкт-Петербурга». Меня это сразу заинтересовало. А когда узнал, что ей было всего 19 лет, подумал, способна ли моя дочь, которой 24 года, или кто-то из сыновей совершить такой подвиг? Это же какое мощное духовное воспитание было в то время! Пойти, взяв с собой только икону и палку от собак, добиться у царя аудиенции. Это что-то нереальное!.. Конечно, я сразу откликнулся. Этот подвиг достоин всероссийского признания, а со временем – и всецерковного. Такие подвиги бывают раз в столетие, чтобы подать пример остальным поколениям, как нужно любить свою родину, своих родителей, чтобы чувствовать себя хозяином, – не пришельцем, не издвигенцем, – а хозяином, благоустроителем своей земли.»

До приезда мы знали Клыкова только как талантливого художника, одного из лучших в России. Постепенно в разговорах он раскрывался с новых, прежде неизвестных сторон. И сколь многогранно оказался одарён этот человек! А ведь в полную мощь его личность раскрылась после полувекового рубежа. Поворотной вехой

*Последние штрихи после установки
памятника Прасковье.
Ишим. 6 августа 2004.*

стал памятник преподобному Сергию Радонежскому, поставленный в 1989 году вопреки всем недоброжелателям. В этой борьбе завершился период «творческого созревания». За последующие 17 лет – не менее полусотни монументов, больших и малых, в среднем по три-четыре в год. В том числе в безумные 90-е, эпоху стремительного накопления капиталов и духовной растерянности.

Обширен не только список произведений мастера, но и диапазон воплощённых в камне и бронзе персоналий. Пламенный «расколоучитель» протопоп Аввакум и гонитель старообрядцев Пётр Первый, красные полководцы Жуков, Рокоссовский и борец с коммунистической властью адмирал Колчак... Клыков был художником, любящим свою родину и воспевающим её сынов и дочерей. Тех, кого подсказывало сердце, порою вопреки доводам идеологических схем. И всё же был в его жизни и творчестве последних двух десятилетий незыблемый и негиблемый стержень.

В мастерской В.М. Клыкова. Москва, Большая Ордынка. 26 ноября 2004.

«За Веру, Царя и Отечество» – вот во что я верю и что отстаиваю и в своём творчестве, и в общественной работе. Считаю, что православная самодержавная монархия – это будущее России, которое соберёт её и расставит всё в изначальной иерархии: православная вера, православный государь, православный народ. Только тогда не будет распрей между национальностями. Ведь до 1917 года все они сохранялись, со своими традициями и вероисповеданиями. Но советская власть захотела сделать человека без национальных корней и культуры. И вот – видите, как национальные конфликты возникают по всем краям нашей необъятной родины».

В 1990 году Клыков возглавил Международный фонд славянской письменности и культуры. Благодаря деятельности фонда в России появился государственный праздник – День славянской письменности и культуры – 24 мая, в память святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Тогда же, в 1992 году, в Москве на площади Ногина, переименованной в Славянскую, поставили памятник создателям славянской письменности. Фонд предложил ввести в школьную программу предмет «Основы православной культуры». А началось всё с собрания нескольких писателей и художников в зале Мурманской научной библиотеки в конце 1980-х.

«Если ставить перед собой цель, то – предельно полную. Полнота цели вызывает и полноту действий. Мы изначально поставили себе такой потолок: наша идея – единение всех славян, на основе общего праязыка, территории. Мы всегда говорили о том, что природа

русского народа триедина: великороссы, малороссы, белорусы. Подобно тому, как триедины Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух. Русский народ имеет триединую природу, и мы должны жить в одном государстве, слитно и неразрывно».

В 1995 году Клыков стал инициатором Всероссийского Соборного Движения, главой которого оставался до смерти. Помимо единения трёх славянских народов, Движение ставит целью возрождение православной монархической формы правления как наиболее легитимной и традиционной для России. Такое решение может принять только всероссийский Земский собор, подобный тому, что избрал в начале XVII века на царство Михаила Романова и положил конец смуте, терзавшей страну. У этой идеи много сторонников и не меньше – противников. Но несомненно заслуживают уважения твёрдость и убеждённость, с которыми отстаивал её Вячеслав Михайлович.

В нашей стране ещё сохранились, как крупицы драгоценного бисера, люди, несущие в себе сущность русского народа. Клыков был из этой почти напроць уничтоженной породы людей, на которых держалась дореволюционная Россия. Тех, которые знают, чего хотят и соотносят свою деятельность с высоким духовным идеалом. Тех, у которых слово не расходится с делом, а каждое дело подчинено единой цели.

«Нам многие говорят: ваш фонд – письменности и культуры, вот и занимайтесь культурой, не лезьте в политику. Но это всё настолько слитно и неразрывно... Без вос-

В.М. Клыков и В.И. Мещангин на выставке «1921 год» в Ишимском музее. 27 марта 2004.

становления законной российской государственности, узурпированной в 1917 году, Россия не обретёт лицо, не сохранит границы, не станет богатой страной. И последние десять лет это подтвердили. Мы скатываемся в ворота чужebesия, подражаем американцам, французам, японцам... Давайте лучше обретем своё, великую государственную идею: Православие, Самодержавие, Народность. И не надо никакой другой идеи».

И в нашу «эпоху плюрализма» не всякий художник решится, как это делал Клыков, открыто выражать свои незыблемые принципы и в искусстве («я – сторонник образного искусства, абстракции – удел дилетантов»), и в общественной деятельности. Скульптору крепко доставалось за каждый памятник. И чем значительнее монумент, тем сильнее и больнее удары.

Только сторонники беззубого постмодернистского искусства могут намеренно искать скандалов ради вящей славы. Клыков её не искал. Но одно дело – доброжелательная критика, а другое – безудержное и беспочвенное ёрничество. Чего стоит шумиха вокруг «неестественно прямых» ног жуковского жеребца! А вот удары посущественнее: взорванные памятники Николаю II в Тайнинском и Подольске, расстрел лампады с Иерусалимским огнём в нише памятника Кириллу и Мефодию, обещание иркутских коммунистов снести памятники Колчаку... С большим трудом обрёл место конный монумент победителю Хазарского каганата великому князю Святославу Храброму на Белгородчине.

Однако такие испытания лишь формировали железную волю, которая ясно читалась на лице мастера, приехавшего в Ишим.

Среди событий, связанных с пребыванием Клыкова в нашем городе, врезался в память один эпизод. После благополучного монтажа монумента Прасковьи мы решили показать Вячеславу Михайловичу окрестности города. Обычно непреклонный в отношении подобных предложений («Да зачем! Дело надо делать!»), тут он согласился. На закате чудного летнего дня машины взобрались на речной увал, что у села Клепикова. Прекрасная панорама пришимских полей, лесов, озёр восхитила художника. Но с какой болью он увидел, во что превратили берег приезжающие сюда молодежники и отдыхающие! Россыпи бутылок, рваные пакеты, бумага...

«Такой народ недостойн этой земли! Придут инородцы и отнимут», – огорчённо бросил Вячеслав Михайлович. И сам начал собирать хлам в одну кучу, чтобы сжечь это безобразие.

Из этих движений души – переживания за русский народ, безразличный к судьбе своей и судьбе своей земли – и родился клыковский патриотизм. Это надо понимать, когда Вячеслава Михайловича упрекают за участие в «письме пятисот», требующем запрета экстремистских религиозных организаций, и за возглавление Союза Русского народа, возрождённого в конце 2005 года.

Вот слова Клыкова из программы Союза. Одни из последних его слов. Как завещание:

«Россия на краю бездны... Народ вымирает катастрофическими темпами... Миллионы русских в бывших советских республиках брошены на произвол судьбы. Три братских народа – великороссы, малороссы и белорусы – разьединены... Геополитически Россия отброшена к допетровским временам... Разрушены

целье отрасли народного хозяйства... Наши потери можно перечислять долго. Но мы должны вспомнить, что мы — великий народ, вспомнить наших предков, не раз в своей истории ломавших хребет казалась бы непобедимым захватчикам. Мы должны сплотиться. В самоорганизации русского народа — залог спасения России».

Ишиму Клыков хотел подарить ещё один памятник — жертвам самого масштабного в советской России крестьянского восстания, вспыхнувшего в Пришимье в январе 1921 года. Были уже намётки, сложился образ — конные фигуры, всадники «русского бунта», кровавого и беспощадного... Образ почти апокалиптический.

Да, Вячеслав Михайлович стремился успеть сделать многое. И мы благодарны ему за памятник Прасковье Луполовой. Клыков много работал для провинции, охотно откликался на предложения — не только ишимцев. Памятник преподобному Сергию стоит в городке Радонеже, преподобному Серафиму — в Сарове, преподобному Илии Муромцу — в Муроме, святителю Николаю и великому князю Димитрию Донскому — в Угреше, великому князю Владимиру — в Севастополе и Белгороде, великой княгине Ольге — в Пскове, великому князю Александру Невскому — в Курске, Пушкину — в Тирасполе и Перми, Достоевскому — в Старой Руссе, Батюшкову — в Вологде, Рубцову — в Тотье, Петру Столыпину — в Саратове...

«Монументальная скульптура — основополагающий вид творчества, который апеллирует к государственным и историческим символам. Символ — это концентрат исторической мудрости народа. Не географическое название, а духовное имя. Это очень важно. На вопрос о том, какие это места, будут отвечать: «Это места Прасковьи Луполовой». Без конкретного имени километры земли и воды оказываются безымянными».

Клыков стремился пробудить историческую память жителей тех мест, где появлялись его произведения. Давая «духовное имя» территории, памятник должен идейно собирать вокруг себя обитающих на этой земле людей. Придавая им осознание значимости каждого, даже самого малого клочка страны под названием Россия. Не только столица, но и самая окраинная точка может быть центром мира. Может быть любима и обязана быть любима теми, кто живёт здесь: «Ведь это святая Русская земля».

Эту черту скульптор отметил в образе Шукшина: «Памятник ему — в благодарность за то, что сделал Василий Макарович для русского народа своими произведениями, своим бытием. За то, что... любил его до самозабвения. И любил свою родину. Он как-то хорошо сказал о ней, стоя на горе Пикет: «Мне кажется, что это пуп земли».

...На следующий день после открытия памятника Прасковье, 8 августа, Вячеслав Михайлович поехал в село Тоболово. Слушал там песни

Вячеслав Клыков выступает перед студентами педагогического института. Ишим, 27 марта 2004.

замечательного казачьего ансамбля «Станичники». Подлевал, услышав знакомые слова: «Не для меня придёт заря...» А на обратном пути попросил остановить машину у золотящегося хлебного поля. Вышел, сорвал несколько колосков. Всмотрелся в клонящееся к закату солнце... Вот этот образ Клыкова и остался, как самый яркий, у меня в памяти. И ещё — на фотоплёнке.

Тогда же записаны финальные слова интервью, опубликованного в шестом номере «Коркиной слободы». Напомним их:

— Ещё недавно в Сибири был только один ваш памятник — В.М. Шукшину в Сrostках. А в этом, 2004 году — снова Шукшин, Прасковья, на осень намечено открытие монумента адмиралу Колчаку в Иркутске... Чувствуется ли в Сибири духовный подъём?

— Говорить о том можно по прошествии определённого времени после открытия этих трёх памятников. Обращение к памяти таких людей — это тоже возрождение самосознания русского человека. Чтобы жить и выжить на такой земле, на таких пространствах, действительно надо иметь в себе огромный волевой, духовный стержень. Физическая оболочка — не самое важное у человека. Она крепится только на духовном основании. Тогда человек может быть сильным, выносливым и ответственным».

Что к этому добавить? Великий человек выполнил миссию. Высохли слёзы. Пора прислушаться к его словам. И начинать жить по уму, становясь «благоустроителями своей земли».

Фото автора.

Музей провинциальный

В.К. АФАНАСЬЕВ

Музей локомотивного депо

В 1909 году началось строительство дороги Тюмень – Омск. Одновременно строилось и паровозное депо станции Ишим. Сначала депо имело шесть ремонтных канав, которые освещались двумя фонарями, установленными под потолком. Освещения не хватало, как и тепла от двух железных печек. Работали деповчане в верхней одежде и с факелами.

В конце 1919 года при отступлении колчаковцы разрушили депо, угнали паровозы и вагоны, увезли оборудование, а оставшиеся станки привели в негодность. Деповчане убрали мусор, отремонтировали рамы, двери, установили динамомашину, паровой котел, восстановили оставшиеся паровозы и оборудование. Шаг за шагом ишимцы возрождали свое депо.

В тридцатые годы депо было оснащено паровозами серии «Э», затем в пассажирское движение пришли паровозы серии «С» и «СУ». Для ремонта пассажирских паровозов построили новое здание на семь ремонтных канав, удлиннили существующие канавы за счёт пристроя. Появились новые цеха: тёплой промывки, электрогазосварочный, литейный, цех точных приборов. Построили и пустили в эксплуатацию эстакаду. Ручной процесс экипировки паровозов углём сменился на механизированный. Оборудование пополнилось новыми станками. В результате изменилась технология ремонта паровозов, их простой в ремонте сократился с 200 до 24 часов.

В 1941 году многие работники депо ушли на фронт. Их заменили женщины и подростки. В начале войны были сформированы и отправлены на фронт две колонны паровозов с паровозными бригадами. Освоили массовый выпуск миномётов. В 1942 году ишимские железнодорожники построили бронепоезд «Патриот».

После окончания Великой Отечественной значительно вырос объём перевозок грузов, увеличились средний вес и скорость движения поездов. В 1956-м введена вторая тяга, и парк паровозов увеличился до 120 единиц. В пятидесятые годы внедрялась механизация

А.Г. Котляревский показывает альбом с материалами стенных газет депо 1950-х гг.

трудоёмких процессов, улучшилось энергообеспечение.

В шестидесятые на смену паровозам пришли тепловозы. Это потребовало значительной реконструкции депо. Тогда оборудовали дизель-агрегатный, топливный, аккумуляторный, электроаппаратный цеха. А в 1984 году локомотивные бригады без особых трудностей переквалифицировались для работы на электровазах.

Подобно многим трудовым коллективам, деповчане тяжело пережили «перестроечные» 1990-е. Сейчас они по-прежнему чётко выполняют свои сложные обязанности, уделяя осо-

Эти часы Василий Ксенофонтович получил, став машинистом. Они выдавались всем «водителям паровозов», чтобы поезда ходили точно по расписанию.

«Шарманка» – в таком самодельном ящике машинисты носили продукты и документы, отправляясь в поездку.

бое внимание безопасности движения поездов.

Историю своего предприятия мы отразили в экспозициях нашего музея и в небольшой книжке «90 лет локомотивному депо Ишим». Умещается описание на двух десятках страниц. Здесь речь идёт не только о корпусах цехов и уходящей вдаль стальной магистрали. Это повествование о славных трудолюбивых людях. Я был с ними в одном трудовом строю. Вся моя жизнь связана с локомотивным депо. В 1946 году стал кочегаром на паровозе, потом – помощником машиниста. А в 1949 году, окончив школу машинистов, стал водить поезда. Отслужив в армии, вернулся в депо. Подучился на машиниста тепловоза. Окончил железнодорожный техникум. Стал машинистом первого класса и до выхода на пенсию водил пассажирские поезда.

Почему об этом пишу? Чтобы показать, что любой молодой человек, достаточно любознательный и целеустремленный, имел в депо большие возможности для профессионального роста.

К примеру, Александр Григорьевич Котляревский пришёл на наше предприятие в 1958 году. После окончания железнодорожного училища № 2 (ЖУ-2) работал слесарем. Учился в школе рабочей молодежи, одновременно экстерном сдал экзамены на помощника машиниста. Окон-

чив институт инженеров железнодорожного транспорта, работал инженером-технологом в техотделе.

Он, как и я, на пенсии, но с депо мы не расстаёмся. О том, что мы пережили вместе с коллективом депо, обо всех радостях и горестях нам захотелось рассказать подробно и от души. Так я стал директором музея локомотивного депо станции Ишим. А мой коллега Александр Котляревский – первым заместителем. Пожалуй, такого единомышленника и помощника у меня никогда не было. Хотя на просьбы о помощи с готовностью отзывались многие деповчане – спасибо им. Я всегда гордился успехами коллектива нашего депо и на каждом собрании настаивал: надо создавать музей боевой и трудовой славы. Но как-то всё проходило незамеченным.

В 1984 году я ушёл на пенсию, и меня избрали председателем совета ветеранов депо. Я не переставал думать о музее. Через двенадцать лет стал заместителем председателя. Стало больше свободного времени. И на одном из заседаний совета ветеранов настойчиво заговорил о создании музея. Предложил и свою кандидатуру в качестве организатора. Совет меня поддержал. А помощником, умеющим

Макет бронепоезда «Патриот».

рисовать и красиво писать, согласился стать Александр Григорьевич Котляревский.

Не отказал нам тогда в помощи начальник депо Фёдор Иванович Павлик. Мастер стройцеха Александр Федорович Грачёв снабдил музей столами, витринами, планшетами, рамками для портретов. Мы долго занимались оформлением экспонатов. В 1999 году состоялось торжественное официальное открытие музея, директором которого начальник депо назначил меня.

Мы обошли всю Серебрянку и Смирновку. Именно в этих районах города жили и живут железнодорожники. Записывали воспоминания, собирали документы, фотографии. Нам охотно отдавали личные вещи ветеранов. В кладовых депо мы нашли паровозный инструмент. Конструктор депо Анатолий Семёнович Чалков душевно отнесся к нам и изготовил чертежи, эскизы будущих экспозиций. В оформлении музея приняли активное участие художницы Людмила Викторовна Варакина-Лотышева и Людмила Яковлевна Решетова.

Сейчас музей размещается в трёх комнатах старого здания клуба. На стенах – планшеты размером метр на полтора-два. Первый зал посвящён первым десятилетиям работы депо и участникам Великой Отечественной войны. Среди них – участники послевоенного Парада Победы в Москве А.И. Медынин и В.А. Маркин. Внимание посетителей привлекают форменная одежда машинистов, паровозный инструмент, знамёна – награды за самоотверженный труд.

Но главный экспонат здесь – макет бронепоезда «Патриот», изготовленный на ишимской станции юных техников по чертежам и эскизам

конструктора депо А.С. Чалкова. Эту «крепость на колёсах» весной 1942 года сопровождала на фронт паровозная бригада добровольцев: машинист Александр Иванович Соколов, его помощник Николай Максимович Шатилович и кочегар Иван Фёдорович Степанов, участвовавшие в строительстве бронепоезда. Боевой путь «Патриота» закончился в июне 1944 года. В музее есть фотография, на которой запечатлено торжественное заседание, посвящённое 70-летию локомотивного депо. В президиуме – машинист бронепоезда А.И. Соколов, начальник депо военных лет С.Н. Трибурт, передовики предприятия.

Главная тема второго зала – «Рабочие династии». Когда создавался музей, их было 87. Железнодорожники гордятся своей профессией. И их дети, растущие в атмосфере чёткости, порядка, ответственности за трудное и почётное дело, чаще всего выбирают ремесло своих отцов и дедов. Невозможно здесь описать все династии, представленные в нашем музее. Из династии Фёдора Степановича Юдичева сейчас в депо работает праправнучка. У машиниста Рубцова два сына – классные машинисты. Водят пассажирские и грузовые поезда потомственные машинисты Ерёменко. Известны в депо машинисты братья Юрченко: Алексей, Юрий и Виктор. Ещё одна трудовая династия – машинист Михаил Матвеевич Иванов и его сыновья Борис и Виктор. Также стены этого зала украшают планшеты «Почётные железнодорожники», «Спорт, культура и отдых», «Безопасность движения поездов».

В третьем зале интересна экспозиция «Миллионники». Это машинисты, которые проехали

В.К. Афанасьев и галерея ветеранов труда в музее депо.

не менее миллиона километров без брака. Их у нас тринадцать. Не обошли мы вниманием и заслуженных работников железнодорожного транспорта. В музее есть фотографии А.П. Киселева, А.В. Левши, П.Л. Путилова, Н.А. Флисакова. На одном из планшетов — работники депо, награждённые орденом «Знак Почёта». Рядом — портреты делегатов партийных съездов В.А. Петухова и Л.Ф. Юдичева, почётных железнодорожников, имеющих много правительственных наград.

Коллектив депо Ишим в сетевом социалистическом соревновании лишь раз занял третье место, в 1958-м. В другие годы — только первые и вторые места. Это подтверждают документы и знамёна тех лет, портреты тех, кто руководил деповчанами.

В октябре 1961 года коллектив депо добился почётного звания «Предприятие коммунистического труда», первым в Ишиме. Нынешняя молодёжь с иронией относится к таким событиям прошлого. А мы, ветераны, считаем: не то важно, когда и какая была власть, — важно, что люди, трудовые коллективы работали от души, стремились быть лучшими. И этому стоило бы поучиться. Как не выкинешь слова из песни,

так из истории народа ничего нельзя выкинуть — ни плохого, ни хорошего. В музее должно быть показано всё — беспристрастно.

Мы продолжаем пополнять фонды музея. Дело это трудное. Всё делается вручную. У нас нет ни компьютера, ни печатной машинки. Трудимся на энтузиазме. Не хватает денег на оформление экспозиций. И чуть было не умер наш музей, когда в целях экономии и оптимизации решили руководители избавиться от помещения, которое невыгодно содержать. Но восторжествовали здравый смысл и справедливость: музей сохранён и служит делу воспитания молодежи. Его посещают и школьники, и взрослые. Гости разных рангов, приезжающие в депо, с удивлением и большим интересом знакомятся с музеем. Мы, два ветерана, которым уже по 75, сами проводим экскурсии, всякий раз будто заново переживая судьбу, связанную с историей коллектива депо. И с грустью задаём себе вопрос: «А кому же мы передадим всё это? Будут ли наши преемники так же вкладывать всю душу в дело, которое стало делом нашей жизни?..»

*Подготовка к печати —
Л.А. Сарафанникова.
Фото Г.А. Крамора, август 2006.*

Журналы и газеты лет минувших

«Серп и молот» за 1924 год - о крестьянском восстании

Газета «Серп и молот» впервые вышла в окружном центре Ишиме в 1920 году. В 1922-23 годах её издание было приостановлено и возобновлено лишь в июле 1924-го. Газета являлась органом Ишимского окружного комитета РКП(б) и Ишимского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Уральской области, тиражом от двух до трёх тысяч экземпляров, выходила 3 раза в неделю.

Увы, оказалось невозможно показать, как ход крестьянского восстания 1921 года отразился на страницах советской газеты. Невозможно потому, что подшивки «Серпа и молота» за этот год нет ни в Ишимском, ни в Тюменском архивах, ни в областной научной библиотеке, ни даже в одном из крупнейших книгохранилищ страны – Российской национальной библиотеке. Зато в ней наличествует достаточно полная подшивка выпусков газеты за 1924 год, которой также нет ни в Ишиме, ни в Тюмени.

Имея целью пропаганду социалистического строя, газета прямодушно отображала и характерные детали жизни города и деревни. Особенно интересны в заявленном ракурсе заметки рабочих и сельских корреспондентов, показывающие отношение их современников к кровавым событиям трёхлетней давности. Боевитый настрой заметок рабселькоров, скрывающихся, как правило, за псевдонимами, направлен на создание «информационной картины мира», утверждающей неизбежное падение «старого быта» под уверенной поступью новой власти. Однако из множества таких заметок складывается широкая панорама поддержки деревенским большинством бывших повстанцев:

«В Пегановском сельхозтовариществе (Бердюжский район) председателем был некий гражданин Созонов Михаил, из бедняков. За участие в бандитизме его сместили. Поставили сына церковного старосты гражданина

Яковлева С.Н. Смещённый председатель на это и говорит: «Я был начальником гарнизона, а он командиром роты!» Один одного, значит, лучше. Избач» (№ 44, 24.10, с. 3).

«В селе Истошинском (Бердюжский район) председателем сельсовета некий Павел Яковлев, находящийся под следствием за участие в восстаниях 1921 года. Кроме этого, Яковлев является председателем сельхозтоварищества. Надо такого работничка срочно убрать из совучреждения. Амов» (№ 47, 31.10, с. 2).

«В деревне Мало-Емецкой (Голышмановский район) есть некий Бетехтин Ф. Ал. – активный участник кулацко-эсеровского восстания 1921 года. Был он в банде Бакича, однако за всё это он остался не наказанным пролетарским правосудием. Теперь Бетехтин опять поднимает голос. Особенно резко это заметно на собраниях, где никто не мог противоречить этому бандиту. Сведущий» (№ 56, 23.11, с. 3).

«В деревне Забошной, Армизонского района, сельсовет избран из богатых. А заместитель председателя даже участник бандитского восстания. Ну, а раз так, всё имеет перевес на кулацкую сторону. Например, райработником предписанием предложил объявить батракам о явке на батрацкую конференцию. Однако предсельсовета это предписание припрятал и конференции не объявил. Зоркий батрак». (№ 47, 31.10, с. 3).

«В селе Мало-Скарядном, Аромашевского района, заместителем председателя является некий Г.И. Носов – бывший бандит. В восстание он настаивал на расстреле трёх граждан. Теперь же это он, видимо, позабыл и не постеснялся примазаться к власти. Федот, да не тот» (№ 65, 16.12, с. 3).

«В деревне Мало-Емецкой, Голышмановского района, в 1921 году были всем хорошо известны два ярых бандита П.М. Столбов и

СЕРП И МОЛОТ

Газета Владимирского окружного Комитета, Российской Коммунистической партии, Владимирской и Ивановской губернии, Иваново-Вознесенского наместничества Северо-Восточной, Красносельской и Красноармейской губерний, Уфимской области.

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В НЕДЕЛЮ

Четвертый год издания

№ 46 (216)

Среда, 29-го октября 1924 года.

№ 46 (216)

Даешь к 7-й годовщине РЛКСМ миллион молодых Ленинцев-комсомольцев!

Да здравствуют твои покровители Октябрь: большевики, комсомольцы и проверки!

Привет молодой Ленинской рати

С РЛКСМ выросло наше дело. Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее.

Привет тебе, молодой ратник. Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее.

Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее.

Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее.

6 лет Ленинского комсомола.

Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее.

Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее.

Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее.

Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее. Мы выросли, мы стали сильнее.

Так выглядела газета «Серп и молот» в 1924 году. Номер от 29 октября.

Архив редакции газеты «Ишимская правда».

К.Н. Бетехтин из отряда Долина. После ликвидации этого восстания бандиты скрылись и вот только недавно выяснилось, что Бетехтин занимается торговлей в Омске, а Столбов где-то на Дальнем Востоке. Недавно последний на имя отца прислал телеграмму с просьбой выслать одобрительный приговор от общества, и Мало-Емецкий сельсовет этот приговор выслал, несмотря на то, что на собрании было только 30 человек и то кулаки. **Нетерпимый**» (№ 66, 18.12, с. 3).

«...А вот вам некто Никитин (по кличке – Кулаков). Имеет в Катмышке дом. Сам проживает в деревне Новосёловой, Голышмановского района, где у него ещё хорошее хозяйство и постройки. Участник кулацкого восстания 1921 года. После восстания Никитин скрывался, а дом в Катмышке охраняла бедная вдова. Она всё время, кроме охраны дома, несла все повинности по нему. Из своего нищенского заработка платила налоги, страховки и прочее. В одно время Никитину угрожала конфискация имущества, в связи с чем он обещал при свидетелях отдать хату этой вдове. В настоящее время, когда угроза конфискации миновала, Никитин выгоняет вдову на мороз, а все постройки продает за «наличные».

...В 1923 году зажиточные крестьяне посёлка – Колов, Самсоненко, Бабров, Ширшов и другие получили анонимки, в которых в самых разнообразных формах намекалось на что-то вроде восстания. Некоторым давался совет продать постройки и хозяйство за Николаевские бумажки, а самим выехать. Дело дошло

до Голышмановской милиции. После допроса граждан, получивших анонимки, дело никуда не двинулось. **Сатира**» (№ 68, 23.12, с. 2).

«В деревне Балахлей, Аромашевского района, известный бандит Боков М. ночью 20 ноября стал помиться в дом гражданина Бравина Н., а когда последний его не пустил, он выбил 8 окон. **Чубук**» (№ 66, 18.12, с. 4).

Однако о явном противостоянии сочувствующего бывшим повстанцам большинства и отторженного им «коммунарского» меньшинства, сообщает лишь одна заметка:

«В деревне Сажиной, Жиликовского района, убит бывший продработник-партиец Федот Сажин, 28 лет. Убийцы – двое крестьян той же деревни. Преступники уголовным розыском задержаны и предаются суду» (№ 17, 22.08, с. 2).

О негативном отношении к жертвам восстания с «коммунарской» стороны, противоречащем христианской заповеди о любви к ближним и врагам своим, свидетельствуют такие сообщения:

«В селе Песьяновском, Парихинской волости, есть 20 семей жертв революции. Они очень бедствуют, так как никакой поддержки им никто не оказывает. А богатые односельчане над ними даже смеются. Это не должно быть терпимо. Сирот жертв революции мы должны защитить и оказать им посильную помощь. **Ф. Важенин**» (№ 4, 23.07, с. 3).

«В селе Зарословском, Бердюжского района, нищенствует сирота – 12 лет, сын коммунара, убитого в 1921 году» (№ 23, 5.09, с. 3).

Красноармейцы – участники подавления крестьянского восстания. Лето 1921. Из фондов ИКМ.

После подобного безразличия к судьбе выживших отнюдь не удивительно равнодушное отношение селян к облику братских могил, в которых были захоронены или перезахоронены убитые коммунары и красноармейцы (погибшие и расстрелянные повстанцы, как теперь известно, остались лежать в безвестных ямах без креста и камня):

«Когда в Усть-Ламенском районе начальником милиции был т. Гордиевский, он начал строить памятник борцам, павшим за свободу. С трудом выхлопотал т. Гордиевский материал, и работы по сооружению уже заканчивались, как вдруг отозвали его в Ишим для работы в адм.деле. Дело остановилось и стоит сейчас неоконченным перед расхищением. Видно, в Усть-Ламенке за памятник кроме Гордиевского и взяться-то некому. *Русак*» (№ 64, 13.12, с. 3).

«В селе Каргалинском есть братская могила, которая когда-то была огорожена. Теперь от оградки остались только три столбика да перекладинка. Скоро, видно, всю могилку с землёй сровняют. *Увидал*» (№ 64, 13.12, с. 3).

Косвенным «отзвуком» потрясших основы нравственности и христианского человеколюбия событий гражданской войны и кровавого восстания 1921 года (которое можно рассматривать как её продолжение), стали участившиеся случаи девиантного поведения сибирского жителя, прежде крепкого традициями. Газетные полосы пестрят сообщениями о подкинутых к чужим дверям или умерщвлённых младенцах. Как

Список погибших советских работников по Калмакской волости Ишимского уезда. 10 июня 1921. Госархив в г. Ишиме.

правило, это происходит на улицах города. Наиболее поразителен случай, произошедший в ишимской Троицкой церкви, где 2 августа «неизвестная передала своего ребенка гражданке Назаровой, с просьбой причастить его» – и скрылась; ребёнка, девочку 3-4 лет, передала в ясли (№ 11, 8.08, с. 2).

Сельские корреспонденты сообщают и о невиданной доселе в сибирской деревне проституции, особенно вдовьей (нетрудно догадаться, откуда появилось такое количество женщин, потерявших своих мужей). Так, в селе Смирном Ларихинского района многие женщины считают проституцию «подсобным заработком и пропускают сразу человек по 5-6, а то и больше» (№ 14, 15.08, с. 3). Селькор *Клеши* из Уктуза пишет, что «вдовы для облегчения своей жизни занимаются проституцией. Многие из них больны сифилисом и распространяют его» (№ 16, 20.08, с. 3). Из села Старо-Рямова жаловались на нового председателя сельского совета Ф. Сухинина: «Зимой в прошлом году он привёл к себе на квартиру проститутку Марию, а свою жену заставил прислужничать и ухаживать за ними. Минувшим летом Сухинин среди белого дня на улице, в присутствии малолеток и взрослых вступил в половое общение с этой самой проституткой. По наговору другой проститутки Анны Азаровой накопился однажды на свою жену и так изжужкал её коленками, что она сейчас в могилу

Памятник на братской могиле красноармейцев, погибших во время восстания 1921 года. Установлен рядом с местом, где находилась Михаилоархангельская церковь. Кротово. Май 2005. Фото Г.А. Крамора.

смотрит. Сухинин большой буян и пьяница» (№ 59, 2.12, с. 3).

Противостоять разгулу безнравственности – некому. Сельское священство отчасти погибло в восстании (многие представители духовенства поддерживали повстанцев), отчасти бежало. А против оставшихся на страницах газеты развернута мощная атеистическая кампания, рассмотрение которой выходит за рамки данной публикации. Отметим лишь два сообщения, характеризующих духовную жизнь ишимского села в 1924 году. В одном корреспондент предлагает отдать под квартиры семьям убитых коммунаров пустующие и расхищаемые дома попа и псаломщика в селе Песьянском, Петуховской волости (№ 4, 23.07, с. 3). В другом *А. Горемыка* доносит: «В селе Травное Парихинского района местный поп с бывшим учителем Кумниковым проповедует среди крестьян о скорой кончине света» (№ 14, 15.08, с. 3).

Основной задачей таких сообщений было, разумеется, искоренение через огласку (и уве-

домление властных органов) тех явлений, которые противоречили идеальному образу будущего социалистического строя. Отсюда – негативный характер публикуемой информации. В положительной тональности рабселькеры сообщали только о тех событиях, которые соответствовали этому идеальному образу. Однако тревожная интонация всё же преобладает в заметках 1924 года. Это позволяет с известной долей уверенности утверждать, что в период НЭПа в ишимской деревне сохранялось настороженное отношение к новой власти на фоне кризиса духовных и нравственных основ, поколебленных страшными событиями гражданской войны в целом и крестьянского восстания 1921 года в особенности. Кроме того, для историка вышеизложенные заметки ценны указанием фамилий участников восстания, которые были в последующие годы преданы забвению, а носители этих фамилий, в большинстве случаев – физически уничтожены.

Подготовил Г.А. Крамор.

Пытливый посох странника

О.А. ОЖГИБЕСОВА

Пропавшая экспедиция, или Сафари на Вагайских болотах

Последняя в 2005 году экспедиция, посвящённая 85-летию крестьянского восстания 1921 года, состоялась в октябре. За время странствий наш проект приобрёл, без преувеличения, межрайонный и даже межконтинентальный характер, как выразилась его бессменный вдохновитель и организатор, тогда ещё старший научный сотрудник Ишимского историко-краеведческого музея Надежда Проскуракова. На этот раз, помимо тюменцев и ишимцев, в экспедиции приняли участие представители Аромашевского района в лице главы администрации Петра Ивановича Николаевца и жителя села Ново-Березовка Степана Ефимовича Вилюка, а также Вагайского района в лице начальника Вагайского ДРСУ Владимира Ильича Захарчука.

А межконтинентальной она стала потому, что её участником оказался гражданин Австралии. Так что русская эмиграция на пятом континенте узнает о наших попытках восстановить историческую справедливость.

Цель поездки состояла в том, чтобы добраться до острова Шевченко – последнего оплота мятежного крестьянства, отыскать хоть какие-то следы пребывания на нём отряда повстанцев и поставить памятный крест на месте гибели ста одиннадцати человек.

Были сборы недолги

Как-то сразу всё не заладилось. Для начала я чуть было не опоздала на ишимскую электричку. В сторону Аромашева, откуда, собственно, и должна была начаться основная часть путешествия, мы выехали из южного форпоста Западной Сибири, то бишь Ишима, в четыре утра. Выехали – громко сказано, потому что за ближайшим поворотом у нашей «Газели» лопнуло колесо. И на его замену ушло ровным счётом два с половиной часа. Так что до конечного пункта мы добрались только к десяти утра.

Какие-то потусторонние силы явно были против поездки.

Николай Ротенко неунывающе смотрел вперёд в продолжение всей экспедиции.

Дорога предстояла дальняя: от деревни Ново-Петровой Аромашевского района до Северного болота, которое находится уже на Вагайской территории; потом 35 километров по болоту до гряды островов. Среди них и основная цель нашей экспедиции – остров Шевченко.

Неподалёку (по местным, разумеется, меркам) от него – Бандитские острова, где была основная база повстанцев, там же – остров Весёлый, где скрывался один из последних вооружённых отрядов под командованием Сикаченко. Недолго думая, я предложила назвать безымянную гряду Партизанскими островами. Никто не возражал. Так что, господа топографы, внесите изменения в ваши карты.

Поскольку передвигаться предстояло по болоту, то и транспорт нужен был соответствующий. В наступление на Вагайские топи двинулся почти настоящий танк, этакий железный монстр на

гусеницах, броневик с ласковым и каким-то не-солидным прозвищем «газушка». Боевой отряд пехоты в составе шести человек набился в самодельный кузов на крыше агрегата; Пётр Иванович Николаец и хозяин «газушки» Владимир Ильич Захарчук заняли места вперёдсмотрящих; из открытого люка торчала голова водителя Саши. Если учесть, что Николаец и Захарчук были вооружены карабинами (как нам, городским недотёпам, было сказано — от лосей отбиваться, у них как раз начался период гона), то наша разношёрстная компания на танке весьма смахивала на отряд завоевателей. Не хватало только шлема на голове у водителя.

Страна непуганой дичи

Первые два часа поездки напоминала увеселительную прогулку. Погода стояла чудная: яркое солнце, синев небо, белые пушистые облака, ослепительно жёлтые листья деревьев, болотная трава приглушённых тонов, алые всплохи неизвестных растений в тёмной воде. Невозможно было оторвать взора от этого великолепия.

Когда-то по Северному болоту, которое тянется чуть ли не до самого Омска, проходил зимник. Сутками шли по нему нескончаемые караваны песовозов. Теперь дорога стала зарастать чахлыми, но настёрными деревцами, — лес потихоньку наступает на болото. Может быть, пройдёт сотня-другая лет, и здесь будет твёрдая почва, а местные жители, если, конечно, к тому времени деревни не исчезнут одна за другой с лица земли, будут ходить сюда за грибами и ягодами.

Пока же в летнее время преодолеть эти топи можно только на самоходке, такой, как «газушка». Впрочем, местная живность свободно передвигается вброд. То и дело наш путь пересекали тёмные колеи, оставленные то лосями, то медведями. Судя по следам, проходили они здесь незадолго до нашего появления. Страна непуганой дичи...

Всё было бы ничего, если бы не одно не известное нам, а потому неучтённое обстоятельство. По болоту «газушка» развивает скорость не более 6-7 километров в час. Если учесть, что нам предстояло преодолеть не менее 40 километров, то легко представить, сколько времени заняло форсирование водной преграды.

Уже через 2-3 часа путешественники приуныли. «Газушка» не приспособлена для пассажиров, так что поначалу все стояли на ногах, держась руками за железный каркас для тента. Потом стали потихоньку опускаться на дощатое дно кузова. Нашлась пара досок, из которых тут же смастерили импровизированные скамейки. Что касается автора этих строк, то мне место определили верхом на алюминии-

Но даже платки не спасали пассажиров «танкетки» от едких сизых выхлопов дизельного двигателя.

вой фляге. Спасибо Захарчуку, дал мягкую куртку — она хоть как-то компенсировала отсутствие комфорта.

И всё-таки неудобства отходили на второй план, когда мы смотрели вокруг себя. Казалось бы, ну что хорошего может быть в болоте? Но и в одиноких камышах, и в тонких, словно недокармливаемых и оттого трогательно-нежных берёзках была необъяснимая, щемящая душу прелесть.

Танкетка, плюясь сизым вонючим дымом, упрямо ползла вперёд и со смачным хрустом молотила всё, что попадало ей под гусеницы: болотную траву, нагие берёзки, безлистые ивы, осыпавшие нас белым пухом серёжек.

Вдали замаячила тёмная гряда поросших лесом островов, и наш проводник Степан Ефимович воздел вверх руку, словно Ленин на броневике, указывая нам путь.

Остров Шевченко, куда мы, наконец, добрались, когда солнце уже почти скрылось за деревьями, невелик — не более трёх километров в поперечнике. Впечатление, по крайней мере вечером, он производил гнетущее. Полная тишина. Ни одной птицы. Ветер путается в кронах высоченных берёз и осин. Остров словно только что поднялся из воды: идёшь, спотыкаясь, по кочкам, по бурелому, ни цветочка тебе, ни грибочка. Запустение. Странно говорить такое по отношению к лесу, но именно так.

Оставив танкетку на заброшенной дороге, участники экспедиции мгновенно потерялись меж деревьев. Степан Ефимович, а вслед за ним Николаец и Захарчук исчезли в лесных дебрях

Главное в путешествии по лесу – вовремя уклониться от хлещущих веток.

– ушли на поиски места, где, по рассказам стариков, прятались повстанцы. Когда-то, проезжая по острову верхом на коне, Вилюк наткнулся на непонятные ямы, отдалённо напоминавшие провалившиеся от времени могилы. Теперь, спустя много лет, ему предстояло снова их найти.

Лирическое отступление

Странный мы народ – русские... Создаём кумиров, свергаем... Назначаем праздники, отменяем... В смутные девяностые кто-то решил, что день 7 ноября впредь нужно отмечать как день согласия и примирения. Вот только кого и с кем следует примирить – уточнить забыли. И вдруг новая блажь депутатам на ум пришла. Решили отныне и во веки веков праздновать освобождение России от польских захватчиков. Как будто важнее события в нашей стране никогда не было. У меня в связи с этим возник вопрос: что, уже все помирились? Полный консенсус? Останки Деникина привезли и на этом в гражданской войне точку поставили? Тогда почему повстанцев, поднявшихся на защиту своих семей, до сих пор в сибирских деревнях называют бандитами? Почему в каждом райцентре стоят памятники жертвам «кулацко-эсеровского мятежа» – безвинно убитым коммунарам и коммунистам, но ни одной, даже самой невзрачной пирамидки на безвестных, затерянных в лесах и степях могилах расстрелянных, порубленных, замученных в застенках ЧК повстанцев? В архивах бывшего КГБ сохранились документы, свидетельствующие о том, как один за другим умирали от инфарктов участники восстания, заключённые в одной из тюменских тюрем, – молодые, здоровые мужчины. Что же с ними делали, если они умирали от инфарктов?!

До сих пор никто не рассказал народу правду об этом восстании и не покаялся в преступлениях, совершённых государством против сибирского крестьянства!

Самое удивительное, что ответ на вопрос «Почему мужики взяли за оружие?» знают все: да потому что продотряды зерно выгребли подчистую. И тем не менее тех, кто пытался противостоять красному беспределу, по прежней, советской, привычке называют бандитами. И не хотят ворошить прошлое, восстанавливая историческую справедливость.

Так что нелёгкое, но благое дело досталось на нашу долю.

Забывтая могила

Память не подвела старого охотника – несколько заросших жёлтой болотной травой провалов мы обнаружили на большой поляне. Ещё один квадрат, напоминавший старую заброшенную могилу, прятался среди берёз и осинков. Пока мужчины разбивали лагерь, мы приступили к раскопкам.

К этому времени стемнело. Вместо прожектора пришлось использовать фонарь видеокамеры, благо телеоператор ишимского телевидения Валера Бочанцев не отходил от «гробокопателей» ни на шаг. Уже первые несколько минут работы показали, что мы не ошиблись в своих предположениях: смешение разных типов почвы в раскопе подтверждало, что когда-то здесь уже копали яму, точнее, могилу... На всякий случай отошли на несколько метров в сторону, сделали шурф, – там земля оказалась нетронутой.

Вскрывать захоронение не стали – мы же не «чёрные археологи». В темноте, разорванной багрово-красным, тревожным пламенем костра, установили памятный крест на месте, где похоронены зверски убитые повстанцы, и пропели поминальную литию. Пусть их мятущиеся души упокоятся с миром!

Ночевать на острове никто не планировал, поскольку не предполагали, что одна только дорога займёт целый световой день. Связи с внешним миром не было никакой. Гнетущее впечатление, которое производил остров, усиливалось ощущением оторванности, изолированности, потерянности. Я бродила в девственной траве, цеплялась лапами куртки за ветви кустарников и представляла себе картину последнего боя: бешено храпящие, вздыбленные кони, азарт разгорячённых убийц, разбегающиеся в смертельной панике люди, крики умирающих, кровь... И одинокая могила посреди болота...

Анастасия Викторовна Ржепко, одна из двух уцелевших во время бойни женщин-подводниц, рассказывала, что повстанцы настолько не ожидали нападения, что практически не сопротив-

Берёзы, окружавшие место гибели отряда Шееченко, приняли странные очертания – немой мольбы к небу.

Копаем яму для установки креста.

лялись – не успели. Красноармейцы вдоволь помахали шашками...

Впрочем, ни ужасная эта картинка, ни деревянный настил кабины внутри танкетки вместо привычного мягкого дивана не помешали уснуть, едва голова коснулась сумки с дорожными вещами, заменившей подушку. Если бы не лёгкое похрапывание соседки и не долгий, отчего-то гулкий мужской разговор у костра, то сон на свежем воздухе можно было бы назвать идеальным.

Горячее сердце, холодная голова...

И всё-таки мистики на нашу долю хватало. В это трудно поверить, но утром следующего дня во время первой попытки выехать с острова у нашего танка отвалилось... колесо!

Можно понять, почему сообщение об этом почти не встревожило женскую половину экспедиции, – мы просто не представляли себе, что такое без домкрата приподнять железную машину, снять гусеницу, поставить на место диск колеса и далее в обратном порядке! Но и лица мужчин – аромашевского главы и его вагайского друга тоже оставались безмятежными. Слово поломка произошло в двух минутах ходьбы от мастерской и ликвидировать её было делом тех-

ники. За четыре часа ремонта Захарчук сорвался один только раз, пообещав послать водителя... нет, не туда, куда вы подумали, а пешком за тридцать километров – в деревню за недостающими запчастями. После этой угрозы запчасти сразу нашлись, словно специально были припасены в партизанском схроне.

Вместо водителя в деревню за подмогой вызывалась идти Надежда Проскурякова, предложив проводнику Степану Ефимовичу сыграть роль Сусанина. На её горячее сердце, жаждавшее преодолеть два «небольших» болота и двадцать пять километров лесом, нашлась холодная голова Николаеца. В деревню он Проскурякову не пустил и тем самым, без преувеличения, спас её для науки.

Пётр Иванович позже отозвался о нашем участии в экспедиции: «Женщины вели себя хорошо, а потом даже мешать перестали...».

Первая поломка в некотором отношении сыграла положительную роль: у ишимских краеведов появилась возможность более детально исследовать остров. В результате нашли место, где были расположены предположительно землянки, в раскопе – обгоревшие обломки кирпичей, яма, заполненная золой: по всей видимости, на этом месте долгое время горел костёр. С помощью миноискателя, взятого напрокат в воинской части, пытались найти хоть какие-то гильзы, но... увы!

А приключения тем временем продолжались. Отремонтированная в полевых, почти военных условиях танкетка взяла курс на ближайшую

Первая поломка «танкетки» – на острове Шевченко.

деревню, каковой, по мнению нашего проводника, должна была стать его родная Ново-Березовка. Но, как говорится, человек предполагает, а Господь располагает. Не прошло и часа, как мы заблудились. Одновременно с этим наш «гроб на колёсах» остался без гусеницы. Слава Богу, что случилось это на острове, а не в топи, иначе мы бы просто пошли ко дну. Весёлая перспектива, не правда ли?

Было ощущение, что некие потусторонние силы удерживают нас в этом лесу. Может, мы не завершили свои поиски? Может, что-то скрытое, не увиденное, не замеченное осталось на острове и на этот раз навсегда?

Чем иначе можно объяснить тот факт, что спустя ещё полтора часа на лесной дороге мы вновь потеряли очередное колесо?! И это ещё не всё. В девять часов вечера, на окраине деревни Ново-Петровой, куда мы попали вместо предполагаемой Ново-Березовки (мне это напомнило песню про матроса Железняка: «Он шёл на Одессу, а вышел к Херсону») в полной темноте «газушка» угодила в колею с жидкой грязью и свернула к... матери всю ходовую часть с правой стороны. Автора этих строк и Надежду Проскурякову эвакуировали. «Газушку» вытаскивали и ставили на колёса без малого два часа. Говорят, самым ласковым словом, сказанным в адрес водителя, было слово «коршун». Всё остальное – непередаваемый русский фольклор. Правда, мы этого уже не слышали, так что наши спутники остались у нас в памяти как очень сдержанные и воспитанные люди.

Сиднейский странник

Если кто и оказался в нашей дружной компании случайно, так это Коля Ротенко. Точнее, Николас, потому что по паспорту Коля – гражданин Австралии. Он принадлежит к первой волне русской эмиграции. В далекие двадцатые годы его предки, жившие в Пермской губернии, покинули Россию, уехав сначала в Харбин, а в начале пятидесятых, когда Китай стал социалистическим, – в Австралию.

Семья Коли из числа тех эмигрантов, кто на протяжении десятилетий сохраняет свою принадлежность к русскому языку, русской культуре и, конечно же, к Русской Православной Церкви (зарубежной юрисдикции).

Нынешним летом вместе с группой паломников из Австралии Коля объездил пол-России. За три недели побывал в Екатеринбурге, Тобольске, Москве, Санкт-Петербурге, проехал по Золотому кольцу... И задержался в Ишиме. Что меня несколько не удивляет. Этот город обладает уникальной способностью притягивать к себе хороших людей.

Коля все тяготы нашего походного быта переносил не просто стоически, но, я бы даже сказала, с нескрываемым восторгом. Мало того, что оказался в Сибири, так ещё и попал в такую глухомань, побывал в такой переделке, увидел такие красоты, какие не каждый русский увидит! Иностранцы за подобный экстремальный отдых большие деньги платят. Так что Коля грудью дышал на полную катушку.

Николай Ротенко пробует найти хотя бы гильзу от патрона.

Да и в экспедиции он оказался человеком далеко не лишним. То ли профессиональная жилка сказывалась – по специальности Коля инженер, – то ли долготерпение верующего человека, но за любое дело он брался с охотой и в первых рядах. Колесо у «Газели» лопнуло – Коля лезет под машину, устанавливает домкрат, откручивает гайки, невзирая на то, что становиться на колени приходится в самой что ни на есть жирной сибирской грязи, а руки помыть в радиусе нескольких десятков километров негде. Крест на могиле повстанцев установить, – пока наш фотограф Гена Крамор препирается с Надей Проскуряковой, Коля берёт в руки лопату и начинает копать яму. Миноискатель не работает – Коля сначала его настраивает, а потом сам ходит с ним по острову, пытаясь отыскать хоть какие-то следы последнего боя. Гусеница у танка лопнула – Коля с кувалдой ходит за водителем и помогает ему ремонтировать гусеницу. После очередного ремонта в шоке подходит к Проскуряковой:

– Надя, я не могу понять, как можно без единой запчасти отремонтировать машину так, что

Результаты раскопок одной из ям: толстый слой золы, в котором лежали обломки кирпичей.

при этом ещё и лишние детали остались? Они их выбросили, сказали: и так пойдёт!

Когда уже по дороге домой в лесу отлетело очередное колесо, мужики, чтобы поставить его на место, выкопали в земле яму. Починили и поехали было дальше. Коля схватил лопату и яму стал закапывать.

– Ты зачем это делаешь? – подошёл к нему Николаец.

– Вдруг после нас кто-нибудь поедет и провалится, – ответил ему Коля, сразив этой фразой Петра Ивановича наповал. Двадцать лет по этой глухомани никто не ездил и ещё лет двадцать после нас никто не поедет! Вот что значит другой менталитет и другое восприятие мира. Яму Коля закопал-таки и только после этого забрался в кузов танкетки.

Мужественные наши спутники в присутствии женщин вели себя сдержанно, хотя, как мне думается, иногда кому-нибудь из них хотелось сказать пару крепких словечек. Прорывалось только тогда, когда, казалось, нас с Проскуряковой поблизости не было. При этом мужчины забывали о том, что в лесу громкие слова разносятся на большие расстояния. Спрашиваю Колю:

– В Австралии русские употребляют идиоматические выражения?

– Не знаю, – по-детски пожимает он плечами. – Наверное, но в моём кругу таких нет. Я с такими не общаюсь.

Бедный Коля!

Возвращение

Ещё ночь, и нас бы начали разыскивать с вертолётками. В то, что случилась беда, никто

Опрос старожилов в Большом Кусеряке.

не верил – слишком опытные люди принимали участие в экспедиции. Но поисковую группу на всякий случай собрали. И вздохнули с облегчением, когда, измученные долгой дорогой, смертельно уставшие, мы появились в Ново-Петровой. Банька, сытный ужин... Хорошо, что у главы администрации просторный дом, – спальных мест хватило на всех. Кое-кто, правда, не добрался даже до кровати. Гена Крамор уснул прямо на полу, а когда его попытались разбудить, чуть не заплакал: решил, бедняга, что его среди ночи хотят отправить в Ишим. Единственное, что огорчало, это невозможность позвонить в Тюмень – я представляла, как сходят с ума от неизвестности мои домашние.

Как там говорится в рекламе: «Его счастье было бы неполным без шоколадных конфет «Россия»... Счастье Надежды Проскуряковой было бы неполным, если бы утром следующего дня на обратном пути в Ишим мы не заехали в деревню Большой Кусеряк и не попытались разыскать на сельском кладбище могилу Григория Шевченко. Спорить о целесообразности этих поисков было бесполезно – всё равно, что попытаться голыми руками разрушить Великую Китайскую стену. Ворчание водителя Коли Маркова было пресечено на корню. Коля Ротенко, по-моему, был зомбирован происходящим и соглашался на всё. Гена – такой же сумасшедший краевед, как Проскуря-

кова. А меня просто никто не спрашивал. Сил же сопротивляться не было. Единственное, что осталось в этой ситуации, – шутить:

– Мне понравилось, – говорит Проскурякова, – как ты в болоте губы красила.

– Когда тебя окружают семь мужиков, – отвечаю я, – губы надо красить даже в болоте!

Нет места более тихого, упокоенного, умиротворённого, чем деревенский погост. Трудно представить, что здесь, на этом небольшом клочке земли, вот уже третье столетие находят свой последний приют местные жители. Это не просто кладбище, это смешение эпох: среди дореволюционных памятников – скромные железные пирамидки, увенчанные поблекшими от времени и дождей, облупившимися звёздами, простые деревянные кресты над могилами кусерякских изморожденных неласковой жизнью старух и тут же мраморные надгробья, выросшие в последние десятилетия. «Всё смешалось...»

Могилу мятежного генерала мы, конечно, не нашли, хотя у Надежды было довольно точное описание её месторасположения. Хотя что тут удивительного! – в последний раз родственники Шевченко были здесь в середине пятидесятых. Полвека прошло, время сровняло с землёй могильный холмик, сгнила и пирамидка, стоявшая в изголовье. Говорят, вскоре после похорон, словно в издёвку, кто-то установил на памятнике красную звезду. Так оно было или нет, мы теперь об этом уже ничего не узнаем.

Постскриптум

За время странствий с ишимскими музейщиками мы не раз оказывались в сложных ситуациях: скрывались от пограничников в Казанском районе, попадали в лесной пожар, ночевали в машине на размытой от дождя дороге в окружении семи «КамАЗов»... Но путешествие в Вагайские болота было самым экстремальным. Мы могли утонуть в болоте. Могли застрять в лесу – там, где ходят медведи и лоси, чьи следы мы постоянно видели вокруг. Вместо одного дня экспедиция продолжалась трое суток, в течение которых мы не могли связаться с близкими и сообщить о том, что живы-здоровы. Нас потеряли везде – в Тюмени, в Ишиме, в Ново-Петровской и в Ново-Березовке... Мы подшучивали над телеоператором Валерой, который, выходя из дома, почистил ботинки, даже не подозревая о том, куда едет и что его ждёт. Трижды сломался танк и дважды «Газель» – на обратном пути из Аромашева в Ишим полетел стартёр.

И все эти приключения, все эти трудности мы преодолевали ради одной цели: для того, чтобы вписать ещё одну строчку в летопись крестьянского восстания, поставить ещё одну точку на ранее неизвестной странице его истории. Надеемся, что нам это удалось.

Фото Г.А. Крамора и автора.

Страницы мемуаров

Т.А. СИВИЛЛОВА

Успокойся, моя память

Начало этой истории – почти мистическое. 19 января 2005 года, в праздник Крещения Господня, мне позвонили из краеведческого музея. Туда пришла бывшая ишимчанка, живущая в Сургуте. Она принесла письмо из Аргентины, автор которого сообщала, что её отец и дед – ишимские священники, и сама она детство провела в нашем городе. Автор письма, Татьяна Андреевна Сивиллова, обращалась в музей с просьбой помочь найти сведения об отце.

Встреча с сургутянякой Ириной Косаревой показала, каким сложным путём шло в Ишим письмо. Рядом с Татьяной Андреевной живёт семья. Её основательница – родом с Украины, откуда её вывезли ещё ребёнком в годы войны. Но за океаном осталась её сестра Мария Петрик, которая ныне проживает в Сургуте. Когда сёстры нашли друг друга, завязалась переписка. Но, поскольку аргентинская украинка не знает ни родного, ни русского языков, письма переводит Татьяна Андреевна. В одном из писем она попросила Марию навестить город Ишим, который, по её разумению, находится «недалеко от Сургута». Мария передала эту просьбу и письмо Сивилловой Ирины Косаревой. Вот так весть из далёкой Аргентины долетела до Ишима.

Сразу после этой встречи я подготовил ответ с рассказом о дёде Сивилловой протоиерее Викторе Калугине и отослал его. Но в тот же день выяснилась любопытная подробность. Оказывается, Татьяна Андреевна узнала о нашем городе из книги Т.П. Савченко «Ишим и литература. Век XIX», которую Мария Петрик выслала в Аргентину до январского визита Ирины Косаревой в музей. И Татьяна Андреевна написала письмо на адрес Ишимского пединститута, на имя Татьяны Павловны Савченко, с благодарностью за книгу, которая возвратила её, Сивиллову, в счастливую пору ишимского детства. Кроме того, она нашла там знакомую фамилию Николая Аравийского, с дочерью которого Евстолией общалась Савченко в середине 1990-х в Томске. Рассказав мне об этом письме, Татьяна Павловна посетовала: вот, на литфаке училась Катя Сивиллова. Фамилия редкая, наверняка родственница. Но где её сейчас найти?

Мистическая история, однако, продолжилась. 25 января, в Татьянин день, в день имени нашей героини, произошла удивительная встреча: Татьяна Павловна, севе в маршрутном такси у пединститута, обнаружила там...

Катю Сивиллову. Разумеется, Катя ничего не знала об аргентинской родственнице. Письмо из-за океана подтолкнуло её к генеалогическим розыскам. Так выяснилось, что в Ишиме живут потомки дяди Т.А. Сивилловой, брата её отца Андрея – Петра Сивиллова, о которых Татьяна Андреевна также ничего не знала.

В переписке Татьяна Андреевна поведала о том, что написала на испанском языке книгу «*Calmate mi temoia*» («Успокойся, моя память»), которая вышла в городе Сан-Николасе в 2003 году тиражом 500 экземпляров. И даже выслала её в Ишим. К сожалению, на территории радиусом в пятьсот километров не нашлось ни одного специалиста, способного перевести её на русский язык... Тогда Сивиллова, несмотря на возраст за 80 лет, взялась сама за перевод и согласилась на его публикацию в альманахе «Коркина слобода».

С волнением читаешь эти листки, повествующие о непрстом жизненном пути нашей землячки, который привёл её на другое полушарие Земли... Стиль изложения – краткий, лаконичный. Но сколько выдержки и слёз стоит за лаконизмом каждого слова – трудно даже представить. Мы публикуем авторский текст с незначительными сокращениями. Зато в нём много добавлений из нашей переписки – это те фрагменты, которые не очень интересны аргентинскому читателю, но ценны для читателя нашего альманаха.

Успокойся, моя память, успокойся... Теперь, когда жизнь пролетела далеко от всего родного, с болью вспоминаю моменты моего короткого детства. Мои счастливые семь лет, которые я прожила в небольшом сибирском городе Ишиме...

Домашний очаг

Мой отец Андрей Викторович Сивиллов был священником, как и дедушка, и прадед. Дедушка, протоиерей Виктор Яковлевич Калугин – отец моей мамы. Его жена, Евгения Васильевна Салярская – моя бабушка. Она умерла, когда мне не было ещё года, а дед умер раньше, в 1920 году (так рассказывала сестра)!

Две мамыны сестры – Раиса и Феоктиста – тоже были замужем за священниками. Ещё одна тётя, Анна – замужем за преподавателем духовного училища Николаем Алексеевичем

Успокойся моя память

Успокойся моя память, успокойся,
хоть рана, боль несправедливого
к нам отмененной составили
следы на фоне моей жизни.
Температура, когда вышло пролететь, далеко
от берега родного, слышишь вдалеке
моменты моего перелета
детства. Мои воспоминания о
лет, которые я провела в
маленьком сибирском городе Ишиме.
На улице Просвещения № 4 там
жила семья Косовых три сестры.
Я (Татьяна) самая младшая, была
на 3 года старше меня. Нина на
7 лет. Наши дом деревянный, как
и все с четырех сторон большие
окна, но освещали снутри
свечками. Все с утра до вечера, предава-
ла слабенький уют. Тогда
существовали те мальчики кото-

Страница рукописи перевода
книги Т.А. Сивилловой.

Аравийским. Бабушка с тетей Раей жили на параллельной улице Республики, как раз напротив нашего дома (только через квартал). У них был большой двор, по правую руку – флигель. Дом двухэтажный, мои родные жили на втором этаже, а нижний, похоже, сдавали.

Раиса Викторовна Васильева уехала из Ишима после того, как стала вдовой. Её сын Павел Николаевич стал чекистом, Леонид – военный врач, Валентина – профессор математики, Зинаида – агроном, Алексей – лётчик. Алексей и Павел погибли на полях войны. Валя так и не вышла замуж, преподавала в Московском университете, выпустила книгу по математике. Зинаида, овдовевшая в войну, осталась с сыном, он впоследствии застрелился.

В доме осталась жить тётя Маруся (Мария Викторовна Тисленко) с семьёй. Их тоже ожидала трагическая судьба. Тётя Маруся с мужем и старшей дочерью Ириной (была архитектором) погибли в авиакатастрофе, дочь Вера и сын Виктор – во время войны.

Анна Викторовна Аравийская имела детей – дочь Евстолию, сыновей Александра и Аполлона, который впоследствии жил в Новосибирске.

Род Сивилловых происходил из города Тары, в нынешней Омской области. У моего отца были ещё брат Пётр и сестра Александра. Они рано остались сиротами – родители умерли от какой-то эпидемии. Их воспитывал дед-псаломщик. Отец учился в Тобольской духовной семинарии, стал священником. Его брат Пётр также жил в Ишиме, работал на станции в депо². Сейчас в Ишиме живёт сын Лев Петрович, внуки и пра-

Обложка аргентинского издания книги,
оформленная автором.

внуки Петра Сивиллова. Один из них, Алексей Львович Сивиллов, переехал в Тобольск. Сёстры Лява – Ираида и Вера – живут в Омске. Однако о них я узнала недавно, после того, как вновь установила связь с родным городом.

Родилась я 21 января 1924 года в Алексеевском посёлке³. Там был наш дом, там в станционной церкви служил отец. Но я помню только дом в Ишиме.

Нас было три сестры. Я, Татьяна, самая младшая, Елена – на 3 года старше меня. И Нина, старше на 7 лет. Брат Сергей умер в 1918 году, 14-ти лет. Мама говорила, что его похоронили около церкви – но не около той, в которой служил отец⁴. Ещё две сестры, Лидия и Алевтина, умерли маленькими.

Наша семья жила на улице Просвещения, в доме № 4. Теперь этого дома уже нет. Большие окна с четырёх сторон, по два с каждой стороны, освещали его с утра до вечера, придавая нашему небольшому деревянному дому особенный уют. В нём всегда чувствовалось тепло – не только от отопленной печи, но и от заботливой доброй нашей матери, которая также была моей первой учительницей. Она полностью занималась нашим воспитанием. Сама шила нам одежду. Занавески, вышитая скатерть, салфетки, платочки – всё дело рук моей мамы. Когда она только успевала? Да и отец мой с детства привык ко всякой работе.

Всё, абсолютно всё до деталей осталось в моей памяти. Дом наш был небольшой. Немного выступал со стороны улицы за красную линию. Справа, с южной стороны, вдоль соседнего участка росла малина. Слева – ворота с калиткой,

**Варвара Викторовна Калугина,
в замужестве Сивиллова. 1900-е.
Фото Н.А. Лузьянова (Ишим).
Из архива автора.**

**Андрей Викторович Сивиллов
до принятия сана. 1900-е. Тобольск.
Из архива автора.**

ведущие во двор. Там – хлев с курятником, небольшой сарай, огород, где росли морковь, горох, огурцы в высоких грядках. В дом заходили с восточной стороны. С крыльца поднимаемся в сени, по левую руку – кладовка, прямо – дверь в коридор. Оттуда направо – небольшая комнатка, налево – кухня с русской печью и полатями, из неё мы попадали в столовую, она же спальня. А по коридорчику прямо – папин кабинет.

В кабинете помню письменный стол, у окна, которое выходило во двор. На нём – чернильный прибор и бронзовый лев, пресс-папье, счёты. Над небольшим столиком – зеркало. Вдоль противоположной стены – полки, заполненные книгами. В другой комнате стояла этажерка, заполненная книгами для детского и юношеского возраста. Во время длинных зимних вечеров мама рассказывала сказки, с большим мастерством меняя голос персонажей. Помню «Аленький цветочек» Ахсакова, «Мальчик-звезда», «Детство Обломова», «Каштанку» Чехова и другие. Иногда читала Библию.

На дворе завывает метель, а мы на кухне, едва освещаемой маленькой керосиновой лампой, прижавшись к маме, слушаем сказки про

злых чародеев, колдунов, про добрую бабу Ягу. Не страшно, что на дворе трещит мороз, – мне тепло около мамы. Иногда вечера проводили за столом, занимаясь каждый своим делом. Мне нравилось рисовать, мама вышивала или шила что-нибудь. На Рождество готовили ёлочные украшения из цветной бумаги. На Пасху красили яйца. Мама пекла куличи, украшала их глазурью. С корзинкой, наполненной провизией (куличи, крашеные яйца, сало), шли в церковь, чтобы всё освятил священник.

Мама была верующая, добрая и заботливая. Как и полагается, в доме висели иконы с лампадкой. Утром перед завтраком мы должны были перекреститься перед иконой. Поцеловав папу и маму, садились за стол. Собираясь ко сну, желали спокойной ночи, поцеловав обоих. Хотя и днём, играя во дворе или дома и увидев маму, не могла не поцеловать её.

С папой ездили в сёла Песьяново и Шаблыкино. Нас там очень приветливо принимали. Иногда эти люди завезжали к нам и оставались ночевать. Мамочка водила меня исповедоваться в церковь, где служил папа. Туда же ходили с ней на Пасху. Она делала из бумаги розы, из которых собирала на проволоке надписи: «Христос Воскресе». Эту надпись вешали в церкви.

В огороде, у самого забора была устроена яма. В ней долго сохранялся снег, и она служила нам вместо холодильника. Как-то полз к нам воришка и, перепрыгивая через забор, упал прямо в эту яму. Папа обнаружил его утром и

Дом, где жили Калугины на бывшей Больше-Никольской улице. Ишим, ул. Ленина, 23.
Апрель 2004. Фото Г.А. Крамора.

спустил лестницу, чтобы тот выбрался. В другой раз вечером, когда мы сидели на кухне за столом, увидел через окно, как соседский паренёк перелезает через забор. Папа открыл окно и крикнул: «Степан, ещё рано, не совсем стемнело». Тот устыдился и убежал.

Зима в Сибири длинная, суровая. Но и тогда мы находили развлечения. Папа во дворе делал для нас катушку. Покрывал бочку снегом, обливал её водой. На другой день он снова набрасывал снег и снова обливал его, пока не получалась высокая катушка. Сбоку – ступенька из льда, посыпанная золой. На санках мы с Леной летели через весь двор. Холод нипочём, если мама ждёт нас с горячим ужином. Став постарше, мы осваивали коньки, лыжи.

В то время у нас была корова Бурёнушка. Каждое утро приходил пастух, стучал в ворота и выводил коров в поле. Несколько кур и пушистый белый кот Белорка дополняли наше хозяйство.

Ночью по улице проходил караульный, постукивая в колотушку.

Мама по профессии была учительницей и сама занималась нашим образованием. Кроме того, она боялась отправлять нас в школу, так как началось преследование духовенства и их семей. Но все соседские дети шли в школу, и мы упрямивали маму, чтобы нас тоже записала. Наконец пришёл тот день, когда меня записали во второй, а Лену в четвёртый класс. Нина не ходила в начальную школу. Её подготовил по математике сильный учитель Николай Ильич Слободенюк, чтобы она сдала экзамены за семилетку. По остальным предметам её готовила мама.

Школа была недалеко от дома, налево, если выходить из калитки. Но прouchилась в ней в Ишиме я только один год.

Арест папы

Напротив нас жила семья евреев Кобриных. Их дочь Бася, примерно моего возраста, приходила играть к нам, качаться на качелях. Улица

не была асфальтирована. Канавы по краям проезжей части после дождя наполнялись водой. Как-то Бася сдёрнула с меня цепочку с крестиком, а меня толкнула в переполненную канаву.

За пределами родного дома мы чувствовали недружелюбное отношение. Коммунистическая власть вела антирелигиозную пропаганду. В школе говорили, что религия – это опиум для народа.

Как-то вечером, во время ужина, мы услышали стук в дверь. Пришли арестовывать моего отца. Вина его – в том, что был священником. Забрали и все его фотографии. Осталась только одна, где он семинарист – его просто не узнали.

Сначала он сидел в ГПУ, которое находилось напротив почты. С улицы была лестница. Арестованных сидели в подвальном помещении, окна на уровне тротуара, прикрытые жестяными щитами с небольшим наклоном. Я с третьей или четвертой ступени хотела заглянуть в подвал. Кто-то через щель просовывал руку – мне подумалось, что это была рука моего отца.

Посещать арестованных не разрешалось. Маме удалось узнать, что их поведут в баню и будет возможность увидеть отца хотя бы издали. Этот день остался в моей памяти на всю жизнь. Мама пошла со мной – взглянуть на отца, возможно, в последний раз. Толпа людей собралась напротив бани, на порядочном расстоянии. Милиционеры не подпускали ближе. Когда из бани вышли остриженные, без усов и бород, измученные пытками и голодом люди, они были совершенно неузнаваемы. Отец, увидев нас, махнул рукой. Хотелось подбежать, обнять его. Мама шагнула вперед, но стражник грубо окрикнул: «Стой, баба, не подходи».

Когда погнали этап, поднялся сильный ветер, надвигая тёмные тучи, которые низко нависли над нами. Крупные холодные капли превратились в ливень с градом. Мы бежали, взявшись за руки, подгоняемые ветром. Промокшая одежда облипла вокруг тела. Наши лица были мокрыми от слёз и дождя.

**Покровская церковь на станции Ишим,
1970-е. Фото Н.П. Хрулёва.
Из архива семьи Хрулёвых.**

Вскоре, дрожащие от холода, мы были у дверей нашего дома. А наш отец, как он? Будут гнать их, промокших и озябших... Старалась не расплакаться перед мамой. Молча провели день, каждый со своими думами. Не такая ли судьба постигла боярыню Морозову? Легли спать. Оставшись одна, я дала полную волю своим чувствам. Рыдала о несчастном отце, о нашей судьбе.

Без отца всё изменилось.

Мама, чтобы как-то выйти из положения, сдала папин кабинет ссыльному украинцу. Другую, маленькую комнатку сдали учительнице, мужа которой также арестовали.

Это был 1932-33 год. В стране начался голод. Мама продала корову и всех кур. Продали и козу – мама не решилась заколоть её. Говорила, что не смогла бы есть мясо той, которую кормила и ласкала. В магазине «Торгсин» можно было достать в обмен на золотые и серебряные вещи немного муки или крупы. Мама послала меня сдать серебряную ложку, за которую дали немного риса. Кольца, серьги, брошки принимали как лом. Мы уже не имели ничего ни на обед, ни на ужин и были обречены на голодную смерть. Горожане горько шутили: «Город Ишим, еле дышим, улица Мёртвая, передать Бессмертным».

Однажды сидели мы за пустым столом, занимаясь рисованием или чтением. Вдруг зашли два чиновника с портфелями, попросили у мамы план дома и объявили, что в 24 часа мы должны оставить дом. Связываться с родственниками и соседями запретили. Не знаю, как сумел приехать мамин брат Семён Калугин, который жил в Новосибирске. Он должен был

**Сёстры Сивилловы (слева направо):
Нина, Елена, Татьяна.
Ишим. 1933. Из архива автора.**

увезти с собой Нину. Ей исполнилось 15 лет, вскоре она должна была получить паспорт, а оставаясь жить с нами, она получила бы «волчий паспорт». Она не хотела расставаться. Но объяснить Нине, что для неё лучше уехать с дядей, не было времени. Дядя Сенья взял её за руку и захлопнул за собой дверь.

Теперь мы остались втроём. Ещё не прошло 24-х часов, и мы оставались в доме, который уже не был нашим. Тут зашли незнакомые люди, за ними милиционеры. Грубо приказали: «Ни с места!» Я хотела побежать взять свои книжки или куклу, но меня остановил крик: «Не двигайся со стула!» Тогда, в раннем возрасте, я впервые остро почувствовала одиночество, бесправие, несправедливость, преследование, которые продолжались долгие годы.

Одна баба с корявым от оспы лицом и красным платком на голове – типаж коммунистической активистки – стала шарить по шкафам, как хозяйка. Подобно курице, разгребаящей землю, швыряла направо и налево то, что так берегла моя мать.

С тем, что могли взять в руки, мы оставили дом, где раньше царили покой, уют, любовь и покров родителей. Всё разрушено. Мы теперь как нищие. Что нас ждёт? Кто отнял отца? Кто отнял сестру и дом? И это мои соотечественники, мои братья, гуманная власть?

Часто думала о том, чтобы ещё хотя бы раз взглянуть на дом, построенный руками отца. Так же, как жена Лота, которой взгляд на свой дом стоил жизни. Сколько семей осталось без отцов, сколько сирот появилось из-за бесчеловечной политики...

Прощай, Ишим!

Мама решила поехать вслед за отцом в Тобольск. До Тюмени ехали повоздом, потом на небольшом пароходе. Первый раз я ехала по реке. Временами мне казалось, что это просто экскурсия, и скоро мы вернёмся в наш дом. Я не представляла, что никогда его больше не увижу. Удивляюсь, как могла выдержать моя мать, оставшаяся совершенно одна, безо всякой поддержки – материальной, духовной.

Улица Просвещения (быв. Пляц-Парадная) в наше время.

Справа – место, где стоял дом Сивилловых. Ишим. Январь 2005. Фото Г.А. Крамора.

Одна, с двумя детьми. Потеряв мужа, дочь, дом.

Однажды пароход сел на мель. Все пассажиры должны были высадиться на берег. Мама с Леной – тоже. Мне разрешили остаться на палубе беречь наш багаж из трёх сумок. Пароход шёл по Туре, которая впадает в многоводный Тобол с прозрачной водой. А он, окопо Тобольска – в Иртыш, с водой мутной, глинистой, тёмной. Тёмной, как наша судьба и всё, что ожидало в этом городе.

Часть Тобольска расположена на горе, часть в долине. С парохода видна длинная стена с несколькими башнями. Я смотрела на старинную сказочную крепость, предполагая, что принадлежит она какому-нибудь колдуну. Я всё ещё жила под влиянием маминых сказок... На высоте, на краю обрыва красовалась тюрьма, охраняемая часовыми с вышек.

Как нам рассказал позже отец, их этап шёл пешком – от деревни до деревни. Многие умирали по дороге. Ночевали в деревнях. Моему отцу одна женщина в доме, где он провёл ночь, дала покушать, что имела. Она его узнала; ещё девушкой жила у нас, помогала маме. Когда вышла замуж, уехала в деревню. Господь привёл отца к ней.

В тюрьме заключённые спали на нарах на своей одежде. Вскоре их покрыли вши, заедали клопы. Измученные допросами, некоторые подписывали ложные обвинения, признавая свою «вину».

Из тюрьмы арестованные спускались по крутому берегу, как с катушки, к реке, где должны были работать в воде. Они отправляли вниз по течению брёвна, которые застревали у берега, и их нужно было столкнуть к середине реки. Хотя это моё предположение. Я была на таком расстоянии, что не могла понять, что делали они в воде. Стража не подпускала нас близко. Хотя мы и приехали в Тобольск, но не могли увидеться с отцом. Он был в тюрьме на этих работах. О свиданиях с заключёнными не могли и думать.

Немалую часть населения Тобольска тогда составляли сыльные доктора, профессора, писатели и другие представители интеллигенции. Местное население состояло из татар, кир-

гизов, остяков. Мама нашла место, где бы мы могли приютиться. Стала заниматься шитьём, но на пропитание не хватало.

Настал день, когда освободили нашего отца. Теперь он должен был только каждую неделю являться в милицию для регистрации.

В царское время в Тобольске действовала семинария, где учился мой отец. С того времени остались некоторые знакомые. В том числе доктор Белавин. Благодаря ему отец устроился кучером при больнице и получил комнату в доме, где жили санитарки, медсёстры и другой персонал с семьями. Кухня общая для всех. Мама разделила комнату ширмой. Достали кровати, стол и пару стульев. В бедноте и голоде, но вместе. Мама посадела, отец переболел цингой и остался без зубов. Быстро постарели мои родители...

Моя мама училась в Тобольске в женском епархиальном училище для детей духовенства. Поэтому она тоже встретила знакомых. Но общаться было опасно как для них, так и для нас. Мамин отец, мой дедушка, тоже закончил Тобольскую семинарию. Здесь жила её двоюродная сестра Телешева. Мама с ней скрытно встречалась. Её двое сыновей учились в той же десятилетке, где и я, но мы никогда не разговаривали. Я даже не знала, что мы родственники. Старший сын был хороший художник, реставрировал картины в музее.

Однажды я встретила в Тобольске семью с детьми нашего возраста, которые посещали нас в Ишиме. Их тоже сослали. Мы только посмотрели друг на друга, даже не поздоровавшись...

Жизнь в Тобольске

В Тобольске были школы – как семилетка, так и десятилетка, а также техникумы. Обучение бесплатное. Многие учителя – тоже сыльные. Они отлично готовили учеников для поступления в институты. Я училась сначала в неполной средней школе № 18. Она находилась в нагорной части города, в здании бывшего епархиального училища.

С малых лет молодёжь разделялась по возрасту на октябрат, пионеров и комсомольцев. Пионеры носили красный галстук со значком,

Екатерининская церковь в селе Шаблыкинском. Февраль 2005. Фото Г.А. Крамора.

на котором изображен костёр из пяти поленьев с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Здоровались: «Будь готов!» – «Всегда готов!» Пионеры объединялись в звенья, ими руководили пионервожатые. Устраивали костры, у которых дети пели, декламировали. Также посещали музеи, вели политические беседы, следили за успеваемостью и дисциплиной.

Ребята старше 16 лет вступали в комсомол. А после могли вступить в компартию, если в семье не было политических заключённых. Многие, чтобы вступить в партию, публично отказывались от родителей, которые вошли в категорию «врагов народа». В газетах появлялись объявления такого типа: «Я, Иван Кузнецов, так же как и наше правительство, признаю моего отца виновным».

Всем известно, кто такой Павлик Морозов. В то время, когда царил голод по всей стране, правительство строго запретило делать запасы продуктов. Отец Павла спрятал у себя в подполье картофель, чтобы спасти от голода семью. Сын донёс на отца, которого арестовали. Возмущённые соседи убили Павла. Ему поставили памятник как примерному пионеру. Была сложена песня: «...Не любило Павла кулачье». Так, безо всякой морали, воспитывалась молодёжь.

В праздники – 1 мая, 7 ноября, 21 января (день смерти Ленина) – школьники, рабочие, служащие выходили на демонстрацию с красными флагами и громадными портретами вождей, в том числе «любимого Сталина».

А народ голодал. В школе нам давали немного просяной каши. Нужда была во всём. Однажды, видя, что люди толпятся у закрытой двери магазина (признак, что прибыл какой-то товар), я встала в очередь. Оказалось, будут продавать мужские свитеры. Когда очередь дошла до меня, остались свитеры серого и синего цвета. Продавщица подавала, какой ей под руку попадёт. Нельзя было сказать: «Дайте мне другой цвет», а то не продаст никакой.

Накануне войны в Тобольске продавали по 400 граммов ржаного хлеба на человека. Но за этим куском очереди протягивались длиной в два квартала. С раннего утра люди выстраивались перед закрытой дверью. Каждый знал, что

за кем стоит. Из-за холода стоять на одном месте было невозможно. Нужно шевелиться. А под крик: «Становись в очередь, проверка!» – нужно вновь занять своё место и показать номер, написанный на ладони... В 1937 году положение с питанием немного улучшилось. Можно было достать рыбы головы, из которых варили уху. Саму рыбу, видно, вывозили.

Позднее на базаре стали появляться молоко, овощи, рыба, но жалованье задерживали по три месяца, и когда платили, то настойчиво предлагали покупать облигации для помощи коммунистам за границей, особенно испанским.

Церкви превратили в клубы или склады для зерна. В одном храме, под горой, открыли курсы по фотографии, музыке и художеству. Я записалась на художественный. Преподаватель – замечательный художник и скульптор Чукомин². Как-то я была у него на квартире и увидела его картины. Особенно поразил реалистичностью изображения небольшой натюрморт: тарелка с брусничкой, только что принесённой с мороза и начинающей оттаивать.

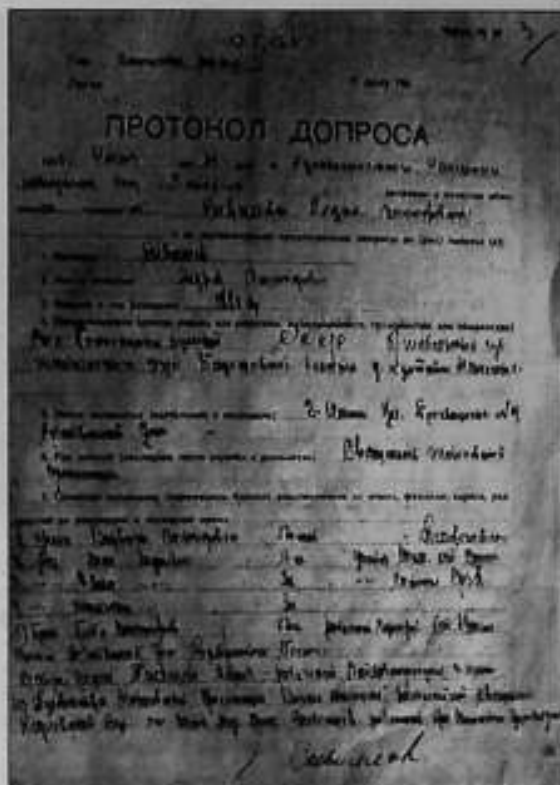
В том году отмечали 100 лет со дня смерти Пушкина. Я нарисовала его портрет, за который была премирована полным собранием сочинений поэта. С большой радостью ходила я на художественные курсы. Но только два месяца, – преподавателя арестовали. До нас дошли слухи, что он повесился в тюремной камере.

В школах преподавали историю, конечно, в коммунистическом толковании. Фильмы снимались на одну и ту же тему: разоблачение врагов, шпионов, диверсантов. Песни из репродукторов жужжали в уши про любимых вождей. И вдруг появился фильм «Большой вальс» с музыкой Штрауса и рассказом про композитора. Ходила в кино несколько раз слушать «Сказки венского леса» и другие его вальсы.

В 1937 году исполнилось четыре года, как у нас отняли дом. Лена заканчивала педтехникум. А Нина, живя с дядей Сеней в Новосибирске, окончила курсы бухгалтеров. Она решила приехать в Тобольск, чтобы воссоединиться с семьёй. За ширмой поставили для неё кровать. Здесь Нина быстро нашла работу. Опять мы

Конспект книги «Религия и наука». Автограф о. Андрея Сивиллова. 1920-е. Архив РУ ФСБ по Тюменской области, архивное следственное дело № 1853.

Протокол допроса о. Андрея Сивиллова. 24 июня 1933. Архив РУ ФСБ по Тюменской области, архивное следственное дело № 1853.

были все вместе. Казалось, что жизнь нормализуется. Но надолго ли?

Опять тюрьма

В тот день папа вернулся домой с работы поздно. Сел задумчивый на свою кровать. А уже почти ночью, когда мы легли в свои кровати за ширмой, раздался зловещий стук в дверь. Кто бы это мог быть, если мы ни к кому не ходим и нас никто не посещает? К нашему удивлению — гость в ярье: «Пришёл навестить тебя». Это был бывший семинарист, который учился с моим отцом. Стал вспоминать старое время, студенчество. К чему эта комедия, если милиционеры, стоявшие за дверью, и без него бы зашли? Кто мог в то время носить ярьсу? Только тот, кто работал на энкаведистов, доносчик. Вскоре он ушёл, не закрывая дверь. Следом вошли палачи. Опять перерыли всё. Не заметили, что Нине уже 20 лет. А то отметили бы в паспорте, что она дочь политзаключённого.

Отца схватили за обе руки и увели, не дав попрощаться с нами. Разве мы могли потом спать? В эту ночь «чёрный ворон» оставил сиротами множество семей. На следующий день дети пришли в школу заплаканными. Никто не сделал уроки. В класс вошёл директор школы: «Вы, как граждане Советского Союза, должны положиться на правительство, которое проверит и невиновных выпустят».

После ареста отца мы вынуждены были оставить казённую квартиру. Мама сняла комнату

на окраине, почти на опушке леса. Кухней пользовались вместе с хозяйкой. Мама устроилась кастеляншей в больницу. И как нагрузка — общественная работа по ликвидации неграмотности. Обучала она работниц больницы.

Нина познакомилась с одним военным, который приехал навестить свою мать, и вышла за него замуж. Теперь её фамилия по мужу стала Егорова. Его отец также давно был арестован. Ни он, ни она не спросили друг у друга, где их отцы. Нина уехала с ним на Украину в город Николаев. Позже Егорова (свекровь Нины) мне говорила, что её муж был фотографом при царе и приехал (был сослан) в Тобольск тогда же, когда сюда привезли Николая II. Насколько это правда, не знаю, но она показывала большие фотографии и хранившийся на чердаке ковёр с печатью, как утверждала, царской.

Елена окончила техникум и уехала учительствовать в деревню. Я осталась одна с мамой. Поступила в десятилетку — школу № 1, в нижнем городе.

Маму тоже вызывали на допросы. Она не рассказывала деталей, только помню её слова: «Антихристы, всё могут у меня отнять материальное, но душой не завладеют».

Расстрел

Этот год не забудет русский народ. Массовые расстрелы невинных людей, без суда. Тюрь-

Вид города Тобольска со стороны Иртыша, на подходе к старому речному порту. Слева – кирпичные стены тюрьмы, справа – колокольня и купола Софийского собора. 1970-е. Фото В. Панова. Из книги «Тобольск» (М., 1982).

мы, переполненные несчастными. Иногда туда принимали передачу. Мы узнали, что можно передать чеснок, лук и одежду. Так с небольшим пакетиком я пошла с мамой к тюрьме, где стояла очень длинная очередь. В стороне тоже толпились люди. Страшно кричали и плакали цыгане. Всё осталось в моей памяти. Так же, как и в очереди за хлебом, на ладони писали номер. У нас был номер 800 с лишним. Когда подошла наша очередь, передали пакет через окошечко размером 30 на 35 сантиметров. Кто принимал, видно не было. Дождались ответа. Отец написал: «Получил сполна, но мне уже ничего не нужно». Почерк неузнаваемый, буквы угловатые. Знал, что конец близок. Эти безжалостные безбожники беспощадно наказывали только за то, что человек думает иначе. Брат, отец или просто соотечественник – никому не было пощады. Террор пронёсся по всей стране. Росло количество доносов, арестов, отправок на принудительные работы. Недоверие заставляло молчать.

Зимой в Сибири темнеет очень рано. По пути из школы я поднималась по узкой лестнице с очень плохими перилами. Потом проходила под аркой. По правую руку оставался сад с памятником Ермаку, дом для беспризорных. Мне нужно было пройти через весь город до окраины. Домик, где мы жили, стоял на опушке леса.

Падал снег и дул сильный ветер, что заставляло идти нагнувшись. Я переходила небольшое поле, опустив из-за ветра голову. Вдруг – окрик: «Не подходи, девчонка!» Подняла голову и увидела повозку, накрытую брезентом и запорошенную снегом. С обеих сторон лошади шли мужчины. Сначала я подумала, что они возвращаются с базара. Но нет, они одеты не по-крестьянски, в длинных шинелях. А из-под брезента виднелись сапоги, тоже покрытые снегом. Значит, это везут расстрелянных. Дома я ничего не сказала маме, которая обегала все тюрьмы, не находя моего отца. Но рассказала Лене, которая была как раз дома. На другой день мы пошли по следам повозки. Увидели яму, приготовленную для несчастных жертв. Я не стала подходить, боясь поскользнуться. Яма не была ещё полной.

Сколько в детстве я должна была пережить ужаса! Сколько человек может выдержать? Как можно забыть зверское издевательство над

своими людьми? Когда мы жили при больнице, видела в психиатрическом отделении людей, которые не выдержали потери имущества, пыток при допросах и сошли с ума. Помню больного, который залезал на колючую боярку и горланил во всё горло:

*Сидит Сталин на суку,
Глохнет конскую ногу.
Ах ты, гадина,
Советская говядина!
Или:
Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
Хлеба не давать,
Мяса не показывать.*

На принудительные работы посылали не только мужчин, но и женщин тоже. Они исполняли тяжёлые работы, несмотря на суровый сибирский климат. Жили в нечеловеческих условиях.

Перемена квартиры

Только Бог знает, как мы смогли выжить. Я училась в школе, находившейся очень далеко от дома. Мама нашла один домик, хозяева которого уехали в Тюмень. Нам сдавали только кухню. У нас ничего не было. Кровати, где спали Лена и Нина, возвратили тем, кто нам занял. Остались с одной кроватью, столом, швейной машинкой и книгами.

В трубе гудел и выл ветер, поблизости – никаких построек, только сугробы снега. Сбоку от двери – поленица. Дверь закрывалась на крючок. Рано утром мама уходила на работу, я – в школу. В нашем жилище температура держалась та же, что и на дворе... Когда я возвращалась из школы, на окнах лежал толстый слой наледи, в чайнике – лёд, гвозди на стене покрыты инеем. Я, промёрзшая, готовила дрова, но не растапливала печь, пока не приходила мама – чтобы хватило на всю ночь.

Как-то, не зная, как согреться, легла под перину, не раздеваясь. Не чувствовала ни рук, ни ног. Вскоре заснула. Дверь не была закрыта на крючок. Пришла Валя Гурьева и стала звать меня: «Где ты? Ну куда ты делась?» – и со всего размаху села на меня. Она пришла, чтобы я

*Школа № 18, бывшее женское епархиальное училище.
Тобольск. Кон. 1950-х. Архив ЛМЕ.*

*Школа № 1, бывшая Мариинская женская гимназия.
Тобольск. Кон. 1950-х. Архив ЛМЕ.*

помогла решить ей задачу... Дома она рассказала, как мы живем, и её родители предложили перейти к ним в маленькую комнатку. Отец Вали был пожарником, мать – пожилая крестьянка. Печь у них топилась целый день. Они сами на санях перевезли наш багаж.

После того, как я получила премию за портрет Пушкина, в школе узнали, что я увлекаюсь искусством. Мой учитель по математике Михаил Панфилович Поспелов пришёл, чтобы попросить нарисовать портрет какого-то учёного. Он постучал в калитку, которая была на высоте тридцати сантиметров от земли. Хозяйка, увидев, что стучащий в калитку носит брюки навыпуск и туфли, а не сапоги, не открыла ему. Она его приняла за энкеведиста. Недоверие друг к другу и доносы продолжались, что заставляло нас держать язык за зубами.

Я училась в десятом классе. Экономическое положение в Тобольске не улучшилось. За хлебом выстраивались очереди. Мы не могли сутками стоять в очередях, так как я училась в школе, а мама работала. Иногда она приносила с работы свою порцию, чтобы поделиться со мной. В газетах – пропаганда и новости, далёкие от правды. Немцы уже заняли Польшу. На школьном собрании нам объявили, что Сталин подписал с Гитлером пакт о ненападении.

Однажды свекровь Нины пригласила меня к себе. Когда я пришла, она сказала, что хочет передать ручные часы Нине и другой невестке в Николаев. Залезла на стул, вынула кирпич из трубы и достала коробочку с часами. Потом на чердаке, где была спрятана коробочка с другими часами, показала ковёр – подарок царя. На другой день пригласила пойти в лес за шишками. В лесу нас застала гроза. Это было близко, сразу за театром, и мы вернулись домой.

Через пару дней мне пришла повестка в НКВД. Маме я не говорила, что была у Егоровой и ходила с ней в лес. Ведь она предостерегала меня от встреч с ней. Когда мама была на работе, я пошла на «исповедь». При входе посмотрели на повестку и указали мне на скамейку. Это известный метод, чтобы человек перенерничал. Наконец, вызывают в кабинет. Полумрак не даёт разглядеть, куда я попала. За столом сидит тип, лицо которого нельзя различить – настольная лампа направлена на меня. Он прочитал какую-то ересь о нашей прогулке в лес. Посыпались вопросы: «Откуда я знаю Егорову? Что мы делали в лесу? Не спрятала ли она что-нибудь?» Наконец, меня отпустили.

Мама была ещё на работе, когда я вернулась. Я сама пережила внутри всё происшедшее.

Егорову тоже вызывали на допрос. После этого я видела её, но она прошла мимо. У неё подёргивалась голова.

Прощание с Сибирью

1941 год. Март. Начиная таять снег. Лёд на реке пошёл трещинами. Вскоре его громады, как хрустальные замки, двинутся по течению. В это время приехал муж Нины, Лёня Егоров, со братом Иваном, чтобы продать дом матери. Она сидела в тюрьме.

Лёня был хороший человек. Увидев, как мы живём, пообещал вывезти нас на Украину. Мы совершенно обносились. Мама попросила на работе простыню, из которой сшила мне платье и вышила его жучками. Потом ей дали небольшой флаг, из которого она сделала мне блузку. А у самой была только одна юбка.

Нужно было спешить выехать, пока не растаял снег. Лёня, как военный, достал грузовик, на котором я с Иваном и ещё несколько человек ехали до Тюмени. Я взяла документы из школы. Собраться надо было быстро. Мама была на работе, меня ждал грузовик. Пришлось уехать, не попрощавшись. Устроилась в кабине с книгами и сумкой с одеждой – все пожитки. И оставила Тобольск, город с деревянными мостовыми, навсегда.

Мама выехала позже с Лёней. Лёня тоже хотела ехать с нами, но она, как учительница, должна была закончить учебный год.

Просёлочные дороги уже превратились в сплошную грязь. Под колёса подбрасывали ветки. Грузовик буксовал, забрызгивая грязью людей. Доехали до первой деревни, остановились в избе. Поразительная беднота и грязь. Дети чумазые, босые. Доезжаем до другой деревни. В избе русская печь, стол, скамейки. Спят на полатах. Под столом куры. Вокруг избы лужи. Плетень пошёл на топку.

С трудом добрались до Тюмени. Людей с чемоданами почти не видно, все с мешками, сумками. От Тюмени доехали до Москвы, где должны были сделать пересадку.

Москва... Казалось, я попала на другую планету. Сразу бросилась в глаза разница с Тобольском. Люди хорошо одеты. Магазины заполнены товаром. Метро поразило красотой. Увидела Красную площадь со знаменитым храмом св. Василия. Посетили Мавзолей.

Николаев

Какая встреча! Когда я рассталась с Ниной в Ишиме, мне было 7-8 лет, а ей 14-15. Затем встретились, когда мне было 13, а ей 20. Были вместе очень короткое время. Когда я приехала из Сибири в 1941-м, уже совсем взрослой, мне было 17, а ей 24. Через три года мы расстались – до нашей старости. Встретились только через 52 года уже старухами...

Вернусь к 1941 году. Мама приехала вслед за мной, вместе с Лёней. А бедная Лена не успела. Когда она оставила Тобольск, уже началась война. Она успела доехать до Свердловска, откуда прислала письмо, что весь транспорт занят военными.

В Николаеве нас прописали только благодаря Лёне, так как квартира не имела достаточной площади. Приехали как раз на 1 Мая. Улица полна людьми. Демонстранты с песнями и музыкой шли по главной улице. Жизнь здесь кипела. На базаре, как на Сорочинской ярмарке, разбегались глаза от изобилия фруктов: целые харбы (повозки) арбузов, дынь, абрикосов, вишни. Это в то время как в Тобольске были довольны, если достали пареную репу. Недалеко от дома находился ресторан, куда я ходила с Ниной и Лёней. Музыка, официанты в униформе – другая страна.

Я записалась в школу № 2, чтобы сдать экзамены за 10-й класс. Благодаря подготовке в тобольской школе я сдала все экзамены на хорошие отметки и успела записаться в пединститут. Меня увлекала математика, по которой я имела отличные оценки. Приняли меня без вступительных экзаменов.

Это был май. А 22 июня 1941 года министр иностранных дел Вячеслав Молотов объявил по радио, что немецкие фашисты нарушили пакт о ненападении и объявили войну.

Начало войны

С объявлением войны всё изменилось. В городе наступил хаос. Эвакуация. Люди спешили уехать в тыл. Но, во-первых, привилегия предоставлялась евреям, потому что знали: Гитлер уничтожал их. Во-вторых, транспорт был занят военными. Странно, что «непобедимая» Красная армия отступала без боя. День и ночь шли солдаты, тарыхтела походная кухня.

Наступило безвластие. Над городом летали самолеты с фашистским крестом. Советские зенитки обстреливали немцев. Несколько бомб упало на город. В полуквартале от нас детский садик превратился в груды камней. Через дом горела аптекарня. На главной улице Советской, где недавно проходила демонстрация с портретами «любимых» вождей, теперь горели магазины. Разрушена фабрика, где производилась известная марка духов, одеколona, зубного порошка.

Главный корпус Тобольской больницы.
Кон. 1950-х. Архив ЛМЕ.

Немцы пока не заняли город. По ночам следили за затемнением. Трамваи освещались маленькой синей лампочкой, направленной на рельсы. В домах строго следили, чтобы окна занавешивали одеялами. На дворе – жуткая темнота. Ожидалось что-то страшное. Город остался без воды. Евреи на харбах, заваленных до верха перинами и другими вещами, с собаками, оставляли город.

Моя соседка Клава Коваленко предложила мне сходить поискать в развалинах что-нибудь, чем можно хотя бы закипятить чай. Люди уже растащили двери, рамы, окна, балки и прочее. Я среди камней нашла небольшую аптечку бывшего детского сада. (Маме было жалко сжечь её, и когда после 52 лет разлуки я навестила сестру, она мне показала эту аптечку – свидетельницу военного времени). Мы с Клавой пошли туда, где когда-то был склад угля, но там осталась только черная земля. Мы искали крупинки, блестящие на солнце, стараясь набрать хотя бы горсть этой пыли.

Оккупация

Многие думали, что немцы освободят нас от кровопийцы Сталина. Но ошиблись. Немцы пришли превратить русский народ в своих рабов.

Первые оккупанты появились на мотоциклах: молодые, в коротких штанах, похожие на бойскаутов. Шли, как на параде. Эти фронтовики не обращались плохо с населением. Например, недалеко от нашего дома, на фабрике, люди нашли колодец. Немецкий солдат спустился в него по скобкам и наполнял наши кастрюли.

Голодные, ходили мы с Клавой, чтобы найти что-нибудь уцелевшее от бомбёжки. В развалинах парфюмерной фабрики нашли несколько флаконов одеколona. Клава предложила пойти в деревню и поменять их на что-нибудь. Дошли до ближней деревни Терновки, где жила её знакомая. За два флакона женщина дала горсть сухих фруктов, пару картошин, 2-3 свёклы и отрезала ломоть от буханки. Возвращаться в город было поздно: в военное время разрешалось ходить только до четырёх часов. Пришлось переночевать.

На другой день принесла домой свой клад. Моя сестра никуда из дома не выходила, так

Вид на тюремные корпуса с Софийской колокольни.

Ныне – духовная семинария и ТГИАМЗ. Тобольск. Июль 2002. Фото Г.А. Крамора.

что спасибо Клаве – она местная и знала, где можно было найти что-нибудь для топки или для обмена.

Скоро прибыли немцы в униформе цвета горчицы. Эти нацисты были уже настоящие преступники, садисты. Сразу стали развешивать афиши, строгие приказы. Согласно одному все от 15 до 25 лет должны явиться для регистрации в контору Arbeitsamt⁸, откуда отправляли на работу в село, на расчистку дорог и в Германию. Другой приказ гласил, чтобы всё «ворованное» отнесли на площадь с угрозой быть повешенными. Люди боялись доносов соседей, и вдоль тротуаров появились пакеты, мешки. Ведь многие обворовывали оставшиеся дома, чьи хозяева эвакуировались.

Мы с Ниной явились на регистрацию. Нас отправили на уборку здания, в котором из-за бомбёжки осыпалась штукатурка. Несколько девчат сели, не желая подчиниться немцам. Тогда нас подвели к окну и указали на виселицу, где качались первые жертвы. Конечно, все принялись за работу.

Затем снова пошли в Arbeitsamt, и нас направили в госпиталь, который был переполнен ранеными, а их всё привозили и привозили. Нину отправили на кухню, а меня – помогать медсестре. Расстояние между кроватями позволяло пройти только боком. Во дворе стояли палатки. Солдаты с ампутированными ногами, разбитыми челюстями. Стоял сплошной стон. Мне дали вату, чтобы я освежала лица тех, кто не мог встать и у кого руки и ноги были забинтованы. Сколько калек оставит эта война... Этим солдат заставили идти на бойню. Правильно писал Маяковский: «Начерта огрызку кровавого обеда эта победа». Мне было жалко видеть мучения людей: с одной стороны немцы, с другой – русские.

Я не пошла больше в госпиталь, а вместе с Ниной отправилась снова в Arbeitsamt. Как раз потребовались люди на работу в село, расположенное в 14 километрах от города. Я попала туда, а Нину отправили на работу по её специальности на бойню.

Перед поездкой в село я стала свидетельницей ужасной картины. В городе расклеили объявления: «Все жида должны явиться на аэродром с ручным багажом. Больных и старых привезти на тачках» (другого транспорта не было). В Николаеве осталось много евреев, которые не смогли эвакуироваться. По бульвару, пересекавшему улицу Мещанскую, двигалась масса людей. Женщины с детьми на руках. Некоторые везли своих стариков на тачках. Все думали, что их отправят в Палестину...

Город ещё больше опустел. Некоторые стали занимать еврейские квартиры. Между тем появилось другое объявление: «Все жида смешанного брака должны явиться со своими детьми на такое-то место». Теперь уже все знали, что они будут расстреляны.

В доме, где я жила, обитала рабочая семья. Муж украинец, жена еврейка и двое детей юношеского возраста. Когда этот отец семейства вернулся с работы домой, то узнал, что немцы увели жену и детей. Он по своей воле пошёл разделить с ними судьбу. Многие кончали самоубийством. Один врач расстрелял семью, а потом застрелился сам. В подвальном помещении на той же Мещанской улице жила пожилая еврейка, сын которой успел послать ей письмо из Москвы со словами: «Жди, скоро вернусь». Так рассказывала она соседям. Немцы предупредили её, что она должна явиться туда же, где и все евреи. Она не стала ждать, когда за ней придут. Покончила жизнь самоубийством (повесилась).

Ордер на арест А.В. Сивиллова.
9 сентября 1937. Архив РУ ФСБ
по Тюменской области,
архивное следственное дело № 2032.

Веер «расстрельных» постановлений
по делу № 4291. Узкая полоска бумаги –
судьба человека. Нижняя полоска –
определение для А.В. Сивиллова.
10 октября 1937. Архив РУ ФСБ
по Тюменской области,
архивное следственное дело № 2032.

Нацисты считали себя высшей расой. Все остальные нации родились, чтобы стать их рабами, как низшая раса, или Untermenschen. В ответ на это стали формироваться партизанские отряды. Первый муж Нины погиб, и она вышла замуж за Лёню Кудрика. Он был ветеринаром и членом подпольной организации. В окрестностях Николаева партизаны взрывали мосты, обрезали кабели, даже убили одного немецкого офицера.

Народ платил очень дорого за эти акции. Немцы брали заложников и развешивали объявления: если не появятся виновники, заложники будут повешены. Конечно, никто не признавался, невинных вешали. Заложники сами ставили столбы для виселиц на главной площади Николаева. На другой день несчастных привозили на грузовике, кузовом под виселицу. Каждый сам должен был набросить себе петлю на шею. Грузовик отъезжал... Эту картину немцы снимали на киноплёнку. Родственникам не разрешалось снять повешенного.

Мы тоже пережили террор фашистов. Лёня Кудрик, как ветеринар, часто бывал за городом в соседних деревнях, где выполнял задания командира подпольной организации. Кто-то их выдал. В нашу квартиру пришли немцы с переводчиком из местных немцев. Нины не было дома. Перевернули матрасы, разбросали всё из ящиков и из гардероба. В это время зашёл Кудрик. Никто во дворе не предупредил его, что в

доме немцы. Лёню посадили в гестапо. Несколько раз я передавала ему что-нибудь съедобное. Лёня снял с себя сапоги и передал их мне вместе с запиской, как когда-то мой отец: «Мне уже ничего не нужно. Мои сапоги для Тани». Назавтра я должна была идти на работу, и передачу ему понесла мама. Но улицу закрыли от угла до угла. Напротив гестапо стоял грузовик. Стали выводить арестованных. Мамочка за полквартала узнала Лёню, когда он садился в кузов, по галифе и тонким ногам без сапог.

В этот день я работала на другом берегу реки, куда переезжала на пароме. И стала свидетелем того, как арестованные люди под немецким караулом копали яму. Потом их расстреляли. (Когда я через 52 года приехала на Украину, то не видела, чтобы об этих патриотах кто-нибудь вспомнил, нет ни памятника, ни таблички с их именами. А ведь не только я была свидетелем).

...Но вернусь к тому дню, когда меня вместе с другими девушками отправили за 14 километров от города на полевые работы. Никто из нас не представлял себе, какая именно нам предстояла работа. Почти все – школьницы. нас поместили в конюшню, где стояли кровати. Вме-

Нина Сивиллова.
1930-е. Из архива автора.

Мария Викторовна Тисленко
(ур. Калугина) с мужем и дочерьми Ириной
и Верой. 1930-е. Из архива автора.

сто матрасов – кукурузные стволы. Нас сразу направили на поле выдёргивать руками оставшиеся корни кукурузы. Земля – сплошная грязь. У нас не было подходящей обуви. В воскресенье нас отпустили домой, чтобы принесли себе простыни и одеяла.

Однажды, когда я среди других девчат работала в поле, прискакал на чёрном коне немец лет пятидесяти – новый комендант села. Спросил, которая из вас Татьяна. Указали на меня. Он обратился ко мне, спрашивая, говорю ли я по-немецки. Я ответила, что мои знания довольно ограничены. Он велел, чтобы явилась в контору. Проверил, как я пишу, и оставил меня работать. Так как я больше не работала в поле, то почувствовала ревансное отношение к себе. Кроме того, я не всё понимала по-украински, говорила с сибирским акцентом, и сельское население косо смотрело на меня.

Спала я вместе с другими в конюшне, в которой для вентиляции устроили несколько отверстий на уровне земли. На еду нам давали обычную похлёбку в алюминиевых мисочках. Мы, за неимением стола и стульев, ели, сидя на кроватях. Однажды во время обеда в эти дыры стали входить одна за другой крысы. Видя, что одна из них направляется к моей кровати, я бросила в неё миску с супом. Крыса убежала, но их осталось ещё очень много. Окружённые крысами, мы спали, закутавшись с головой одеялом. Люди говорили, чтобы их не трогали, а то они, защищаясь, нападут на нас. Так продолжалось с неделю. Наконец они, как дисциплинированное войско, оставили деревню. Говорят, что крысы предчувствуют несчастье. Но куда они направились?

Мой шеф – комендант управлял также другой деревней, находившейся недалеко от города. Её тогда называли Молотовский участок. Туда он меня и перевёл. Здесь мне дали маленькую комнатку, куда вошла только кровать

и маленький столик. Ко мне перебралась мама, и мы спали на одной кровати.

В Германию

Война брала свои жертвы. Немцы вначале быстро продвигались вперёд, но, дойдя до Сталинграда, потерпели поражение. Многие румынские солдаты убежали, оставляя фронт.

Новость, что сын Сталина Яков попал в плен, поразила нас. По Николаеву были развешаны листовки с его фотографией. Немцы предложили обменять его на немецких офицеров. Сталин ответил, что пленные – это изменники, и отказался от сына. Якова расстреляли.

Какая война без пленных как с одной, так и с другой стороны? Если уж своего сына Сталин отправил на смерть, то чего следовало ожидать нам? Я решила оставить родину, где терпела преследования из-за моего отца. Несмотря на то, что люблю всё русское: нашу музыку, литературу, природу. Сталинский режим разбил миллионы семей. Уничтожил церкви. Везде, куда бы я ни поступала учиться, нужно было заполнять анкеты и в графе «кто отец и мать» написать правду. А это означало, что меня не примут. Вина моего отца состояла в том, что он был верующим.

Мы остались нищими, без отца, без крова, без гражданских прав. Тогда нас называли лишенцами. Перестрадавшая в Тобольске, я и на Украине не имела угла. Сюда нас пригласила не Нина, нас привез её муж. Их квартира состояла из одной комнаты с кухней на веранде. Мы с мамой стесняли её. Я сказала матери о решении уехать за границу. Мама ответила, что разделит судьбу своего народа, но моему решению препятствовать не хочет. Возможно, лучше для меня уехать. Мне было 20 лет. Ещё вся жизнь впереди.

Семья Васильевых. Слева направо, сидят: Леонид, мать Раиса Викторовна (ур. Калугина), Алексей, Павел. Стоят: Зинаида, жена Павла, Валентина. 1930-е. Из архива автора.

Немцы отступали, и с ними уезжали на повозках люди. Многие из них познали советскую тюрьму, ссылку, ложные обвинения, пытки. И уезжали, не зная, что с ними будет. Тяжело было принять такое решение. Я знала, что больше не вернусь, потому взяла мамин портрет, некоторые фотографии и снимки городов Сибири. Наступил момент расставания. Расцеловалась с мамой. Слёзы катились сами. Залезла на повозку и последний раз взглянула на маму, которая стояла, опершись о дерево, и тоже заливалась слезами.

Выехали на главную дорогу, где на сорок километров тянулись повозки с людьми, уезжавшими, куда глаза глядят. 8 марта 1944 года гражданские вместе с немцами оставили Николаев. Я была совершенно одна. Не могла сдержать слёзы. Уезжал и бухгалтер, который работал со мной — Степан Иванович Кулик (бывший ссыльный) с женой Ольгой Митрофановной (сибирячкой) и дочерью моих лет Ниной. Другая дочь, Алла, была увезена немцами в Мюнхен. Эти люди приютили меня. Было бы опасно ехать одной. А так окружающие думали, что я тоже их дочь. Дорога была очень тяжёлой. По сторонам — брошенные машины, танки. Советская армия шла вперёд. У немцев на западе открылся Второй фронт.

Хотя наступала весна, но снег ещё не весь растаял. Начинали распускаться деревья. Вдруг 10 или 11 марта поднялась снежная буря. С трудом продвигался наш обоз. Снег с ветром раздувал полы пальто, и мои ноги, промерзшие и облепленные снегом, казались чужими.

Дошли в Румынии до одной деревни. Никто не пустил погреться. Только какая-то ста-

рушка открыла нам дверь. В её избушке были печь, стол и лавка. Уставшие и озябшие, мы не успели отдохнуть, и снег не весь растаял на нашей одежде, как нам сказали, что нельзя терять времени. Фронт приближался, необходимо продолжать наш тяжёлый путь. Снова пешком. Дошли до моста. Хаос, паника. Каждый хотел как можно быстрее перейти мост. Самолеты кружили над головой, угрожая в любую минуту разрушить переправу. Нашему коменданту удалось сбоку войти на мост. Но не всем это удалось. Кто погиб вместе с мостом, кто остался на другом берегу.

Погода стала улучшаться. Дошли до Венгрии. Пешком перешли Карпаты. Весь обоз расположился вдоль горной речки. Стали копать ямы, окружили их прутьями. Это были уборные, что значило: останемся здесь на долгое время. Немного отдохнули от бомбежки. Многие отстали по дороге. Не всем позволяли двигаться дальше здоровье и возраст. Кто знает, как с ними расправились освободители.

Где-то достали корову, которую сразу же зарезали. И люди шли и отрезали себе по куску мяса. Задымилась костры. Впервые за всю дорогу мы смогли поесть что-то горячее.

Подходила ночь. Расположились спать под открытым небом, кто на повозке, а кто и под повозкой. Все беженцы были разделены на группы, каждой из которых командовал немец. Из советского рая убегали немцы, ранее жившие на Волге (Volksdeutsche). Наш комендант оказался неплохим человеком. Они уже не вели себя как завоеватели, а хотели как можно скорее вернуться в Германию.

Вид города Зальцбурга в наше время. Фото с веб-сайта salzburgnet.com.

Целый месяц провели под открытым небом, ожидая поезда и не зная, что будет с нами. Некоторые немцы (военные) везли с Украины полные повозки награбленного. Один из этих грабителей часто говорил мне комплименты. Но поскольку я не обращала на него внимания, он взбесился и сказал: «Ты – русская, из низшей расы (Untermenschen), должна быть довольна, что на тебя обращает внимание немец». Договорился с комендантом нашей группы, чтобы меня перевели в его группу. Это ему ничего не стоило, и он ещё больше стал меня преследовать.

Однажды ночью, когда все погрузились в глубокий сон, я сидела на краю повозки, думая о матери. Погружённая в свои тяжёлые мысли, я вдруг увидела этого немца, который намерен был залезть в мою повозку. Я быстро спрыгнула босиком и затерялась среди людей. Но люди боялись заступиться за меня. Он украл мои сапоги, и я несколько дней ходила босиком, пока его кучер по секрету не сказал мне, в какой повозке он спрятал их. Я нашла сапоги. Этот тип не успокаивался и продолжал искать удобный момент, когда останусь одна. Однажды я стояла на берегу реки, вдали от людей. Почувствовала, что кто-то стоит позади меня. Оглянулась, а это опять тот же гадкий тип. Я быстро сбросила калоши и бросилась в воду. Быстрое течение понесло меня. Когда увидела, что наш лагерь уже кончился, испугалась, что могу остаться одна. Издали увидела склонившуюся над водой иву. Быстро схватилась за ветку, которая помогла мне выйти на берег. Там стояла повозка одной женщины, немки из России. У этой женщины было несколько тюков прессованного сена. Она быстро вытащила нижний тук и сказала: «Полезай быстро, он по берегу идёт сюда». Мокрая, без воздуха, боясь чихнуть, сидела я там и слышала, как твёрдо ступали сапоги около самого сена. Этот изверг спросил: «Ты не видела девушку, которая вышла из воды?» – «Нет, не видела никого». Ну не Бог ли

послал мне эту женщину? Так снова спаслась я от него, но ненадолго.

Время шло. Не имея часов, мы потеряли счёт дням, но должны были ждать поезда. И вот он пришёл. Первую группу людей отправляли в большой распределительный лагерь в Польше (Пшемысль). К этой группе принадлежала и я. Мне бы пришлось ехать отдельно от семьи Кулик. Я должна была спрятаться до тех пор, пока не отправится поезд. Но куда?

На горе был отель, в котором находились наши шефы. Мы с Ниной Кулик решили бежать туда. Теперь моему коменданту было не до меня. Так думала я, но ошибалась.

С Ниной мы дошли до дорожки, по которой с двух сторон прискакали патрули – молодые парни. Остановили нас и что-то спросили на своём языке. Мы ответили по-немецки, что мы – медсёстры и идём в отель. Они рассмеялись. По виду мы не походили на медсестёр, но нас пропустили: видели, что немцы убегают, а остальное им безразлично. Поднявшись до отеля, постучали в дверь. Вышла женщина небольшого роста, полная, с добродушным лицом. Вопросительно посмотрела, а мы, не имея ничего в руках, сказали, что пришли испечь лепёшки. Это первое, что пришло нам в голову, потому что немки пользовались её кухней. Она, конечно, догадалась, что идёт погрузка, и мы хотим убежать. Пропустила нас на кухню и, указав на скамейку, ушла. Напротив на стене висели часы. Молча мы следили за стрелкой и прислушивались, не отходит ли поезд.

Вдруг открывается дверь, и гадкий немец с револьвером делает нам знак, чтобы выходили. Подойдя к вагону, приказывает своему кучеру следить за мной. Вагоны были товарные. С двух сторон – широкие двери. Уходя, он сказал: «Я тебя вместо лошади запрягу пахать моё поле». На моё счастье, другой офицер позвал его за чем-то. Поезд двинулся. Это была решающая минута. На ходу я спрыгнула на другую

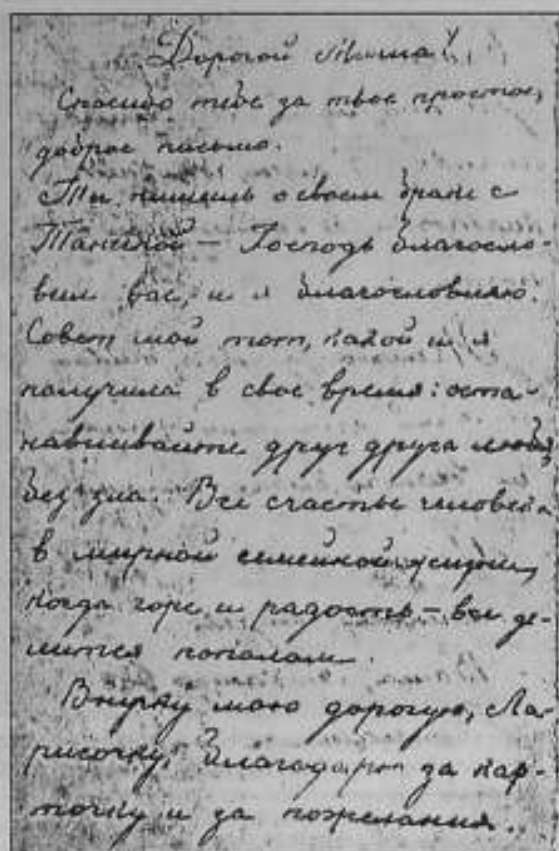
Свидетельство о браке (венчании)
 Михаила Крупнякова и Татьяны
 Сивилловой, выданное настоятелем
 лагерной церкви протоиереем Феодором
 Равевским. Зальцбург.
 22 июля 1946. Из архива автора.

сторону перрона и покатила под гору. Спряталась в уборной, пока эшелон не скрылся совсем. Тогда только почувствовала боль. Юбка порвана, ноги поцарапаны... Но, наконец-то, я освободилась от проклятого немца и снова была с семьей Кулик.

Через два дня выехала наша группа. В вагон набили столько людей, что мы стояли, прижавшись друг к другу, потные, грязные, вшивые. Мы с Ниной решили на ходу залезть на крышу вагона. Между вагонов, ступив на диск, который ходил туда-сюда, мы вскарабкались на крышу. Сверху нам казалось, что поезд идет слишком медленно. Тут нам дали знать, что скоро будем проезжать через туннель, и мы должны вернуться в вагон, чтобы не задохнуться от дыма. Это было труднее, чем выйти. Люди схватили нас за одежду, за руки и, когда мы были внутри, закрыли двери. Поезд вошел в туннель.

Приехали в польский лагерь, чтобы пройти дезинфекцию, прежде чем попасть на территорию Германии. Нас разделили. Женщины и дети — в одну сторону, мужчины — в другую. Сдали одежду и обувь и отправились под душ. Под душем успели намочиться, но нечем было ни вытереться, ни причесаться. Надели свою помятую одежду. Нас сфотографировали, повесив на грудь дощечки с номером наших документов. Из-за яркого освещения фотографии вышли с резким контрастом, люди на них были неузнаваемы. Из этого лагеря мы попали в другую, уже на территории Германии, в Берлине.

Фронт приближался. Бомбили день и ночь. Этот лагерь был переполнен беженцами из Польши, Латвии, Литвы и Советского Союза. Никто не знал, что будет с нами. Направят на работы? Куда? Нам было уже всё равно. Всё это время я была с семьей Кулик. Степан Иванович был в ссылке в Сибири, несколько лет находился в тюрьме. Он готов был перенести с семьей всё, только не издевательства соотечественников. У них была ещё одна дочь, которую немцы увезли в Мюнхен на работы. Ольга Митрофановна попросила меня, чтобы я поговорила с начальством о разрешении переехать туда. Зная, что немцы нам не друзья, я не ре-

Второе письмо Варвары Сивилловой
 в Аргентину. 1950. Из архива автора.

шалась идти к начальству. Но Ольга Митрофановна продолжала упрашивать.

В конторе сидела одна секретарша. Она спросила, зачем я пришла. К моему удивлению, выслушала меня и посоветовала поехать в Зальцбург вместо Мюнхена: «Мюнхен бомбят, а Зальцбург ещё нет». Может, она приняла меня за немку с Волги — та не совсем хорошо говорили по-немецки. Дала мне перевод на всю семью Кулик, записав меня как дочь от первого брака Ольги Митрофановны. И мы поехали на электропоезде в Австрию.

Зальцбург

Зальцбург — сказочный город среди Альп, через который протекает река Зальцах. На железнодорожной станции нас уже ожидали, чтобы зарегистрировать в Arbeitsamt и направить на работу. Семью Кулик направили в ресторан, а меня в семью Флотзингеров. Моя новая хозяйка Рези, муж которой был членом гитлеровской партии Nazi¹, имела дочь Ингрид 5 лет, Хейнг — 4 года, Райнхольд — 2,5 года, Герхард — 10 месяцев и Вилли — 9 лет, от первого мужа.

Не успела я положить свой рюкзак, как меня послали на работу в огород. Работая прислугой, я продолжала голодать. Вилли очень страдал от неравного к нему отношения. Если детям давали, допустим, кисель на тарелке, то Вилли мог только выскрести то, что осталось на стенках кастрюли. Я иногда припрятывала

Дети Татьяны Сивилловой (слева направо): Елена, Лидия, Лариса с работами матери. Сан-Николас, Аргентина. Кон. 1950-х. Из архива автора.

ломтик хлеба и относила к нему в спальню. Он закрывался одеялом с головой и там съедал хлеб. Мне было жалко его, а мать не имела твёрдого характера, чтобы защитить сына.

Я помнила адрес моего шефа на Украине и написала ему письмо о том, что я попала в Австрию и работаю в семье члена гитлеровской партии. Также написала, сколько людей выехало с немцами. Он был против режима Nazi, хороший человек. Написал письмо на адрес моего хозяина, будто бы зная мою семью на Украине. Видел, как моя мама стирала бельё немецких солдат, и ещё что-то придумал для того, чтобы со мной лучше обращались. О том, что хозяин получил письмо, мне ничего не сказали, но я, когда прибирала в шкафу, увидела знакомый почерк и взяла его.

Однажды пришла сестра хозяйки и сказала, что они с мужем едут в горы собирать чернику. Хозяйка отправила меня с ними. Дала мне 50-граммовый кусочек хлеба (дневной паёк) и ведро для ягод. Узкоколейкой подъехали к селу, где жили их родственники или знакомые.

Неописуема красота Альп! Поднимаясь по горе среди незабудок, фиалок, ландышей, я забыла на время, что где-то бомбят, разрушают дома. Сколько сирот, калек из-за безумной войны, а здесь тишина. Можно полной грудью дышать чистым воздухом с запахом различных цветов и пихты. Услышала: «Не стой, собирай ягоды!» Чернику собирали специальной гребёнкой. Салфетрой наполнила ведро. Немка накрыла его салфеткой и завязала. С полными ведрами зашли в дом их знакомых. Сели ужинать, а мне указали место на скамейке, где я должна была подождать. Я не заметила, как съела свой хлеб.

Уже при луне поехали домой. Мои хозяева легли спать. Хозяйка, довольная собранными ягодами, даже не предложила чашку чая. Легла голодная, уже не в первый раз. Подумалось: «Какие они бесчувственные!»

В лагере

Через несколько месяцев пришёл полицейский и объявил хозяевам приказ правительства: русские не могут жить под одной крышей с немцами, для них есть лагерь. Я попала в лагерь Magsklan на улице Reichstrasse, 3. На грудь пришли квадратный кусок материи с белыми буквами QST. Это означало, что мы с востока, в отличие от пленных югославов, греков, французов, с которыми обращались лучше. В воскресенье им давали добавочный хлеб. В моём бараке жили итальянцы, сербы, французы. Место мне определили внизу. Надо мной спала тоже русская.

Утром стояли в очереди за чашкой «горячего» (мы называли его кофе) и куском «хлеба». В обед — поварёшка какой-то смеси. Работать меня послали с четырьмя девочками в пекарню «Heilmeyer». Мы имели счастье пребывать в тепле, и кроме лагерного пайка здесь нам давали тоже по 50 граммов хлеба. Другим было намного хуже. Конечно, с таким питанием все ходили худые, слабые. У некоторых тело покрылось чирьями. У меня шла кровь из дёсен. Большинство работало на расчистке дорог после бомбежек и на погрузке товарных вагонов. Дошла очередь и до Зальцбурга. Днём и ночью гудели сирены. По радио сообщали: «150 или 200 бомбардировщиков летят в направлении Зальцбурга». Сначала звучала предварительная сирена.

И люди спешили спрятаться в бомбоубежища — длинные коридоры, выкопанные в горах. Иногда бомбёжка продолжалась очень долго. В туннелях горел свет, стояли скамейки. Радио сообщало, какие места разрушены бомбами.

В первую очередь в убежище заходили немцы. Мы пользовались ими, только когда были на работе и шли туда вместе с рабочими-немцами. Иногда самолёты налетали с такой быстротой, что мало кто успевал в убежище. Если бомбёжка заставляла нас в лагере, мы оставались в бараках, ожидая, что в любой момент бомба упадёт на нас. Не боялись, что убьёт, а вот если ранит, то никто лечить не будет.

Я была ранена в правую ногу ниже колена. Заражение пошло до ступни и выше колена — краснота. Я не могла уже вставать. Однажды, когда все ушли на работу, в барак зашёл пленный француз, бывший студент медицинского института. Увидел мою ногу и ушёл. Вскоре вернулся с охранником лагеря и велосипедом, который имел впереди железный ящик с крышкой, для продажи газет и журналов. Вдвоём они посадили меня в этот ящик и вывели из лагеря. Куда — мне было безразлично. Наконец, доехали до какого-то дома или барака. Там меня положили на стол, вычистили рану. Ногу не бинтовали, чтобы не узнало начальство. Также в ящике привезли назад. Сколько же я вела, что вошла в этот ящик? Этому французцу дали какую-то мазь, и он приходил лечить меня.

Как только я смогла вставать, меня послали на работу. Хотя рана ещё не затянулась. А пыль и мука не давали ей зажить.

На пороге смерти

Бомбёжки продолжались. Однажды во время предупредительной сирены немцы побежали в убежище, а нам сказали, чтобы мы закончили свою работу. Мы с одной девочкой смели муку, которая падает со столов на пол. Эту грязную муку я понесла в совке, чтобы высыпать в мешок, специально предназначенный для этого. Но он был полон. На полу лежал другой, казалось, пустой. Девочка подняла его и раскрыла. Но только я хотела наклонить совок, как Oberbacker⁹ крикнул: «В этот мешок не высыпай!» Совок поставил на верх полного мешка, но в этот что-то, видно, попало. Пришёл другой пекарь и вытряхнул муку из него в тесто. Хлеб вышел кое-где с чёрными точками. Стали спрашивать: что и почему? Оказалось, виновата я одна — ни девочка, что раскрыла мне мешок, ни пекарь. Меня отправили в лагерь. Не успела зайти в барак, как приехали за мной и увезли в гестапо. Там меня обвинили, что я хотела отравить немецкое население. Меня должны были направить в истребительный лагерь Dachau. Но проверили мои карманы и нашли письмо от бывшего шефа, которое спасло меня.

Отправили в переполненную камеру. Я едва ступила одной ногой и, опираясь о стену, искала место для другой. Здесь сидели украинка, румынка, француженка. Её мать находилась в соседней камере, и они общались, постукивая в стену. В углу стояли мешки, на которых спали ночью. Ложились по очереди. Сначала ложилась одна беременная, пряча свой живот под

Раиса Викторовна Васильева (ур. Калугина) с дочерьми Валентиной и Зинаидой (сидят) и Нина Андреевна Сивиллова с детьми Виктором и Валерией. Кон. 1950-х. Из архива автора.

батарею для отопления. Потом ложились на бок, в одну сторону, все остальные. Чтобы лежать на спине, не было места. Ночью тот, кто отлёживал кости, будил остальных, и все поворачивались на другой бок. Однажды открылась дверь, и втолкнули голую женщину, прикрытую старым солдатским одеялом. Ей места уже не было, она спала сидя на унитазе.

Вызвали польку, работавшую раньше в деревне. Она была изнасилована хозяином, а когда родилась ребенок, бросила его в колодезь. Так освободилось одно место. Раз в неделю нас выводили на прогулку. Под конвоем обходили два раза двор. Все голодные. Живые скелеты. В алюминиевых мисках приносили «обед»: варёную картофельную кожуру, стручки от бобов и другие отбросы.

Письмо коменданта Урнера помогло мне. Каждый день меня стали вызывать на работу и сказали, что скоро выпустят. Хозяин пекарни тоже требовал моего освобождения. Но моё «дело» пошло в Мюнхен, и вот ждут ответа.

В камере ко мне стали относиться с подозрением. Каждый раз, когда я возвращалась, все меняли разговор. Моя миска, за неимением стола, находилась на полу. Я совсем ослабла, едва ходила. Мы спали в своей одежде. В моём пальто был внутренний карман, в который я спрятала золотое кольцо, подарок мамы. Когда польку должны были перевести в другую тюрьму, она ночью обрезала мой карман с кольцом.

Пришёл день, когда меня освободили, и я вернулась на работу. Рабочие меня встретили и благодарили за хлеб. Его боялись продать, а потому раздали им всю выпечку. Конечно, никто не отравился.

Освобождение

Между тем немцы терпели одно поражение за другим, и с пленными обращались уже не так, как раньше. Во время работы один итальянец залез на стол, снял портрет Гитлера и пальцами проколол ему глаза. Никто из немцев ничего не сказал.

Берлин капитулировал. Во время бомбёжки, когда я была в убежище, передали по радио,

Анна Викторовна Аравийская
(ур. Калугина) с сыном Аполлоном,
дочерью Еестолией (крайняя слева)
и снохой. Томск, 1960-е. Из архива автора.

что капитулировала Австрия. Вернувшись в лагерь, узнала, что всё начальство убежало. В город по улице, ведущей к нам, входила американская армия. Все из лагеря вышли встречать их. Девчата обнимали освободителей, бросали в них цветы, сорванные у соседних домов. С радости оборвали повязки OST, порвали документы, которые нам дали в польском лагере.

На следующий день в лагерь привезли на грузовике шоколад, молоко и яйца в порошке, мясо в консервах, папиросы и раздали нам. Сколько лет мы не видели ничего подобного! Из лагеря исчезли французы и итальянцы. Они спешили вернуться к себе на родину, где их ждут и ни в чём не обвиняют.

Союзники разделили Европу на оккупационные зоны. Я попала в американскую. В лагере остались только пленные с востока. Никто не хотел возвращаться, не только русские и украинцы, но и те, чьи страны были заняты коммунистами. Из советской зоны их направляли прямо в Сибирь. Бедные люди, попавшие в эту зону! Сталин сказал, что у него нет пленных, все пленные — изменники. В то же время в американской зоне, а именно в Зальцбурге, стояли поезда, украшенные ветками и плакатами: «Родина ждёт вас! Сталин вас прощает!» Но многие из оставшихся попробовали советские тюрьмы и не верили этой пропаганде.

Окончилась война. Наступили безвластие и хаос. Военнопленные вышли на свободу. Как необузданные, нападали на крестьян, в отместку грабили и убивали их. Такая группа военнопленных напала на наш лагерь. Несколько человек зашли в барак. Уселись на нары к девчатам. Я увидела, что они готовы на всё. Ко мне нахально подсел один из них, хотел обнять, но я встала. Он сказал: «Если бы к тебе шел немец, ты бы не встала». Не знаю, как смогла сдержать себя и спокойно сказать: «Подожди немного, сейчас приду». Вышла и постучала в соседнюю дверь, где жила полька лет 50, эмигрантка из Франции. Она уже слышала шум и сказала мне, чтобы спряталась наверху. Я залезла на нары, а добрая женщина приготовила мне кофе с сухим молоком. Пока пила кофе, за стеной слышался крик. Как вандалы, дикари, напали они на беззащитных девчат. Когда всё успокоилось, я вернулась в комнату. Всё было разбросано: сорваны со стены мои рисунки, перевернута постель. Я боялась оставаться в бараке, собрала вещи и пошла к Кулик. Оставалась с ними недолго.

Скоро организовали лагерь для невозвращенцев — русских, украинцев, поляков, литовцев, евреев. Я пошла в русский лагерь, а Кулик — в украинский. Многие изготавливали фальшивые документы. Не хотели числиться русскими, чтобы советчики не претендовали на них. Так многие стали литовцами, поляками. Международная организация UNRA заступилась за людей (в американской зоне). Она помогала нам и с продуктами, и с одеждой. Советчики требовали выдачи всех русских и украинцев, на что американское правительство ответило: «В свободной стране нет насилия. Это дело каждого — возвращаться или оставаться».

Не так обстояло дело в английской зоне. Лагерь невозвращенцев был окружен английскими войсками вместе с советскими. Людей насильно заставляли залезать в грузовики. Многие кончили жизнь самоубийством, лишь бы не возвращаться. Весть об этом разнеслась по всем лагерям.

Советскому правительству было невыгодно, чтобы тысячи людей, подвергавшиеся репрессиям, остались за границей. Оно не успокаивалось и добилося разрешения проверить невозвращенцев в американской зоне, претендуя на тех, кто родился в Советском Союзе. Организовали комиссию, где в присутствии американских, французских и английских властей вызывали на проверку всех, кто находился в лагере. Люди из комиссии поняли, почему никто не хочет возвращаться. Советчикам повторили: «В свободной стране нет насилия».

Положение стало улучшаться. Я стала работать на фабрике игрушек, где красила картинки с детскими мотивами. После работы у меня оставалось много свободного времени. Стала учить французский язык, ходила в театр Моцартеум. В магазинах ещё не было товара, который бы заинтересовал меня.

Приближалось Рождество. Мой бывший хозяин Flotsinger оказался в американском плену. Теперь он, как военнопленный, работал на восстановлении дорог. На фабрике я заказала на всю полочку игрушки. С полным мешком пошла к Флотзингерам. Поднялась по лестнице, посмотрела в замочную скважину. Resi, так звали жену, окружённую детьми, стояла около ёлки, на которой висела только одна кукла. Её смастерила сестра хозяйки. Resi пела рождественскую песню *Stille Nacht, heilige Nacht*. Я постучала. Мне открыли дверь и с удивлением смотрели: почему пришла с мешком? Что в нём? Я не заставила их долго ждать и высыпала игрушки на пол. Какая радость! Столько лет не продавали игрушки...

Кстати, эту рождественскую песню написал Josef Mohr (Иозеф Мор) из Обендорфа, недалеко

ко от Зальцбурга. Когда закончилась война с Наполеоном в 1815 году, Mohr написал эту песню и пошел к другу Franz Gruber (Францу Груберу) из того же села. Gruber был музыкантом, ему принадлежит эта замечательная мелодия. Прошло почти двести лет, но рождественская песня поётся детьми чуть ли не во всех странах.

Невозвращенцы

На невозвращенцев началась «охота». Советчики шныряли по всей Европе, вылавливая людей даже на улице. И насильно вывозили в свою зону для расправы над «непослушными». Люди волновались, зная, что англичане выдали людей со своей территории, и думали, что американцы могут сделать то же.

При такой панике некоторые сами отправились в советский лагерь, находившийся в Зальцбурге, то есть в американской зоне. Там волки ещё рядились в овечьи шкуры. Я тоже пошла с ними, хотя и тревожила неизвестность. Куда вернуться? У меня нет дома. К сестре не могу идти, чтобы не повредить ей. Что ждёт меня? Почему я пошла в лапы к убийцам?

Уже в лагере на нас смотрели не как на соотечественников, а как на виноватых. Когда все были в столовой, ко мне подошёл офицер лет 50-ти и сказал: «Все отсюда будут вывезены в польский распределительный лагерь, где каждого проверят, где кто работал, чем занимался. Достойные вернутся домой, а остальные будут вывезены в Сибирь на принудительные работы, чтобы оправдаться перед страной». О, как мне была знакома эта политика!

Я старалась быть спокойной и думала, как убежать. Я попросила у майора разрешение выходить из лагеря, чтобы уговорить моего друга ехать со мной на родину. Он, конечно, был доволен, что прибудет ещё одна жертва. При встрече с моим другом Сашей мы условились, в какое время он мне поможет убежать от «освободителей». Саша Астахов – молодой писатель, его семья тоже пострадала от власти «великого Сталина».

Оставался один день до вывоза наших людей из американской зоны в советскую. Мы с Клавой готовили побег. При помощи UNSA я приобрела большой чемодан одежды, который оставила на кровати. Клава же ничего не имела. Она наполнила рюкзак бумагой и тоже оставила на кровати. Мы слышали разговор майора с другим офицером о том, что из лагеря ушло много людей. Так как я выходила за территорию лагеря с разрешения начальства, то никто не обратил на меня внимания, когда мы с Клавой вышли из комнаты второго этажа. Спустившись на несколько ступенек, прошли дверь, где жило начальство. Услышав скрип двери, мы замерли. На наше счастье, вышедший офицер пошёл прямо в нашу комнату. Спустились до выходной двери, где стоял на карауле американский солдат, жующий жвачку. Он сказал нам комплимент, и мы вышли.

Тут дорога, которая вела к этому зданию, осветилась фарами. Караван машин направлялся к парадной двери, через которую мы только что вышли. Мы успели спрятаться в тени деревьев, растущих вдоль дороги. Моросил дождь.

Нина с матерью Варварой Викторовной Николаев. 1970-е. Из архива автора.

Из-за деревьев мы видели начальство, обеспокоенное тем, что из лагеря чуть ли не все убежали.

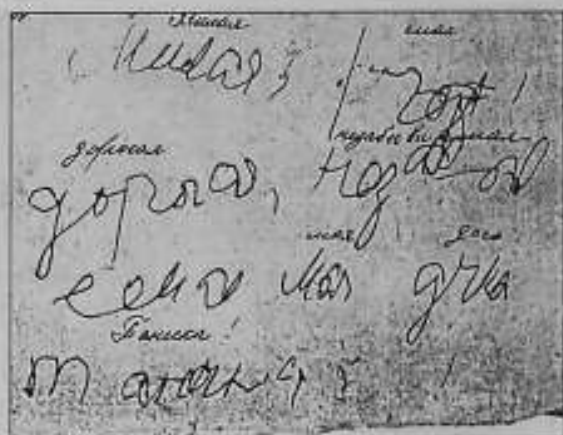
Встретились с Сашей. Он дал нам деньги на проезд в трамвае. Там мы увидели военнопленного, который тоже убежал из лагеря. Клава сошла с трамвая раньше и провела ночь в развалинах одного здания. Я поехала к Кулик. Они не могли поверить, что я после всего, что пережила, снова пошла добровольно «к волку в пасть».

Многов я рассказала семье Кулик про советский лагерь. Как ни странно, советская власть, власть атеистов, привезла с собой одного «священника». Это был похабник, насмешник над русскими священниками, которые жили в лагере невозвращенцев. Он занимался спекуляцией. Из американской зоны возил для продажи папиросы в Вену (советская зона). Когда все сидели за столом в столовой, этот тип в рясе – тоже. Он, не стесняясь, рассказывал похабные анекдоты. От стыда мы с Клавой, не закончив обедать, выходили из столовой.

Невозвращенцы с разрешения американского правительства открыли в одном из барakov православную церковь. Служил в ней отец Николай. Советчики попросили у американских властей разрешения устроить службу. Вести её должен был тот самый похабник. Отец Николай попросил наших людей, чтобы из церкви вынесли все иконы и оставили советчикам пустой барак.

Однажды я поговорила с этим типом в рясе. Он сказал, что предложил свои услуги советчикам, чтобы местные власти увидели: русская эмиграция лжёт, будто в Советском Союзе преследуют верующих. Американцы, и правда, не знали, кому верить.

Как-то в лагерь приехала советская комиссия, уговаривать возвращаться домой. В зале гудела возмущённая публика. Ораторы – майор Пасечник и девушка в шинели. Их охраняли американцы. Тут встал человек, сидевший в первом ряду. И рассказал, что ему удалось убежать из немецкого плена и связаться с партизанами под руководством такого-то. Однако он хотел вернуться в свою часть. Это ему удалось, но там его стали пытать. Возмущённый, расстегнул он перед комиссией свою рубашку, показывая следы побоев и пыток. Впоследствии он дорого поплатился за то, что снял маску с агитаторов и этим сорвал собрание. Сразу после

Прощальная записка
Варвары Викторовны, обращённая
к дочери Татьяне Николаеве.
1984. Из архива автора.

войны этот человек женился, тоже на пленной. Советчики подкараулили его, когда он шёл на работу, и насильно увезли в свою зону. Оттуда он звонил жене в лагерь: «Приезжай, дорогая, со мной власти обращаются хорошо». На что жена ответила: «Знаю, что ты говоришь под револьвером». Потом она уехала в Канаду.

От Кулик на другой день пошла к Frau Flotsinger, рассказать о моём положении. Предложила помогать ей дома, только чтобы дала место спать. Хозяйка согласилась, и я опять стала искать работу. Для этого пошла в Arbeitsamt, полагая, что немцы по-прежнему против коммунистов. Я обратилась к одному из служащих, сказала, что ищу работу, но не имею документов, так как убежала из советского лагеря. Он ответил: «Очень плохо», и пошёл говорить по телефону, не спуская с меня глаз. Поняла, что он звонил советчикам. Конечно, не теряя ни минуты, я убежала через дверь, которая вела во двор, а не на улицу, где меня уже ждали.

Через одного военнопленного, который тоже находился в советском лагере, я узнала, как ему удалось убежать. Когда последний грузовик с людьми, готовый к отправке в советскую зону, остановился около агитпункта, этот военнопленный прыгнул. Его схватили, ударили и заставили снова сесть в кузов. За этим наблюдал один человек, который стоял у двери своего дома. Он защитил несчастного, открыл ему дверь и сказал советскому офицеру, что они не в своей зоне, здесь свобода: кто хочет — едет, кто не хочет — не едет. Этот человек вовремя освободился от «добродетелей».

Он же был свидетелем другой сцены. Когда мы с Клавой оставили совлагерь, в комнату зашло начальство. Увидев мой чемодан на кровати, ожидали моего возвращения. Но, обнаружив рюкзаки Клавой с бумагами, поняли, что мы убежали, как многие другие.

Конечно, в городе начались поиски. Я пошла работать на фабрику абажуров. Хозяин, очень хороший человек, принял меня, не требуя документов. Клава скрылась в еврейском лагере невозвращенцев, но вскоре советчики напали на след и приехали туда — угова-

ривать вернуться. Клава, видя, что это место ненадёжно, убежала в горы. Потом ей помогли хорошие люди.

Как-то возвращалась с работы автобусом. Людей было полно, меня прижали к стеклу. На одной из остановок увидела советскую машину. Шофёр, увидев меня, как сумасшедший выскочил из автомобиля и побежал сообщить офицеру, который был в агитпункте. Машина поехала вплотную за автобусом. Я стояла уже у входной двери. Ехали по узкой набережной, где за аркой находилась площадь. Здесь между нашим автобусом и машиной вклинился другой автобус, а уж за ним — мои охотники. Проехав арку, я на ходу прыгнула и зашла в первую попавшуюся дверь. Это была мастерская шляп и дамских сумок. Ко мне сразу подошла девушка с каталогом, чтобы я выбрала себе модель. Поверх каталога, через окно, я наблюдала за движением транспорта. Прогнали автобусы, за ними промчалась машина моих врагов. Мне ничего не осталось, как заказать шляпу с сумкой в расчёте на первое жалованье.

Сердце билось, готовое выскочить из груди. Людей охватывала паника, как только они видели советчиков. Спасибо международной организации UNRA, которая защитила тысячи людей. Нам дали паспорта граждан без национальности, продолжали снабжать продуктами и одеждой. Германия и Австрия не хотели больше держать иностранцев в своих разрушенных странах. Нам предложили эвакуироваться в страны Южной Америки, Австралию и, в последнюю очередь, в США и Канаду. Куда поехать? На каком языке будем говорить? Чувство горечи охватывало тех, кто из-за сталинского режима потерял родину.

Эмиграция

Прошёл год, как закончилась война. Я продолжала работать. В автобусе познакомилась с Михаилом Крупняковым, сибиряком из Красноярска. Вышла замуж. В 1947-м родилась первая дочь Лариса.

Изо всех стран Южной Америки мы с мужем выбрали Аргентину по её географическому положению. В ожидании выезда стали учить испанский язык. В Аргентине был президентом Перон. Страна с 14-миллионным населением. Основа экономики — сельское хозяйство.

16 декабря 1948 года мы в последний раз посмотрели из окон вагона на сказочный Зальцбург. Поезд привёз нас в Турин (Северная Италия). Здесь нас поместили в отель, где мы жили до отправки в порт Генуя и погрузки на пароход «Hoolbrook». Рождество и Новый год провели в Турине.

17 января 1949 года мы попрощались с Европой. После стольких лет голода нас поразила столовая на пароходе. Каждый мог брать еды, сколько хочет. Холодные закуски, различные фруктовые соки, салаты и горячие блюда... Но часто столовая пустовала: из-за качки никто не мог есть. Большинство пассажиров оставалось в постели.

Наконец, 16 февраля, через месяц мы увидели землю. Люди беспокоились. Как нас примут? Но аргентинские чиновники, одетые по-европейски, обращались с нами вежливо. Помес-

тели в одном отеле. Дали по 40 песо на человека, кормили, пока не найдём работу. Спасибо международной организации UNRA: тысячи людей развезли по разным странам и всё даром.

Через пару дней один инженер из Сан-Николаса приехал в отель за специалистами для фабрики. Моему мужу и ещё одному мужчине предложили работу и дом на две семьи. На поезде мы поехали в Сан-Николас. Прежде чем отвезти в дом, инженер завёл нас в ресторан напротив вокзала. На столе чего только не было! Потом предложил составить список мебели, которую можно взять в кредит. Так же предлагал поступить с домом, выплачивая его стоимость помесечно. Мы не поверили и отказались. Но другая семья приняла этот план, и, действительно, они сразу стали хозяевами дома со всей обстановкой.

1 января 1950 года родилась вторая дочь Елена. 4 мая 1951 года – третья дочь Лидия. Прошло пять лет, как закончилась война, но мы ещё не привыкли к спокойной жизни. Наш дом находился в квартале от станции. Каждый раз, когда проходил поезд, стёкла в окнах звенели, как при бомбёжке. Я просыпалась. Ни одну ночь не могла спать спокойно. Стали искать квартиру подальше от станции.

Здесь принято продавать продукты – овощи, рыбу, молоко, дыплат – прямо на улице. Каждый продавец кричит во всё горло, предлагая товар. Наташа, с которой я делила дом, попросила меня провести её в магазин. Не успели пройти и квартал, как услышали крик. Наташа испугалась: «Кого-то убивают! Бежим скорее домой». Прибежали, закрылись на замок. А крик приближается. Смотрим в окошечко – бежит аршинными шагами продавец свежей рыбы, на плече палка, на ней мешок.

Другая страна – другие обычаи. Здесь прячутся от солнца. Закрывают ставни. Жизнь начинается после пяти часов пополудни.

Как-то я собралась идти к зубному врачу. Казалось, мёртвый город, ни одной души на улице. Найдя дверь врача закрытой, хотела вернуться домой. Тут вижу, к тротуару приближается грузовик. Когда он поравнялся со мной, парни, что стояли в кузове, с хохотом вылили на меня ведро воды. Вижу, у них целая бочка для такого развлечения. Пришла домой, а удивлённый муж спрашивает: «Где ты была? Почему тебя облили?» Я и не знала в то время, что здесь так празднуют карнавал. Все эти обычаи странные и новые для нас.

За городом нашли домик с участком. Михаил на фабрике получал хорошую зарплату. Кроме того, нашёл ещё работу по специальности. Купили землю и материал, чтобы строить свой дом. Я реставрировала картины, манекены для магазинов, занималась с учениками.

В 1960 году мой муж поступил на металлургический завод, один из самых крупных в Южной Америке (12 тысяч рабочих). Материально мы теперь не нуждались. Дом наш был построен, можно было ездить на курорты, учить детей. Старшая дочь Лариса поступила в университет в другом городе, закончила его с почётной грамотой на «отлично». Получила диплом психолога. Открыла свой кабинет, вела приём. Но у неё с рождения было слабое здоровье.

Татьяна Сивиллова на могиле матери. Николаев. 1996. Из архива автора.

20 июня 1973 года, в возрасте 26 лет, она умерла. Чувства, охватившие меня после потери дочери, нельзя выразить в словах...

В 1994 году умер мой муж. У него случилось кровоизлияние в мозг, парализовало левую половину. 16 лет он провёл на инвалидной коляске. Осталась я одна, с внучкой и правнуками. Моя вторая дочь Елена, с дочерью Летисией и двумя сыновьями – Леандро и Рамиро – жила за тысячу километров от меня. Теперь, когда её дети обзавелись семьями, живёт со мной. Лидия – за три тысячи, на юге Аргентины, на Огненной Земле. Вышла замуж, родила дочерей Татьяну и Ларису. Зимой там бывает совсем как в Сибири, до минус тридцати градусов.

Нам хорошо жилось при президенте Пероне. Мы приехали в Аргентину, не имея ничего. Нас приняли, как равных. Дали достойно оплачиваемую работу. Жена Перона построила целые посёлки для бедных. Поднялась индустрия. Детям рабочих металлургического завода давали бесплатно все школьные принадлежности и униформу. Устраивались летние бесплатные лагеря для школьников. Рабочие имели защиту. Если увольняли с завода, то предупреждали за 3 месяца и давали дополнительную сумму денег. Моему мужу, когда он заболел, в течение года платили жалование и бесплатно лечили.

Всё это закончилось, когда военные сместили Перона. Стали закрываться заводы, фабрики. Многие перешли в частные руки. Профсоюзы потеряли прежнюю силу. Сильно выросла безработица. Двухэтажный дом, построенный

Фарфоровая работа Т.А. Сивилловой для католического храма в Сан-Николасе. Из архива автора.

при Пероне, я теперь вынуждена сдавать, сама переехала в квартиру, где более спокойно. Жить в доме опасно: воры залазят и убивают хозяев-пенсионеров.

Поездка на Украину

Посылать письма из-за границы было опасно для их адресатов. Я не могла писать в Николаев, потому что там находились военные заводы. Но после окончания войны некоторые из невозвращенцев могли связаться со своими родными, если те жили где-нибудь в сельской местности. Так моя знакомая по Зальцбургу, живущая в США, переписывалась с матерью. Я попросила эту знакомую, чтобы её мать из деревни сообщила моей маме, что я жива и вышла замуж.

Мамочка получила это известие и ответила мне. Это был 1950 год, ей было почти семьдесят.

«Танечка, дорогое, милое дитя моё!

От Зиночкиной мамы узнала, что ты жива, и это для меня уже счастье: ведь я о тебе ду-

маю, о тебе молюсь, твою судьбу пытаюсь разгадать. Живу я у Ниночки. Она вышла замуж, и у неё растёт сын Витя. 14/II 50 г. ему исполнится 2 года 5 мес. Ниночка работает там же, где работала до войны. Муж её работает бухгалтером и ходит на место работы за 5 км. Сначала едет трамваем, потом идёт пешком. Провожая я их на работу до 7 ч. утра и встречаю в 8-9 ч. вечера. Так что я не могу даже на 10 минут выйти из квартиры и оставить ребёнка одного. Танюшечка, если моё письмо дойдёт до тебя, и ты будешь писать мне ответ, то напиши, пожалуйста, на Зиночкину маму. Я вместе с этим письмом вложила ей конверт с маркой и моим адресом. Я сознаю, что беспокоить Секлету Андреевну, Зиночкину маму, нехорошо. Но мне так хочется получить от тебя самой какое-нибудь известие. Письмо принесёт мне почтальон на квартиру, я получу его и буду читать, и целовать, и плакать.

Танечка, Лена погибла.

Танюшечка, если будешь писать, дай свой адрес, только напиши его отчётливо, отдельно каждую букву, чтобы я могла сама скопировать.

Целую тебя крепко. Всегда с тобой – твоя мама. (...)»

Ещё одно письмо она написала моему мужу: «Дорогой Миша!

Спасибо тебе за твоё простое, доброе письмо.

Ты пишешь о своём браке с Танечкой – Господь благословил вас, и я благословляю. Совет мой тот, какой и я получила в своё время: останавливайте друг друга любя, без зла. Всё счастье человека в мирной семейной жизни, когда горе и радость – всё делится пополам.

Внучку мою дорогую, Ларисочку, благодарю за карточку и за пожелания.

Танюшечка! Милое, дорогое дитя моё! Крепко целую заочно. Миша пишет о том, что у тебя много работы, и что тебе трудно, – как глубоко я чувствую это и как хотела бы облегчить твои трудности. На моих руках тоже двое детей: Витя (род. 14/III 47 г.) и Валерия (род. 10/III 50 г.). (...)»

Целый день я не принадлежу себе (ты это поймёшь), но в полночь, исполнивши все свои обязанности, я ухожу за свою ширмочку, которой отгорожена моя кровать, и тогда даю полную волю и своим чувствам, и своим мыслям. Тогда я свободна! Я достаю [фото]карточки с моих милых гостей...»

Чуть ниже она добавила: «Со старой квартиры, по случаю ремонта дома, мы уходим, пока неизвестно куда». Больше писем не было. Конечно, зная мой адрес, она могла бы мне написать. Но я поняла, что это сестра запретила ей продолжать переписку, боясь новых преследований (тогда ещё не умер Сталин).

Здесь я часто перевожу письма детям эмигрантов – с русского на испанский, и наоборот. Их родители давно приехали в Аргентину, а детей родному языку не научили. В 1984 году одна женщина в Советском Союзе, для которой я переводила письма, переехала в Николаев. Я попросила её сходить по адресу, где проживали мама с сестрой, и узнать их судьбу. За это я ей в благодарность послала посылку. Моя запуганная сестра ей ответила: «У меня нет никого за границей». Не сразу, но всё-таки эта женщина добилась своего. Она зашла в ком-

нату и увидела в кровати мою несчастную мать. Ей было 102 года и 9 месяцев. Как будто она ждала связи со мной... Тогда я не могла повхаться — ухаживала за больным мужем. Успела послать ей посылку, а она, уже почти ничего не видя, написала мне письмо. Почерк почти неразборчив, Валерия сделала подстрочный «перевод»: «Милая, родная, дорогая, незабываемая моя дочка Танечка!»

Нет дня, чтобы я не думала о тебе!.. Так мечтала я всю жизнь свою дожить только с тобой. Жду своей смерти, как избавления от всех страданий... Всех горячо обнимаю и целую... Любящая вас всех мама и бабушка».

Через три месяца, 17 сентября 1984 года, она умерла.

Наступила «перестройка». Граница России открылась для нас. И я после 52 лет разлуки, в 1996 году смогла навестить сестру, с которой мы расстались, когда мне было 20 лет, а ей — 27.

Не верилось, что прошло более полувека. Посреди двора — тот же водопроводный кран, что и прежде. Слева — первое окно полуподвального помещения. Там жила пожилая, очень полная еврейка. Зная, что за ней придут немцы, она там повесилась...

Вижу наверху Нину. Поднимаюсь по старой поломанной лестнице, чтобы после стольких лет обняться с моей сестрой, побыть вместе недолгое время и попрощаться навсегда. За два месяца пребывания в Николаеве её сын Виктор показал мне город, школу, где я сдала экзамены за десятилетку. Виктор был женат на еврейке, но она его оставила и уехала в Израиль, забрав обоих сыновей. Познакомилась с единственной племянницей Валерией.

Виктора и Валерию воспитывала моя мать. Готовила обеды, делала покупки, обшивала их, несмотря на свой возраст. Работала до 90 лет, пока, упав, не сломала бедро. Осталась в кровати на 13 лет.

Виктор проводил меня на мамину могилу. С каждым днём я чувствовала себя всё более одинокой на родной земле. Ехала, чтобы рассказать о нелёгкой жизни в эмиграции, вместе вспомнить былые. Но Нина меня предупредила, чтобы я ничего не рассказывала её детям о нашем несчастном отце — жертве сталинского террора. В детстве её выгоняли из школ, дразнили. Поэтому, уехав на Украину, она не хотела более говорить о прошлом.

Так хотелось побывать в Ишиме, где я была счастлива мои первые семь лет. Но путь туда был слишком далёк, и о своих ишимских родных я тогда ничего не знала...

Мамина тетрадь

Когда гостила у Нины, нашла мамини записки. Её воспоминания — свидетельство ужасных страданий, душевных и физических. Судя по почерку, она писала их уже в преклонном возрасте. Из записок я узнала, что после войны мама встретилась со своими сёстрами Раей и Анной, которые работали в госпитале.

Предлагаю отрывок из дневника моей матери. «28 марта 1944 года — день изгнания из Николаева немецких захватчиков — фашистов.

По дороге чрез Аляуда (совхоз близ Нико-

Скульптурная работа Т.А. Сивилловой.
Из архива автора.

лева, где в это время работала я) двигалась нестройная толпа немецких солдат. Сзади толпы, на расстоянии нескольких метров, шёл высокий хромающий немец. На его плечи накинуто покрывало (было ещё довольно прохладно). От толпы отделился солдат очень небольшого роста и направился к дому, в котором я имела комнату. Я слышала, как он вошёл, стучался в двери комнат, расположенных по обе стороны коридора, но никто их не открывал. Дошла очередь до моей комнаты. Открываю. Он показывает рукой на свой рот и говорит по-русски: «Вода, пить». Я вспомнила слова Кутузова, обращённые к солдатам-конвоирам: «Обращайтесь с пленными по-человечески, ведь они больше уже не враги. Да и по своей ли воле пошли они убивать нас?» Я налила солдату кружку воды и подала ему. Он выпил и, как видно, в знак благодарности кивнул головой и вышел.

Часа чрез три вошли ко мне два советских паренька. Один совсем молоденький, только вышедший из юношеского возраста. Другой постарше, с ружьём. Он сел на стул, поставил ружьё на пол около себя и крикнул: «Ставь самогон!» Говорю ему: «Никакого понятия о самогоне я не имею. И вообще ничего спиртного у меня нет». Парень стукнул ружьём об пол и закричал: «Ставь сейчас же самогон! Я тебе что сказал?!» Молодой пареньёк унимал его: «Ну что ты к ней привязался? Ты видишь, у неё ничего нет». И снова крик: «Говори, кто варит самогон!»

Т.А. Сивиллова с дочерью Еленой, внуками Рамиро и Летисией, и её детьми, правнучками Тамарой и Самантой. Аргентина. 2000-е. Из архива автора.

Отвечаю ему, что я из города и местных жителей не знаю.

Парень с ружьём вышел. Его спутника я накормила тем, что было у меня. Паренёк рассказал мне, что его отец погиб на войне. Дома остались мать и младшая сестра. Средств к существованию никаких не было, и он добровольно записался в разведчики с той целью, чтобы деньги за него получала мать. С какой благодарностью за мать посмотрела я на её доброго сына. От него узнала, что город освобождён от врагов.

Стала собираться и я на свою городскую квартиру. Связала свои небольшие пожитки, несколько книг и отправилась в город. Путь мой шёл вдоль реки, на берегу которой лежало большое бревно. На бревне сидели молодые парни с ружьями. Это были разведчики.

И опять крик:

- Стой! Куда идёшь?
- В город.
- Что несёшь?
- Одежду и книги.
- Ну, иди!

В городе меня встретила омерзительная картина: виселица, на ней два трупа – немецкий солдат в полной форме и какой-то большой немецкий чин, на совершенно голое тело которого был надет короткий мундир. Над виселицей крупными буквами написаны слова из песни: «Наступали в полной форме, отступали без неё».

Это глумление над мёртвым телом так ужаснуло меня, так оскорбило моё нравственное сознание, что мне, едва сдерживая рыдания, хотелось бежать и бежать... Я ускорила шаг, а вслед мне – наглый визжащий крик: «Стой! Куда бежишь? Посмотри!» Я уже бегу, а люди идут и идут навстречу.

Было 5 часов вечера, когда я пришла в свою квартиру. В городе ни воды, ни света – всё разрушено.

В восемь часов стук в дверь. Это свои. Открываю. Первым вошёл солдат – высокий, худой, с мертвенно-бледным лицом, в стёганой куртке. За плечами ружьё. Он был похож на изваяние, какой-то безжизненный, не похожий на живого человека. Казалось, что это изваяние ничего не видит и не слышит.

За ним вошли два телефониста. Их я уже видела: во двор они вошли вместе со мной. Один из них сказал: «Этот боец не спал трое суток. Дайте ему место, где бы он мог отдохнуть. Немного их осталось». «Вот моя кровать, – сказала я. – Пусть он ляжет».

Нет, он слышал. Быстро поднял над головой ружьё, которое подхватил телефонист. Шаг, другой. Он сначала сел на кровать, голову положил на подушку и уже спал. Вскоре он одну за другую положил на кровать свои обувь в сапоги. Я села на стул против кровати и не спускала глаз с этого молодого защитника Родины. Тяжелые мысли неотступно мучили мою голову. Какая злая сила вызвала твою молодость на этот смертный бой? Вернёшься ли ты домой, откуда мать со слезами провожала тебя?

Вдруг лицо его приняло сердитое выражение, и он зашептал: «Колька, ползи! Ползи, мерзавец!» Небольшая пауза. Лицо его сморщилось, как от сильной боли. Он зарыдал. Слезы потоком лились из его закрытых глаз, и опять шёпот: «Э-эх, всех я вас погубил, ребя-я-та». Плакала и я вместе с ним. А он уже опять спал. Телеграфист сказал ему, что в 5 часов утра он должен быть «на месте». Боец не проспал. Ровно в 5 часов он встал и вышел.

Часто мне приходит на память этот тяжёлый эпизод. Думаю: «Вернулся ли ты домой, солдат?» А в мире опять неблагоприятно...»

Вся история моей жизни убеждает меня, что души моих родителей, как и все души, – бессмертны. Моя мать – настоящая страдальца. В дневнике она писала, как хотела бы побывать на церковной службе. Переживала, что похоронят без креста. Так оно и вышло.

Дети и внуки с нетерпением ждали моего возвращения. Вернулась в страну, в которой живу на равных правах с аргентинцами. Здесь никто меня ни в чём не обвинил, никто не упрекнул за родителей. Приглашали на радио, в школу журналистики рассказать о жизни в Советском Союзе при Сталине. Здесь свободно, никого не боясь, могу сказать, что мой отец был священником в православной церкви города Ишима.

Когда я только приехала в Сан-Николас, здесь были семьи русских эмигрантов. Теперь русских в моём окружении нет. Живут украинцы, поляки. По-русски общаюсь только с дочерью и в письмах. Обзавелась русскими книга-

ми – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Солженицын, Пастернак, Ахматова... Стоящие на полках собрания сочинений напоминают мне отцовский дом. 12 октября здесь празднуют День эмигранта. Я сделала для своих внуков и правнуков кокошники, вышитые блузки – для девочек, косоворотки и меховые шапки – для мальчиков. Изготовила российский флаг.

Пишу стихи по-испански. Их печатают в журналах и здешней газете. Была премирована на конкурсе, получила первое место за стихотворение, которое напечатано в книге «Calmate mi memoria».

В Сан-Николасе нет православного храма. Есть в столице, Буэнос-Айресе, где много русских эмигрантов – и старых, и новых. Там я крестила своих детей. Но когда я там бываю, словно вижу моего отца. И вспоминаю, как его в последний раз схватили, выталкивая за дверь... Эта тяжёлая картина осталась в памяти на всю жизнь. Вновь и вновь встаёт перед глазами. Не могу спокойно простоять службу – всегда плачу...

В октябре 2005 года меня пригласили в ишимский отдел ФСБ. Из архива пришли долгожданные тома следственных дел, связанных с обвинением священника Андрея Сивиллова¹⁰.

Одно – в папке из зеленоватого картона, испещрённой многократно менявшимися архивными номерами, начато 22 июня 1933 года. Этой датой, вписанной красными чернилами, помечен корешок ордера на обыск и арест, выданный Ишимским районным отделением ОГПУ. Арест произведён 24 июня. Андрей Сивиллов якобы «возглавлял контрреволюционную группировку церковников, ставившей своей целью борьбу с соввластью; с использованием религиозных предрассудков масс», а также «проводил антисоветскую агитацию, направленную на срыв мероприятий в деревне».

Основание для обвинения, как обычно бывало в то время, поражает надуманностью и предезятостью. Весной 1933 года в Ишимском районе вспыхнула эпидемия болезни, которую определили как «септическая ангина». Причиной её послужило употребление крестьянами в пищу зерна из перезимовавших колосьев, собранных на поле – всть было нечего, наступил голод. Отец Андрей служил тогда в селе Шаблыкском. На поминальном обеде после похорон крестьянина Шишкина священник увидел, что крестьяне едят хлеб из травы и перезимовавших колосьев. После этого угрождения у него самого началась рвота. Поэтому естественны слова, сказанные им тогда и послужившие единственным аргументом обвинения: «Умирают люди от плохой пищи, потому, что едят траву».

Виновным себя Сивиллов не признал. К делу приобщили показания других обвиняемых и свидетелей, а также изъятые при обыске листки – конспект книги «Наука и религия», взятый о. Андреем в Троицкой церкви. По этой книге он готовился к не состоявшемуся диспуту. Безобидные выписки послужили дополнительным «аргументом», требовавшим изменения статьи 58, пункт 10 УК РСФСР. Особое совещание при Коллегии ОГПУ протоколом от 16 сентября 1933 года вынесло реше-

Татьяна Андреевна Сивиллова.
Сан-Николас, Аргентина. 2000-е.
Из архива автора.

ние: «выслать через ПП ОГПУ на Урал, сроком на три года».

Другое дело, в нескольких томах – по обвинению 267 человек в «контрреволюционной деятельности через убийства «сельского актива» и связь с белой эмиграцией из Харбина», а также подготовку антисоветского вооружённого восстания «в момент нападения Японии на СССР». Ордер на арест Сивиллова выписан 9 сентября 1937 года. При обыске в тот же день изъяты документы, фотографии, религиозные книги. В конвертере круглоступных допросов огромного количества людей Андрей Сивиллова вызывали всего два раза. Первый – 10 сентября, второй – через девять дней. Цель следователя – изобличить обвиняемого в участии в «контрреволюционной повстанческой организации», возглавляемой архиепископом Ильинским. Знакомство с Артемием Ильинским и рядом лиц из духовенства Сивиллов признал, а вот наличие такой организации, ведение подобных разговоров и свою вину категорически отрицал. В тот же день, 19 сентября, ему было объявлено об окончании следствия. Вина священника якобы полностью «изобличалась» показаниями других обвиняемых.

Постановлением «тройки» УНКВД от 10 октября 1937 года Андрей Викторович Сивил-

лов, как и ещё 262 человека, был приговорён к расстрелу. В праздник Покрова Божией Матери, 14 октября того же года, приговор приведён в исполнение.

Президиум Тюменского областного суда постановлением от 30 октября 1956 года признал решение «тройки» необоснованным. Все обвиняемые по данному делу признаны невиновными. Резолюцией прокурора Тюменской области от 14 сентября 1989 года А. Сивиллов признан невиновным и по делу 1933 года.

...Горькая ирония истории: благодаря кровавой деятельности карательных органов, уничтожавших «врагов народа» и тем самым стирающих память о них – мы имеем возможность узнать об этих людях хоть какие-то правдивые сведения, освещив в уголовных делах. Ведь родственники боялись даже слово сказать о них своим детям и внукам. Вот и о судьбе священника Андрея Сивиллова многое удалось узнать со страниц допросных листов.

Родился он в 1880 году, в селе Куртай-Ильинском Баженовской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии (ныне это Омская область), в семье псаломщика. По окончании в 1903 году Тобольской духовной семинарии учительствовал в селе Красноярском Тюкалинского уезда (до 1905 года), с 1906-го – священник церкви села Саргатского того же уезда.

С 1915 года служил в Покровской церкви станции Ишим, то есть фактически был первым священником новопостроенного храма. В 1925 году переведён в городскую Троицкую церковь. С 1929 года, после закрытия Троицкого храма, по 1930-й включительно служил, проживая в Ишиме, в церквях сёл Лариха и Второе Песьяново. С 1931 года по 15 июня 1933-го служил на приходе села Шаблыкинского, после, неделю до ареста – снова в станционной церкви.

В 1920 году лишён избирательных прав, как «служитель культа». В 1932 году некоторое время содержался под стражей в Ишимском райотделе ОГПУ, однако был отпущен на свободу.

Тюремный врач отмечал ряд сердечных болезней обвиняемого.

Держался «тихоновской» ориентации, не принимая обновленческого движения (так называемой «советской церкви»). Характерен в этом отношении ответ уполномоченного ОГПУ на 10-й пункт меморандума, завершающего дело 1933 года: «Можно ли вербовать и для какой работы? – Не целесообразно. Фанатик».

Священник Андрей Сивиллов – один из тысяч мучеников за веру, тех святых, чью кровь обильно облила земля Русская...

Подготовка к печати, предисловие, послесловие, примечания – Г.А. Крамор.

Примечания

1 Протоиерей Виктор Яковлевич Калугин родился 9 ноября 1846 года. Сын священника. Окончил курс в Тобольской духовной семинарии. Архиепископом Варлаамом в 1870 году рукоположен во священника к Пятковской Петропавловской церкви Ялуторовского уезда. В дальнейшем переводился настоятелем миссионерской Троицкой церкви города Суругута, посёлка-Лебяжинской Пророко-Ильинской церкви Петропавловского уезда. С 1889 года – благочинный 1-го благочиния Тюкалинского уезда, Тобольской губернии. В 1891 году переведён к Крутинской Пророко-Ильинской церкви Тюкалинского уезда на старшее священническое место (там, скорее всего, состоялось знакомство его дочери Варвары с Андреем Сивилловым). В 1907 году возведён в сан протоиерея и переведён на штатное протоиерейское место к градо-Петропавловскому Вознесенскому собору. 3 сентября 1909 года «для полноты службы и для поощрения» определён настоятелем градо-Ишимского Богоявленского собора. Здесь был назначен членом Ишимского духовного училищного правления, благочинным ишимских городских церквей, председателем ишимского отделения Омского епархиального училищного совета, законоучителем Ишимской мужской гимназии. Неоднократно награждался духовным ведомством. С 1914 года – за штатом (на покое). На 1909 год «в семействе у него: жена Евгения Васильева, родилась 1854 года 24 декабря; дети: Анна, родилась 1872 года Января 25 дня, в замужестве за учителем Ишимского Духовного Училища Аравийским; Раяса, родилась 1874 года 27 Августа, в замужестве за священником Николаем Васильевым, Варвара, 28 лет, за священником А. Сивилловым; Феодотия, 21 года, за священником Иваном Добровольским; Мария, родилась 1898 года 5 Февраля, учится во 2 кл. Ишимской Женской Прогимназии. Симеон, 30 лет, товарищем прокурора». (Согласно к лировым ведомостям градо-Ишимского Богоявленского собора, ГУ ТО «Госархив в г. Тюмени», ф. И-12, оп. 1, д. 20, 23.)

2 Пётр Викторович Сивиллов родился в 1882 г. Согласно семейному преданию, обучался в духовном училище, воевал на фронтах Первой мировой, стал Георгиевским кавалером. Принимал участие в строительстве станционной Покровской церкви. Всю жизнь прожил в Ишиме, работал на железной дороге. Умер в 1947 г., «от голода». Жена – Валентина Корниловна, ур. Новикова. В семье было восемь детей: Виктор, Леонид, Лев, Валентина, Ираида, Зинаида, Вера, Лидия. (Из рассказа А.Л. Сивиллова.)

3 Жилой посёлок при станции Ишим, на северной стороне – там, где находится Покровская церковь. Назван Алексеевским в честь цесаревича Алексея Николаевича. Ныне часть города.

4 Вероятно, у Троицкой церкви, находившейся при старом городском кладбище. Ныне оно снесено, территория занимает военный городок.

5 Чукомин Павлелеймон Петрович (1874-1938) – художник-педагог. Родился в Тобольске. Окончил Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица. В 1906 г., после окончания училища, вернулся в Тобольск. Преподавал в Духовном мужском и Епархиальном женском училищах, затем в Духовной семинарии и Торговой школе. Писал пейзажи, портреты, жанровые картины. Отражал в произведениях историю родного края, написал для музея серию портретов знаменитых тобольяков: П.П. Ершова, Д.И. Менделеева, А.А. Дунин-Горкавич. Арестован 17 марта 1938 г. по обвинению в участии в «контрреволюционной эсеровской организации». Расстрелян 11 июля 1938 г.

6 Служба трудоустройства (нем.).

7 Нацистов (национал-социалистов) (нем.).

8 Главный пекарь (нем.).

9 Тихая ночь, святая ночь (нем.).

10 Послесловие написано по материалам архивных следственных дел №№ 1853, 2032 из Архива РУ ФСБ по Тюменской области.

Вкратце об авторах

1. **Афанасьев Василий Ксенофонович**, машинист локомотивного депо станции Ишим, почётный ветеран Свердловской железной дороги. Внештатный корреспондент газет «Ишимская правда», «Путёвка». Директор музея локомотивного депо.

2. **Васильев Анатолий Иванович**, поэт, писатель, журналист, главный редактор литературно-художественного и историко-краеведческого альманаха «Врата Сибири» (г. Тюмень). Автор нескольких книг поэзии и прозы.

3. **Евтихий (Иван Тимофеевич Курочкин)**, епископ Ишимско-Сибирской епархии Русской Православной Церкви Заграницей, настоятель градо-Ишимского кафедрального Богоявленского собора.

4. **Еливанова Мария Анатольевна**, доцент кафедры детской речи Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. С.-Петербург).

5. **Киричук Ульяна Николаевна**, ученица 11 класса средней школы с. Кротово (Аромашевский район). Внештатный корреспондент районной газеты «Слава труду», участник и лауреат ряда творческих конкурсов среди детей и юношества.

6. **Крамор Геннадий Андреевич**, сотрудник Литературного музея П.П. Ершова в г. Ишиме. Внештатный корреспондент газет «Ишимская правда», «Тюменские известия». Лауреат фестиваля «Тюменская пресса-2006» в номинации «Общественный корреспондент года». Краеведческие интересы – история сибирского православия, провинциальная архитектура.

7. **Курьшев Игорь Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, экономики и истории Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. Научные интересы – сибирская публицистика в годы гражданской войны.

8. **Кутырёв Александр Георгиевич**, врач-рентгенолог, краевед, участник археологических раскопок у озера Мөргөн. Краеведческие интересы – история Сибири и города Ишима, история развития здравоохранения, археология.

9. **Лузина Валерия Михайловна**, искусствовед Ишимского историко-краеведческого музея. Автор статей по истории культуры края. Сфера интересов – творчество ишимских художников XX – начала XXI века.

10. **Метелёва Нина Константиновна**, старший преподаватель кафедры русского языка Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова.

11. **Ожигбесова Ольга Адольфовна**, журналист, редактор газеты «Тюменский эфир» (ГТРК «Регион-Тюмень»). Автор многочисленных публикаций в областных и городских изданиях, в т.ч. в журнале «Уральский следопыт» (г. Екатеринбург). Лауреат фестиваля «Тюменская пресса-2003» в номинации «Публицист года», призёр фестиваля «Тюменская пресса-2006» в номинации «Лучший журнальный проект года», обладатель премии Союза журналистов России «За журналистское мастерство».

12. **Проскурякова Надежда Леонидовна**, директор Литературного музея П.П. Ершова в г. Ишиме. Краеведческие интересы – культура края, крестьянское восстание 1921 года. Автор сценариев документальных фильмов по истории Ишима и Приишимья. Редактор детского познавательного журнала «Конёк-Горбунёк».

13. **Савченкова Татьяна Павловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. Научные и краеведческие интересы – жизнь и творчество П.П. Ершова, региональное литературоведение, история сибирской архитектуры. Редактор ряда краеведческих сборников, «Ершовского сборника». Автор многих научных и популярных статей, книги «Ишим и литература. Век XIX-й» (Ишим, 2004).

14. **Самсонова Ольга Николаевна**, научный сотрудник Ишимского городского историко-краеведческого музея. Автор ряда статей по истории культуры края.

15. **Скаряднова Надежда Николаевна**, директор Голышмановского народного краеведческого музея.

16. **Стучебров Александр Геннадьевич**, тележурналист, корреспондент «Студии ТРТР» (г. Тюмень). Член Союза журналистов России. Лауреат фестиваля «Тюменская пресса-2006» в номинации «Откровение года».

17. **Толстых Николай Юрьевич**, краевед, библиограф Варгашинской центральной районной библиотеки (Курганская обл.). Автор многочисленных публикаций по истории культуры и просвещения Зауралья.

Принятые сокращения:

ГИМ – Государственный Исторический музей
ИКМ – Ишимский городской историко-краеведческий музей
ЛМЕ – Литературный музей П.П. Ершова в г. Ишиме
РГВА – Российский государственный военный архив
ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

КОРКИНА СЛОБОДА Краеведческий альманах Выпуск 8.

Художник: Р. Симанов.
Верстка: И. Емельянова.

Издательская лицензия. ЛР № 020036 от 22.11.1996 г.

9/308

Отпечатано в филиале «Ишимская типография» ОАО «ТИД»,
ул. Чкалова, 17. Заказ № 4766. Формат 60x84 1/4. Тираж 999 экз.
Объем 19,53 усл.п.л. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Ариал». Подписано в печать 27.11.2006 г.

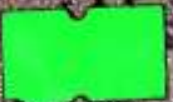

Наши вернисаж

Художник

Николай Михайлович Шутов

ЛЮДИ ВІСЛАВІ
ПІСЛЯ ВІЙНИ
У С. ДІВЧИНО

МАМА КИРИЛ
ВІСЛАВІ
ПІСЛЯ ВІЙНИ
У С. ДІВЧИНО

ГРАБІ МАНЮ

ОСОБА ДИВІСІ
У С. ДІВЧИНО

ВІСЛАВІ

СМІРНО

ВІСЛАВІ
ДУБІНКА

МАМА
КІРИЛ

